ДК250
Г20
Гарнье-Панье
История
револ. 1848 г.
II
СПб., 1864

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА
ГЛАЗУНОВА,
ВЪ МОСКВѢ,
на Кузнецк. мосту, въ дом. Торлецкаго.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848.

III.

9/44/848
Г. 20.
DK 250 Г20
1-ой Московской Женской Гимназiи
Фундаментальна i бiблiотека К. У. Т. В.
9/44/848
Ф. 1981(т)
46859
Архив
Проверено 1987 г.
Архив

ГАРНЬЕ-ПАЖЕ.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848.

ФРАНЦІЯ.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

II.

24 ФЕВРАЛЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.

1864.

637685

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Декабря 10 дня 1864 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. С. ГОЛИЦЫНА.

(Малая Мѣщанская, д. № 11).

24 ФЕВРАЛЯ 1848 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Неудача министерства Моле; набатъ; необходимость чистосердечнаго рѣшенія; нерѣшительность короля; его двусмысленная политика; онъ призываетъ Тьера, Бюжо, Гизо и Дюшателя. — Назначеніе маршала Бюжо главнокомандующимъ; немедленное вступленіе его въ эту должность; собраніе военнаго совѣта; рѣчь Бюжо. — Прибытіе Тьера въ Тюльери; его разговоръ съ Монталиве; свиданіе съ королемъ. — «Moniteur» объявляетъ о новомъ министерствѣ Тьера и Барро и о назначеніи въ тоже время маршала главнокомандующимъ. — Тьеръ отправляется въ главный штабъ; разговоръ его съ маршаломъ; по возвращеніи домой онъ находитъ у себя Ремюза, замѣчанія котораго заставляютъ его возвратиться въ Тюльери; онъ снова повторяетъ королю свои опасенія по поводу назначенія маршала главнокомандующимъ; король не измѣняетъ этого назначенія. — Стратегическій планъ Парижа. — Послѣ враждебныхъ манифестацій національной гвардіи, войскамъ приказано стянуться; это приказаніе исполняется нерѣшительно. — Расположеніе войскъ. — Военныя силы, находящіяся въ распоряженіи маршала. — Недостатокъ военныхъ припасовъ. — Нравственное и матеріяльное состояніе войскъ. — Увѣренность маршала въ успѣхѣ; письмо его къ Тьеру; его планъ сраженія; онъ воодушевляетъ войска своимъ личнымъ присутствіемъ и въ одно и тоже время велитъ объявить о назначеніи министерства Тьера и Барро и отдаетъ приказъ о немедленномъ очищеніи улицъ отъ баррикадъ; его разговоръ съ генераломъ Бедо; письмо къ Тьеру; онъ приказываетъ Бургону силою сопротивляться попыткамъ народа; рѣзкій пріемъ, сдѣланный имъ Гизо; двусмысленная роль маршала.

I.

Въ то самое время, когда Луи-Филиппъ узналъ отъ Монталиве объ отказѣ Моле, Дюфора и ихъ товарищей, звонъ набата донесся до его слуха. Какъ въ этомъ отказѣ, такъ и въ звонѣ набата самымъ яснымъ образомъ выражалось положеніе дѣлъ. Безсиліе друзей Моле указывало на необходимость немедленныхъ уступокъ, а набатъ предсказывалъ близкую опасность. Надобно было выбрать одно изъ двухъ: или подчиниться необходимости, или преодолѣть угрожавшую опасность; надобно было или чистосердечно рѣшиться на уступки, призвать главныхъ членовъ оппозиціи и отдать въ ихъ руки полную власть, или же оставить министромъ Гизо, вручить командованіе войсками человѣку рѣшительному, обратиться съ воззваніемъ къ преданности солдатъ и съ непоколебимою энергіею пойти противъ народа и національной гвардіи.

Но главнымъ образомъ надобно было дорожить временемъ. Восемь часовъ было потеряно на неудачную попытку составить министерство Моле; до разсвѣта оставалось только шесть часовъ. Въ крайнемъ случаѣ, этого времени было еще достаточно для того, чтобы рѣшиться на что нибудь, выбрать одно изъ двухъ: миръ или войну; съ разсвѣтомъ Парижъ долженъ былъ или получить обѣщанныя уступки, которыя онъ еще готовъ былъ принять, или—подвергнуться штурму.

Но старый король не былъ уже способенъ ни къ чистосердечію, ни къ строгости. Рѣшиться неотступно слѣдовать тому или другому плану было несогласно съ его характеромъ; онъ хотѣлъ быть на столько свободнымъ, чтобы имѣть возможность выпутаться во всякое время, даже тогда, когда этому препятствовала сила обстоятельствъ. Поэтому онъ рѣшился держаться середины между миромъ и войною, то льстя, то грозя общественному мнѣнію; онъ хотѣлъ примирить враждебные элементы, т. е. достигнуть невозможнаго. Старость

ослабляетъ и помрачаетъ физическія и нравственныя силы человѣка.

Подъ вліяніемъ этого образа мыслей и этой нерѣшительности, король призвалъ Тьера и маршала Бюжо, и въ тоже время потребовалъ къ себѣ Гизо и Дюшателя, подъ предлогомъ посовѣтоваться съ ними въ послѣдній разъ.

II.

Маршалъ немедленно явился къ королю и былъ тотчасъ же назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками и начальникомъ національной гвардіи, съ неограниченною властью дѣйствовать и распоряжаться по своему усмотрѣнію. Не теряя времени, маршалъ, вмѣстѣ съ Гизо и Дюшателемъ, отправился въ главный штабъ, сообщилъ герцогу Немурскому о своемъ назначеніи, созвалъ на Каррусельской площади генераловъ, начальниковъ командъ и офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, характеристическія мѣста которой сохранились въ памяти слушателей. „Король, говорилъ маршалъ, поручилъ мнѣ главное начальство надъ Парижемъ. Надобно наконецъ покончить съ революціонерами. Вамъ извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ я всегда бывалъ непобѣдимымъ, и вы увидите, измѣню ли я себѣ и на этотъ разъ.“—Затѣмъ онъ изложилъ придуманный имъ планъ битвы и въ заключеніе приказалъ зарядить ружья двойными зарядами.

III.

Послѣ свиданья съ Моле, Тьеръ узналъ о катастрофѣ, случившейся на Капуцинскомъ бульварѣ, объ озлобленіи народа и о негодованіи самой національной гвардіи. Одинъ изъ кирасирскихъ эскандронныхъ командировъ сообщилъ ему о взятіи народомъ Сенъ-Мартенскихъ казармъ, объ аттакѣ другихъ военныхъ постовъ и наконецъ о лихорадочномъ состояніи всего Парижа. Извѣстія, доходившія до него, становились съ каж-

дой минутой печальнѣе. Его друзья настаивали на томъ, чтобы онъ отправился къ королю, пока еще оставалось хоть малая надежда на спасеніе; онъ не послушался ихъ, но продолжалъ бодрствовать, ожидая извѣстій изъ Тюльери. Вскорѣ дѣйствительно явился къ нему адъютантъ короля — Бертуа, съ приглашеніемъ явиться въ Тюльери. Тьеръ немедленно отправился во дворецъ; задержанный на пути баррикадами, число которыхъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и безпрестаннымъ обмѣномъ паролей, онъ пришелъ въ Тюльери въ два часа ночи, въ ту самую минуту, когда Гизо и Дюшатель выходили отъ короля.

Какъ только доложили о приходѣ Тьера, къ нему на встрѣчу вышелъ Монталиве. „Мы очень тронуты тѣмъ, что вы пришли сюда," сказалъ ему этотъ вѣрный другъ Луи-Филиппа. „Король всегда надѣялся на вашу преданность; но, умоляю васъ, пощадите короля".—„Пощадить короля! Я долженъ высказать ему всю истину — это моя прямая обязанность".

Затѣмъ онъ видѣлся съ герцогами Немурскимъ и Монпансье, сдѣлавшими ему очень благосклонный пріемъ, подождалъ еще немного и наконецъ представился Луи-Филиппу. Въ это время было два съ половиною часа.

IV.

Настроеніе Луи-Филиппа какъ нельзя лучше объясняло смыслъ словъ, сказанныхъ Тьеру Монталиве — „пощадите короля." Король, принужденный обратиться къ посредничеству Тьера, отдать въ его руки власть и подчиниться предложеннымъ имъ условіямъ, вмѣсто того чтобы самому предписывать свои условія,— чувствовалъ себя униженнымъ и побѣжденнымъ. Но передъ лицомъ своего подданнаго онъ стѣснялся выказать раздраженіе своего оскорбленнаго самолюбія.

„—Вамъ извѣстно положеніе дѣлъ. Я призвалъ Моле, — онъ отказывается. Теперь я принужденъ обратиться къ вамъ. Есть ли у васъ министры? Мнѣ нужно ихъ сейчасъ же.

„— Государь, я не ожидалъ, что меня призовутъ. Я не имѣю готовыхъ министровъ.

„— А, да! гордо и язвительно сказалъ король, я слышалъ, что вы вовсе не хотите служить правительству!

„—Да, государь, я дѣйствительно не хотѣлъ ему болѣе служить,“ съ достоинствомъ отвѣчалъ Тьеръ, справедливо оскорбившійся словами короля.

Этотъ отвѣтъ далъ понять королю, что онъ уже слишкомъ много позволилъ себѣ. Оставаясь при прежнемъ образѣ мыслей, онъ перемѣнилъ однако тонъ рѣчи: „Надобно немедленно предупредить вашихъ товарищей. Вы конечно знаете о печальномъ происшествіи, бывшемъ на Капуцинскомъ бульварѣ. Вы знаете также, что правительство ни въ чемъ здѣсь не виновато, что это чистая случайность. Но послѣдствія этой случайности очень печальны. Надобно призвать оппозиціонное министерство. Кого вы выберете? Я предвижу, что вы потребуете Барро. Я согласенъ на это: онъ честный человѣкъ, хотя вовсе не политикъ. Но я соглашаюсь на этотъ выборъ только съ тѣмъ условіемъ, что предсѣдателемъ совѣта министровъ будете вы, а не онъ. Надобно дѣйствовать съ твердостью, и я разсчитываю только на васъ.

„— Я предлагаю г-на де-Ремюза?

„— Превосходно!

„— Дювержье де-Горанна?

— „А! Дювержье!...“ При этомъ имени на лицѣ короля выразилось отвращеніе.

„—Это человѣкъ съ твердымъ характеромъ,“ замѣтилъ Тьеръ.

„—Да твердый, твердый въ ущербъ мнѣ. Но, чтоже дѣлать — всѣ они ваши друзья; вы будете управлять ими. Пусть будетъ по вашему, любезный другъ, — я не стану, препятствовать вашему выбору. Но какихъ реформъ вы потребуете отъ меня? Способныхъ людей.... Несовмѣстностей?“... И при этомъ онъ иронически ударялъ на каждомъ слогѣ.

„— Надобно необходимо рѣшиться на избирательную и парламентскую реформу. Вашихъ адъютантовъ....

„— А, понимаю, вы хотите выгнать моихъ адъютантовъ.

„— Они приносятъ вамъ немного пользы въ парламентѣ. Что касается до меня, то я никогда не былъ горячимъ сторонникомъ избирательной реформы, но въ самомъ дѣлѣ — настоящіе избирательные законы слишкомъ стѣснительны; они даютъ возможность небольшому числу людей злоупотреблять всѣми правами администраціи....

„— Вы вѣроятно хотите навязать мнѣ палату съ огромнымъ числомъ депутатовъ, съ массой избирателей?

„— Нѣтъ, всего только съ пятидесятью депутатами, и стапятидесятью тысячами избирателей. Это не много.

„— Ну, мы посмотримъ!

„— Но я еще не все сказалъ.

„— Что же вамъ еще нужно?

„— Намъ невозможно будетъ управлять при этой палатѣ, враждебной намъ....

„— А! вы хотите, чтобъ я распустилъ ее! — нѣтъ! — этому не быть! на это я никогда, ни за что не соглашусь.

„— Въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ моихъ товарищей, которые мнѣ необходимы, не согласится вступить въ министерство.“

V.

Луи-Филиппъ всталъ съ мѣста взволнованный и въ дурномъ расположеніи духа. Прошла минута молчанія. Успокоившись, онъ сѣлъ. „Въ настоящую минуту мнѣ нужны министры; ступайте, отыщите мнѣ ихъ. На остальномъ мы сойдемся впослѣдствіи. Я соглашаюсь на все, чего вы требуете отъ меня, исключая распущенія палатъ.

„— Этого-то именно и будутъ добиваться мои товарищи.

„— Во всякомъ случаѣ я объявлю въ Монитёрѣ, что вы

призваны мною для составленія министерства; это фактъ, который уже состоялся и который я могу сдѣлать извѣстнымъ".

Тьеръ посовѣтовалъ королю прибавить въ объявленіи къ его имени и имя Барро. Король согласился на это и самъ написалъ подъ диктовку Тьера слѣдующую записку:

„Король призвалъ Тьера, чтобъ поручить ему составить новый кабинетъ. Тьеръ просилъ, чтобы король позволилъ ему взять себѣ въ товарищи Барро. Король согласился на это предложеніе."

Когда записка была написана, король спросилъ: „Когда же вы возвратитесь ко мнѣ? (Въ это время было три часа).

„— Я пойду отыскивать для васъ министровъ.

„— Сколько времени вамъ нужно для этого?

„— До разсвѣта.

„— Въ такомъ случаѣ я лягу отдохнуть. Приходите между восемью и девятью часами.

„— Но вѣдь мы не согласились съ вами въ самомъ главномъ вопросѣ.

„— Да, я это знаю.

„— Въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, что если мы не успѣемъ сойтись съ вами, то и не вступимъ въ министерство и будемъ свободны отъ всякихъ обязательствъ.

„— Я тоже думаю одинаково съ вами, потому что я также ничѣмъ не связанъ.

„— Необходимо, чтобы все это было немедленно опубликовано".

Король позвонилъ, велѣлъ позвать Фена (Fain) и отдалъ ему записку, приказавъ, чтобъ она была немедленно напечатана въ Монитёрѣ, а поутру распространена въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ.

„— Да, прежде чѣмъ вы уйдете, я долженъ вамъ сказать еще объ одномъ дѣлѣ. Я назначилъ Бюжо начальникомъ воен-

ной силы; онъ — вашъ короткій другъ; онъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ полагается на васъ; тоже самое вы мнѣ говорили о немъ. Такимъ образомъ, вы какъ нельзя лучше можете сойтись съ нимъ. Я слишкомъ поздно назначилъ Бюжо, потому что надобно было цѣлую ночь отыскивать Дюпателя. Ступайте къ Бюжо; онъ въ главномъ штабѣ".

Король замолчалъ. Тьеръ не отвѣчалъ ему ни слова.

„— Вы меня удивляете. Можно подумать, что вы недовольны назначеніемъ Бюжо.

„— Государь, я очень люблю маршала; я считаю его первымъ воиномъ нашего времени; но я не думаю, чтобы это назначеніе было умѣстно послѣ происшествій, бывшихъ у министерства иностранныхъ дѣлъ. Образуя оппозиціонное министерство, вы имѣете въ виду успокоить общественное мнѣніе. Въ такомъ случаѣ это противорѣчіе....

„— Но вы конечно не хотите отнять у меня Бюжо въ эту критическую минуту!

„— Дѣйствительно, государь, нельзя теперь и думать о томъ, чтобы лишить васъ этой правой руки вашей. Но дѣло въ томъ, что мы должны прибѣгать къ мѣрамъ, противорѣчащимъ одна другой: оппозиціонному министерству, цѣль котораго успокоить народъ, и Бюжо, который долженъ раздражить его. Нѣтъ, я не намѣренъ требовать отъ васъ смѣщенія маршала, а постараюсь склонить моихъ товарищей признать это назначеніе".

Нѣсколько часовъ спустя Монитёръ объявлялъ въ своей неоффиціальной части о будущемъ учрежденіи министерства Тьера и Барро. Въ оффиціальной части этого журнала были помѣщены два приказа, относившіеся къ двойному назначенію маршала Бюжо начальникомъ войскъ и національной гвардіи; одинъ приказъ былъ подписанъ военнымъ министромъ, генераломъ Трезслемъ, другой — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Дюпателемъ.

VI.

По выходѣ отъ короля, Тьеръ отправился прямо въ главный штабъ. Какъ только маршалъ увидѣлъ его, то дружески протянулъ руку, обрадовавшись назначенію его первымъ министромъ, и сказалъ, что онъ объявитъ въ прокламаціи объ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Тьеръ отвѣчалъ ему, что пока онъ еще не министръ, но полагаетъ, что при томъ положеніи, въ которомъ находится король, ему ни въ чемъ нельзя отказать. Что касается прокламаціи, то Тьеръ считалъ ее безполезною; для этого по его мнѣнію достаточно было объявленія, напечатаннаго въ Монитерѣ. Но по настоятельной просьбѣ маршала, Тьеръ согласился на его предложеніе, требуя однакожъ, чтобы имя Барро, имѣющаго больше вліянія на національную гвардію, было упомянуто на ряду съ его именемъ. „Хорошо, прибавилъ маршалъ, поспѣшите собрать вашихъ товарищей“. Затѣмъ онъ жаловался Тьеру на недостатокъ средствъ, на малочисленность и разбросанность войскъ. Болѣе озабоченный чѣмъ встревоженный, маршалъ, разговаривая, въ тоже время наводилъ справки, принималъ рапорты, диктовалъ инструкціи, посылалъ приказы, вникалъ во всѣ подробности, и своей рѣшительностью возстановлялъ упавшій духъ генераловъ и солдатъ.

VII.

Возвратившись домой, Тьеръ засталъ у себя Ремюза, котораго пригласилъ къ себѣ черезъ Бертуа. Онъ повторилъ ему вкратцѣ свой разговоръ съ королемъ и объявилъ о назначеніи маршала. Ремюза, человѣкъ быстраго и живаго ума, прямо возсталъ противъ этого назначенія, до того было очевидно противорѣчіе обѣихъ мѣръ; по его мнѣнію это противорѣчіе влекло за собою самую ужасную опасность. „Это слишкомъ ясно, сказалъ Тьеръ; возвратимся въ Тюльери“.

Король уже собирался спать. „Государь, сказалъ входя къ нему Тьеръ, я очень хорошо предвидѣлъ, что встрѣтятся затрудненія. Я привелъ къ вамъ Ремюза. Онъ полагаетъ, что вы хотите призвать насъ съ цѣлью загладить послѣдствія убійствъ, совершенныхъ на Капуцинскомъ бульварѣ, и что вслѣдствіе этого Бюжо....

„— Вы правы; но согласитесь, что будетъ слишкомъ опасно удалить войска. Вы не можете лишить меня моей опоры!“

Наступило молчанье, полное раздумья. Король понималъ свою ошибку; Тьеръ и Ремюза чувствовали, какъ важно было поправить ее. Конечно, назначеніе маршала было препятствіемъ къ примиренію; но если начнется битва, то какъ начать ее безъ него? Никто больше его не внушалъ довѣрія солдатамъ: притомъ онъ уже вступилъ въ свою должность; его приказы уже разошлись по полкамъ. Было бы слишкомъ неосторожно лишить его власти передъ лицомъ солдатъ, въ самую минуту сраженія. Такимъ образомъ боязнь отвѣтственности превозмогла благоразумныя внушенія политики. Маршалъ остался на своемъ мѣстѣ.

VIII.

Для того чтобы понять дальнѣйшій ходъ событій, необходимо знать, какія измѣненія произошли въ расположеніи войскъ на различныхъ стратегическихъ пунктахъ, новое положеніе различныхъ командъ, количество людей и запасовъ, и каково было физическое и нравственное состояніе солдатъ.

IX.

Мѣстность, на которой должны были дѣйствовать войска, можетъ быть опредѣлена слѣдующими пунктами:

Бульвары и набережныя составляютъ двѣ главныя стратегическія линіи. По концамъ бульваровъ двѣ площади: пло-

щадь Согласія и Бастильская, соединенныя между собой Сенъ-Денисскими воротами. Къ этимъ же самымъ площадямъ сходятся концы набережной лѣваго берега Сены, соединенныя Каррусельскою площадью и городскою Думой. Въ центрѣ этой линіи находится площадь Побѣдъ и Pointe Saint-Eustache.

На лѣвомъ берегу Сены—вторая линія набережныхъ, защищенная огнемъ праваго берега; военное училище и площадки инвалиднаго дома, на которыхъ расположены резервныя войска; бурбонскій дворецъ, префектура полиціи и Пантеонъ.

Затѣмъ, между этими главными пунктами были расположены зубчатыя кордегардіи и казармы, снабженныя снарядами и съѣстными припасами.

Наконецъ—вокругъ всего Парижа—непрерывная стѣна, а за ней Венсенскій замокъ, и сѣть отдѣльныхъ фортовъ.

X.

Впродолженіе 22 числа и до самаго вечера 23 войска занимали всѣ эти позиціи. Нѣсколько отдѣльныхъ карауловъ, слишкомъ слабыхъ своею численностью, оставили свои мѣста; но эти передвиженія не имѣли никакой важности относительно положенія войскъ. Потери были самыя незначительныя, общая численность войскъ все таки простиралась до двадцати-пяти тысячъ солдатъ.

До тѣхъ поръ, пока разсчитывали на помощь національной гвардіи, войска оставались на прежнихъ позиціяхъ, и это было вполнѣ благоразумно въ томъ отношеніи, что, находясь во всѣхъ частяхъ города, они имѣли возможность вездѣ поддерживать усердіе національной гвардіи. Но когда рѣшительныя манифестаціи явно обнаружили враждебное расположеніе національной гвардіи, то надобно было устранить войска отъ двойной опасности, которая могла произойти отъ неожидан-

наго столкновенія и отъ соблазна. На этомъ основаніи имъ велѣно было стянуться. Къ несчастію для правительства этотъ планъ, вяло составленный, вяло приводился въ исполненіе. Французскій солдатъ дурно исполняетъ то, чего онъ не понимаетъ. Солдаты, переходившіе безъ видимой причины отъ одного поста къ другому, видѣли во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ одни только безполезные марши и контръ-марши. Усталость привела въ уныніе даже высшихъ офицеровъ и начальниковъ.

XI.

Вслѣдствіе этого приказанія, войска, занимавшія площадь Побѣдъ, очистили ее къ восьми часамъ вечера 23 числа, оставивъ только сильный отрядъ для охраненія банка.

Между первымъ и вторымъ часомъ ночи, генералъ Сентъ-Альдегондъ, занимавшій Pointe Saint-Eustache, отошелъ къ Каррусельской площади съ первымъ легкимъ полкомъ, тремя батальонами 21-го, 25-го и 69-го линейныхъ полковъ, съ отрядомъ кирасиръ и одной пушкой.

Около полуночи генералъ Гарробъ оставилъ Сенъ-Денисскія ворота и привелъ на Каррусельскую площадь всю свою бригаду.

Въ это же самое время генералъ Дюго получилъ приказаніе отвести въ казармы войска, занимавшія Бастильскую площадь, а на другой день въ шесть часовъ утра, привести ихъ на Каррусельскую площадь. Но немного погодя онъ получилъ депешу отъ маршала Бюжо, который приказывалъ ему возвратиться на прежнее мѣсто.

Предавъ огню остатки побоища и уничтоживъ слѣды крови, начальники войскъ, расположенныхъ на Капуцинскомъ бульварѣ, предувѣдомленные о движеніи цѣлой массой жителей предмѣстій, рѣшились было отступить, въ то самое время, когда офицеръ главнаго штаба, развозившій приказанія, остановилъ ихъ у церкви св. Магдалины. Немного спустя эти

войска были растянуты вдоль бульваровъ, между церковью св. Магдалины и улицей Мира и поступили подъ команду генерала Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, командовавшаго кавалеріей, расположенной на площади Согласія. Къ пяти часамъ утра нѣсколько ротъ 14-го линейнаго полка были отправлены въ Тюльери.

Два батальона, нѣсколько ротъ артиллеріи съ большимъ количествомъ орудій и отрядъ муниципальной гвардіи остались въ городской Думѣ подъ начальствомъ генерала Таландье.

Большой отрядъ муниципальной гвардіи и нѣсколько отрядовъ линейныхъ войскъ прикрывали префектуру полиціи.

55-й линейный полкъ подъ командой генерала Рено занималъ площадь Пантеона.

У Тронной заставы сильный резервъ оберегалъ складъ патроновъ и поддерживалъ сообщеніе съ Венсенскимъ замкомъ.

XII.

Такимъ образомъ въ ночь съ 23 на 24 число, когда командованіе войсками перешло въ руки маршала Бюжо, большая часть войскъ была собрана въ недальнемъ разстояніи отъ главнаго штаба: въ Тюльери, на Каррусельской площади, въ Лувръ и окрестностяхъ этихъ мѣстъ. Остальная часть войскъ помѣщалась въ казармахъ и въ вышеименованныхъ мѣстахъ. Линія бульваровъ, между улицей Мира и Бастильской площадью оставалась незащищенною, и весь центръ Парижа находился въ рукахъ возставшаго народа. Ближайшіе гарнизоны, призванные наскоро по телеграфу или эстафетами, прибывали въ Парижъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ генералы и начальники командъ, находившіеся въ Парижѣ, собрались въ главный штабъ къ маршалу, готовые исполнять его приказанія. Военный министръ былъ подчиненъ маршалу. Всѣ офицеры арміи и главнаго штаба національной гвардіи ожидали его приказаній. Жандармы и агенты въ гражданскомъ

платьѣ готовы были отправиться всюду, куда не могъ уже проникнуть мундиръ. Маршалъ, облеченный королемъ полною властью, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ командованіе всѣми войсками.

XIII.

Недостатокъ военныхъ запасовъ возбуждалъ большія жалобы, не смотря на то, что парки Военнаго училища, Тронной площади, Венсенскаго замка и Шарантона составляли вмѣстѣ запасъ въ милліонъ двѣсти тысячъ патроновъ. Кромѣ артиллерійскихъ батарей, расположенныхъ на стратегическихъ пунктахъ и находившихся на Каррусельской площади, въ Военномъ училищѣ было четыре орудія, у Тронной заставы и въ Венсенскомъ замкѣ находились двѣ батареи въ полномъ комплектѣ (двѣнадцать орудій), запряженныя и снабженныя зарядами. Если-бы сообщенія были прерваны на бульварахъ внутри и внѣ города, то они оставались еще свободными по всей линіи набережныхъ, и было достовѣрно извѣстно, что эти сообщенія были дѣйствительно свободны въ продолженіе всей ночи.

Матеріяльное продовольствованіе войскъ было неудовлетворительно. Безпрестанные патрули, безполезныя передвиженія и ошибочные марши при дурной погодѣ сильно утомляли солдатъ. Ко всему этому надобно прибавить недостатокъ или иногда даже полное отсутствіе съѣстныхъ припасовъ. Но строго разсуждая, армія, находящаяся въ походѣ, не можетъ избѣжать большихъ трудностей, а что касается съѣстныхъ припасовъ, то ихъ легко можно было купить на мѣстѣ.

Такимъ образомъ ничто еще не было потеряно и человѣкъ съ твердой волей могъ еще вполнѣ поправить положеніе дѣлъ.

XIV.

Настоящая опасность заключалась въ нравственномъ состояніи войскъ. Сочувствіе народа, пожертвованія и усердная за-

ботливость гражданъ, любезное обращеніе національной гвардіи, вліяніе общественнаго мнѣнія, презрѣніе къ власти, которой неспособность высказывалась на каждомъ шагу, — все это внушало солдатамъ непреодолимое отвращеніе къ гражданской войнѣ. Разумѣется, они готовы были сражаться,—но зачѣмъ же вмѣстѣ съ тѣмъ заставлять ихъ проливать кровь гражданъ? Развѣ дѣло, которое они должны защищать, такъ справедливо, что заслуживаетъ подобной жертвы?... Одна только дисциплина удерживала солдатъ въ повиновеніи правительству; но сердца ихъ уже не принадлежали ему.

XV.

Удостовѣрившись въ такомъ состояніи войска, главнокомандующій поспѣшилъ сдѣлать своевременныя распоряженія. Онъ отмѣнилъ данное войскамъ приказаніе стянуться къ Тюльери и оставилъ ихъ на прежнихъ позиціяхъ: на Бастильской площади, у городской Думы, въ префектурѣ полиціи, на бульварѣ Madeleine и у Пантеона. Не смотря на его безпрестанныя жалобы, можетъ быть даже преувеличенныя, на недостатокъ войска, снарядовъ и провіанта, онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Онъ писалъ Тьеру: — „Когда мы подавимъ возстаніе, а мы его подавимъ навѣрно....“ Но чтобы подавить возстаніе надобно было сражаться, надобно было вступить въ битву, которая должна была быть кровавою. Устремивши глаза на карту Парижа, маршалъ составлялъ планъ битвы и съ своею обычною рѣшительностью торопился привести его въ исполненіе. Въ пять часовъ утра онъ былъ уже готовъ.

Его основная мысль была та, чтобы аттакою предупредить нападеніе народа. Въ этомъ соображеніи, онъ рѣшился двинуть всѣ свои силы противъ баррикадъ, взять ихъ приступомъ и двинуться впередъ на всѣ пункты, гдѣ только онъ могъ встрѣтить сопротивленіе.

Для этой цѣли онъ раздѣлилъ войска на три главныя колонны.

XVI.

Первая колонна состояла изъ 30-го линейнаго полка, изъ одного батальона 44-го полка и одного батальона 69-го, эскадрона кирасиръ и двухъ орудій. Эта колонна была сперва ввѣрена генералу Рюльеру, который сильно добивался этого; но потомъ на мѣсто его былъ назначенъ генералъ Тибурсъ Себастьяни, который самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ себѣ этого почетнаго вознагражденія за свои прежнія услуги. Себастьяни получилъ приказаніе двинуться къ городской Думѣ вдоль улицъ Сентъ-Оноре, Пруверъ и Рамбюто. Двинувшись въ четверть шестаго часа утра, онъ встрѣтилъ на дорогѣ генерала Таландье, которому приказано было соединиться съ нимъ. Послѣ непродолжительной схватки съ защитниками баррикады на углу улицъ Бобуръ и Рамбюто, во время которой было ранено нѣсколько человѣкъ, колонна пришла къ городской Думѣ въ семь часовъ.

Вторая колонна была ввѣрена генералу Бедо. Она состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ, а именно: двухъ батальоновъ 1-го легкаго полка, двухъ батальоновъ 21-го линейнаго полка, отряда пѣшихъ стрѣлковъ 6-го батальона и эскадрона 8-го драгунскаго полка; съ ними было два орудія. Въ пять съ половиною часовъ утра эта колонна двинулась къ Бастильской площади по улицамъ Ришелье, Вивьенъ, Фейдо, Монмартръ и черезъ бульвары. Она заняла безъ выстрѣла нѣсколько баррикадъ, разрушила ихъ, обмѣнялась выстрѣлами съ защитниками двухъ баррикадъ, расположенныхъ при входѣ въ предмѣстье Монмартръ, у бульвара, потеряла въ этой перестрѣлкѣ трехъ солдатъ и продолжала идти своей дорогой. Мы встрѣтимъ ее впослѣдствіи.

Третья колонна должна была слѣдить за первыми двумя, съ цѣлью препятствовать возобновленію разрушенныхъ уже баррикадъ. Маршалъ Бюжо лично командовалъ этою колонною.

Четвертая колонна, подъ начальствомъ полковника Брюне, выступила въ шестомъ часу. Она состояла изъ 15-го линейнаго полка, двухъ ротъ 14-го и 170 человѣкъ 52-го полка. Эта колонна двигалась по улицамъ св. Отцевъ, Іакова, Сены и Турнонъ, черезъ площадь С. Мишель и улицу С. Доминикъ до Пантеона, куда она пришла благополучно для усиленія войскъ генерала Рено. Съ прибытіемъ этой колонны, генералъ Рено послалъ отрядъ 55-го полка, чтобы уничтожить баррикады. воздвигнутыя въ сосѣднихъ улицахъ. Одна только баррикада въ улицѣ Декартъ защищалась съ нѣкоторою энергіею.

Резервъ парижской арміи находился на Каррусельской площади подъ начальствомъ генерала Рюльера.

Что касается національной гвардіи, то маршалъ, какъ видно, не заботился о ней. „Не разсчитывая на ея содѣйствіе, онъ пренебрегалъ ею, рѣшившись“, говорилъ онъ, „дѣйствовать съ нею вмѣстѣ, или безъ нея, и не останавливаться ни передъ ея бездѣйствіемъ, ни передъ отсутствіемъ помощи съ ея стороны“ *).

XVII.

Разославъ повсюду приказанія, маршалъ лично сталъ наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе своего плана. Онъ присутствовалъ при выступленіи всѣхъ колоннъ, внушалъ солдатамъ увѣренность въ успѣхѣ, которая воодушевляла его самого, возбуждалъ ихъ своими энергическими и краснорѣчивыми рѣчами, объяснялъ начальникамъ свои инструкціи, способъ аттаковать баррикады, проникать въ дома, прикрываться и прочее.

„Вы объявите вездѣ, прибавлялъ онъ, объ образованіи новаго министерства Тьера и Барро, и если встрѣтите сопротивленіе — нападайте энергически.“ Генералу Бедо онъ ска-

*) Письмо къ Тьеру

Фундаментальная Библиотека

залъ: „Бедо! надѣюсь, что вы блистательно кончите дѣло.“— „Можете положиться на меня,“ отвѣчалъ генералъ.

XVIII.

Этотъ странный разговоръ ясно указываетъ на умственную и нравственную анархію того времени. Нѣкоторые интересные факты еще яснѣе доказываютъ это.

Въ ту самую минуту, когда маршалъ отправлялъ свои колонны, онъ писалъ къ Тьеру: „Я давно уже предвидѣлъ, любезнѣйшій Тьеръ, что мы оба будемъ призваны спасти монархію. Я твердо рѣшился дѣйствовать.... Когда я подавлю возстаніе, а этого я достигну, потому что бездѣйствіе и равнодушіе національной гвардіи не могутъ мнѣ помѣшать, тогда я охотно вступлю въ качествѣ военнаго министра въ кабинетъ, который поручено вамъ составить, если только не помѣшаетъ мнѣ предполагаемая моя непопулярность, которую мнѣ ставятъ въ упрекъ. — Въ послѣднемъ случаѣ я не колеблясь посовѣтую вамъ взять на это мѣсто Бедо, отличнаго офицера, и присоединить къ нему въ качествѣ помощника государственнаго секретаря, депутата Мàня, въ замѣчательныхъ способностяхъ котораго я лично убѣдился.“

Въ это же самое время переодѣтый жандармъ подалъ Бургону, полковнику 70-го линейнаго полка, прибывшему ночью изъ Амьена, письмо слѣдующаго содержанія:

„Король только что назначилъ Тьера и Барро министрами; мнѣ поручили начальство надъ войсками и національной гвардіей. Вы отправитесь на Каррусельскую площадь по улицѣ Лафаетъ, черезъ предмѣстіе Пуасоньеръ, бульваръ и улицу Ришелье, и будете отражать силою всякое сопротивленіе.“ Въ силу этого приказанія, полковникъ немедленно велѣлъ зарядить ружья и выступилъ въ походъ. Въ это время было семь часовъ утра.

XIX.

Въ семь часовъ утра Гизо вошелъ въ комнату, въ которой находился маршалъ; при входѣ его маршалъ не всталъ съ своего мѣста, и такъ какъ Гизо подходилъ къ нему въ то время, когда онъ отдавалъ приказанія, то Бюжо быстро оборотился къ нему и сказалъ: „Вы видите, милостивый государь, что мнѣ некогда говорить съ вами“.

Такимъ образомъ маршалъ, подобно королю, хотѣлъ въ одно и тоже время мира и войны; будучи политическимъ врагомъ лѣвой стороны, онъ въ тоже время предвидѣлъ ея побѣду. Нападая постоянно на Барро и его друзей, онъ хлопоталъ теперь о томъ, чтобы сдѣлаться ихъ товарищемъ; будучи орудіемъ консервативной партіи, онъ въ тоже время жестоко унижалъ главу ея. Человѣкъ немилосердно жестокій, онъ не хотѣлъ вѣрить въ свою непопулярность. И въ тоже время онъ не чувствовалъ двусмысленности своего положенія. Рѣшившись устранить опасность, угрожавшую королевской власти, онъ не понималъ того, что въ тоже время онъ самъ, лично, былъ самою главною и истинною причиною опаснаго положенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленіе народа къ битвѣ въ продолженіе ночи; значительное количество баррикадъ. — Возможность успокоить народъ до назначенія маршала Бюжо; скромныя требованія журналовъ «National» и «Réforme» и демократическаго избирательнаго комитета; безмолвіе правительства и назначеніе маршала главнокомандующимъ заставляютъ народъ взяться за оружіе. — Тьеръ и Ремюза убѣждаютъ Дювержье де-Горанна вступить въ новое министерство. — Они просятъ содѣйствія Барро, который отказывается отъ участія въ министерствѣ по поводу назначенія маршала, но наконецъ уступаетъ ихъ просьбамъ. — Товарищи ихъ по министерству принадлежатъ къ лѣвой парламентской сторонѣ и къ лѣвому центру. — Воззваніе къ средней партіи; Тьеръ у Пасси; Барро у Биль; отказъ Пасси, Дюфора и Биль; согласіе генерала Ламорисьера; депутаты лѣвой стороны у Тьера; Берже сообщаетъ свѣдѣнія о возстаніи. — Реймсъ и Маррастъ. — Тьеръ и Барро вмѣстѣ съ своими друзьями отправляются въ Тюльери; видъ Парижа по пути ихъ; народъ кричитъ имъ: васъ обманываютъ! — Время, потерянное королемъ. — Затруднительное положеніе будущихъ министровъ; нерѣшительность Барро: онъ останавливается передъ входомъ въ Тюльери; Тьеръ и Ламорисьеръ увлекаютъ его. — Улица S.-Croix de la Bretonnerie; войска отступаютъ передъ національною гвардіей и соединяются съ ней въ ратушѣ девятаго округа; въ двѣнадцатомъ округѣ Делестръ вступаетъ въ управленіе ратушей и приказываетъ отбить караулъ въ Val-de-Grâce; ученики политехнической школы выходятъ изъ училища противъ воли своего генерала и присоединяются къ возстанію; успѣшная аттака народомъ казармъ: Saint-Victor, de Tournon, des Grés, de Reuilly, des Minimes. — Меръ восьмаго округа отправляется въ префектуру сенскаго департамента; префектъ уполномочиваетъ его объявить прокламацію; меръ отправляется на королевскую площадь и объявляетъ о министерствѣ Тьера и Барро; сопровождаемый колонной національной гвардіи и народа, меръ отправляется читать свою прокламацію и на Бастильскую площадь; кровавое приключеніе, подобное тому, которое было на Капуцинскомъ бульварѣ; войска оставляютъ Бастильскую площадь. — Побѣды, одержанныя народомъ къ девяти часамъ ура.

I.

Въ продолженіе этого времени парижскій народъ приготовлялся къ возстанію. Невозможно описать всѣхъ чудесныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ эту памятную ночь.

Камни мостовой, съ невѣроятной быстротой сдвинутые съ своихъ мѣстъ, складываются цѣлыми кучами; баррикады поднимаются со всѣхъ сторонъ. Вокругъ каждаго поста, каждаго отряда поднимаются со всѣхъ сторонъ каменныя стѣны. Самыя большія деревья бульваровъ срублены. Заставы сожжены и заставлены баррикадами. Къ утру сообщенія въ городѣ прерваны. Отъ центра къ окружности города и у самихъ почти оконъ Тюльери возставшій народъ готовъ былъ защищаться за своими стѣнами. Эти укрѣпленія, сдѣланныя народомъ не были безобразны, подобно возведеннымъ наканунѣ, не были сдѣланы кое какъ, на скорую руку. Нѣтъ, эти знаменитые работники, которымъ завидуетъ цѣлый міръ, эти каменьщики, плотники, кузнецы, механики, это удивительное населеніе Парижа, которое въ безконечномъ разнообразіи своихъ способностей и ихъ примѣненія, угадываетъ то, чего не знаетъ,—этотъ народъ сдѣлалъ изъ своихъ баррикадъ настоящія произведенія искусства! Увѣнчанная зубцами, съ выходами закрытыми для осаждающихъ, большая часть баррикадъ возвышалась до перваго этажа домовъ, а нѣкоторыя и до втораго. Значительнѣйшія по своему положенію баррикады могли выдержать артилерійскій огонь. Число баррикадъ было еще замѣчательнѣе ихъ устройства. Капитанъ національной гвардіи Альтарошъ, посланный полковникомъ Талабо съ порученіемъ быть посредникомъ между войскомъ и народомъ, долженъ былъ пройти черезъ 53 баррикады на небольшомъ разстояніи между Монмартрскимъ и Пуассоньерскимъ предмѣстьями. По свѣдѣніямъ, тщательно собраннымъ городскими агентами и инженернымъ полковникомъ Лебланомъ, въ эту ночь было построено не ме-

нѣе 1,512 баррикадъ, срыто 1,277,000 камней и срублено 4,013 деревьевъ.

II.

Оружіе было куплено у ружейныхъ мастеровъ, взято у гражданъ, которые не хотѣли сами употребить его въ дѣло, и въ постахъ, которые были одинъ за другимъ заняты народомъ. Сенъ-Мартенскія казармы доставили довольно большое количество оружія; другія вскорѣ доставили еще больше. Пули и патроны были заготовлены тысячами. Тамъ, гдѣ не доставало пороху, работники-химики приготовляли гремучую хлопчатую бумагу.

Разбитыя бутылки, стаканы, горшки, разбросанные во всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для дѣйствія кавалеріи, дополняли это грозное цѣлое.

III.

Эта быстрая ночная работа не только не ослабила пылкости народа, но еще усилила ее. Ненависть народа къ правительству увеличивалась еще болѣе подозрѣніями. „Ага, говорилъ народъ, правительство объявляетъ о перемѣнѣ министерства, а когда довѣрчивый народъ безъ всякаго злаго умысла прогуливается по улицамъ, то его убиваютъ! На его довѣрчивость отвѣчаютъ западней, подлой измѣной! Не скрывается ли въ этой предполагаемой перемѣнѣ какая нибудь гнусная ложь? Гдѣ же прокламаціи? Гдѣ объявленія? Гдѣ доказательства, гдѣ гарантіи этихъ обѣщаній? Справедливаго во всемъ этомъ одно только назначеніе Бюжо, — орудія той политики, представитель которой Гизо, этого желѣзнаго человѣка, котораго безпощадная энергія выказалась уже въ пролитіи крови народа. Министерство Тьера и Барро, уступки и обѣщанныя реформы — все это не болѣе какъ приманка. Назначеніе Бюжо— вотъ настоящее выраженіе политики этого правительства“.

Эти толки, отчасти основательные, отчасти преувеличенные,

но оправдываемые наружною стороною дѣла, въ высшей степени возбуждали страсти народа. Въ тоже время поведеніе національной гвардіи рождало въ сердцѣ народа смѣлую увѣренность въ успѣхѣ. Національные гвардейцы, сбѣжавшіеся въ ратуши въ бо́льшемъ количествѣ чѣмъ прежде, высказывали полное нерасположеніе къ правительству; между ними вовсе не было консерваторовъ; самые робкіе изъ нихъ остались у себя дома, другіе же, недовольные безпомощностью Гизо, сами отступились отъ своего дѣла. Меры не получали ни откуда приказаній; полковники и офицеры, преданные правительству, не имѣли никакого вліянія на солдатъ. Національная гвардія слушалась только однихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ реформистской партіи; она хотѣла вмѣстѣ съ ними сдѣлаться посредницей между народомъ и войскомъ, воспрепятствовать пролитію крови и въ случаѣ если начнется рѣзня, вступиться за народъ. А въ союзѣ съ такою силою народъ, укрѣпившійся за своими безчисленными баррикадами, чувствовалъ себя сильнѣе всякой монархической арміи.

IV.

Но во всякомъ случаѣ можно положительно сказать, что еслибы ночью были приняты и своевременно объявлены народу какія нибудь мѣры, то можно было избѣгнуть битвы. Удаленіе войскъ, назначеніе на мѣсто Бюжо генерала менѣе непопулярнаго, положительное утвержденіе оппозиціоннаго министерства, избирательная и парламентская реформы, распущеніе палатъ и наконецъ преданіе суду министровъ,—вотъ все, что даже послѣ происшествій на Капуцинскомъ бульварѣ, составляло предметъ требованій народа. Люди, наиболѣе нерасположенные къ правительству, хотѣли только измѣненія системы; они не вѣрили и не надѣялись еще на возможность перемѣны образа правленія. Доказательствомъ этого могутъ

служить республиканскіе журналы, появившіеся 24 утромъ. „National“ выражался слѣдующимъ образомъ:

„Къ концу вчерашняго дня можно было еще удовлетвориться совершенною перемѣною системы управленія, распущеніемъ палатъ и реформами, которыхъ требовалъ народъ. Одна ночь сдѣлала это удовлетвореніе недостаточнымъ. Правительство сдѣлало преступленіе.... справедливость требуетъ возмездія....“

Къ этимъ уступкамъ, которыхъ требовали наканунѣ 24 февраля, „National“ прибавлялъ еще слѣдующія: „Распущеніе муниципальной гвардіи, удаленіе венсенскихъ стрѣлковъ и преданіе суду министровъ.“

„La Réforme“ была еще менѣе требовательна. Она хотѣла „освобожденія арестованныхъ гражданъ и преданія суду министровъ; права собранія, фактически утвержденнаго банкетомъ въ будущее воскресенье; избирательной реформы, основанной на участіи народа, уничтоженія сентябрьскихъ законовъ; распущенія муниципальной гвардіи; общей амнистіи. Этими мѣрами можно будетъ быстро возстановить порядокъ“.

V.

Съ своей стороны демократическій избирательный комитетъ, составленный изъ приверженцевъ журналовъ „La Réforme“ и „National“, собравшійся у Дюранъ-Сентъ-Амана, составлялъ программу, напечатанную 24 числа въ журналахъ. Содержаніе этого документа слѣдующее:

„Законная манифестація, давно возвѣщенная, была вдругъ уничтожена угрозой гибельной для свободы, угрозой, брошенной министромъ съ трибуны. Правительство выставило громадную военную силу, какъ будто иноземный врагъ находится не только у воротъ Парижа, но въ самомъ центрѣ его. Солдаты напали на взволнованный и безоружный народъ; геройская кровь была пролита....

„Принимая въ соображеніе, что вмѣшательство военной силы для усмиренія гражданскихъ смутъ оскорбляетъ достоинство свободнаго народа и приноситъ вредъ нравственности самой арміи.... что употребленіе военной силы есть преступленіе противъ справедливости.... что національная гвардія была учреждена именно съ цѣлью обезпечивать спокойствіе города и защищать свободныя учрежденія народа.... и проч. и проч.

„Нижеподписавшіеся граждане требуютъ, чтобы весь народъ вошелъ въ составъ національной гвардіи; чтобы муниципальная гвардія была распущена; кромѣ того они требуютъ закона, который на будущее время запретилъ бы арміи участвовать въ усмиреніи гражданскихъ смутъ“.

Такимъ образомъ въ ночь съ 23 на 24 число никто не заикнулся еще о сверженіи королевской власти и о республикѣ; республиканцы еще молчали; ни одинъ изъ нихъ не разсчитывалъ на непосредственное паденіе монархіи. Они были убѣждены въ томъ, что требуемыя перемѣны будутъ достаточны для успокоенія громаднаго большинства націи, и что если они потребуютъ еще бо́льшаго, то никто не поддержитъ ихъ требованій.

Но поутру, когда увидѣли, что оппозиціонное министерство не было ни окончательно назначено, ни оффиціально объявлено; что маршалу Бюжо было ввѣрено главное начальство надъ войскомъ; что аттакующія колонны уже пошли въ дѣло; что битва становится неизбѣжною; что она уже почти началась, — тогда всѣ энергическіе люди бросились въ битву и сдѣлались предводителями народа, рѣшившись бороться до тѣхъ поръ, пока демократія восторжествуетъ.

VI.

Между тѣмъ Тьеръ и Ремюза̀, вышедши изъ Тюльери, пришли къ Дювержье де-Горанну. Главный двигатель банкетовъ,

неутомимо работавшій перомъ и словомъ въ продолженіе этой борьбы, Дювержье былъ самый необходимый членъ будущаго оппозиціоннаго министерства. Но каждый человѣкъ испытываетъ тѣ чувства, которыя онъ самъ внушаетъ другому: король ненавидѣлъ Дювержье; Дювержье питалъ ненависть къ политикѣ короля. Полный пламеннаго желанія бороться, онъ не могъ подумать безъ отвращенія о служебной подчиненности. Для него, какъ для человѣка болѣе оппозиціоннаго, чѣмъ правительственнаго, власть не имѣла той непреодолимой приманки, которая соблазняетъ людей или истинно способныхъ, или вовсе негодныхъ къ управленію. Оттого онъ съ совершенною искренностью отказался отъ предложенія вступить въ новый кабинетъ. Побѣжденный наконецъ настоятельными просьбами Тьера, онъ, по долгу гражданина, уступилъ предъ этими просьбами. (Въ это время было четыре съ половиною часа ночи.) Всѣ они втроемъ отправились къ Барро.

При имени маршала Бюжо, Барро обнаружилъ сильное волненіе. Тьеръ представилъ ему всѣ извѣстные уже доводы въ оправданіе этого избранія: неувѣренность въ мирномъ рѣшеніи дѣла, не смотря даже на сдѣланныя уступки, невозможность положительно гарантировать спокойный исходъ дѣла, наконецъ, отвѣтственность, которая падетъ на тѣхъ, кто лишитъ короля его правой руки. Слѣдуетъ ли рисковать всѣмъ ради этого требованія, какъ бы оно ни было справедливо и основательно? Король, несговорчивый относительно вопроса о смѣщеніи маршала, легко уступитъ въ остальномъ. Онъ соглашается на реформу. Онъ не согласился на одно только условіе, — распущеніе палатъ.

„— Но въ такомъ случаѣ, горячо возразилъ Барро, намъ ничего нельзя сдѣлать.

„— Опасность слишкомъ велика для того, чтобъ мы могли отказаться отъ дѣла. Впрочемъ всѣ наши условія извѣстны королю и мы можемъ считать себя свободными отъ вся-

кихъ обязательствъ, если король не согласится на все то, что мы почтемъ нужнымъ требовать отъ него.

Барро уступилъ, и они продолжали разговаривать.

VII.

Относительно состава новаго министерства король ни въ чемъ не противорѣчилъ. Кандидатами новаго кабинета были назначены: Тьеръ, Барро, Ремюза, Дювержье де-Гораннъ, Маллевиль, Гюставъ де-Бомонъ и Ламорисьеръ. Всѣ они принадлежали къ лѣвой парламентской сторонѣ и лѣвому центру; надобно было еще выбрать кого нибудь изъ средней партіи. Тьеръ предложилъ выбрать Пасси и Дюфора; Барро взялся повидаться съ Билью и его друзьями. Затѣмъ условились, что всѣ члены будущаго кабинета соберутся у Тьера между семью и восемью часами и немедленно отправятся въ Тюльери, не дожидая часа, назначеннаго наканунѣ королемъ.

Тьеръ немедленно отправился къ Пасси, у дверей котораго онъ потерялъ много драгоцѣннаго времени. Ознакомившись быстро съ положеніемъ дѣла, Пасси объявилъ, что съ своей стороны онъ не сдѣлаетъ никакого возраженія, но что относительно Дюфора, съ которымъ онъ связанъ обязательствами, которыхъ не можетъ и не желаетъ нарушить, онъ предвидитъ непреодолимыя возраженія. Въ скоромъ времени Пасси дѣйствительно принесъ Тьеру отказъ Дюфора. Немного погодя Барро возвратился съ тѣмъ же отвѣтомъ отъ Билью.

Не столь осторожный, или можетъ быть болѣе преданный, Ламорисьеръ отвѣчалъ Ремюза: „Теперь дѣло идетъ не о министерствѣ, — надобно торопиться какъ можно скорѣе.

„— Вы правы, генералъ: дѣло идетъ о нашемъ существованіи, и вы не можете отказаться.

„— Пусть будетъ повашему—я согласенъ, но когда все успокоится, я удалюсь отъ дѣла“.

VIII.

Въ этотъ промежутокъ времени, Тьеръ, изнуренный усталостью, собирался немного отдохнуть, когда къ нему прибѣжалъ Берже. Онъ принесъ мрачныя новости: возмущеніе распространялось по всему Парижу; національная гвардія была противъ правительства; событія шли съ роковою быстротой. Что можно было еще сдѣлать теперь, того нельзя уже было сдѣлать часомъ позже; надобно было торопиться, чтобы событія не сдѣлали всѣхъ усилій безплодными; а можетъ быть даже и теперь было поздно.... Подъ вліяніемъ подобныхъ впечатленій, къ Тьеру постепенно сошлись члены будущаго кабинета и кромѣ того: Барошъ, Абаттучи, Авенъ, Кинеттъ, Меррюо, главный редакторъ журнала „Constitutionnel“, и де-Реймсъ, секретарь и другъ Тьера, которому было поручено собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ; въ конторѣ „National“ онъ не нашелъ никого; оттуда онъ пошелъ къ Марраету, которому сообщилъ о составленіи министерства Тьера и Барро, объ условіяхъ принятыхъ королемъ.... „Этого недостаточно, прервалъ его знаменитый журналистъ. До полудня король долженъ отречься отъ престола; послѣ полудня будетъ уже слишкомъ поздно“. Взволнованный этими грозными словами, Реймсъ поспѣшилъ передать ихъ Тьеру. „Еще бы онъ не говорилъ этого; вѣдь въ этомъ случаѣ онъ адвокатъ своего святаго,“ насмѣшливо сказалъ Дювержье де-Гораннъ. И изъ всѣхъ этихъ политиковъ, ни одинъ не подумалъ серьезно объ этомъ совѣтѣ.

IX.

Въ это самое время Тьеръ получилъ письмо Бюжо, содержаніе котораго уже извѣстно. Депутаты немедленно отправились въ Тюльери по улицамъ: Notre-Dame de Lorette, Laffitte, Sainte-Anne и de l'Échelle. Баррикады уже загородили всѣ сообщенія. Для того чтобы пройти по улицамъ, депутаты должны были сказать свое имя, куда идутъ и съ ка-

кою цѣлью. „Васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ кричалъ имъ народъ; „васъ призываютъ только затѣмъ, чтобы занять чѣмъ нибудь общественное мнѣніе. Король не хочетъ уступить. Онъ назначилъ Бюжо для того, чтобы убивать насъ. Вчера еще онъ хотѣлъ призвать Моле, и въ тоже время приказалъ убивать на бульварахъ невинныхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей“! Барро, пользовавшійся большею популярностью, чѣмъ его товарищи, обратился съ рѣчью къ народу; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вселить народу довѣрчивость, которой не было у него самого; онъ убѣждалъ національныхъ гвардейцевъ возстановить порядокъ, уговаривалъ народъ разрушить баррикады. Дѣйствительно по совѣту Барро баррикады исчезали, но снова появлялись, когда онъ уходилъ далѣе. Это было доказательствомъ того, что народъ принялъ твердое, неотмѣнное рѣшеніе, и это не ускользнуло отъ бдительной проницательности генерала Ламорисьера. Сильная баррикада, построенная на перекресткѣ улицъ Sainte-Anne, d'Argenteuil, Lévêque и des Frondeures, перерѣзывала дорогу. Между защитниками этой баррикады и солдатами, стоявшими въ улицахъ de l'Echelle и de Rohan, произошла перестрѣлка. Пройти черезъ это мѣсто было опасно, депутаты рисковали попасть между двухъ огней. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, они успѣли обойти это послѣднее препятствіе и такимъ образомъ достигли входа въ Тюльери. Въ это время было около восьми съ половиною часовъ.

X.

Такимъ образомъ въ переговорахъ съ Моле пропало восемь часовъ, Тьеръ употребилъ на переговоры болѣе пяти часовъ. Это время было потеряно невозвратно. Но передъ лицемъ исторіи отвѣтственность за него падетъ не на нихъ, — а на короля. Будучи свидѣтелями нерѣшительности государя, не безъ основанія подозрѣвая въ немъ заднюю мысль, не зная

на какихъ условіяхъ имъ будетъ ввѣрена власть, которую какъ будто оспаривали у нихъ, принужденные бѣгать ночью посреди баррикадъ, изъ улицы въ улицу, изъ дому въ домъ, будить другъ друга, разсказывать о случившихся событіяхъ, о сдѣланныхъ предложеніяхъ, спорить о вѣроятности успѣха, о требованіяхъ разныхъ лицъ, — они, не смотря на это, благодаря своей дѣятельности, успѣли прійти въ Тюльери даже ранѣе срока, назначеннаго королемъ.

Совсѣмъ другое было бы, если бы Луи-Филиппъ, убѣдившись въ неспособности Моле, немедленно вручилъ бы власть Тьеру! Какъ только его назначили бы министромъ, онъ созвалъ бы немедленно своихъ товарищей, составилъ прокламаціи, опубликовалъ списокъ новыхъ министровъ, обнародовалъ реформу, объявилъ распущеніе палатъ, обратился съ воззваніемъ къ національной гвардіи, къ народу и принялъ бы безотлагательно всѣ мѣры къ мирному исходу дѣла.

Но Тьеръ не добился подписи монарха; король отказалъ въ ней депутатамъ оппозиціи, представителямъ нравственной силы, чтобы дать ее маршалу, представителю физической силы. Послѣдній могъ сдѣлать все для войны, первые ничего для мира. Долженъ ли былъ Тьеръ требовать для себя полномочія, или удалиться? Разумѣется онъ долженъ былъ дѣйствовать. Но зналъ ли онъ до какой степени опасность была неминуема? Зналъ ли онъ, что одинъ потерянный часъ погубитъ все дѣло? И даже теперь, въ эту самую минуту, когда депутаты явились къ королю, развѣ эти будущіе министры знали настоящія намѣренія короля? Развѣ не была ясно видна недовѣрчивость короля? Развѣ нельзя было предположить, что онъ будетъ настойчиво отказываться отъ распущенія палатъ,— необходимаго условія для возстановленія спокойствія и не откажется отъ желанія оставить начальство надъ арміей за маршаломъ, котораго непопулярность только усиливала возмущеніе?

Надобно сказать правду: тяжко и ужасно было положеніе

этихъ политическихъ дѣятелей, призванныхъ по неволѣ, въ послѣднюю минуту, подъ вліяніемъ тягостной необходимости и послѣ ужасной рѣзни! Они видѣли весь городъ въ возстаніи, буржуазію враждебную правительству, неумолимый народъ и неминуемую, уже начатую гражданскую войну. Эти слова, очевидно справедливыя: „васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ еще раздавались въ ихъ ушахъ среди жалобъ, упрековъ, недовѣрчивости и всеобщаго негодованія противъ маршала Бюжо. Служа, такъ сказать, примирительнымъ началомъ кризиса, министры должны были въ тоже время нести на себѣ отвѣтственность за это имя, которое само по себѣ было равносильно объявленію войны, войны безпощадной! Рѣшатся ли они, будучи главными дѣятелями банкетовъ, противоставить предводителямъ манифестаціи, вызванной ими самими иную силу, кромѣ нравственной? Будутъ ли они достаточно смѣлы, чтобы стрѣлять въ этотъ народъ, котораго страсти они сами же взволновали? Въ крайности можно еще было разсчитывать на то, что Тьеръ согласится представить народу программу и списокъ новаго кабинета и въ тоже время станетъ ему угрожать строгими мѣрами, если онъ сейчасъ же не положитъ оружія. Но Барро, но Дювержье де-Гораннъ, но Маллевиль и ихъ друзья, могли ли они, чтобы ни случилось, взять на себя другую роль, кромѣ роли мирныхъ посредниковъ? И, наконецъ, надобно еще разъ сказать: было ли возможно примиренье, когда Бюжо стоялъ во главѣ арміи?

Эти тяжкія размышленія терзали Барро. Подавленный внутренней борьбой, которую испытывало его честное сердце, въ отношеніи къ его обязанностямъ передъ королемъ, передъ своею совѣстью и передъ народомъ, онъ остановился у входа въ Тюльери: „Нѣтъ,“ сказалъ онъ, „я не могу итти далѣе. Одно имя маршала Бюжо дѣлаетъ войну неизбѣжною. Я удаляюсь.

„Я не отрицаю, что опасность велика, возразилъ Тьеръ, но убѣждены ли вы въ томъ, что одни наши имена будутъ

достаточно сильны для того, чтобы остановить это движеніе? Можете ли вы поручиться за это? Развѣ вы хотите, въ случаѣ неудачи, взвалить на насъ всю отвѣтственность въ томъ, что мы лишили короля его правой руки? Можемъ ли мы въ настоящее время отозвать съ поля битвы маршала Франціи?“

Возбужденный этими словами, генералъ Ламорисьеръ почувствовалъ, какъ въ немъ зашевелились всѣ чувства воинскаго долга; онъ съ страстною энергіею поддержалъ доводы Тьера. Вліяніе слова могущественно! Барро переступилъ порогъ Тюльери.

XI.

Какіе же однако были результаты этой двойственной политики короля и его проблематическаго министерства?

Съ семи часовъ утра всѣ стратегическіе пункты были окружены народомъ, всѣ отряды войскъ, находившіеся въ походѣ, были отрѣзаны и сообщались между собою и съ главнымъ штабомъ только посредствомъ переодѣтыхъ агентовъ или національныхъ гвардейцевъ.

Въ это время генералъ Таландье получилъ приказаніе открыть свободное сообщеніе между городскою Думою и бульварами съ тою цѣлью, чтобы поддержать, если понадобится, движенія генерала Бедо. Вслѣдъ за этимъ, онъ выступаетъ во главѣ одного баталіона 69-го полка. Въ улицѣ Sainte-Croix de la Bretonnerie его задерживаетъ громадная баррикада. Онъ уже готовится къ аттакѣ, но національная гвардія соединяется съ вооруженнымъ народомъ — и онъ колеблется. Моро, депутатъ и меръ седьмаго округа, и Лавессьеръ, полковникъ національной гвардіи, оба извѣстные преданностью конституціонной монархіи, являются посредниками; они представляютъ генералу, что если онъ захочетъ во что бы то ни стало очистить себѣ дорогу, то ему не избѣжать кроваваго столкновенія. На-

конецъ генералъ послушался ихъ убѣжденій и далъ имъ время сбѣгать въ городскую Думу, гдѣ они получили отъ генерала Себастьяни приказаніе отступить.

XII.

Подлѣ городской Думы, въ улицѣ Жофруа-Ланье, находится ратуша девятаго округа; она была занята небольшимъ отрядомъ національныхъ гвардейцевъ, принадлежащихъ къ партіи реформистовъ. Они требуютъ патроновъ. Мэръ, Локе, преданный консерваторъ, и нѣсколько высшихъ офицеровъ, также консерваторы, отказываютъ имъ въ этомъ требованіи. Но голосъ ихъ заглушается общимъ шумомъ и они принуждены удалиться. Капитанъ Фавьеръ, Желе, Шумахеръ и другіе реформисты принимаютъ начальство надъ національною гвардіею, идутъ къ солдатамъ, содержащимъ въ ратушѣ караулъ, предлагаютъ караульному офицеру составить смѣшанную колонну, увлекаютъ за собою солдатъ и обходятъ вмѣстѣ съ ними кварталъ съ криками: Да здравствуетъ реформа!

Ратуша двѣнадцатаго округа находится не далеко отъ Пантеона, въ улицѣ Св. Іакова, на виду, подъ самымъ огнемъ отряда генерала Рено. Членъ муниципальнаго совѣта Делестръ проникаетъ въ ратушу въ семь часовъ утра. Не смотря на сопротивленіе, Делестръ, поддержанный реформистами и работниками, беретъ на себя и подъ свою отвѣтственность управленіе дѣлами и приказываетъ ударить сборъ; національная гвардія признаетъ его мэромъ и изъявляетъ ему повиновеніе. Онъ узнаетъ, что ученики, живущіе въ школѣ Val-de-Grâce, хотятъ оставить свое заведеніе, чтобы принять участіе въ возмущеніи, но что караулъ не выпускаетъ ихъ. Взводъ національныхъ гвардейцевъ спѣшитъ въ Val-de-Grâce, требуетъ чтобы караулъ сдался и, получивши отказъ, нападаетъ на него, выпускаетъ учениковъ и овладѣваетъ всѣми снарядами и оружіемъ.

Въ девять часовъ утра воспитанники политехнической школы рѣшаются принять участіе въ движеніи. Они отказываются повиноваться своему генералу, надѣваютъ мундиры, уходятъ изъ училища и отправляются въ ратушу двѣнадцатаго округа, откуда, по совѣту Делестра, направляются отдѣльными отрядами къ различнымъ ратушамъ.

XIII.

Въ семь часовъ муниципальные гвардейцы, находящіеся въ казармѣ Saint-Victor, подъ начальствомъ капитана Обе-де-Бракемона, видя невозможность сопротивляться національной гвардіи и народу, рѣшаются сдаться на капитуляцію. Офицеры сохраняютъ свои шпаги; солдаты оставляютъ оружіе; народъ и національная гвардія занимаютъ казармы.

Въ тоже время эскадронный командиръ муниципальной гвардіи Тиссеранъ, завѣдующій казармой, находящейся въ улицѣ Турнонъ, сознаетъ необходимость уступить свою власть національной гвардіи одиннадцатаго округа.

Немного погодя, поручикъ Мальярме сдаетъ казарму des Grès полковнику легіона національной гвардіи Булэ-де-ла-Мертъ. Въ казармѣ хранилось пять сотъ связокъ патроновъ, которые и были немедленно розданы національной гвардіи.

Стратегическій пунктъ у Бастильской площади находится еще въ болѣе опасномъ положеніи. Значительная толпа народа угрожаетъ патронному парку, находящемуся у Тронной заставы; другая толпа народа собирается подлѣ казармы de Reuilly, въ которой также помѣщается значительное количество запасовъ. Если вся эта добыча достанется народу, то у него будетъ больше снарядовъ, чѣмъ у солдатъ. Чтобы отразить эту опасность, полковникъ 16-го легкаго полка, Маршезанъ, выступаетъ изъ казармы во главѣ колонны изъ трехъ сотъ человѣкъ и идетъ противъ инсургентовъ. Но не имѣя точныхъ инструкцій, видя что національная гвардія располо-

жена скорѣе дѣйствовать за народъ, чѣмъ противъ него, что она не сопротивляется постройкѣ баррикадъ, что сообщенія вездѣ становятся затруднительными и даже почти отрѣзанными, онъ начинаетъ опасаться, чтобы не былъ взятъ паркъ, ввѣренный одному изъ его батальоновъ, вслѣдствіе чего даетъ приказаніе отступить къ Венсенскому замку и уходитъ снова въ свою казарму.

Тридцати муниципальнымъ гвардейцамъ поручено было охранять ратушу восьмаго округа, находящуюся на Королевской площади. Рѣшетки площади были заперты. На разсвѣтѣ приходитъ сюда національная гвардія, сопровождаемая колонной народа и предводительствуемая Гинаромъ, Серкелемъ, Кентеномъ и командиромъ Бурдономъ. Народъ требуетъ оружія; муниципальные гвардейцы соглашаются оставить свой постъ, но отказываются отдать оружіе. Народъ грозитъ взять ихъ приступомъ, но въ дѣло вступается національная гвардія, она доказываетъ муниципаламъ рѣшительную невозможность сопротивляться и заставляетъ ихъ отпереть ворота. Толпа входитъ въ ратушу; муниципалы оставляютъ свое оружіе и патроны въ залѣ сохранной кассы и безъ всякаго другаго приключенія уходятъ чрезъ улицу des Tournelles.

Отсюда осаждающіе бѣгутъ въ казарму des Minimes, объявляютъ муниципаламъ о взятіи ратуши и безъ боя овладѣваютъ и казармой и оружіемъ.

XIV.

Въ то время когда все это происходило, Эрнестъ Моро, мэръ восьмаго округа, узнавши, что предмѣстье застраивается баррикадами, поспѣшилъ за инструкціями въ префектуру Сенскаго департамента. Его сопровождалъ Перре, членъ генеральнаго совѣта. Представленные префекту Рамбюто, находившемуся въ одной изъ залъ, гдѣ нѣсколько генераловъ накалывали булавками планъ Парижа, они узнали отъ него

о составленіи новаго министерства и о назначеніи маршала Бюжо.

Но какимъ образомъ такая новость не распространена еще до сихъ поръ по городу? Отчего до сихъ поръ прокламаціи не выставлены на улицахъ? Моро горячо возстаетъ противъ такой безпечности.

„Напишите сами прокламацію," говоритъ Рамбюто, и даетъ ему немедленно письменное разрѣшеніе.

Эрнестъ Моро и Перре поспѣшно возвращаются въ ратушу, которая въ это время уже была занята національной гвардіей. Въ ихъ отсутствіе завязалась жестокая ссора между офицерами консерваторами и реформистами. Бёденъ, начальникъ легіона и въ тоже время министерскій депутатъ, принужденъ былъ удалиться; командиръ Бурдонъ принялъ главное начальство надъ легіономъ; національные гвардейцы побратались съ солдатами 45-го линейнаго полка, который отошелъ къ Бастильской площади.

XV.

Не теряя времени мэръ составляетъ прокламацію, призываетъ своихъ двухъ помощниковъ, членовъ генеральнаго окружнаго совѣта, требуетъ себѣ конвоя изъ національныхъ гвардейцевъ подъ командой капитана Серкеля и, сопровождаемый колонной народа, выступаетъ на середину Королевской площади. Барабанный бой даетъ знакъ къ тишинѣ и вниманію. Прокламація прочитана; въ ней возвѣщено министерство Тьера и Барро, но пропущено съ умысломъ имя маршала Бюжо. Народъ радостно привѣтствуетъ прокламацію. Мэръ присоединяетъ къ ней нѣсколько горячихъ словъ, въ которыхъ уговариваетъ народъ примириться съ правительствомъ; толпа снова аплодируетъ. Затѣмъ процессія направляется къ Бастильской площади, увеличивается по дорогѣ большой колонной національныхъ гвардейцевъ и работниковъ изъ пред-

мѣстій и проходитъ въ полномъ порядкѣ передъ Іюльской колонной. Въ это время было около восьми съ половиною часовъ.

На площади были расположены войска генерала Дюго, вытянутыя въ линію, лицомъ къ бульвару, спиной къ кордегардіи, занятой муниципалами. Рота 23-го легкаго полка подъ командой капитана Вандервекена, посланная для осмотра баррикады, построенной въ улицѣ Рокеттъ, при видѣ этого кортежа, остановилась по другой сторонѣ площади и повернувшись къ нему фронтомъ, стала между этой улицей и каналомъ.

Подошедши къ подножію колонны, мэръ во второй разъ читаетъ прокламацію. Народъ выражаетъ снова свое удовольствіе. Войска стоятъ неподвижно, держа ружья на плечѣ. Кортежъ, проходя между двойной линіей солдатъ генерала Дюго и капитана Вандервекена, продолжаетъ свой путь къ Сентъ-Антуанскому предмѣстью.

XVI.

Уже первые ряды кортежа вступали въ предмѣстье и офицеръ національной гвардіи обмѣнивался нѣсколькими словами съ капитаномъ 23-го полка, когда работники пробрались за линію солдатъ. „Отдай-ка мнѣ твое ружье!“ говорили работники удивленнымъ солдатамъ. Услышавши эти слова, капитанъ быстро оборачивается и энергически вскрикиваетъ: „Пусть каждый остается при своемъ оружіи!“ Солдаты сопротивляются, работники продолжаютъ настаивать на своемъ. Оспариваемое оружіе вертится въ воздухѣ, то опускается, то поднимается и въ этой суматохѣ раздается выстрѣлъ, другой и, вслѣдствіе увлеченія, подобнаго тому, которое было наканунѣ, огонь распространяется по всей площади. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми; солдаты выстрѣлили цѣлой массой. Огонь неправильный, непрерывный и ма-

шинальный продолжался всего двѣ минуты. Кортежъ, попавшій между двухъ огней, обратился въ бѣгство. Нѣсколько человѣкъ было убито, еще большее число ранено, остальные бросились бѣжать; Моро былъ опрокинутъ, затоптанъ ногами; большая часть людей, его окружавшихъ, повалились вслѣдъ за нимъ.

Два солдата 23-го легкаго полка были убиты, три—ранены. Однакожъ это несчастье было не такъ велико какъ то, которое было наканунѣ: большая часть выстрѣловъ не причинила никакого вреда, потому что была сдѣлана на воздухъ. Солдаты, изумленные этой нечаянной стрѣльбой, съ ужасомъ смотрѣли на ея послѣдствія. Вдругъ, повинуясь общему чувству, они поднимаютъ свои ружья прикладами кверху и громко кричатъ: Да здравствуетъ національная гвардія!

Генералъ Дюго, встревоженный настроеніемъ своихъ солдатъ, отступаетъ вдаль по набережнымъ къ Венсенскому замку. Муниципалы оставляютъ свой постъ и слѣдуютъ за войсками. Кордегардію сжигаютъ и Бастильская площадь пустѣетъ; на ней остаются только нѣсколько труповъ, лежащихъ въ лужахъ крови.

Такимъ образомъ ранѣе девяти часовъ утра большее число постовъ было взято; пять казармъ были въ рукахъ народа, который мужественно осаждалъ другія; онъ завладѣлъ большею частью ратушъ; всѣ стратегическіе пункты внутри города: Сенъ-Денисскія ворота, площадь Побѣдъ и Pointe Saint-Eustache, были уничтожены; Бастильская площадь оставлена войсками; патронный паркъ, находившійся у Тронной заставы, отошелъ къ Венсенскому замку; кавалерія, осужденная на бездѣйствіе, неподвижно стояла на площади Согласія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Генералъ Бедо передъ театромъ Gymnase; онъ объявляетъ о составленіи министерства Тьера и Барро; народъ не вѣритъ этому; вмѣшательство національной гвардіи; прекращеніе военныхъ дѣйствій; генералъ Бедо требуетъ прокламацій и инструкцій отъ маршала Бюжо, который посылаетъ ему ихъ; дурное вліяніе ихъ на народъ; въ то время когда генералъ собирается двинуться впередъ, онъ получаетъ отъ маршала приказаніе отступить. — Обстоятельства, предшествующія этому распоряженію: Баррикады доходятъ до самаго Тюльерійскаго дворца; генералъ Сентъ-Арно уничтожаетъ баррикаду въ Ришельевской улицѣ; донесенія становятся все болѣе и болѣе тревожными; увѣренность въ успѣхѣ слабѣетъ въ главномъ штабѣ; герцоги Немурскій и Монпансье не могутъ снова возбудить ее; свиданіе Тьера съ маршаломъ, который жалуется на состояніе войскъ, боевыхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ; въ главный штабъ является Фовель-Дельбарръ; онъ добивается отъ маршала приказанія генералу Бедо отступить.— Приказаніе прекратить огонь было логическимъ слѣдствіемъ двойственнаго положенія, созданнаго королемъ. — Свиданіе депутатовъ съ королемъ должно имѣть тотъ же результатъ.—Сдѣлка между Тьеромъ и Барро: маршалъ Бюжо остается начальникомъ арміи; Ламорисьеръ—національной гвардіи.— Разговоръ короля съ Тьеромъ. — Тьеръ, Барро и другіе депутаты лѣвой стороны у короля. — Король одобряетъ сдѣлку между Тьеромъ и Барро; онъ не соглашается на распущеніе палатъ; король оборачивается спиною къ Барро; настоятельныя требованія депутатовъ. — Какъ надобно было поступать?—Тьеръ и Ремюза сообщаютъ маршалу о назначеніи Ламорисьера; маршалъ выражаетъ свое согласіе. — Свиданіе двухъ главныхъ начальниковъ. — Ламорисьеръ импровизируетъ себѣ костюмъ, садится на лошадь и спѣшитъ къ баррикадамъ, чтобы прекратить битву. — Барро и его друзья отправляются съ тою же цѣлью. — Тьеръ хочетъ слѣдовать за ними, маршалъ удерживаетъ его насильно.—Распоряженія и мѣры маршала къ примиренію; его ошибка въ томъ, что онъ не сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ войскъ.—Тьеръ, Ремюза и Дювержье де-Гораннъ возвращаются

къ королю, который продолжаетъ сопротивляться; вмѣшательство герцога Немурскаго; приходъ Жирардена; герцогъ добивается распущенія палаты.— Прокламація. — Барро торжествуетъ на Итальянскомъ бульварѣ; у Сенъ-Денисскихъ воротъ его встрѣчаютъ криками: Долой Луи-Филиппа; Барро возвращается; онъ встрѣчаетъ Ламорисьера, который также возвращается послѣ безуспѣшнаго посредничества.—Барро идетъ домой, сопровождаемый народомъ; Гарнье-Паже обращается къ толпѣ изъ окна квартиры Барро; народъ расходится.— По возвращеніи въ Тюльери Ламорисьеръ встрѣчаетъ тамъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо; онъ даетъ имъ отчетъ о результатѣ возложеннаго на него порученія и не скрываетъ непопулярности маршала. — Маршалъ встрѣчаетъ дурной пріемъ у національной гвардіи.

I.

Генералъ Бедо шелъ съ своими войсками вдоль бульваровъ; его колонна двигалась по серединѣ шоссе. Немного впереди, съ правой и лѣвой стороны, шли офицеры главнаго штаба національной гвардіи, которымъ поручено было объявлять прохожимъ о назначеніи министерства Тьера и Барро. Бульвары были пустынны; изрѣдка только безпокойно выглядывалъ кто нибудь изъ оконъ домовъ. Вдругъ, не доходя ста или двухъ сотъ шаговъ до театра Gymnase, генералъ замѣтилъ довольно значительную толпу національныхъ гвардейцевъ, гражданъ и работниковъ, приближавшуюся къ его колоннѣ. Онъ приказываетъ ей остановиться. Толпа приближается: въ ней незамѣтно ничего враждебнаго. Въ это время приходятъ сюда же: Перре, главный редакторъ журнала „Siècle“, и капитанъ 3-го легіона съ нѣсколькими національными гвардейцами своей роты, Эдмондъ Адамъ, нѣсколько взводовъ 5-го легіона подъ командою Грегуара, капитана Фавреля, Лабелони и другихъ. Эти взводы только что ходили на рекогносцировку грозной баррикады, построенной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно стояли войска генерала Гарроба, и при которой находился вооруженный народъ, рѣшившійся защищать ее.

II.

Сообразно данному приказу генералъ объявляетъ лично и

чрезъ своихъ офицеровъ о составленіи новаго министерства изъ членовъ лѣвой стороны и о назначеніи маршала Бюжо. Толпа выражаетъ при этомъ извѣстіи свое удивленіе: „Ничто до сихъ поръ не обнаруживало этого важнаго обстоятельства. Къ чему это опасное промедленіе? Это извѣстіе могло бы успокоить народъ прежде, чѣмъ онъ началъ приготовляться къ войнѣ; тогда улицы не были еще заставлены баррикадами и эта новость могла бы быстро разойтись по всему городу. Между тѣмъ сколько нужно употребить времени сегодня на то, чтобы сдѣлать ее извѣстною? Надобно будетъ вести переговоры при входѣ въ каждую улицу! Да при томъ—дѣйствительно-ли справедлива эта новость? Если Барро будетъ министромъ, то зачѣмъ тутъ Бюжо? Если правительство искренно желаетъ мира, зачѣмъ въ тоже время оно даетъ поводъ къ войнѣ?“

„Да, обстоятельство это не подлежитъ сомнѣнію,“ отвѣчалъ генералъ; „Тьеръ и Барро назначены министрами; они были призваны сегодня ночью. Сверхъ того король соглашается и на другія реформы. Вы можете объявить объ этомъ всѣмъ. Правительство прежде всего желаетъ, чтобы все кончилось мирнымъ путемъ. Мы всѣ, и маршалъ Бюжо больше чѣмъ кто нибудь, желаемъ того же. Маршалъ благородно сражался въ Африкѣ противъ враговъ Франціи. Я служилъ у него поручикомъ. Я убѣдительно прошу всѣхъ добрыхъ гражданъ прекратить это сопротивленіе, которое не имѣетъ болѣе никакой цѣли, и открыть баррикады для прохода колонны; но если мнѣ будутъ сопротивляться, то я имѣю приказаніе дѣйствовать силою.“

„Какъ! опять стрѣлять, опять убивать народъ! Но вѣдь эти люди, которые находятся за баррикадами, ничего не знаютъ о перемѣнѣ министерства, которая должна обезоружить ихъ. Повремените! въ этомъ нѣтъ никакой опасности; какъ только перемѣна министерства сдѣлается извѣстною, вамъ не нужно будетъ силою брать баррикады: онѣ сами откроются передъ

вами. Съ вами пойдетъ національная гвардія. Въ противномъ случаѣ, если теперь же завяжется перестрѣлка, то національная гвардія не позволитъ убивать народъ, какъ это было вчера на Капуцинскомъ бульварѣ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно отвѣчаетъ генералъ, никто не намѣренъ убивать людей, хотятъ только возстановить порядокъ!“ И въ тоже время онъ приказываетъ своимъ войскамъ двинуться впередъ. Но офицеры національной гвардіи настаиваютъ на своемъ; они доказываютъ генералу, что его вмѣшательство неминуемо вызоветъ враждебное столкновеніе, что волненіе, которое правительство желаетъ усмирить мирными средствами, еще болѣе усилится новымъ кровопролитіемъ. Они повторяютъ ему, что національная гвардія готова соединиться съ войсками, если король дѣйствительно сдѣлалъ уступки, но что она въ тоже время рѣшилась соединиться съ народомъ, въ случаѣ если противъ него станутъ употреблять насиліе, прежде чѣмъ онъ узнаетъ объ уступкахъ правительства; и они убѣждаютъ его не итти далѣе до тѣхъ поръ, пока прокламаціи не сдѣлаются извѣстными за баррикадами, для чего нужно только полчаса, или самое большее — часъ....

III.

Эти доводы были голосомъ мудрости, здраваго смысла и человѣколюбія. Развѣ честь воина запрещала слушать эти совѣты? Развѣ она приказывала отвѣчать выстрѣлами на эти слова мира, возобновлять по доброй волѣ, среди бѣлаго дня, неожиданную рѣзню, бывшую прошлой ночью? Повелѣвала ли эта честь увеличить нравственную силу возстанія посредствомъ ужаса насилія, на которое и главный штабъ и самъ дворъ смотрѣли, какъ на самое ужасное несчастіе? Повелѣвала ли наконецъ она грубо отказывать гражданамъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ даже внѣшнему врагу? Генералъ думалъ

иначе: по его мнѣнію, прекращеніе на короткое время военныхъ дѣйствій не представляло никакой опасности; этимъ ничто не компрометировалось, напротивъ, этимъ могло быть все спасено; генералъ уступилъ просьбамъ. Дѣйствительно національная гвардія тотчасъ же присоединилась къ нему. Соединившись со взводами линейныхъ полковъ, отряженныхъ по приказанію генерала, національная гвардія отправилась въ сосѣдніе кварталы, чтобы успокоить ихъ извѣстіемъ объ уступкахъ, сдѣланныхъ королемъ.

Въ тоже время генералъ поручилъ гражданину этого округа Ависсу, и вслѣдъ за нимъ Брейеру, офицеру главнаго штаба національной гвардіи, отправиться къ маршалу и разсказать обо всемъ происшедшемъ. Нѣсколько минутъ спустя, около восьми часовъ, отправился съ тою же цѣлью одинъ гражданинъ, котораго генералъ замѣтилъ за его горячее усердіе предупредить столкновеніе, — Фовель-Дельбарръ, въ сопровожденіи Курпона, офицера главнаго штаба національной гвардіи. Кромѣ того, генералъ написалъ маршалу, что онъ находится среди народа, который часто обманывали и который не вѣритъ въ перемѣну министерства и продолжаетъ кричать: „Да здравствуетъ реформа!“, что необходимо распространить прокламаціи и что онъ остановился здѣсь съ тою цѣлью, чтобы облегчить соединеніе національной гвардіи съ своей колонной.

Маршалъ немедленно послалъ прокламаціи черезъ Ависса и черезъ полковника Нельи, переодѣтаго въ штатское платье. Онъ отвѣчалъ генералу, что онъ одобряетъ его образъ дѣйствій; что онъ посылаетъ ему прокламаціи и поручаетъ распространить ихъ всевозможными путями, потому что необходимо, чтобы онѣ были извѣстны; но что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дѣйствовать относительно возмущенія какъ было условлено поутру: требовать, чтобы толпа разошлась и въ случаѣ надобности употреблять вооруженную силу.

IV.

Прокламація была слѣдующаго содержанія:

«Восемь часовъ утра.

„Король, въ силу власти данной ему конституціей, поручилъ гг. Тьеру и Барро составить новый кабинетъ.

„Въ тоже время его величество поручилъ маршалу Бюжо, герцогу д'Исли, главное начальство надъ національной гвардіей и войсками.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Подлинное подписалъ

маршалъ герцогъ д'Исли.»

Маршалъ такъ хорошо понималъ крайнюю необходимость объявить о составленіи новаго оппозиціоннаго министерства, что въ одно и тоже время диктовалъ и самъ писалъ прокламацію.

Эти прокламаціи были немедленно распространены. Но имя маршала Бюжо опять уничтожало дѣйствіе, которое могло произвести на умы призваніе оппозиціоннаго министерства. Здравый смыслъ народа возставалъ противъ такого непримиримаго противорѣчія. Этотъ крикъ, который слышался въ началѣ дня: „васъ обманываютъ, васъ обманываютъ!“ и въ которомъ заключалось достойное возмездіе этой недобросовѣстной, хотя и долго торжествовавшей политики, — этотъ крикъ настойчиво повторялся народомъ. Толпа увеличивалась все болѣе и болѣе.

Рѣшившись пробиться сквозь народъ, генералъ Бедо поторопился отозвать взводы вансенскихъ стрѣлковъ, которые онъ отрядилъ вмѣстѣ съ національной гвардіей. Когда стрѣлки пришли на мѣсто, генералъ согласился, чтобы Лабелони и

Арронзонъ отправились депутатами въ главный штабъ; онъ подписывалъ пропускной билетъ, когда прибѣжалъ запыхавшійся отъ усталости Фовель-Дельбарръ и отдалъ ему отъ маршала записку слѣдующаго содержанія:

Главный Штабъ.

Національная гвардія Сенскаго департамента.

Парижъ, 24 февраля 1848.

„Любезнѣйшій генералъ,

„Я измѣнилъ свои распоряженія. Объявите вездѣ, что военное вмѣшательство прекращается и что національная гвардія будетъ нести полицейскую службу. Старайтесь примирительно дѣйствовать на народъ.

«Маршалъ герцогъ д'Исли.

„P. S. Отступите къ Каррусельской площади".

Получивши въ девять часовъ это формальное приказаніе, генералъ велѣлъ отступать. Толпа пришла въ восторгъ, но обошлась безъ оскорбленій и угрозъ.

V.

Въ это время колонна занимала часть бульвара между театромъ Gymnase и улицею Ружмонъ. Всѣ улицы справа и слѣва были заперты баррикадами, хорошо построенными и занятыми сильными отрядами народа; во главѣ колонны, у Сенъ-Денискихъ воротъ, возвышалась баррикада, имѣвшая видъ настоящей крѣпости; далѣе, до самой Бастильской площади, воздвигалась цѣлая цѣпь баррикадъ. Еслибы маршалъ Бюжо не приказалъ отступить, Бедо пошелъ бы впередъ; онъ бы двигался подъ тройной линіей перекрестнаго огня; можетъ быть онъ успѣлъ бы пройти, опрокинулъ бы и разрушилъ всѣ

баррикады, покрывши землю трупами, обагривши мостовую кровью народа и солдатъ; можетъ быть онъ дошелъ бы до Бастильской площади. Но потомъ.... потомъ онъ не нашелъ бы генерала Дюго, съ войсками котораго онъ долженъ былъ соединиться, и тогда онъ остался бы одинъ съ своимъ полуистребленнымъ отрядомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ баррикадами, которыя снова бы воздвигались сзади его, онъ былъ принужденъ или безполезно защищаться на мѣстѣ, или же рѣшиться на кровопролитное отступленіе.

VI.

Приказъ прекратить военныя дѣйствія былъ написанъ Фабаромъ, post-scriptum — Трошю; оба они были адъютантами маршала Бюжо, который самъ диктовалъ этотъ приказъ и подписалъ его собственноручно. Приказъ составленъ ясно и опредѣленно; онъ составляетъ самое важное событіе этого дня, событіе, послужившее поводомъ ко множеству самыхъ живыхъ и разнообразныхъ споровъ. Теперь этотъ фактъ сталъ совершенно яснымъ и сомнѣніе относительно его невозможно. Чтобы сдѣлать понятными тѣ событія и чувства, которыя своимъ вліяніемъ послѣдовательно измѣняли рѣшенія, принятыя маршаломъ, и которыя заставили его дать этотъ приказъ генералу Бедо, надобно разсказать то, что происходило въ главномъ штабѣ.

VII.

Маршалъ скоро узналъ объ оставленіи войсками разныхъ стратегическихъ пунктовъ, о взятіи казармъ, объ удивительной дѣятельности народа въ продолженіе ночи и прочее. Народъ шелъ все дальше и дальше впередъ за отступавшими войсками. Возмущеніе распространялось съ грозною силою выступившей изъ береговъ воды, съ непреодолимымъ могуществомъ огня. На одномъ только пунктѣ дѣйствія войскъ были

еще свободны и этотъ пунктъ былъ главная квартира, занятая самимъ маршаломъ, Каррусельская площадь и наружный дворъ Тюльери. Сѣть баррикадъ быстро приближалась къ этому завѣтному мѣсту....

Маршалъ приказалъ уничтожить эти близкія баррикады. Генералъ Сентъ-Арно, во главѣ двухъ батальоновъ 25-го и 70-го линейныхъ полковъ, вступилъ въ улицу Ришелье. Входъ въ нее былъ закрытъ тремя баррикадами: первою — на углу улицы Жаннисонъ; второю, у фонтана Мольера, и третью, подлѣ улицы Neuve des Petits-Champs. Первая баррикада, мужественно аттакованная въ штыки, была взята. Вдругъ изъ улицы Жаннисонъ раздаются два ружейныхъ выстрѣла и изъ оконъ летятъ бутылки и другіе снаряды, впрочемъ не очень опасные, тотчасъ же нѣсколько человѣкъ саперовъ направляются въ эту улицу и стрѣляютъ. Характеристическимъ обстоятельствомъ этой странной битвы было то, что здѣсь, подобно тому какъ и на Капуцинскомъ бульварѣ и на Бастильской площади, солдаты невольно увлеклись первымъ выстрѣломъ, стрѣляя въ безпорядкѣ, безъ цѣли, направо и налѣво, впередъ и назадъ, на воздухъ, въ окна, въ стѣны домовъ, — всюду куда только можно было стрѣлять. Къ несчастію многіе выстрѣлы попали въ людей совершенно невинныхъ: одинъ разнощикъ хлѣба былъ убитъ; нѣсколько мужчинъ и женщинъ ранено. Колонна двинулась дальше, не встрѣтивши болѣе сопротивленія, разрушила баррикады и возвратилась на Каррусельскую площадь.

Но когда она пришла сюда, баррикады были уже возобновлены.

VIII.

Это дѣло, совершенно безполезное, произвело очень дурное впечатлѣніе. Ни нападеніе, ни сопротивленіе не были серьезны. Люди, не имѣвшіе враждебнаго расположенія къ пра-

вительству, порицали эту неумѣренную стрѣльбу въ народъ. Другіе были до крайности раздражены убійствомъ разнощика хлѣба и это раздраженіе было такъ сильно, что полицейскій коммиссаръ Вассаль долженъ былъ извѣстить объ этомъ маршала, который далъ ему прокламацію, написанную имъ собственноручно. Заботы маршала умножались все болѣе и болѣе.

Донесенія разныхъ начальниковъ становились все тревожнѣе и тревожнѣе. Днемъ открылись всѣ тѣ препятствія, которыя были скрыты ночью. Теперь дѣло шло уже не о нападеніи,— надобно было думать о защитѣ. Вмѣсто того, чтобы подавить революцію, надобно было отступать передъ нею. А какъ далеко придется отступать?... Въ главномъ штабѣ, какъ и вездѣ, думали, что нравственное вліяніе было необходимѣе, настоятельнѣе физической силы. Прокламаціи, написанныя маршаломъ, служили самымъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

IX.

Герцоги Немурскій и Монпансье, съ самаго начала слѣдовавшіе за всѣмъ этимъ движеніемъ и знавшіе всѣ степени его развитія, не скрывали болѣе своихъ опасеній. „Отчаянное положеніе!“ говорили они депутатамъ, находившимся во дворѣ Тюльерійскаго дворца. „Теперь всѣ усилія безуспѣшны. Состояніе войскъ ужасно: они утопаютъ въ грязи, имъ не достаетъ снарядовъ. Одинъ батальонъ посланъ за партіей патроновъ; если онъ и успѣетъ пройти, то все таки не можетъ поспѣть ранѣе полудня!...“ Вату замѣтилъ при этомъ, что не было никакой возможности обнародовать объявленіе о новомъ министерствѣ.

Прежде, чѣмъ явиться къ королю, Тьеръ хотѣлъ узнать отъ самаго маршала истинное положеніе дѣлъ. Съ этою цѣлью онъ отправился съ герцогомъ Немурскимъ въ главный штабъ.

Маршалъ не былъ увѣренъ въ себѣ съ самаго начала своего назначенія: онъ чувствовалъ какъ слабѣла его власть.

Теперь, еще съ бо́льшимъ прискорбіемъ чѣмъ ночью, онъ жаловался на малочисленность войскъ, на недостатокъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Колонны, отправленныя въ центръ города, имѣли еще достаточное количество боевыхъ снарядовъ, но войска, стоявшія на Каррусельской площади, имѣли только по десяти патроновъ на человѣка. Магазины были наполнены снарядами, но до нихъ было далеко. Для защиты Тюльери оставалось не болѣе четырехъ, пяти тысячъ человѣкъ. Всѣ почти сообщенія были прерваны. Въ эту самую минуту Ависсъ и Брайе сообщили герцогу Немурскому и маршалу первыя свѣдѣнія о положеніи генерала Бедо. Маршалъ и Тьеръ, опечаленные, обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями о серьезномъ положеніи дѣлъ; послѣ этого разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, Тьеръ удалился, торопясь къ своимъ товарищамъ, которые отправлялись къ королю. Въ это время входилъ въ главный штабъ Фовель-Дельбарръ, въ сопровожденіи Курпона.

X.

Таково было расположеніе умовъ принца и маршала, когда они, спускаясь съ лѣстницы, чтобы выйти на площадь, увидѣли Курпона, который увѣдомилъ ихъ, что одинъ изъ обитателей той части города, гдѣ въ то время находился генералъ Бедо, явился въ качествѣ парламентера. „Было бы гораздо лучше, еслибъ національная гвардія возстановила порядокъ!“ сердито сказалъ маршалъ, и, опираясь на перила, имѣя съ лѣвой стороны герцога и окруженный толпою офицеровъ разныхъ чиновъ, онъ подозвалъ къ себѣ Фовеля, который въ это время поднимался по лѣстницѣ.

Фовель, одѣтый въ обыкновенное городское платье, покрытый по́томъ, съ взволнованнымъ лицомъ, находился въ какомъ то лихорадочномъ состояніи. Не будучи въ состояніи

ни побѣдить свое волненіе, ни умѣрить тонъ своего голоса, ни обдумать свои слова, онъ съ большимъ воодушевленіемъ сталъ говорить о раздраженіи народа, о его недовѣрчивости, озлобленіи, о критическомъ положеніи войскъ, о необходимости, для избѣжанія неминуемой битвы, смѣнить солдатъ и предоставить національной гвардіи заботу о возстановленіи порядка. Такъ какъ Фовель все болѣе и болѣе горячился, возвышая голосъ и обвиняя правительство въ его продолжительномъ молчаніи, то его рѣчь была прервана ропотомъ окружавшихъ маршала. „Кто вы такой, что позволяете себѣ такъ говорить съ маршаломъ Франціи, исполняющимъ великій долгъ? сказалъ Мориссо, одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба. — „Да,“ прибавляетъ маршалъ, „кто вы такой? — мэръ, его помощникъ, или какой нибудь гражданскій чиновникъ вашего округа? — враждебный или благонамѣренный вы человѣкъ?“ Фовель отвѣчаетъ, что его знаютъ многія лица (при этомъ онъ называетъ имена) близкія къ маршалу, что всѣмъ извѣстно его желаніе спокойствія, что онъ имѣетъ самыя миролюбивыя намѣренія, что онъ самъ фабрикантъ и знакомъ съ духомъ рабочихъ; что маршалъ Бюжо со славой побѣждалъ Арабовъ, но на этотъ разъ онъ не побѣдитъ работниковъ въ Парижѣ, который сдѣлался неприступною крѣпостью, и что онъ убѣждаетъ маршала и герцога Немурскаго предупредить кровавую битву, которая можетъ все погубить.

XI.

Маршалъ, уже поколебленный въ своей увѣренности въ успѣхѣ военнаго вмѣшательства, не желалъ ничего болѣе какъ только уничтожить всякій поводъ къ сопротивленію; но за то онъ не имѣлъ никакой увѣренности въ чувствахъ національной гвардіи. Не слѣдовало ли опасаться, что отступленіе войскъ послужитъ поводомъ къ возбужденію волненія? Фовель, еще болѣе возбужденный этой нерѣшительностію маршала, настаи-

ваетъ на необходимости немедленнаго отступленія войскъ, которыя не должны отвѣчать даже на выстрѣлы народа.... „Но вѣдь это позоръ!“ восклицаютъ оскорбленные офицеры; „вѣдь такое положеніе безчестно! Такъ вы хотите, чтобы убивали нашихъ солдатъ? „— Нѣтъ, нѣтъ! я говорю, что если войска отступятъ, то по нимъ вовсе не будутъ стрѣлять; я говорю, что если какая нибудь случайно пущенная пуля попадетъ въ солдата, то не надобно, чтобы тысячи пуль и ядеръ обагрили улицы потоками крови, въ которыхъ погибнетъ среди проклятій тронъ Луи-Филиппа!“ — „Ну, подождите моего отвѣта!“ сказалъ маршалъ, и съ герцогомъ Немурскимъ удалился изъ первой залы, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, въ сосѣднюю комнату, дверь которой оставалась полуравствореннюю. Возвратившись черезъ пять минутъ, маршалъ обратился къ Фовелю: „Ступайте, сказалъ онъ ему, я убѣжденъ, что вы честный человѣкъ; я вручаю вамъ приказъ, котораго вы просите у меня.“

Нельзя было медлить ни минуты: этотъ приказъ, какъ мы уже видѣли, былъ немедленно врученъ генералу Бедо.

Не одни только доводы Фовеля заставили маршала и герцога рѣшиться прекратить огонь, — другіе люди желали того же самаго; сами обстоятельства того требовали. На этотъ разъ усердіе Фовеля было только поводомъ къ тому, чтобы выразить на бумагѣ то, что существовало на самомъ дѣлѣ. Герцогу Немурскому и маршалу Бюжо достаточно было поговорить только нѣсколько минутъ, чтобы уступить могущественной силѣ обстоятельствъ и движенію, которое ихъ увлекало. Нельзя не сказать еще разъ, что все это было роковымъ послѣдствіемъ двухъ противурѣчивыхъ мѣръ, которыми дѣйствовало правительство, въ одно и тоже время обращаясь къ оппозиціи и опираясь на Бюжо,—мѣръ, взаимно уничтожавшихъ другъ друга.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій было такимъ логическимъ слѣдствіемъ обстоятельствъ и такъ вытекало изъ самаго по-

*

ложенія дѣлъ, что въ то самое время, когда этотъ приказъ исходилъ изъ главнаго штаба, онъ долженъ былъ выйти изъ Тюльери, вслѣдствіе разговора короля съ депутатами *).

---

*) Исторія должна собрать всѣ факты, которые могутъ объяснить это важное обстоятельство. Маршалъ Бюжо старался впослѣдствіи сложить отвѣтственность даннаго имъ приказа не на требованія обстоятельствъ, но на депутатовъ и самаго короля. Вотъ что онъ писалъ 19 октября:

«Около семи съ половиною часовъ толпа очень прилично одѣтыхъ буржуа прибѣжала ко мнѣ, со слезами на глазахъ, изъ разныхъ частей города, находившихся въ возстаніи, чтобы просить меня отозвать войска, которыя только раздражали народъ, и предоставить національной гвардіи, которая начинала уже собираться, заботу объ усмиреніи бунта. Я старался представить имъ всю опасность, которая могла возникнуть, въ случаѣ, если бы я воспользовался ихъ совѣтомъ, какъ вдругъ явились Тьеръ и Барро съ приказаніемъ отъ короля отозвать войска и употребить въ дѣло только національную гвардію, которой я до сихъ поръ не видѣлъ, за исключеніемъ одного или двухъ взводовъ, находившихся на Каррусельской площади. Въ началѣ я также сталъ сопротивляться министрамъ, какъ и буржуа, но когда герцогъ Немурскій пришелъ повторить мнѣ приказаніе короля, то я рѣшилъ, что не имѣю права долѣе оставлять на себѣ эту отвѣтственность. Тогда я размѣстилъ вокругъ стола человѣкъ двѣнадцать офицеровъ главнаго штаба и продиктовалъ имъ приказъ отступить войскамъ, въ слѣдующихъ почти выраженіяхъ: «По приказанію короля и министровъ вы должны отойти къ Тюльерійской площади. Пусть ваше отступленіе внушитъ народу страхъ; если васъ аттакуютъ, — возвратитесь, перейдите въ наступательное положеніе и тогда дѣйствуйте сообразно съ моими инструкціями, данными по утру». Это обстоятельство все погубило....

«Тьеръ и Барро возвратились къ десяти часамъ и представили мнѣ Ламорисьера.»

Разсказъ маршала совершенно не вѣренъ. При первомъ свиданіи маршала съ Тьеромъ, ни Тьеръ, ни Барро не видѣлись еще съ королемъ; они ходили къ королю совѣтоваться на счетъ состава министерства, — слѣдовательно они не могли передавать маршалу Бюжо королевскаго повелѣнія, котораго они никакъ не могли получить; когда же они возвратились къ маршалу, то приказаніе прекратить военныя дѣйствія было уже продиктовано и отправлено. Что они подтвердили необходимость этого распоряженія, это нисколько не подлежитъ сомнѣнію. Дальнѣйшій разсказъ представитъ результаты этого свиданія.

Что же касается до редакціи самаго приказа, то сравнивши тотъ, который былъ подписанъ и отправленъ къ Бедо, съ тѣмъ, который находится въ мемуарахъ маршала, можно судить, на сколько этотъ послѣдній невѣренъ.

XII.

Входя въ комнаты короля, депутаты *) вносили съ собою глубокое убѣжденіе, что военныя средства для подавленія возстанія никуда не годятся; что однѣ только искреннія и немедленныя уступки могутъ прекратить возстаніе; что малѣйшее колебаніе можетъ погубить монархическую власть.

Въ то время, когда Луи-Филиппу докладывали о прибытіи депутатовъ, Барро началъ снова высказывать своимъ товарищамъ свои опасенія относительно непопулярности маршала и совершенной невозможности оставить его главнокомандующимъ. Тьеръ, напротивъ того, возмущался даже мыслью, о смѣнѣ маршала Франціи предъ самимъ началомъ битвы. Но надобно же было наконецъ на что нибудь рѣшиться, и они рѣшили такъ, чтобы маршалъ, сохранивъ главное начальство надъ арміей, уступилъ генералу Ламорисьеру высшее начальство надъ національной гвардіей.

XIII.

Король, извѣщенный о приходѣ Тьера, велѣлъ позвать его къ себѣ. „Ну что же, мой любезнѣйшій министръ?“ — Мы изъ преданности пришли сюда, чтобы сойтись съ вами, государь; но мы все еще пока не министры.

„— Сейчасъ будете министрами. Но что же слѣдуетъ мнѣ дѣлать? Дайте мнѣ совѣтъ.“

— Въ Парижѣ, еще никто не знаетъ, что вы призвали насъ.

Король, казалось, былъ удивленъ и встревоженъ этими словами. Онъ позвалъ къ себѣ Фэна. Послѣдній подалъ ему письмо Делессера, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что его

*) На свиданіи съ королемъ были слѣдующія лица: Тьеръ, Барро, Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннъ, Ремюза, Гюставъ де-Бомонъ, Жюль-де-Ластейри, Аббаттуччи, Авенъ, Кузенъ, Кинетъ, Мерюо и де-Реймсъ.

осадили въ префектурѣ полиціи и что никто изъ его агентовъ не могъ выставить на улицѣ ни одного объявленія.

„— Это ужасно!“ сказалъ король; потомъ онъ вошелъ въ залу, гдѣ его ожидали депутаты, привѣтствовалъ каждаго, называя ихъ по имени, и обращался со всѣми съ тою заученною любезностью, которая составляетъ отличительную черту придворной вѣжливости.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ о состояніи города, неуспѣхѣ въ распространеніи ночью прокламацій и необходимости распространить ихъ въ возможно-бо́льшемъ количествѣ, Барро началъ говорить обдуманно и ясно о вліяніи, которое производитъ на народъ имя маршала Бюжо, и о трудностяхъ, которыя представляетъ это назначеніе къ успокоенію умовъ.

Тьеръ объявилъ королю о недостаточности средствъ, о чемъ онъ узналъ отъ самого маршала.

„— Я знаю объ этомъ,“ сказалъ король тоно́мъ жалобы, смѣшанной съ какимъ то тайнымъ упрекомъ.

„Чтобы избѣжать битвы, которая погубитъ все, сказалъ Тьеръ, мы должны сдѣлать все возможное; но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться смѣнить маршала. (Король словомъ и движеніемъ выразилъ свое одобреніе). Можно, не лишая власти знаменитаго маршала, удвоить его силу, присоединивъ къ нему человѣка съ болѣе популярнымъ именемъ.“ Приэтомъ онъ упомянулъ имя генерала Ламорисьера.

„Такъ. Превосходно!“ сказалъ Луи-Филиппъ, одинаково обрадованный какъ самимъ средствомъ, такъ и будущимъ результатомъ его, и съ какою то искуственной, грубой фамильярностью, составлявшей одну изъ особенностей его политики, прибавилъ: „Но только вы одни можете уломать Бюжо. Заставьте его проглотить эту пилюлю. Надобно будетъ также объявить объ этомъ національной гвардіи и народу.“

„Да, отвѣчалъ Тьеръ, надобно употребить всѣ средства,

чтобы успокоить волненіе, и если, послѣ всѣхъ уступокъ, мы ничего не сдѣлаемъ, тогда надобно сражаться!“

XIV.

Но самымъ щекотливымъ вопросомъ все таки было распущеніе палатъ. До тѣхъ поръ пока теперешняя палата оставалась, король былъ еще во всей силѣ; консервативная партія всѣмъ управляла; король, министры, депутаты — принадлежавшіе къ этой партіи, всѣ питали надежду, и вѣрную надежду, на возвращеніе счастливаго времени. Но если бы Луи-Филиппъ согласился распустить парламентъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть навсегда отказался бы отъ личнаго управленія. Этой мысли не могла вынести его гордость. Оттого слова Барро такъ сильно взволновали его. Распустить палату! Онъ не согласится на это ни за что, никогда! И онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, выражая своими движеніями то, чего приличіе не позволяло ему высказать. Барро продолжалъ почтительно, но твердо настаивать на своемъ. „Надобно распустить палату!“ говорилъ Дювержье де-Гораннъ. Но король, казалось, былъ глухъ. Повременамъ онъ уходилъ въ сосѣднюю комнату, возвращался оттуда съ непреклоннымъ выраженіемъ лица и съ удвоенной энергіей продолжалъ настаивать на своемъ. Какой злой геній, жаждавшій его погибели, нашептывалъ ему этотъ роковой совѣтъ? Черезъ полурастворенную дверь депутаты какъ будто бы видѣли силуэтъ Гизо: зрѣніе не обманывало ихъ.

XV.

Между тѣмъ время шло. Одинаково рѣшившись не уступать ни въ чемъ и въ тоже время не прерывать переговоровъ, король сердился на настойчивость депутатовъ, депутаты съ своей стороны были раздражены сопротивленіемъ коро-

ля *). Разстроенные, раздраженные, чувствуя какъ время уносило все, даже самую силу ихъ преданности, депутаты очень хорошо понимали, что самая честь ихъ требовала удалиться отъ короля. Надобно было однакожъ положить конецъ этому неловкому положенію. Король сказалъ Тьеру, чтобы онъ отправился къ маршалу убѣдить его согласиться на назначеніе Ламорисьера и просилъ депутатовъ употребить свое вліяніе, чтобы успокоить народъ, прибавивъ при этотъ, что остальное уладится потомъ. — Потомъ! — обманчивое слово, смыслъ котораго будетъ зависѣть отъ успѣха, или неудачи.

XVI.

Но какимъ образомъ стать посредникомъ между народомъ и правительствомъ, въ качествѣ кого явиться народу? Въ качествѣ депутатовъ? Но вѣдь они сами были виновниками манифестацій; нѣкоторыхъ изъ нихъ честь обязывала принимать участіе въ этихъ манифестаціяхъ. Явиться въ качествѣ министровъ? — но призванные по необходимости, принятые королемъ съ отвращеніемъ, они пока еще вовсе не были министрами. Настоящими министрами были еще оффиціальные министры, тѣ, которымъ принадлежала власть, которые пользовались довѣріемъ короля, съ которыми онъ совѣтовался почти открыто, которыхъ совѣты имѣли силу; это были: Гизо, Дюшатель, Геберъ.

Развѣ вліяніе, которое депутаты могли имѣть на народъ и къ которому взывалъ Луи-Филиппъ, не было уже заранѣе ослаблено? И что же они скажутъ народу? Что король измѣняетъ систему управленія? Но вѣдь основаніе этой системы, орудіе личнаго правленія — это существующій парламентъ, а король съ упрямствомъ отказывается распустить его. Сказать

*) Въ минуту дурнаго расположенія духа король повернулся спиной къ Барро.

народу, что король даетъ реформы? Но какія же это именно реформы? Развѣ онъ подписалъ уже что нибудь? Сказать, что онъ удаляетъ Гизо, что онъ ввѣряетъ власть оппозиціи? Но гдѣ повелѣніе объ отставкѣ и назначеніи?

Слѣдовало ли депутатамъ высказывать народу краснорѣчивыя увѣренія? — но народъ потребуетъ доказательствъ; — дѣлать ему намеки на вѣроятность того или другаго? — но народъ потребуетъ увѣреній; — дать народу обѣщанія? — но онъ спроситъ что́ сталось съ обѣщаніями, данными въ дни іюльскаго переворота?

Такимъ образомъ вмѣшательство депутатовъ, при своей видимой опасности, было бы въ тоже время и безполезно. Только одно дѣйствительное средство могло бы побѣдить недовѣрчивость народа: это истина. Но этой то могущественной силы, которой не можетъ замѣнить ни популярность, ни краснорѣчіе, ни мужество, ни преданность, — этой истины и не доставало тогда.

Депутатамъ была открыта другая дорога, имъ предстояло исполнить другой долгъ. Распущеніе парламента было необходимо для сохраненія достоинства и безопасности кабинета. Раньше чѣмъ парламентъ будетъ распущенъ, народъ не станетъ вѣрить въ искренность короля, а пока онъ не получитъ этой увѣренности, до тѣхъ поръ онъ не броситъ своего оружія. Депутатамъ не слѣдовало въ этомъ отношеніи соглашаться ни на какія сдѣлки: надобно было немедленно сломить упрямство короля и, не уходя отъ него, добиться положительнаго и неизмѣннаго рѣшенія.

Если бы король уступилъ, то новое министерство еще могло бы, не смотря на потерянную ночь, занять свое мѣсто въ Тюльерійскомъ дворцѣ, пустить въ ходъ прокламаціи, обратиться съ воззваніемъ къ народу, стать подъ защиту національной гвардіи, созванной всею массою къ Тюльерійскому дворцу, и искренностью своихъ дѣйствій и положительными

гарантіями уничтожить всякій поводъ къ возмущенію и ослабить его моральное значеніе.

Если же, напротивъ, король сталъ бы настоятельно требовать отъ нихъ невозможнаго, то они тогда должны были бы удалиться, объявить о прекращеніи всякихъ переговоровъ, отклонить отъ себя всякую отвѣтственность и громко заявить передъ исторіей и народомъ свою непричастность къ дѣлу правительства.

Въ такомъ поведеніи не было бы ничего, что бы могло подать поводъ къ обвиненію министровъ въ томъ, что они не хотятъ защищать тронъ, скрываются отъ опасности и покидаютъ короля. Указать ясно королю на условія, на которыхъ они готовы дать ему просимую имъ помощь,—было бы съ ихъ стороны дѣломъ, достойнымъ честныхъ людей. Представивъ ему страшную дѣйствительность, можно было этимъ самимъ просвѣтить его невѣдѣніе и можетъ быть даже спасти его. Осторожнымъ обращеніемъ они навѣрно губили его. Преданность и угодливость не одно и тоже: первая спасаетъ государства, а вторая губитъ ихъ.

Вслѣдствіе заблужденія, великодушія или увлеченія, депутаты, поставленные между народомъ и королемъ, согласились казаться министрами, не будучи ими на самомъ дѣлѣ, согласились испытать разныя средства къ примиренію, которыхъ имъ еще не дали, согласились взять на себя отвѣтственность той власти, которой они еще не имѣли. Разумѣется, въ этомъ поведеніи было много мужества, но основаніе его было ложно, и эта политика была заранѣе осуждена на совершенную неудачу.

XVII.

Надобно было увѣдомить обо всемъ маршала Бюжо и получить его согласіе. Принцы, Тьеръ и Ремюза, всѣ обращались къ нему отдѣльно. „Мы только что были у короля,“

сказалъ Тьеръ. „Его величество знаетъ, какъ велика опасность; онъ убѣжденъ въ необходимости успокоить умы и прекратить на время военныя дѣйствія.

„— Я также убѣжденъ въ этомъ,“ не колеблясь возразилъ маршалъ, „и я уже отдалъ приказанія въ этомъ смыслѣ.

„— Надобно опасаться, что ваше и мое имя не будутъ имѣть достаточно силы, чтобы уничтожить вредное дѣйствіе происшествія на Капуцинскомъ бульварѣ. Намъ нужны болѣе популярныя имена. У насъ уже есть Барро. Король думаетъ, что было бы не дурно назначить Ламорисьера начальникомъ національной гвардіи....

„— Я охотно соглашаюсь на это,“ сказалъ маршалъ. „Въ политическихъ вопросахъ мы не сходились съ нимъ, но онъ отличный офицеръ; онъ долго находился подъ моимъ начальствомъ. Я очень радъ служить съ нимъ. Пошлите за нимъ сейчасъ же.

„— Народъ, какъ видно, совершенно не знаетъ рѣшеній короля; надобно немедленно объявить ихъ ему. Будемъ стараться избѣгать битвы; подождемъ пока народъ сдѣлаетъ нападеніе; и если наши усилія успокоить его будутъ безполезны, ну — тогда мы увидимъ, что нужно будетъ дѣлать!“

Генералъ Ламорисьеръ, немедленно призванный, былъ очень любезно принятъ маршаломъ. Послѣ разныхъ любезностей было условлено, что Барро и генералъ отправляются къ барикадамъ лично объявить о новомъ оппозиціонномъ министерствѣ, о реформахъ, обѣщанныхъ уступкахъ, о прекращеніи военныхъ дѣйствій, а маршалъ съ своей стороны разошлетъ всѣмъ войскамъ приказаніе прекратить огонь на всѣхъ пунктахъ.

XVIII.

Новый начальникъ національной гвардіи былъ одѣтъ въ городское платье. Ему надобно было импровизировать себѣ

костюмъ. Въ нѣсколько секундъ онъ приладилъ къ своимъ сѣрымъ панталонамъ и штиблетамъ узкую шинель офицера главнаго штаба Курнона, надѣлъ эполеты генерала Карбонеля, взялъ у одного шляпу, у другаго саблю и сѣлъ на лошадь Бори де-Ренода. Многіе изъ офицеровъ: Курнонъ, Мориссо, де-ла-Галиссери, одинъ изъ его друзей, артиллерійскій капитанъ Бенцманъ, предложили ему составить изъ себя конвой; Жюль-де-Ластейри отправился также сопровождать его. Съ глазами, горящими огнемъ самоотверженія, съ гордымъ выраженіемъ лица, послушный какъ солдатъ, которому приказано итти въ огонь, молодой генералъ летитъ отыскивать своихъ солдатъ, не зная ни количества ихъ, ни мѣста ихъ расположенія, и точно также совершенно незнаемый ими.

XIX.

Съ своей стороны Барро отправился въ сопровожденіи Аббаттуччи, Авена, Гюстава де-Бомона, Оскара Лафаета, Кинетта, Кузена, Бароша и двухъ офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи: Гораса Верне и де-Лажа. Тьеръ хотѣлъ также присоединиться къ нему. Этому предпріимчивому уму хотѣлось еще разъ испытать свою недавнюю популярность. Но эта минутная благосклонность къ нему народа уже прошла. Возставшій народъ еще кричалъ: Да здравствуетъ Барро! и уже кричалъ: Долой Тьера! Горасъ Верне слышалъ этотъ крикъ; опасность была слишкомъ явная; онъ предупредилъ объ этомъ Тьера. Тьеръ оскорбляется этимъ обиднымъ для его мужества предостереженіемъ и хочетъ итти къ баррикадамъ. Тогда въ дѣло вмѣшивается маршалъ, онъ беретъ Тьера на руки, какъ ребенка и бросаетъ его въ проходъ, ведущій въ кабинетъ, говоря ему: „Оставайтесь! Мнѣ нуженъ здѣсь какой нибудь рѣшительный человѣкъ. Если примиреніе не удастся, то здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, будетъ главное дѣло, и мнѣ нуженъ кто нибудь, который

не побоится взять на себя вмѣстѣ со мной отвѣтственность.“ Тьеръ остался.

При выходѣ изъ штаба Барро встрѣтилъ Паньера и сказалъ ему: „Пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ нуженъ республиканецъ такой какъ вы“. Паньеръ присоединился къ нему. Въ это время было девять часовъ утра.

XX.

Такимъ образомъ король, принцы, маршалъ, депутаты, государственные и военные люди,—всѣ сознавали недѣйствительность оружія противъ нравственной силы возмущенія, и всѣ прибѣгли къ средствамъ моральнымъ. Въ то время какъ Барро шелъ проповѣдывать миръ передъ баррикадами, маршалъ Бюжо повторялъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ формальное приказаніе прекратить военныя дѣйствія. У меня въ рукахъ находится подобный приказъ, посланный къ полковнику 57-го линейнаго полка. Этотъ полковникъ, отправившійся изъ Лиля 23 числа вечеромъ, пріѣхалъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги 24 числа въ пять часовъ вечера, а въ десять часовъ получилъ черезъ посредство переодѣтаго агента слѣдующую депешу:

„Расположитесь у станціи желѣзной дороги съ двумя вашими батальонами. Надобно надѣяться, что спокойствіе возстановится при помощи національной гвардіи. Старайтесь дѣйствовать въ духѣ примиренія. Огонь долженъ быть прекращенъ на всѣхъ пунктахъ.

«Маршалъ, герцогъ д'Исли.

Послѣ словъ: „Огонь долженъ быть прекращенъ на всѣхъ пунктахъ,“ маршалъ прибавилъ было: „до тѣхъ поръ пока....“ но потомъ, одумавшись вслѣдствіе какой нибудь смутной мысли, пробѣжавшей въ его умѣ, онъ сильно зачеркнулъ это мѣсто, впрочемъ такъ, что еще можно было явственно разобрать эти слова.

Маршалъ продолжалъ самъ и заставлялъ другихъ писать прокламаціи. Онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ главнаго штаба національной гвардіи распространить прокламаціи по всѣмъ частямъ города, и когда одинъ изъ высшихъ офицеровъ сказалъ ему, что мундиръ можетъ служить поводомъ къ тому, что народъ будетъ стрѣлять по офицерамъ и что, исполняя это порученіе, можно рисковать быть убитымъ, то маршалъ съ презрѣніемъ отвѣтилъ ему: „Я не приказываю вамъ быть убитымъ; я приказываю вамъ итти.“

XXI.

Рѣшительно непонятнымъ остается то, что маршалъ, приказавъ своимъ войскамъ прекратить огонь, въ тоже время не призвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Самый простой здравый смыслъ показывалъ, какъ было опасно оставлять войска на улицѣ, среди возмущенія. Народъ, постоянно приходившій съ ними въ столкновеніе, могъ окружить ихъ, сжать, разбить на части, и отнять у нихъ оружіе. Уже было два ужасныхъ столкновенія, сколько еще могло случиться другихъ! И если аттака возобновится въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, — всѣ усилія возстановить спокойстіе будутъ безполезны и борьба снова начнется во всемъ городѣ. Народъ, разсвирѣпѣвшій отъ мысли, что ему измѣнили, будетъ драться съ остервененіемъ; войска съ своей стороны будутъ дѣйствовать нерѣшительно, растерявшись подъ вліяніемъ разныхъ чувствъ, сбивчивыхъ приказаній и разныхъ печальныхъ столкновеній. Да, когда возмущеніе приняло уже такіе опасные размѣры, когда оно распространилось уже по всему городу, когда національная гвардія, вмѣсто того, чтобы подавлять возмущеніе, поддерживала его,— было огромной ошибкой не сосредоточить всѣхъ войскъ, для того чтобы сдѣлать этимъ послѣднее усиліе къ достиженію мира. Не одинъ разъ, впослѣдствіи, маршалъ Бюжо долженъ былъ горько упрекать себя въ этой

ошибкѣ. Разумѣется, уже не было никакой возможности спасти королевскую власть Луи-Филиппа: паденіе его было рѣшено самой судьбой, но, не смотря на это, была возможность спасти еще достоинство трона. Пятнадцать или двадцать тысячъ войска, сосредоточеннаго въ рукахъ рѣшительнаго человѣка, могли обезпечить возможность заключить почетную капитуляцію. Тогда, можетъ быть, король не унесъ бы въ своемъ печальномъ бѣгствѣ короны своего внука *).

XXII.

Обстоятельства требовали, чтобы король немедленно и окончательно рѣшился на что нибудь. Часы его были сосчитаны. Тьеръ, Ремюза и Дювержье де-Гораннъ поспѣшили возвратиться въ Тюльери. „Государь, сказалъ Тьеръ, маршалъ согласенъ на назначеніе Ламорисьера; Барро и генералъ отправились къ баррикадамъ.“ Затѣмъ онъ ясно изложилъ условія, на которыхъ онъ согласенъ принять на себя власть. Тогда опять возобновились уже бывшія сцены: восклицанія, сопротивленіе короля, быстрыя прогулки его по комнатѣ и совѣщанія въ сосѣдней комнатѣ. Въ залѣ, смѣжной съ кабинетомъ короля, Ремюза сочинялъ, диктовалъ и, диктуя, измѣнялъ выраженія прокламаціи, въ которой должно было быть объявлено рѣшеніе короля, какъ только оно будетъ дано. Подъ вліяніемъ лихорадочнаго нетерпѣнія, Дювержье де-Гораннъ едва удерживалъ тягостное волненіе, которымъ было наполнено его сердце.

---

*) Изъ точнаго разсказа событій можно видѣть, что приказаніе прекратить военныя дѣйствія или, по крайней мѣрѣ, остановить ихъ на время, было единственнымъ желаніемъ короля, принцевъ, маршала Бюжо, Тьера, Барро, ихъ товарищей и всѣхъ безъ исключенія, желаніемъ высказаннымъ ими или послѣдовательно или одновременно. Бывшіе впослѣдствіи споры и взаимныя обвиненія доказываютъ только сожалѣніе о потерянномъ, но не искажаютъ истины.

Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Тьеръ обращается къ герцогу Немурскому: „Вы видите! мы только убиваемъ время. Король не рѣшается на распущеніе парламента; вѣдь мы не министры, мы ничего болѣе не можемъ сдѣлать съ своей стороны.“

„— Вы правы, сказалъ принцъ, дайте, я постараюсь что нибудь сдѣлать; я пойду къ королю.“ И герцогъ отправился въ гостинную королевы.

Въ ту же самую минуту Эмиль де-Жирарденъ вошелъ къ депутатамъ. „Вамъ нельзя терять ни одной минуты,“ воскликнулъ онъ, „волненіе уже достигло самихъ воротъ Тюльери. Единственное средство спасенія — немедленно объявить о новомъ министерствѣ, о распущеніи парламента и прочее.

„— Я очень хорошо это знаю, возразилъ Тьеръ, но мы не можемъ добиться всего этого.“

Наконецъ герцогъ Немурскій возвратился къ депутатамъ и объявилъ имъ, что король согласенъ распустить парламентъ, что онъ уполномочиваетъ новыхъ министровъ объявить объ этомъ посредствомъ прокламаціи, но подъ ихъ отвѣтственностію и съ устраненіемъ его имени. Это условіе было или слѣдствіемъ пустой предосторожности или поставлено преднамѣренно. Никто не обратилъ вниманія на это странное обстоятельство. Прокламація слѣдующаго содержанія была сейчасъ же составлена:

«Парижъ, 24 февраля 1848 г., десять часовъ утра.

„Парижскіе граждане!

„Сдѣлано распоряженіе прекратить огонь на всѣхъ пунктахъ.

„Король только что поручилъ намъ составить новое министерство.

„Парламентъ будетъ распущенъ. Правительство обратилось съ воззваніемъ къ народу.

„Генералъ Ламорисьеръ назначенъ начальникомъ національной гвардіи.

„Тьеръ, Барро, Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннъ назначены министрами.

«Подписали: Тьеръ, Одилонъ Барро, генералъ Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннъ.

«*Свобода, порядокъ, реформа!*»

Чрезвычайно важно было то, чтобы эта прокламація была немедленно напечатана, выставлена на улицахъ и опубликована въ газетахъ. Но, повѣрятъ ли этому, ни въ Тюльери, ни въ главномъ штабѣ не было печатнаго станка! Въ продолженіе цѣлой ночи и цѣлаго утра, офицеры, генералы, самъ маршалъ переписывали безъ отдыха прокламацію маршала, и никто изъ нихъ не подумалъ позвать типографщиковъ. Это была роковая непредусмотрительность, за которую они жестоко поплатились! „За недостаткомъ печатнаго станка должна погибнуть монархія!“ горестно вскрикнулъ Эмиль де-Жирарденъ. Реймсъ, Меррюо и самъ Эмиль де-Жирарденъ бѣгутъ въ конторы журналовъ Siècle, Constitutionnel, Presse. Но, какъ всегда случается въ минуту великаго переворота, если явится какое набудь разумное рѣшеніе, то не достаетъ времени, чтобы привести его въ исполненіе. Событія шли быстрѣе, чѣмъ работа типографщиковъ!

XXIII.

Между тѣмъ Одилонъ Барро шелъ къ бульвару по улицамъ: de l'Échelle, Sainte-Anne и Grammont; по дорогѣ ему вездѣ попадались баррикады, но нигдѣ онъ не замѣтилъ враждебнаго расположенія народа. Большею частію ему отворяли проходъ чрезъ баррикады; иногда же онъ долженъ былъ переѣзжать черезъ нихъ. При каждой остановкѣ онъ повторялъ, что ми-

нистерство будетъ составлено изъ членовъ оппозиціи, что всѣ жалобы честныхъ людей будутъ удовлетворены, что либеральная политика взяла наконецъ верхъ, что войскамъ приказано вступить въ казармы и повсемѣстно прекратить огонь; рѣчь свою онъ оканчивалъ горячими убѣжденіями примириться и довѣриться правительству. Не смотря на неопредѣленность его доводовъ, они все таки производили сильное вліяніе. Толпа привѣтствовала ихъ криками: Да здравствуетъ Барро! Да здравствуетъ реформа! Но въ то же время слышался крикъ: Долой Бюжо! и даже — Долой Тьера! — На Итальянскомъ бульварѣ толпа была громадная; тамъ собралось множество работниковъ, но еще больше буржуа. Народъ симпатично встрѣтилъ Барро; Барро обратился къ нему съ рѣчью. Рѣчь произвела громадный энтузіазмъ: народъ окружилъ оратора, апплодировалъ ему, благодарилъ, одобрялъ, поднималъ его на руки. Въ эту минуту Барро могъ подумать, да онъ повидимому и подумалъ, что все дѣло зависитъ исключительно отъ него.

Тѣ же самыя восклицанія Барро встрѣчалъ до самыхъ Сенъ-Денисскихъ воротъ. Но здѣсь раздался крикъ, котораго онъ еще не слыхалъ до сихъ поръ: Долой Луи-Филиппа! Паньеръ обратилъ вниманіе Барро на этотъ крикъ: „Видите ли, прибавилъ онъ, его уже не желаютъ имѣть королемъ; отреченіе необходимо; потребуйте его немедленно; въ противномъ случаѣ будетъ революція!“ Однако еще не слышно было крика: Да здравствуетъ республика!

У подножія Сенъ-Денисскихъ воротъ возвышалась та громадная постройка, о которой мы уже говорили. Перешедши черезъ нее, Барро увидѣлъ страшное зрѣлище: по четыремъ сторонамъ бульвара и двумъ улицамъ, его пересѣкающимъ, четыре баррикады составляли настоящій редутъ. На верху этихъ окоповъ стояла толпа людей, которыхъ гордыя лица выражали неукротимую смѣлость. Они стояли уже нѣсколько часовъ въ какихъ нибудь 100 шагахъ отъ генерала Бедо, ожидая

приступа и рѣшившись выдержать его. Это были самые отборные люди парижскаго революціоннаго населенія, энергическіе, неукротимые, закаленные, рѣшившіеся на битву. Красное знамя развивалось надъ ними. Первымъ ихъ движеніемъ было прицѣлиться въ приближающихся. Барро, удивленный этимъ пріемомъ, но не устрашенный угрозой, идетъ впередъ съ непокрытой головой, съ гордымъ выраженіемъ лица, съ смѣлыми и повелительными движеніями. Воспламененный величіемъ своей обязанности, онъ говоритъ народу воодушевленнымъ голосомъ, но передъ нимъ стоятъ люди съ такимъ же какъ онъ сильнымъ убѣжденіемъ: слова его разбиваются объ эти желѣзныя груди. Его рѣчь заглушается смутнымъ ропотомъ. Ораторъ парламентскаго либерализма встрѣтилъ здѣсь предѣлъ своему вліянію.

XXIV.

Итти далѣе было безполезно и могло быть даже опасно. Друзья Барро совѣтовали ему возвратиться. Изнуренный усталостью, печальный, убитый, онъ возвращался по той же дорогѣ, по которой онъ только что прошелъ въ полномъ упоеніи популярности, довѣрчивости и тріумфа. Толпа, подобно ему, казалось, измѣняла свои чувства. Крики: Долой Тьера! Долой Луи-Филиппа! раздавались еще чаще. Подъ симпатіею народа уже слышалась угроза и въ хаосѣ страстей, еще не опредѣлившихся, зоркій глазъ уже могъ различить рѣшительную волю и цѣль.

XXV.

Съ своей стороны и Ламорисьеръ не имѣлъ лучшаго успѣха. Блестящія заслуги, пріобрѣвшія ему популярность, его молодость, смѣлость его словъ, выражавшая смѣлость характера, все, даже самая оригинальность его костюма, неотразимо обольщали воображеніе народа. Всеобщіе восторженные крики привѣтствовали этого генерала, славнаго завоевателя Констан-

тины, счастливаго побѣдителя Абдъ-эль-Кадера. Полный жара, увлеченія, присутствія духа, онъ вездѣ встрѣчалъ рукоплесканія, но нигдѣ не встрѣтилъ довѣрія къ правдивости своихъ обѣщаній. Баррикады или не отворялись передъ нимъ, или же закрывались по его удаленіи. „Вы — хорошо! Барро — хорошо!“ кричалъ народъ, узнавъ отъ него о созваніи новыхъ министровъ, о реформахъ, о прекращеніи военныхъ дѣйствій: — „Бюжо — ненужно! Тьера—ненужно! Долой Тьера! Долой Бюжо!“

Генералъ не хотѣлъ итти на перекоръ. У второй баррикады онъ уже не упоминалъ имени маршала; у третьей—онъ выпустилъ и имя Тьера; далѣе, повинуясь силѣ обстоятельствъ, онъ просто объявлялъ уже о министерствѣ Барро. Онъ, гордившійся въ началѣ честію командовать храброю парижскою національною гвардіей, теперь объявлялъ, что гордится тѣмъ, что ему досталось быть начальникомъ и національной гвардіи и дѣтей Парижа! Ловкость слова, конечно удивительная въ военномъ человѣкѣ, но которая, выражая силу его ума, доказывала въ то же время требованіе времени и неудачу возложеннаго на него порученія!

XXVI.

Послѣ одинаковыхъ сценъ и одинаковой опасности, перенесенныхъ съ одинаковой энергіей ради общаго долга, Ламорисьеръ и Барро встрѣтились на Итальянскомъ бульварѣ. Въ это время было десять или десять съ половиною часовъ утра. Генералъ слѣзъ съ лошади и они обнялись. Это была трогательная, но печальная сцена; она выражала болѣзненное сознаніе въ общей неудачѣ. Ораторъ и генералъ, не смотря на горячее сочувствіе къ нимъ народа, чувствовали себя побѣжденными.

И что же въ самомъ дѣлѣ могло выйти изъ этого предпріятія, разумѣется, очень смѣлаго, но не благоразумнаго? По-

нятно, что вліяніе какой нибудь личности можетъ имѣть мѣсто гдѣ нибудь на форумѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Венеціи, словомъ въ городѣ, гдѣ отъ одного конца до другаго можетъ быть слышенъ человѣческій голосъ, гдѣ каждый извѣстенъ въ лицо; понятно, что въ такихъ мѣстахъ самая буйная толпа уступаетъ вліянію какого нибудь знаменитаго оратора или храбраго генерала. Но въ Парижѣ, среди этой несмѣтной толпы, въ которой заключается столько всякихъ разнородныхъ массъ, раздробленныхъ на тысячи отдѣльныхъ группъ, на такихъ огромныхъ пространствахъ, что можетъ сдѣлать самое увлекательное краснорѣчіе? Какое вліяніе можетъ имѣть самая заслуженная, самая громадная популярность? — ровно никакого! Въ нѣсколькихъ шагахъ голосъ теряется въ воздухѣ, наплывъ новой массы народа уничтожаетъ дѣйствіе, произведенное рѣчью; въ сосѣдней улицѣ видно, но за то ничего не слышно. Мѣсто Барро, Ламорисьера и другихъ политическихъ дѣятелей, призванныхъ королемъ, было въ Тюльери. Отсюда они могли и должны были дѣйствовать своимъ вліяніемъ. Но чтобы имѣть возможность дѣйствовать и заставлять дѣйствовать другихъ, для этого нужна была власть, а ее то они и не имѣли. Въ десять часовъ король еще торговался съ ними.

Эти два министра одного часа, уже почти прошедшаго, шли вмѣстѣ до улицы Мира; уставшій Барро согласился сѣсть на лошадь офицера Бенцмана, предложенную ему генераломъ. Народъ, толпившійся вокругъ нихъ, кричалъ: „Въ Тюльери, въ Тюльери!“ Если бы они согласились стать во главѣ этого кружка, они могли бы завладѣть дворцемъ.

Барро объявилъ, что онъ хочетъ возвратиться къ себѣ домой. Въ десять съ половиною часовъ онъ пріѣхалъ усталый, сопровождаемый все тою же толпой, кричавшей по прежнему. Собравшіеся у Барро въ большомъ количествѣ депутаты, журналисты, вліятельнѣйшіе изъ избирателей, члены центральнаго комитета, ожидали его, нетерпѣливо желая узнать, что

происходило въ Тюльери, на бульварахъ, что нужно было дѣлать и на что можно было надѣяться. Въ отсутствіе своего мужа г-жа Барро и ея мать г-жа Дефоссе принимали гостей съ удивительной простотой и спокойствіемъ духа.

Толпа, собравшаяся около дома, все еще продолжала кричать. Гарнье-Паже обратился къ ней съ рѣчью и толпа, повинуясь голосу этого популярнаго человѣка, начала мало по малу расходиться. „Видите ли, Барро, сказалъ Гарнье-Паже, надобно торопиться, — насъ увлекаютъ событія. Сегодня вы еще въ силѣ, завтра на вашемъ мѣстѣ уже будутъ мои друзья и я, послѣ завтра будетъ Ледрю-Ролленъ.“

XXVII.

Что касается генерала Ламорисьера, то онъ, смущенный тѣмъ, что толпа, требовавшая, чтобы онъ велъ ее въ Тюльери, сдѣлала изъ него революціоннаго предводителя, пришпорилъ свою лошадь и, проѣхавъ рысью по улицѣ Мира, поскакалъ во дворецъ, сопровождаемый небольшой толпой.

Въ улицѣ Риволи, не далеко отъ угла улицы Пирамидъ, подлѣ самой рѣшетки Тюльерійскаго дворца, онъ встрѣтился съ маршаломъ Бюжо и герцогомъ Немурскимъ, которые подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя направлялись къ площади Согласія, откуда только что слышалась сильная перестрѣлка. Лица ихъ были озабочены. Они остановились. Генералъ отдалъ отчетъ въ своемъ порученіи, стараясь какъ можно мягче, высказать непопулярность маршала. „Да, господинъ маршалъ, прибавилъ одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба національной гвардіи, Морисссо, — мнѣ очень прискорбно, но я обязанъ вамъ сказать, что ваше имя встрѣтило дурной пріемъ, я слышалъ вездѣ одинъ и тотъ же крикъ: Долой Бюжо!“

XXVIII.

Маршалъ уже лично убѣдился въ этой непріятной истинѣ.

На Каррусельской площади его очень холодно встрѣтилъ третій батальонъ 10-го легіона. Немного погодя онъ отправился въ улицу Риволи, чтобы осмотрѣть два батальона 2-го легіона и когда скомандовалъ одному изъ нихъ зайти по отдѣленіямъ и слѣдовать за нимъ, то батальонный командиръ не послушался его; онъ повторилъ свое приказаніе офицерамъ, — офицеры тоже не послушались. Тогда одинъ изъ офицеровъ главнаго штаба рѣшился сказать ему: „Маршалъ, съ большимъ сожалѣніемъ я долженъ вамъ сказать, что національная гвардія не желаетъ имѣть васъ своимъ начальникомъ.“ Маршалъ удалился, не сказавъ ни слова.

Въ десять часовъ первый батальонъ 1-го легіона пришелъ въ главный штабъ на смѣну втораго батальона 8-го легіона, который былъ въ караулѣ съ 23 на 24 число. 1-й легіонъ подобно 10-му былъ преданъ династіи, королю и его политикѣ. Маршалъ обратился съ рѣчью къ этому батальону. Въ отвѣтъ на эти слова солдаты выразили желаніе реформъ. „Разумѣется, сказалъ маршалъ, король готовъ дать всевозможныя реформы, или по крайней мѣрѣ бо́льшую часть ихъ....“ Это злополучное слово вызвало ропотъ, раздались многочисленные крики: Да здравствуетъ реформа! И только нѣсколько голосовъ кричало: Да здравствуетъ король!

Генералъ продолжалъ говорить съ герцогомъ Немурскимъ и маршаломъ, когда прибѣжалъ полицейскій коммиссаръ и объявилъ, что конвой не можетъ итти дальше, не подвергаясь неминуемой опасности. Не обращая вниманія на это предупрежденіе и видимо взволнованный нерасположеніемъ къ нему народа, маршалъ повернулъ свою лошадь назадъ и вмѣстѣ съ герцогомъ возвратился въ Тюльери.

XXIX.

Непріязнь къ маршалу сдѣлалась всеобщею: народъ былъ недоволенъ имъ за его жестокіе поступки и еще болѣе жесто-

кія слова; либеральная буржуазія — за его политическую дѣятельность; консервативная буржуазія — потому, что непопулярность марціала вела къ неминуемой опасности. Эта опасность была тѣмъ серьезнѣе, что возможность ея допускалъ самъ маршалъ. Онъ чувствовалъ, что его имя парализовало всѣ его усилія къ возстановленію мира. Поставленный въ это ложное положеніе, которое не было ни миромъ ни войной, получая со всѣхъ сторонъ самыя мрачныя извѣстія, удивляясь противорѣчіямъ, волновавшимъ его мысли, видя неудачу во всемъ: въ уступкахъ, обѣщаніяхъ, прокламаціяхъ, даже въ дѣйствіяхъ самыхъ популярныхъ личностей,— онъ терялъ силу воли, до сихъ поръ несокрушимую. Будучи смѣлымъ орудіемъ нерѣшительности короля и добровольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ скрытыхъ мыслей его, онъ былъ въ то же время и жертвой этого положенія!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трудное отступленіе генерала Бедо на бульварахъ; безпрестанныя препятствія, встрѣчаемыя имъ; встрѣча съ Барро и его друзьями; пушки не могутъ двигаться впередъ, ихъ отводятъ въ ратушу втораго округа; ящики открываютъ и боевые припасы раздаются народу; предводительствуемая національной гвардіей и народомъ, колонна генерала Бедо вступаетъ на площадь Согласія; муниципальные гвардейцы, содержащіе караулъ въ постѣ Пейронне, стрѣляютъ въ народъ; кровавая стычка, взятіе поста. — Перестрѣлка линейныхъ войскъ у Pont-Tournant; убійство депутата Жоливе.— Сдача казармъ de Reuilly. — Капитуляція поста Baudoyer. — Стычка на баррикадахъ лѣваго берега Сены, у Политехнической школы. — Разрушеніе и сожженіе заставъ. — Разрушеніе пошлинныхъ и мостовыхъ заставъ.— Сдача остальныхъ казармъ. — городская Дума; войска соединяются съ національной гвардіей и народомъ; караулъ муниципальныхъ гвардейцевъ хочетъ дѣйствовать противъ народа; онъ принужденъ запереться въ казарму; рабочіе завладѣваютъ Городскою Думою; присутствіе духа привратника Мартена передъ угрозою сжечь библіотеку; отчаяніе префекта; на предложеніе совѣтниковъ муниципалитета созвать совѣтъ, онъ имъ отвѣчаетъ: «Дѣлайте что хотите!»; на требованіе офицера національной гвардіи, Журдана, оставить свою должность, онъ оставляетъ Думу; генералы-начальники отрядовъ слѣдуютъ его примѣру; войска удаляются и отдаютъ свое оружіе; народъ торжествуетъ; муниципальные совѣтники, находящіеся на лицо въ Думѣ, отказываются признать импровизированную власть Журдана и созываютъ муниципальный совѣтъ. — Министерство внутреннихъ дѣлъ: Гизо и Броль у Дюшателя; приходъ Малевиля; онъ предупреждаетъ ихъ о событіяхъ и объ опасностяхъ, которыя имъ угрожаютъ; слова г-жи Дюшатель; оба министра спасаются бѣгствомъ; переодѣваніе Гизо; Малевиль приказываетъ нѣсколькимъ національнымъ гвардейцамъ отразить нападеніе, сдѣланное на министерство; онъ увѣдомляетъ Барро, что будетъ ожидать его. — Многочисленное собраніе членовъ оппозиціи у Барро. —

Отреченіе короля и назначеніе регентства, провозглашенныя утромъ Ледрю-Ролленомъ и Маррастомъ, приняты радикалами всѣхъ партій, какъ неожиданная побѣда; Барро, Авенъ, Паньеръ, Гарнье-Пажесъ и другіе отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ; народъ, національная гвардія и войска встрѣчаютъ ихъ съ восторгомъ; нерѣшительность Барро; онъ понялъ изъ положенія, принятаго народомъ, необходимость отреченія; онъ проситъ Дюпена и Жанвіе объяснить королю положеніе дѣлъ; нападки на поведеніе Барро и его оправданіе. — Главный штабъ: состояніе умовъ.

I

Перестрѣлка, обратившая на себя вниманіе герцога Немурскаго и маршала, была опять новымъ слѣдствіемъ печальнаго недоразумѣнія.

Мы уже говорили, что колонна генерала Бедо занимала весь шоссе отъ Театра Gymnase до улицы Rougemont. Мы сказали также, что со вчерашняго вечера постройка баррикадъ увеличивалась съ необыкновенной быстротой. Всѣ улицы, выходившія на бульваръ, были послѣдовательно баррикадированы, такъ что когда генералъ получилъ приказаніе отступить, то онъ увидѣлъ себя запертымъ со всѣхъ сторонъ. Съ высоты этихъ редутовъ вооруженный народъ, готовый къ нападенію и защитѣ, могъ стрѣлять по колоннѣ почти въ упоръ. Если бы тутъ завязалась битва, то она кончилась бы страшной рѣзней и исходъ ея былъ бы сомнителенъ. Такимъ образомъ отступленіе генерала Бедо было необходимо какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія.

Но отступленіе это было сопряжено съ неимовѣрными трудностями. Дорога, по которой приходилось отступать, была загромождена баррикадами, грудами камней, траншеями и кучами срубленныхъ деревьевъ. Толпа, до сихъ поръ совершенно смирная, но значительная по количеству, взволнованная, гордая своимъ могуществомъ, составляла также не малое препятствіе. Какимъ образомъ можно было удержать толпу, не отодвинувъ ее, и какъ отодвинуть ее, безъ столкновенія? Между тѣмъ генералу было приказано избѣгать всякихъ столкновеній.

Личное наблюденіе надъ солдатами на такомъ огромномъ протяженіи было для него невозможно. Но Бедо принялъ всѣ мѣры предосторожности. Онъ поставилъ впереди колонны сильный отрядъ національныхъ гвардейцевъ, во главѣ котораго шли люди, которыхъ вліяніе и честность были ему извѣстны; эти люди были: Лабелони, Деландръ, Тіу, Поперъ, Эрбе и другіе. Артиллерія шла подъ прикрытіемъ съ одной стороны тяжелой кавалеріи, съ другой — національной гвардіи. Защищенный такимъ образомъ, онъ двинулся впередъ.

На каждомъ шагу надобно было добиваться пропуска, надобно было, не прибѣгая къ силѣ, истощать всѣ средства убѣжденія. При пересѣченіи бульвара съ Монмартрскимъ предмѣстіемъ, подобно тому какъ у Сенъ-Денисскихъ воротъ, находилось каре, составленное изъ баррикадъ: послѣ нѣсколькихъ минутъ страшнаго смятенія, колонна успѣла пройти черезъ это мѣсто. У пассажа des Panoramas къ генералу присоединилась рота 2-го легіона подъ командой Альтароша; съ одной стороны это было для него помощію, но съ другой, по причинѣ тѣсноты, — новымъ затрудненіемъ. На Итальянскомъ бульварѣ опять та же тѣснота, страшное движеніе, крики восторга и неудовольствія. Генералъ выѣзжаетъ впередъ и видитъ Барро. Оба кортежа останавливаются: Да здравствуетъ армія! кричатъ національные гвардейцы, поднимая кверху ружейные приклады; солдаты, подражая этой мирной демонстраціи, поднимаютъ также приклады и отвѣчаютъ: Да здравствуетъ національная гвардія!

II.

До сихъ поръ движеніе колонны не было ничѣмъ остановлено, не смотря на множество затрудненій. Съ помощію народа войска успѣли очистить дорогу для артиллеріи и пороховыхъ ящиковъ. Но у улицы Choiseul огромныя массы народа, сдавленныя противоположнымъ движеніемъ войска, а также

деревья и камни представляли для артиллеріи непреодолимое препятствіе. Сверхъестественныя усилія солдатъ, энергическая помощь національной гвардіи, увѣщанія и усердное посредничество нѣкоторыхъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ были: Корбонъ, Паскаль и ихъ друзья—сотрудники журнала „Atelier“, увѣщанія генерала, помощника Бедо, — ничто не помогало. Генералъ, не имѣя возможности предупредить Бедо, увидѣлъ необходимость оставить артиллерію на попеченіи батальоннаго командира національной гвардіи, который обязался отвести орудія и ящики въ ратушу втораго округа и сохранять ихъ тамъ въ цѣлости. Это было честное обѣщаніе, но его не въ силахъ была исполнить человѣческая воля: одни только орудія были спасены, ящики же, оставшіеся въ рукахъ рабочихъ, были открыты, патроны взяты и розданы народу.

Но передніе ряды колонны все таки подвигались впередъ.

III.

У церкви св. Магдалины генералъ Бедо далъ войскамъ отдыхъ. Отсюда были видны караулы кавалерійской дивизіи, стоявшей на площади Согласія, и взводъ муниципальныхъ гвардейцевъ, занимавшихъ постъ Peyronnet. Начальникомъ этого пункта былъ генералъ Рено-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

Извѣщенный черезъ адъютанта, эскадроннаго командира главнаго штаба, Эспивана, о прибытіи генерала Бедо, генералъ Рено выразилъ большое безпокойство. Ему извѣстна была взаимная ненависть народа и муниципальной гвардіи и враждебное расположеніе послѣдней даже къ національной гвардіи, и онъ боялся столкновенія. Чтобы избѣжать его, онъ черезъ Эспивана приказываетъ муниципаламъ войти въ кордегардію; но муниципальные гвардейцы отказываются повиноваться. Гофъ-фурьеръ Фуке, который въ продолженіе трехъ дней защищалъ съ двадцатью семью человѣками постъ Peyronnet,

выстраиваетъ въ линію своихъ солдатъ. Было около десяти съ половиною часовъ утра.

Въ это время колонна генерала Бедо выступаетъ изъ Королевской улицы на площадь, имѣя во главѣ національную гвардію и по бокамъ нѣсколько кучекъ народа. Національная гвардія, чтобы дать мѣсто войскамъ, которыя слѣдуютъ за ней, поворачиваетъ на право, по направленію къ посту Reyronnet. Эспиванъ спѣшитъ къ національной гвардіи и говоритъ торопливымъ голосомъ: „Берегитесь, муниципальные гвардейцы не хотятъ войти въ кордегардію.“ Долой муниципаловъ! кричитъ народъ. Вслѣдствіе ли озлобленія за прежнія неудовольствія, или вслѣдствіе минутнаго раздраженія, или же изъ страха нападенія этой толпы, поднимающей враждебный крикъ, гофъ-фурьеръ Фуке командуетъ стрѣлять: залпъ, сдѣланный по этой сплошной массѣ народа, убиваетъ и ранитъ многихъ людей. Изъ среды толпы раздается страшный взрывъ гнѣва: „Измѣна! Это повтореніе того, что было вчера на Капуцинскомъ бульварѣ! Къ оружію!“ И вмѣсто того чтобы обратиться въ бѣгство, раздраженный народъ бросается впередъ.

Генералъ Бедо видѣлъ огонь послѣднихъ выстрѣловъ, онъ бросается во всю прыть въ промежутокъ между народомъ и муниципалами и приказываетъ послѣднимъ войти въ свой постъ; потомъ обращается къ національной гвардіи и заклинаетъ ее не отбиваться. Но муниципальные гвардейцы снова зарядили свои ружья и продолжаютъ стрѣлять черезъ бойницы кордегардіи. Всѣ, кто только былъ вооруженъ, отвѣчаютъ на эти выстрѣлы. Даже венсенскіе стрѣлки, раздѣляя негодованіе національной гвардіи, хотятъ наказать этотъ поступокъ, приписываемый измѣнѣ; но настойчивое требованіе генерала удерживаетъ ихъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ огнемъ, храбрый генералъ пренебрегаетъ своею жизнью, чтобы исполнить свой долгъ; онъ употребляетъ всѣ свои силы,

чтобы отклонить битву, но всѣ усилія самаго великодушнаго самоотверженія остаются безплодными, — постъ уже взятъ приступомъ, двери взломаны, муниципалы въ рукахъ народа; два изъ нихъ убиты во время вторженія народа, нѣкоторые ранены, остальные должны поплатиться жизнію за свое дерзкое нападеніе. Но послѣ побѣды, человѣколюбіе вступаетъ въ свои права: генералъ, офицеры національной гвардіи и рабочіе успѣваютъ спасти этихъ несчастныхъ отъ мести народа. Спрятанные между рядами національной гвардіи и венсенскихъ стрѣлковъ, между кирасирскими лошадьми, въ турецкомъ посольствѣ, въ морскомъ министерствѣ, одѣтые наскоро въ спасительную блузу, муниципальные гвардейцы были скоро внѣ опасности.

IV.

Этотъ кровавый эпизодъ имѣлъ страшный конецъ. Рѣшетка Pont-Tournant, которая отдѣляетъ Тюльерійскій садъ отъ площади Согласія, была заперта, какъ обыкновенно дѣлается въ смутное время. Два отряда занимали постъ; одинъ состоялъ изъ пятидесяти человѣкъ 74-го линейнаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Дюкермона; другой, изъ ста человѣкъ 69-го полка, подъ начальствомъ поручика Тапуля. Встревоженные перестрѣлкой, они смотрятъ на площадь и видятъ человѣка, въ военномъ платьѣ, уходящаго отъ работниковъ и буржуа, бѣгущихъ за нимъ въ погоню, по направленію къ Pont-Tournant. Этотъ человѣкъ былъ гофъ-фурьеръ Фуке, тяжело раненный, съ окровавленнымъ лицомъ; спрятавшись сначала за кирасирскими лошадьми, онъ хочетъ найти еще болѣе вѣрное убѣжище въ Тюльерійскомъ саду, и бѣжитъ черезъ площадь Согласія; вслѣдъ за нимъ бѣгутъ нѣсколько человѣкъ, чтобы помочь ему, и кричатъ, чтобы онъ остановился; но онъ продолжаетъ бѣжать. Въ двадцати шагахъ отъ Pont-Tournant онъ задыхающимся голосомъ умо-

ляетъ солдатъ, содержащихъ караулъ, спасти его: „Спасите, спасите!“ кричитъ онъ. Сзади его одинъ буржуа, въ знакъ мира, машетъ ему бѣлымъ платкомъ. При видѣ этого окровавленнаго человѣка, преслѣдуемаго и умоляющаго, не видя или не понимая знака, который имъ дѣлаютъ, солдаты стрѣляютъ *). Четыре человѣка падаютъ, три изъ нихъ убиты; одинъ раненый поднимается, остальные бѣгутъ. Тогда солдаты отворяютъ рѣшетку и идутъ поднять тѣла убитыхъ. Между ними находился человѣкъ съ бѣлымъ платкомъ. Поручикъ 69-го полка, поблѣднѣвшій отъ испуга, узнаетъ въ этомъ убитомъ друга своего семейства, Жоливе — консервативнаго члена палаты депутатовъ.

Услышавъ выстрѣлы, генералъ Бедо прибѣжалъ съ другой стороны площади. Но уже было поздно. Глубоко тронутый этой сценой, онъ приказалъ уничтожить слѣды этой катастрофы. Солдаты спрятали трупы несчастныхъ жертвъ этой печальной ошибки въ кучу песка у терассы. Но слѣды крови забыли уничтожить.

Таковы были обстоятельства этой перестрѣлки, которая слышна была даже во дворцѣ. Это обстоятельство возбудило въ Тюльери сильную тревогу, а въ народѣ — новую жажду мести.

V.

Эти невольные выстрѣлы составляютъ самую рѣзкую черту этой странной борьбы. Нигдѣ причиной перестрѣлокъ не была обдуманная воля правительства, или самаго войска, или народа, или же отдѣльнаго человѣка, — причиной всему была случайность. Вездѣ и независимо одно отъ другаго, повторялось одно и то же. Но сцѣпленіе однѣхъ и тѣхъ же случай-

*) Солдаты говорили, что они слышали какъ одинъ изъ смотрителей Тюльери кричалъ имъ съ терассы: «Стрѣляйте же, стрѣляйте!»

ностей удесятеряетъ ихъ значеніе, раздражаетъ народъ, деморализуетъ войска, ослабляетъ власть военачальниковъ, уничтожаетъ дѣйствія правительства и окончательно губитъ монархическую власть.

Въ этотъ день, 24 февраля, послѣ несчастнаго происшествія на Бастильской площади, возмущеніе быстро проникло въ Сентъ-Антуанское предмѣстіе. Весь народъ былъ въ движеніи, окруживъ посты и казармы. Казарма de Reuilly, въ которой находился большой складъ снарядовъ, была окружена народомъ, требовавшимъ оружія. Солдаты сопротивляются. Въ дѣло вмѣшивается національная гвардія. Мэръ этого округа является посредникомъ; Перре, Рекюръ и другіе поддерживаютъ его. Народъ занимаетъ дворы; старается захватить ружья; но ихъ хотятъ увезти. Осаждающіе становятся смѣлѣе; шумъ, безпорядокъ, крики удвоиваются. Солдаты, отодвинутые въ средину зданія, готовы стрѣлять изъ оконъ. Рабочіе угрожаютъ зажечь казарму. Эта сцена борьбы, томленія, переговоровъ, эти крики и шумъ продолжались два часа безъ всякой развязки. Наконецъ полковникъ, извѣщенный объ отступленіи генерала Дюго, спрашиваетъ мнѣнія офицеровъ и рѣшается передать казарму національной гвардіи, которая будетъ сопровождать войска за самую заставу. Было одиннадцать часовъ утра.

VI.

Подлѣ городской Думы, на площади св. Іоанна по той сторонѣ, къ которой примыкаютъ улицы: de la Verrerie, Bourtibourg, de Bercy и площадь Baudoyer, возвышалась зубчатая кордегардія, защищавшаяся отрядомъ 46-го линейнаго полка. Съ утра уже эта кордегардія была окружена цѣлою сѣтью баррикадъ. Къ десяти часамъ мэръ седьмаго округа, предвидя нападеніе, пригласилъ солдатъ отступить, пока еще есть время и сдать свой постъ національной гвардіи. Солдаты не

послушались этого совѣта. Толпа безпрестанно увеличивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и раздраженіе.

Народу предлагаютъ удалиться, — онъ отказывается, смѣло идетъ впередъ и начинаетъ аттаку. Солдаты запираются въ кордегардію и стрѣляютъ изъ бойницъ. Народъ отвѣчаетъ на выстрѣлы. Съ обѣихъ сторонъ убито нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ со стороны войска два офицера: подпоручикъ 45-го полка Манистраль и старшій адъютантъ капитанъ Гёртельцеръ, который прибѣжалъ къ отряду съ приказаніемъ отступить. Извѣщенный объ опасномъ положеніи этого поста, генералъ Себастьяни посылаетъ ему на помощь батальонъ. Но баррикада, построенная до высоты втораго этажа въ улицѣ Рено-Лефебвръ, представляетъ непреодолимое препятствіе. Тогда, депутатъ этого округа Моро, полковникъ легіона Лавесьеръ и офицеры, повинуясь голосу человѣколюбія, мужественно бросаются въ огонь. Войска соглашаются сдаться. Подъ прикрытіемъ національной гвардіи они уходятъ въ ратушу. Народъ занимаетъ кордегардію и предаетъ ее огню.

VII.

На лѣвомъ берегу Сены въ окрестностяхъ Пантеона господствовало сильное волненіе, поддерживавшееся и усиливавшееся небольшими стычками, бывшими у различныхъ баррикадъ. Напримѣръ подлѣ Collège de France толпа учениковъ, между которыми были: Эмиль Дарно, сынъ консервативнаго депутата, Буржонъ, Лемеръ, Ватрипонъ и др., храбро отстаивала одну баррикаду противъ роты 14-го линейнаго полка. Рота 55-го полка не могла ничего сдѣлать противъ учениковъ, защищавшихъ баррикаду на углу улицъ: Реймской, des Amandiers и de Sept-Voies. Съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

Болѣе серьезная борьба завязалась передъ Политехнической школой. Рано утромъ воспитанники взломали двери

своего заведенія и присоединились къ возстанію, начавши помогать своимъ оружіемъ и своимъ вліяніемъ. Даже больные оставили школу, въ которой остался всего только одинъ воспитанникъ. Въ школѣ находился только начальникъ ея, генералъ Опикъ, его офицеры, главный докторъ Оланье и разные служащіе. Между тѣмъ толпа собравшагося народа угрожала занять дворъ. Двѣ роты 55-го полка, посланныя генераломъ Рено, прибыли къ одиннадцати часамъ и выстроились въ линію передъ школой. Войсками командовали двое молодыхъ людей, происходившихъ изъ знатныхъ фамилій: Калонъ и Коленкуръ.

Спустя нѣсколько времени толпа народа ворвалась на площадь; эта толпа, привѣтствуя поочередно реформу и солдатъ, не имѣла никакого враждебнаго намѣренія. Немного погодя пришла другая колонна народа, которая только что завладѣла казармой Муффтаръ; гордая своимъ успѣхомъ, она приближается съ барабаннымъ боемъ къ солдатамъ и требуетъ у нихъ оружія. Въ это время мальчишка, вскорабкавшійся на фонтанъ, стрѣляетъ; за этимъ выстрѣломъ слѣдуютъ другіе. Капитанъ командуетъ: Въ штыки! Солдаты, стѣсненные толпой, не могутъ исполнить это приказаніе; чтобы освободиться отъ народа, они отступаютъ назадъ и стрѣляютъ залпомъ. Тогда съ обѣихъ сторонъ начинается перестрѣлка; три солдата убиты, одиннадцать ранено; столько же жертвъ падаетъ со стороны народа. Болѣе серьезное столкновеніе дѣлается неизбѣжнымъ. Войскамъ приказано занять школу; народъ устремляется за ними. Самые смѣлые уже проникли въ дворъ; въ это время является начальникъ школы; онъ хочетъ говорить къ народу; озлобленный народъ схватываетъ его и грозитъ убить, но онъ успѣваетъ освободиться. Наконецъ національные гвардейцы съ помощію нѣкоторыхъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ студентъ медицины Жакъ отличился своею храбростію и самоотверженіемъ, успѣваютъ успокоить эту разъяренную толпу, которая оставляетъ школу.

Вечеромъ солдаты подъ прикрытіемъ учениковъ вышли изъ школы въ совершенной безопасности.

VIII.

Изъ всего этого видно, что всѣ стычки, которыя предшествовали революціи 1848 года и создали ее, не были правильными сраженіями. Они нисколько не были похожи на тѣ великія битвы, которыя въ 1830 и 1832 годахъ обагрили кровью столицу Франціи. Тутъ все происходитъ случайно, вездѣ нечаянныя столкновенія, вездѣ случайныя стычки, которыя кончаются ничѣмъ; народъ и войско то протягиваютъ другъ другу руку, то стрѣляютъ другъ въ друга. Послѣ перестрѣлки народъ, національная гвардія, солдаты поднимаютъ приклады къ верху и дружатся между собою. Солдаты отстаиваютъ свое оружіе, потомъ отдаютъ его. Однихъ только муниципальныхъ гвардейцевъ аттакуютъ съ остервененіемъ и они только одни защищаются до послѣдней крайности. Подлость ли это со стороны солдатъ? Кто рѣшится утверждать это?...

Нѣтъ, не было ничего низкаго въ поведеніи этихъ солдатъ, отдававшихъ національной гвардіи и народу свое оружіе, съ которымъ они, подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ приказаній, не знали что дѣлать! Поведеніе этихъ офицеровъ, оставленныхъ, по непредусмотрительности начальниковъ, среди возмутившагося народа и уступавшихъ только передъ огромнымъ превосходствомъ силъ, не было низко! Не было также низко поведеніе этихъ генераловъ, которые, отступая вслѣдствіе оффиціальныхъ приказаній, встрѣчали на пути тысячи опасностей и затрудненій! Если въ эти смутные дни были люди, поступившіе безчестно, то это были не они. Если были люди слабые, то это тоже были не они. Если лежитъ на комъ нибудь отвѣтственность, то не на нихъ. Дѣлая Бюжо начальникомъ войскъ, король тѣмъ самымъ какъ бы приказывалъ

ей начать войну. Назначая Тьера и Барро министрами, онъ приказывалъ ему заключить миръ. Самъ маршалъ своими неопредѣленными прокламаціями окончательно обезоружилъ армію. Что могутъ сдѣлать руки тамъ, гдѣ безсильна голова?

IX.

Пока все это происходило, народъ, жившій въ частяхъ города, близкихъ къ заставамъ и къ рѣкѣ, протестовалъ огнемъ и мечемъ противъ акцизныхъ и мостовыхъ пошлинъ.

У заставы Клиши была разрушена кордегардія и обѣ рогатки сожжены. Заставамъ Blanche, des Martyrs, Montmartre и Rochechouart угрожала та же участь, но онѣ были спасены. Обѣ рогатки и павильонъ Сенъ-Денисской заставы были разрушены. То же самое послѣдовало съ рогаткой de la Boyauderie. У заставы du Combat многочисленная толпа народа строитъ баррикаду изъ экипажей, деревьевъ, столовъ, изъ разныхъ столярныхъ предметовъ, изъ всякой домашней утвари, взятой изъ акцизныхъ конторъ; рогатка зажжена, но огонь сейчасъ же потушенъ. У заставы de la Chopinette новая, но неудачная попытка зажечь. У Belleville четыреста человѣкъ нападаютъ на контору, сжигаютъ рогатку, выпиваютъ и разливаютъ вино, бывшее въ погребахъ. Застава Ramponneau уничтожена. У Amandiers разграблены всѣ принадлежности конторы. На Тронной площади толпы народа, долго удерживаемыя войсками, бросаются по уходѣ войскъ къ заставѣ; обѣ рогатки преданы огню. У Picpus взламываютъ дверь заставы и грабятъ погребъ. У Charenton осаждающіе обезоруживаютъ карауль; потомъ разбиваютъ рогатку и сожигаютъ подъемный мостъ. У Râpée уничтожаютъ рогатку и все имущество въ присутствіи національной гвардіи, которая не препятствуетъ имъ ни въ чемъ. Въ четыре часа утра національная гвардія оставляетъ Итальянскую заставу; въ одиннадцать часовъ толпа

народа, предводительствуемая женщиной, которая держитъ въ рукахъ огромную саблю, разрушаетъ рогатку и подъемный мостъ и предаетъ ихъ огню. Аркёльская застава спасена, благодаря остроумному замѣчанію одного изъ гражданъ, что „гораздо благоразумнѣе затопить у себя печку, чѣмъ дѣлать пожаръ на открытомъ воздухѣ.“

X.

Послѣ заставъ принимаются за мосты, обложенные пошлиной. Народъ питаетъ самую сильную ненависть ко всякимъ препятствіямъ къ свободному движенію по городу. Въ восемь часовъ сожжены: контора мостоваго сбора у Аустерлицкаго моста и кордегардія, которая ее защищала. Къ одиннадцати часамъ толпа народа устремляется на Даміетскій мостъ, протянутый отъ восточной стороны острова Saint-Louis до набережной des Célestins. Контора мостоваго сбора, находившаяся у набережной, сожжена при крикахъ: „Долой пошлина!“ Вдругъ раздается странный трескъ; цѣпи, протянутыя черезъ контору, пропитанныя смолой, раскаляются до красна и разрываются съ грохотомъ; мостовая настилка между средней аркой и набережной des Célestins обрушивается въ рѣку. И контора и мостъ уничтожены за одинъ разъ. Развалины Даміетскаго моста, какъ памятникъ безумнаго разрушенія, остаются до сихъ поръ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были оставлены послѣ пожара.

Къ счастію при этомъ случаѣ никто не погибъ; но страшный урокъ ожидалъ разрушителей. Мостъ Луи-Филиппа, называемый теперь мостомъ Реформы, соединяетъ оба рукава рѣки у западной оконечности острова Saint-Louis. Названіе моста еще болѣе увеличивало неудовольствіе къ самой пошлинѣ. Въ два часа контора разрушена. Большое количество смолы, сложенной у мостоваго быка, обращеннаго къ улицѣ Saint-Louis, составляло отличный матеріалъ для пожара. Яв-

ляются зажигатели; пламя вспыхиваетъ и, вырываясь съ страшною силою, обнимаетъ мостовыя цѣпи; впродолженіи десяти минутъ цѣпи накаляются, трещатъ и ломаются, въ то же время обрывается мостовая настилка и увлекаетъ въ своемъ паденіи съ десятокъ зажигателей, не успѣвшихъ спастись. Большая часть ихъ потонула.

Наученные, но не исправленные этимъ несчастнымъ случаемъ, опустошители продолжали свое дѣло съ бо́льшимъ благоразуміемъ. Разрушивъ контору при мостѣ д'Арколь, они не сожгли развалинъ ея, а перенесли ихъ на набережную. — Мостикъ de Constantine былъ защищенъ національной гвардіей.

XI.

Такимъ образомъ по всей верхней части рѣки сообщенія одного берега съ другимъ были прекращены для войскъ, но оставались свободными для народа. Подкрѣпленія не могли проникнуть въ городъ безъ отчаянной борьбы. Пытаться пройти черезъ заставы значило отдавать солдатъ на жертву, кровавую и безполезную. Всѣ отдѣльныя кордегардіи были обезоружены, заняты или сожжены. Военная тюрьма de l'Abbaye и долговая тюрьма были отперты и заключенные освобождены. Другія тюрьмы были тщательно охраняемы народомъ. Нѣкоторыя изъ казармъ, остававшіяся еще въ рукахъ солдатъ, были осаждены, блокированы большими массами народа и постепенно принуждаемы къ сдачѣ вмѣстѣ со всѣмъ оружіемъ и боевыми припасами.

Всѣ были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Народъ, соединившійся съ національной гвардіей, казалось составлялъ съ нею одно цѣлое. Мундиръ и блуза, смѣшанные между собою, составляли уже толпы въ нѣсколько сотъ, а вскорѣ и въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Горячее желаніе дѣйствовать давало народу еще болѣе силы. Какой нибудь ораторъ, какой нибудь случай или встрѣча, — и сейчасъ же

начиналось и самое дѣло: аттака кордегардіи, осада казармы, защита баррикады. Все должно было падать и дѣйствительно падало передъ такою силою; и точно вслѣдствіе общаго толчка всѣ колонны приближались постепенно къ двумъ позиціямъ, имѣвшимъ весьма важное стратегическое и политическое значеніе: къ Тюльери и городской Думѣ, — къ центру революціоннаго управленія и ко дворцу монархической власти.

XII.

Городскую Думу защищала дивизія пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи подъ командой генераловъ Себастьяни, Таландье и Гарроба. Съ десяти часовъ утра 23 числа капитанъ Морлэ занималъ съ пятьюдесятью восемью человѣками обыкновенный караулъ, содержимый муниципальной гвардіей.

Около восьми съ половиною часовъ, генералъ Себастьяни получилъ отъ маршала депешу слѣдующаго содержанія: „Сосредоточьте свои войска и не начинайте никакой битвы.“ Нѣсколько часовъ спустя колонна національной гвардіи 7-го легіона, сопровождаемая толпою народа частію вооруженнаго, частію безоружнаго, выступаетъ изъ улицы des Coquilles на площадь, машетъ прикладами, поднятыми къ верху и кричитъ: „Да здравствуетъ реформа! Да здравствуетъ армія!“ Солдаты, увлеченные этимъ примѣромъ, также поднимаютъ приклады къ верху и кричатъ: „Да здравствуетъ національная гвардія! Да здравствуетъ реформа!“

Около десяти часовъ другая колонна, образовавшаяся у ратуши девятаго округа, привлеченная на Бастильскую площадь шумомъ перестрѣлки, видитъ площадь оставленною, кордегардію въ огнѣ, видитъ трупы, лежащіе въ лужахъ крови, проходитъ мимо ратуши восьмаго округа, гдѣ обмѣнивается съ войсками крикомъ: „vivat“, возвращается на площадь Saint-Gervais, переговаривается съ кирасирами, по набережной des Gèvres входитъ на площадь городской Думы, проходитъ ее

среди войскъ, которыя вмѣстѣ съ ней кричатъ: „Да здравствуетъ реформа!“ и уходитъ черезъ улицу de la Tixeranderie.

Вслѣдъ за ней другая колонна, изъ національной гвардіи и народа, составленная въ восьмомъ округѣ Гинаромъ и Серкелемъ, проходитъ, сопровождаемая точно такими же демонстраціями.

Немного погодя является четвертая колонна подъ предводительствомъ отряда 7-го легіона, съ барабаннымъ боемъ и поднятыми прикладами. Въ это время капитанъ Морлэ, остававшійся до сихъ поръ внутри зданія, приказываетъ своимъ солдатамъ выйти, строитъ ихъ въ боевомъ порядкѣ передъ дверьми квартиры префекта и идетъ къ полковнику 7-го легкаго полка. Народъ, увидѣвъ муниципаловъ, съ гнѣвнымъ крикомъ бросается на нихъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, отрѣзанные, схваченные тысячами рукъ, муниципалы обезоружены раньше, чѣмъ успѣваютъ защититься или спрятаться въ кордегардію. Войска стояли неподвижно и ни въ чемъ не препятствовали народу. Прибѣжавшій Морлэ ввелъ людей и лошадей на дворъ; двери быстро заперли за ними и они были въ безопасности. Народъ ушелъ съ площади.

XIII.

Въ то время, когда все это происходило передъ главнымъ фасадомъ городской Думы, толпа рабочихъ въ двѣсти человѣкъ, вышедшая изъ улицы Лобо, пришла къ заднему фасаду Думы, выломала одну изъ дверей и вошла внутрь зданія. Толпа, распространившаяся по всей Думѣ, угрожаетъ зажечь залу св. Іоанна и выломать дверь въ библіотекѣ. Привратникъ Мартенъ, одинъ съ своимъ сыномъ, удерживаетъ изступленный народъ слѣдующими простыми словами: „Что вы хотите дѣлать? Тамъ книги! ваши книги, которыя вы можете читать, если хотите!“ Сейчасъ же одинъ изъ работниковъ

пишетъ на дверяхъ: „Уваженіе къ наукамъ и искусствамъ!“ Самые горячіе изъ рабочихъ утихаютъ и толпа удовлетворена.

Вмѣстѣ съ толпой вошелъ въ Думу одинъ чиновникъ; онъ бѣжитъ къ комнатамъ префекта, находитъ его въ кабинетѣ вмѣстѣ съ генераломъ Себастьяни и другими генералами и объявляетъ ему, что народъ уже въ городской Думѣ и грозитъ зажечь ее. „Что же мнѣ дѣлать!“ отвѣчалъ Рамбюто.

XIV.

Это чрезмѣрное отчаяніе перваго должностнаго лица въ городѣ можетъ быть очень легко объяснено. Съ самаго начала волненія, то есть въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней, онъ не получалъ никакого приказанія, никакого извѣщенія ни о перемѣнѣ министерства, ни о назначеніи маршала Бюжо, ни о рѣшеніяхъ правительства. Онъ узналъ о важности событій по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ лично, по слухамъ, сообщеннымъ ему членами общаго совѣта, Сеемъ, Тьерри, Ланкетеномъ, Ферономъ, Журне и Флоттаромъ, членомъ конторы училищъ. На просьбы ихъ собрать муниципальный совѣтъ и на слова Делестра: „берегитесь—вѣдь это готовится революція!“—онъ съ грустію отвѣчалъ: „Я достаточно предупреждалъ! Меня уже давно не слушаютъ!“ Онъ былъ недоволенъ и имѣлъ право быть недовольнымъ. Но сверхъ того онъ упалъ духомъ и вскорѣ подчинился той деморализаціи, которая мало по малу овладѣвала всѣми гражданскими и военными властями и лишала ихъ способности дѣйствовать. Когда Сей, Лежамтель, Журне и Флоттаръ умоляли его, въ присутствіи генераловъ Себастьяни, Таландье и Гарроба, созвать совѣтъ, чтобы принять необходимыя мѣры для общей безопасности, онъ съ унынiемъ отвѣчалъ: „Нѣтъ болѣе министровъ, нѣтъ правительства! Я не имѣю никакихъ приказаній! Дѣлайте что хотите!“

Лишенный всякой нравственной силы, онъ видитъ, что въ

его кабинетъ входитъ офицеръ національной гвардіи (было одиннадцать часовъ) въ сопровожденіи учениковъ Политехнической школы. Этотъ офицеръ былъ Журданъ, капитанъ 8-го легіона. Съ невѣроятною смѣлостію онъ прошелъ площадь, наполненную войсками, и черезъ большія двери вошелъ въ Думу, въ самый кабинетъ префекта. „Кто изъ васъ, господа, префектъ?“ спросилъ онъ. Рамбюто подходитъ къ нему. Тогда Журданъ продолжаетъ: „Народъ овладѣлъ предмѣстіями. Національная гвардія на сторонѣ народа. Я пришелъ завладѣть городской Думой во имя народа. Здѣсь больше не ваше мѣсто.“ Рамбюто, пораженный этими словами, падаетъ на диванъ и произноситъ запинаясь: „Въ такомъ случаѣ я удаляюсь и не отвѣчаю больше ни за что.“ Генералы, смущенные, молчатъ. „Но надобно еще, чтобы вы меня представили своимъ подчиненнымъ,“ прибавляетъ капитанъ Журданъ. Эти слова оживляютъ префекта. „Этого бы только недоставало!“ замѣчаетъ онъ съ печальною и язвительною улыбкою.

XV.

Нѣсколько минутъ спустя префектъ оставилъ городскую Думу, которая впродолженіе столькихъ лѣтъ была свидѣтельницею его благородства, его обворожительнаго ума, его любезнаго обхожденія. Генералы также ушли, каждый въ свою сторону. Одинъ изъ нихъ старался подъ своимъ длиннымъ плащемъ скрыть свой мундиръ. Офицеры подошли къ нему за приказаніями, но онъ, не останавливаясь, отвѣчалъ: „Самое благоразумное будетъ удалиться какъ можно скорѣе!“ и послѣ этого исчезъ. Наканунѣ этого дня этотъ самый генералъ былъ начальникомъ Парижской арміи; въ этотъ же день онъ убѣдительно просилъ сдѣлать ему честь — назначить его командиромъ дивизіи и послать его въ городскую Думу; это былъ одинъ изъ придворныхъ любимцевъ, личный другъ самого короля, генералъ Себастьяни!

XVI.

Въ одиннадцать съ четвертью часовъ народъ окончательно овладѣлъ городскою Думою и ея окрестностями. Войска, предоставленныя собственной волѣ, не препятствовали ни въ чемъ народу: пѣхота отдала свои ружья, кирасиры свои сабли, артилеристы не мѣшали народу отнимать у себя орудія; войска оставляли свои позиціи и возвращались на квартиры. Одни только муниципальные гвардейцы оставались у своихъ постовъ, во дворѣ квартиры префекта. Хотя они были обезоружены, но гнѣвъ народа противъ нихъ былъ такъ великъ, что можно было ожидать самыхъ страшныхъ насилій. Дѣйствительно, народъ, какъ и прежде, увидѣвши муниципаловъ, бросился на нихъ. Но въ то же время нѣсколько великодушныхъ гражданъ являются защитниками. Сей, Флоттаръ, чиновники, экзекуторы, національные гвардейцы 1-го, 7-го и 9-го легіоновъ, полковникъ 9-го легіона Бутарель, Лиронъ, одинъ изъ работниковъ, Перспье, и нѣсколько другихъ лицъ, становятся впереди этихъ несчастныхъ и успѣваютъ спасти ихъ.

Когда ушелъ префектъ, Журданъ отправился въ залу Зодіака, гдѣ находились уже сопровождавшіе его три офицера національной гвардіи: Настъ, Филиппъ и Саше, и только что вошедшіе ученики Политехнической школы. Сей, Лежамтель, Журне, Тьерри и Флоттаръ находились также въ залѣ. Болѣе твердые характеромъ, чѣмъ Рамбюто, эти представители городскаго сословія отказались признать импровизированную власть капитана 8-го легіона. Явившись въ качествѣ представителей муниципальной власти, они немедленно созвали своихъ товарищей съ цѣлію взять въ свои руки, отъ имени города, власть, выпавшую изъ рукъ правительства. Они немедленно разослали самыя настоятельныя письма. Ученики Политехнической школы служили имъ секретарями. — Часы пробили одиннадцать съ половиною.

XVII.

Власть, свергнутая такимъ образомъ въ городской Думѣ, колебалась и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Министръ, удалившись въ комнаты своей жены, слушалъ отчеты помощника статсъ-секретаря, Антуана Пасси; въ это время вошелъ Гизо. Послѣ гибельныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ королю, онъ оставилъ Тюльери, отправился неизвѣстно зачѣмъ въ штабъ 1-й армейской дивизіи, потомъ къ Брольи и наконецъ вмѣстѣ съ этимъ приверженцемъ его политики пришелъ къ Дюшателю. Что происходило между этими людьми — я могу разсказать. Подавленные своимъ паденіемъ, искупая свои прежніе успѣхи, доведенные до безсилія, но оставаясь еще по имени министрами, они сознавали пустоту формальныхъ обѣщаній, данныхъ наканунѣ въ палатѣ депутатовъ, — твердо держать въ своихъ рукахъ управленіе до тѣхъ поръ, пока другіе не будутъ призваны на ихъ мѣсто; они предавались томительнымъ и неопредѣленнымъ разглагольствованіямъ и въ какомъ то болѣзненномъ бездѣйствіи выжидали событій. Одна только г-жа Дюшатель держала себя съ достоинствомъ и твердостію. Сердце женщины есть средоточіе великихъ чувствъ.

Въ такомъ положеніи находились они, испытывая самыя жестокія ощущенія, когда имъ объявили о приходѣ Малевиля (было десять съ половиною часовъ).

Позванный еще утромъ къ Тьеру, Малевиль торопился поскорѣе прійти, но задержанный баррикадами и разными другими препятствіями, встрѣчавшимися на улицахъ, онъ пришелъ только тогда, когда депутаты уже отправились въ Тюльери. Малевиль поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Онъ уже входилъ на крыльце павильона Марсанъ, когда Эмиль-де-Жирарденъ, выходившій изъ дворца, чтобы отнести въ типографію своего жур-

нала уже извѣстную прокламацію, увѣдомилъ его, что его будущіе товарищи послали отыскать его и требовали, чтобы онъ отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Малевиль, какъ человѣкъ рѣшительный и не боявшійся взять на себя отвѣтственности, не ожидая другихъ совѣтовъ, тотчасъ же пошелъ.

XVIII.

Удивленный извѣстіемъ, что Дюшатель еще находился на половинѣ своей жены, Малевиль поспѣшилъ къ нему. Онъ энергически высказалъ ему всю опасность, въ которой находились дѣла. Дюшатель былъ пораженъ этой быстротой событій. Гизо удалился. Г-жа Дюшатель, опечаленная, не могла удержаться, чтобы не сказать этихъ странныхъ словъ: „Мы погибли! Не даромъ мнѣ говорили, что Паньеръ находится въ предмѣстіяхъ!„ — „О, сударыня, возразилъ Малевиль, дай Богъ, чтобъ Паньеръ управлялъ движеніемъ. Мы съ нимъ въ продолженіе цѣлой ночи старались отклонить грозу.“ Вѣроятно Малевиль уже предвидѣлъ, что отреченіе короля будетъ единственнымъ средствомъ отклонить эту грозу; иначе его отвѣтъ явно бы противорѣчилъ мыслямъ, желаніямъ, поведенію и поступкамъ Паньера.

Какъ бы то ни было, но опасность была неминуема. Въ окрестностяхъ министерства уже показывался народъ. Слабый караулъ муниципальныхъ гвардейцевъ не только не могъ служить защитой, но еще увеличивалъ опасность. Дюшатель, Гизо, Брольи и только что пришедшій Жанвье ушли какъ можно скорѣе черезъ ворота министерскаго сада, выходившія въ улицу Hillerin-Bertin *). Г-жа Дюшатель пошла впереди министровъ, защищая ихъ своимъ поломъ и мужествомъ. Сколько

*) Этой улицы болѣе не существуетъ. На ея мѣстѣ находится удлиненная улица Bellechasse.

волненій испытано было ими въ этомъ краткомъ переходѣ! Бѣглецы встрѣчались на каждомъ шагу съ работниками, приходившими и уходившими съ криками: Да здравствуетъ реформа! Долой министровъ! Къ счастію изъ нихъ никто не былъ узнанъ. Домъ подъ № 27 въ улицѣ Ванно принадлежалъ человѣку, преданному правительству; Дюшатель подалъ знакъ Гизо, чтобы онъ вошелъ въ этотъ домъ и тутъ въ безопасности они могли перевести духъ. Вскорѣ Гизо нашелъ, что здѣсь не совсѣмъ безопасно; онъ одѣлся въ женское платье и съ наступленіемъ ночи, костюмированный такимъ образомъ, скрывая свое лицо въ широкомъ чепчикѣ, укрылся у знаменитой артистки, г-жи Мирбель.

Такъ плачевно эти люди лишились власти, которою они такъ надменно пользовались.

Страдая болѣе отъ замираній своего сердца, чѣмъ отъ ненависти къ нимъ народа, проклятія котораго раздавались надъ ними, они убѣгаютъ въ потаенную дверь, унижая смѣшными предосторожностями свои гордыя лица и укрывшись подъ защиту женщины.

XIX.

Едва только ушли эти недавніе повелители, какъ народъ началъ осаждать министерство. Усилія нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ были достаточны, чтобы удержать эту толпу, не столько страшную, сколько шумную.

Присутствіе муниципальныхъ гвардейцевъ могло повести къ печальному столкновенію. Малевиль приказалъ имъ уйти, принявъ предосторожности, необходимыя для ихъ безопасности. Потомъ онъ увѣдомилъ Барро, что будетъ ждать его. (Было одиннадцать часовъ).

XX.

Мы уже знаемъ какъ Барро послѣ своего мужественнаго,

но безполезнаго предпріятія, возвратился домой. Изнуренный усталостью, онъ употребилъ только полчаса на необходимый отдыхъ.

Его пріемныя комнаты были полны народомъ. Оппозиціонныя партіи всѣхъ оттѣнковъ, кромѣ однихъ исключительныхъ радикаловъ, устроили у него свою главную квартиру. Теперь уже громко высказывались даже въ этой династической средѣ такія требованія, которыя до этого дня могли казаться чрезмѣрными. Въ то время, когда депутаты лѣвой стороны видѣли въ распущеніи парламента крайній предѣлъ уступокъ, Гарнье-Паже, Паньеръ и ихъ друзья открыто требовали отреченія короля. Собравшись на совѣщаніе еще съ восходомъ солнца, они пришли къ убѣжденію, что паденіе системы правительства должно повлечь за собой и паденіе самаго короля и что одно только отреченіе можетъ предупредить неминуемое кровопролитіе.

Въ это же самое время Маррастъ говорилъ то же самое Тьеру черезъ посредство Реймса. Нѣсколько часовъ спустя тоже самое въ свою очередь говорилъ Ледрю-Ролленъ въ залѣ Конференцій въ кружкѣ людей, между которыми находились: Кехлинъ, де-Морни и д'Этшегоянъ. „Вамъ нельзя терять времени, говорилъ онъ, если черезъ часъ не будетъ объявлено отреченіе короля и регенства, — явятся радикалы, уничтожатъ Собраніе и тогда будетъ настоящая революція.“ Онъ былъ такого мнѣнія еще тогда, когда на площади Согласія обратился къ генералу Бедо съ словами, исполненными примирительной умѣренности.

XXI.

Надо сказать правду! Въ эту минуту еще никто не кричалъ: Да здравствуетъ республика! Добросовѣстнѣйшіе республиканцы, рѣшившіеся пожертвовать своимъ состояніемъ и жизнію для торжества республики, тѣ, которые страстно

желали ея быстраго осуществленія, — и тѣ еще не смѣли надѣяться. Наканунѣ 24 февраля они требовали только реформъ и распущенія парламента, и исполненіе этихъ требованій казалось имъ самымъ значительнымъ успѣхомъ. Изгнаніе же Луи-Филиппа съ престола представляло даже для крайнихъ республиканцевъ громадное удовлетвореніе.

Люди, принадлежавшіе къ лѣвой парламентской сторонѣ, не требовали еще такъ много: они считали это требованіе безсмысленнымъ и дерзкимъ. Сильно раздраженный положеніемъ короля, его упрямствомъ и ослѣпленіемъ, Барро еще не зналъ, согласился ли король распустить палату, не зналъ, было ли окончательно утверждено новое министерство и имѣло ли оно другую силу, кромѣ силы своей популярности. „Король презрительно повернулся ко мнѣ спиной,“ говорилъ онъ, и не хотѣлъ возвратиться въ Тюльери. Его справедливое неудовольствіе къ королю не выражалось больше ничѣмъ. На настоятельныя требованія Гарнье-Паже и Паньера относительно отреченія, онъ отвѣчалъ энергическимъ отказомъ. „Вы требуете отреченія, — возразилъ Аббаттуччи, тогдашній другъ Барро и имѣвшій на него сильное вліяніе, — но это безуміе!“ Бомонъ (департамента Сомы), Фоше, всѣ возстали противъ такой неслыханной и безразсудной дерзости. Только Дегувъ-Денункъ и Эли, возвратившіеся изъ редакціи National, говорили, что отреченіе необходимо. Было одиннадцать часовъ.

XXII.

Въ переговорахъ уходило только время, а потому рѣшено было отправиться немедленно въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Гарнье-Паже, Аббаттуччи, Авенъ и Биста сѣли вмѣстѣ съ Барро въ его карету и чтобы предупредить всякое непріятное недоразумѣніе, Паньеръ и Дегувъ-Денункъ сѣли на козлы въ мундирѣ національныхъ гвардейцевъ. Едва только

карета показалась на улицѣ, какъ была сейчасъ же окружена огромной толпой народа. Лошади едва могли двигаться. Это была непрерывная овація. Вмѣстѣ съ Барро народъ привѣтствовалъ Гарнье-Паже, котораго онъ уважалъ за его приверженность къ республиканскимъ началамъ и любилъ въ воспоминаніе заслугъ его брата. Впереди кареты шла молодая дѣвушка съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ. Народъ толпился у дверецъ кареты и обмѣнивался съ депутатами крѣпкими рукопожатіями. На площади Согласія подъѣхалъ генералъ Бедо и подалъ руку Барро. Солдаты и народъ, соединенные общимъ чувствомъ, видѣли въ этомъ кортежѣ торжествующей оппозиціи конецъ гибельной борьбы и на перерывъ привѣтствовали депутатовъ. Великолѣпное небо освѣщало .эту картину....

XXIII.

Дворъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ наполненъ народомъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ обратились къ толпѣ и она разошлась. (Было одиннадцать съ половиною часовъ).

Антуанъ-Пасси, помощникъ статсъ-секретаря, встрѣтилъ Барро. Вѣрный своему долгу, спокойный среди волненія народа, онъ не покинулъ своего поста; онъ держалъ себя съ достоинствомъ и твердостію.

Теперь наступила для Барро томительная минута: состояніе умовъ ясно обнаруживало настоятельную необходимость отреченія короля. Но какъ потребовать этого отъ государя, который долженъ былъ облечь его самаго властью? Подавленный этимъ затруднительнымъ положеніемъ, борьбой съ настоятельными требованіями сопровождавшихъ его радикаловъ и собственнымъ убѣжденіемъ, Одилонъ Барро долго колебался. Болѣе получаса прошло въ этой внутренней борьбѣ чистой, но нерѣшительной совѣсти. Наконецъ, не рѣшаясь самъ итти въ Тюльери, но укрѣпившись поддержкой

какъ оппозиціи, такъ и консервативной партіи *), пришедшей также въ министерство, онъ попросилъ Дюпена и Жанвье объяснить королю положеніе дѣлъ.

XXIV.

Впослѣдствіи упрекали Барро въ его нерѣшительности; даже его друзья порицали его за то, что онъ у себя дома и въ министерствѣ потерялъ невозвратное время. Но основательны ли эти упреки? — Я не думаю.

Барро былъ принятъ королемъ двусмысленно и даже оскорбительно. Оставляя короля въ девять часовъ утра, онъ не могъ добиться никакой значительной уступки, не получилъ никакой власти. Обстоятельства привели его въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тутъ онъ могъ дѣйствовать только по своей преданности и любви къ нему народа. Никакое королевское повелѣніе не назначало его министромъ и онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ еще имъ. Онъ испытывалъ на себѣ роковыя послѣдствія того ложнаго положенія, въ которое его поставилъ отказъ Луи-Филиппа. Онъ не могъ принудить себя сдѣлаться палачемъ королевской власти, воплощенной въ лицѣ старика, въ то время какъ онъ считалъ себя призваннымъ поддержать эту власть въ лицѣ ребенка. Будучи человѣкомъ не столько дѣятельнымъ, сколько мужественнымъ, онъ не рѣшился въ эту торжественную минуту на какое нибудь смѣлое дѣло, только потому, что не считалъ себя способнымъ основать что нибудь прочное на краю пропасти. Если онъ и сдѣлалъ ошибку въ этотъ замѣчательный день, то эта ошибка имѣла свое основаніе въ предъидущихъ событіяхъ. Онъ долженъ былъ утромъ рѣшительно потребовать у короля необходимыхъ уступокъ: удаленія маршала Бюжо, распущенія парла-

*) Шамболь, Бюро-де-Пюзи, Лербетъ, Периньонъ, Вавенъ, Демарсе, Куртэ, Жанвье, Дюпенъ старшій и др.

мента и прочее; словомъ — онъ долженъ былъ или заставить принять свои условія или же удалиться; въ это время его популярность была еще сильна. Но въ одиннадцать часовъ, въ то время, когда король сдѣлался уступчивѣе, вліяніе Барро уже было подорвано. Побѣжденный радикализмомъ у Сенъ-Денисскихъ воротъ, онъ встрѣтилъ на площади Согласія послѣднюю овацію, произведенную въ его честь. Справедливая исторія всегда соразмѣряетъ отвѣтственность съ обширностію власти.

XXV.

Весь интересъ этой драмы сосредоточился въ Тюльери. Съ тѣхъ поръ, какъ народъ овладѣлъ городскою Думою, угрожалъ завладѣть префектурой полиціи и блокировалъ Пантеонъ, — съ тѣхъ поръ дворецъ представлялъ послѣднюю защиту правительства противъ возмущенія. Вся сила нападенія должна была обратиться на Тюльери. Со всѣхъ сторонъ уже шли къ нему колонны національныхъ гвардейцевъ, буржуа, студентовъ и работниковъ. Эти колонны, послѣдовательно выступившія изъ всѣхъ частей города, сближались между собою; онѣ шли въ такомъ порядкѣ, какого не могъ бы добиться самый искусный генералъ отъ самаго закаленнаго войска и притомъ на отлично изслѣдованномъ полѣ битвы.

XXVI.

Главный штабъ былъ уже извѣщенъ о приближеніи этой лавины. Новости смѣнялись тамъ однѣ другими, все болѣе и болѣе мрачными: безпрестанное увеличеніе баррикадъ, сожженіе заставъ, мостовъ, кордегардій, занятіе и блокированіе казармъ, взятіе оружія и боевыхъ припасовъ, обезоруженіе и отступленіе войскъ, изгнаніе антиреформистскихъ мэровъ и полковниковъ, соединеніе національной гвардіи съ народомъ, все-

общее раздраженіе, вліяніе общественнаго мнѣнія на солдатъ, взаимныя выраженія сочувствія, взятіе городской Думы и капитуляція всей дивизіи генерала Себастьяни, — всѣ эти извѣстія постепенно доходили до главнаго штаба. И какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, одни и тѣ же факты, переходя изъ устъ въ уста, принимали самыя разнообразныя формы. Люди слабые преувеличивали истину, люди болѣе сильные уменьшали ея значеніе; а неопредѣленные слухи о неминуемой опасности придавали этой опасности страшные размѣры.

Тогда генералы начали предаваться самымъ опаснымъ размышленіямъ: заботы о будущемъ, поколебленная преданность, тягость присяги, разсужденія о предѣлахъ военной власти — все это мучило ихъ. Самъ маршалъ колебался; напрасно онъ призывалъ на помощь свою прежнюю воинственную энергію; эта энергія, ослабленная сомнѣніемъ, отказывалась повиноваться уму. Чувствуя, что его власть подорвана сразу и вездѣ, что какъ миръ такъ и война одинаково гибельны, онъ боролся съ этимъ томленіемъ, разслабляющимъ дѣятельнаго человѣка, которому не достаетъ цѣли и средствъ.

Принцы въ сопровожденіи Тьера дѣлали смотръ войскамъ на Каррусельской площади. Слишкомъ взволнованные, чтобы скрывать чувства, мучившія ихъ, они вовсе не думали о томъ, какъ опасно было обнаруживать смущеніе. Они осматривались кругомъ, старались разгадать настроеніе солдатъ и внушить имъ довѣрчивость, которой не было у нихъ самихъ.

XXVII.

Въ дополненіе къ этой печальной картинѣ около десяти съ половиною часовъ офицеръ главнаго штаба національной гвардіи и эскадронный командиръ пришли разсказать маршалу всю исторію отступленія генерала Бедо, исполненнаго по приказанію маршала; они разсказали какъ солдаты дружились съ

народомъ, поднимали ружья прикладами къ верху, какъ были разбиты ящики и розданы патроны при громкихъ крикахъ народа. Почти въ это же самое время была слышна перестрѣлка на площади Согласія. Въ это же время произошли поспѣшный выѣздъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо въ улицу Риволи, встрѣча ихъ съ генераломъ Ламорисьеромъ, благоразумныя увѣщанія полицейскаго коммиссара Вассаля и быстрое возвращеніе въ Тюльери.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Королевская фамилія въ послѣдній разъ завтракаетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; приходъ Дювержье де-Горанна и Ремюза. — Лобепенъ сообщаетъ свѣдѣнія о колоннѣ генерала Бедо и о кровавой сценѣ, бывшей на площади Согласія; пока Ластейри и Эльшингенъ отправляются узнать подробности этихъ происшествій, король вмѣстѣ съ принцами, Тьеромъ, Ремюза и Дювержье де-Горанномъ разсуждаютъ о томъ, какія мѣры надобно принять для успокоенія города; генералъ Бедо сообщаетъ успокоительныя новости; Тьеръ совѣтуетъ королю удалиться вмѣстѣ съ войсками въ Сенъ-Клу; король уходитъ изъ залы Совѣта, не рѣшившись ни на что. — Тьеръ идетъ къ Бюжо сообщить ему свой проектъ, маршалъ соглашается съ Тьеромъ и, чтобы привести этотъ проектъ въ исполненіе, ставитъ батальонъ солдатъ въ Тюльерійскомъ саду. — Король выходитъ на Каррусельскую площадь, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ и національной гвардіи; угрожающій крикъ батальона 4-го легіона; король, глубоко опечаленный, возвращается во дворецъ; слова его къ Тьеру: «Все кончено!» — Парижъ требуетъ отреченія короля; Реймсъ и Артигъ идутъ въ Тюльери сообщить эту новость Тьеру, который передаетъ ее принцамъ. — Тьеръ выставляетъ королю требованія обстоятельствъ; герцогъ Немурскій говоритъ объ отреченіи и въ то же время о своемъ отказѣ отъ регентства; король спрашиваетъ: спасетъ ли онъ своимъ отреченіемъ тронъ своего внука; онъ призываетъ къ себѣ все свое семейство. — Первое столкновеніе у Château d'Eau; озабоченность генерала Ламорисьера по этому поводу; принятыя предосторожности и приказанія, отданныя генераломъ, чтобы предупредить столкновеніе у Тюльери. — Ламорисьеръ у баррикады подлѣ Мольеровскаго фонтана. — Ламорисьеръ въ Тюльери. — Свиданіе генерала съ королемъ, который становится бодрѣе послѣ совѣщанія съ своимъ семействомъ; генералъ сообщаетъ королю о томъ, что народъ требуетъ отреченія; король отвѣчаетъ, что этого добьются только съ его смертью, и герцогъ Немурскій говоритъ, что надобно итти впередъ; генералъ отправляется въ глав-

ный штабъ. — Колонна народа врывается на Каррусельскую площадь; храбрость маршала Бюжо, который принуждаетъ колонну отступить. — Кремье входитъ въ кабинетъ короля; онъ говоритъ королю о необходимости назначить Барро президентомъ Совѣта министровъ и смѣнить маршала Бюжо; король соглашается; въ это время входитъ Эмиль-де-Жирарденъ. — Происшествіе на площади Пале-Рояль; развязка борьбы; стеченіе народа и національныхъ гвардейцевъ въ окрестностяхъ Château d'Eau и Тюльери; борьба становится безпощаднѣе; безполезныя усилія прекратить огонь; вмѣшательство генерала Ламорисьера; онъ раненъ и принужденъ удалиться; вмѣшательство генерала Перро; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

I.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе произвела на короля борьба, вызванная муниципалами на площади Согласія.

Луи-Филиппъ только что вышелъ въ обыкновенную семейную столовую. Его окружало все его семейство. Королева, блѣдная, съ глазами раскраснѣвшимися отъ усталости, смотрѣла по сторонамъ взглядомъ исполненнымъ безпокойства и подозрѣнія. Принцессы всматривались въ лица короля и приближенныхъ, стоявшихъ вокругъ стола. Луи-Филиппъ чувствовалъ незанятое подлѣ себя мѣсто своей сестры, этого надежнаго товарища и совѣтника въ минуты великихъ переворотовъ. Потрясенный, но еще не упавшій духомъ, король былъ особенно далекъ отъ мысли, что его семейство въ послѣдній разъ ѣстъ въ королевскомъ дворцѣ.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ перестрѣлки, Ремюза и Дювержье де-Гораннъ быстро вошли во дворецъ. При видѣ всего королевскаго семейства, собравшагося вмѣстѣ, они остановились, пораженные глубокимъ сожалѣніемъ. Королева, пораженная въ свою очередь, уже предчувствуетъ новыя несчастія. „Развѣ случилось что нибудь еще серьезнѣе?“ восклицаетъ она сильно взволнованнымъ голосомъ. Дювержье де-Гораннъ молчитъ; Ремюза, посматривая на принцевъ, отвѣчаетъ уклончиво. Принцы, понимая въ чемъ дѣло, встаютъ и отправляются въ сосѣднюю комнату. Король встаетъ и также

уходитъ за ними. При входѣ король встрѣчаетъ Тьера, разговаривающаго съ эскадроннымъ командиромъ главнаго штаба.

Этотъ офицеръ, Лобепенъ, сопутствовалъ генералу Бедо, онъ былъ свидѣтелемъ могущественнаго возмущенія и знаменательныхъ событій, сопровождавшихъ отступленіе; когда онъ увидѣлъ на площади Согласія энергію народа, бездѣйствіе войскъ, разбитіе муниципаловъ и взятіе ихъ поста, то немедленно отправился въ Тюльери. Король лично зналъ Лобепена; онъ не могъ сомнѣваться въ его преданности. Пораженный кровавыми сценами, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Лобеспенъ сообщилъ своимъ слушателямъ впечатлѣніе, которое онѣ произвели на него самого. Что будетъ, если народъ, уже овладѣвшій городскою Думою и который можетъ быть скоро овладѣетъ Пале-Роялемъ, займетъ еще площадь Согласія? Войска будутъ отброшены, смяты и разбиты, Тюльери взятъ приступомъ и тогда всякій выходъ будетъ закрытъ! Во время приступа открытою силою можно ожидать всего; чтобы спасти королевское семейство, нельзя было терять ни одной минуты!

Король понялъ всю опасность этого положенія. Неумолимый до этого времени, упорно противившійся требованіямъ здраваго смысла, онъ приходитъ теперь въ смущеніе. Только что не хотѣвшій слушать о распущеніи палаты, — теперь онъ самъ возбуждаетъ вопросъ о необходимости бѣгства.

II.

Прежде всего были посланы депутаты Жюль-де-Ластейри и д'Элышингенъ, чтобы лично убѣдиться въ настоящемъ положеніи дѣлъ на площади Согласія. Затѣмъ приказано было на случай выѣзда приготовить придворные экипажи.

Затѣмъ началось совѣщаніе. Наступила-ли уже минута думать только о спасеніи короля и его семейства? Слѣдуетъ ли оставить Тюльери? Нельзя ли еще защищаться?—На эти вопросы принцы отвѣчали, что они не боятся за себя, что

они лично готовы выдержать приступъ, но что они не допускаютъ мысли, чтобы ихъ семейства были подвергнуты всѣмъ случайностямъ борьбы. Были поданы различные совѣты, не приведшіе ни къ какому заключенію, какъ это бываетъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда разсуждаютъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать.

Въ это время явился адъютантъ генерала Бедо. Генералъ сообщалъ, что опасенія, возникнувшія по поводу битвы съ муниципалами, преувеличены, что спокойствіе возстановлено, что народъ разошелся и войска въ совершенномъ порядкѣ охраняютъ площадь и аллеи.

III.

Тогда совѣщаніе приняло иной характеръ. Удаленіе короля, переставъ быть съ этой минуты мѣрой личнаго и немедленнаго спасенія, сдѣлалось политическимъ вопросомъ.

Всѣ находившіеся на совѣщаніи сидѣли какъ на обыкновенномъ совѣтѣ. Одинъ Тьеръ не садился, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ видимымъ нетерпѣніемъ. Король спросилъ его мнѣнія.

Тьеръ остановился, вынулъ часы и, смотря на нихъ, сказалъ: „Черезъ два часа мы всѣ будемъ поглощены. Если бы было въ моей власти!...

„— Что бы вы сдѣлали?

„— Это возмущеніе ужасно! Усиливаясь съ самаго утра, оно уничтожаетъ всѣ предположенія. Если мы вздумаемъ съ нашими ничтожными силами схватить быка за рога, то мы будемъ раздавлены. Если бы было въ моей власти — я бы удалился въ Сенъ-Клу, собралъ бы вокругъ себя пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ войска и черезъ три дня вошелъ въ Парижъ.

„— Но какимъ образомъ оставить Парижъ, и зачѣмъ

же отправляться въ Сенъ-Клу? Не лучше ли отправиться въ Венсенскій замокъ?

„— Венсенскій замокъ — тюрьма. Сенъ-Клу же очень сильная военная позиція, гдѣ удобно помѣститься и поддерживать сообщенія съ западными и сѣверными гарнизонами.

„— Можетъ быть вы и правы!“ сказалъ король. Потомъ онъ всталъ, пошелъ къ королевѣ и ни на что не рѣшился.

Тьеръ отправился къ маршалу Бюжо, повторить ему предложеніе, только что сдѣланное королю. Маршалъ согласился съ нимъ и поспѣшилъ начать приготовленія, помѣстивши въ самомъ Тюльерійскомъ саду батальонъ, который долженъ былъ служить прикрытіемъ при выходѣ короля изъ дворца на площадь Согласія. Это распоряженіе служитъ яснымъ доказательствомъ, что маршалъ считалъ дѣло совершенно потеряннымъ.

IV.

Отчаянный совѣтъ Тьера служитъ тому еще болѣе явнымъ доказательствомъ. Въ гражданскихъ войнахъ побѣда принадлежитъ тому, кто дѣйствуетъ настойчиво; тотъ, кто отступаетъ—остается побѣжденнымъ. Тотъ, кто властвуетъ въ Парижѣ, долженъ оставаться въ немъ пока онъ живъ; оставляя его онъ влечетъ за собой общее паденіе.

Въ 1830 году Карлъ X былъ въ Сенъ-Клу; онъ окружилъ себя войсками, изгнанными изъ Парижа, и своимъ военнымъ штатомъ; войска шли изъ Люневильскаго лагеря на помощь къ нему; Сенъ-Сирская школа, преданная ему вслѣдствіе соперничества съ возмутившеюся Политехническою школою, защищала посты въ Сенъ-Клу и Севрѣ, рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ впустить туда кого нибудь. Парижъ былъ въ опьяненіи отъ побѣды, но въ то же время былъ удивленъ ею и легко могъ быть застигнутъ въ расплохъ. И однакожъ, что же было! — Исторія говоритъ объ этомъ. Карлъ X, бывшій въ Сенъ-Клу и не бѣжавшій изъ Парижа, былъ принужденъ ос-

тавить эту военную позицію и отступить. Былъ ли этотъ поступокъ низкимъ? — Нѣтъ. Самъ Дофинъ лично дошелъ до заставы Звѣзды. Но тогда не доставало средствъ итти далѣе. Потеря нравственнаго вліянія увлекала за собой и матеріальную силу. Не было возможности заставить войска бомбардировать Парижъ.

Луи-Филиппъ, столь же старый какъ Карлъ X, внушалъ меньше его расположенія къ себѣ, и сверхъ того, побѣжденный, бѣжавшій, онъ вѣроятно не былъ бы поддержанъ подобнымъ доказательствомъ преторіанской преданности. Армія, которою онъ командовалъ, не состояла изъ приверженцевъ деспота, — эта армія была національною арміею. Что бы онъ ни дѣлалъ съ цѣлію ее соблазнить, она бы навѣрное отказалась совершить какое нибудь преступленіе.

V.

Было одиннадцать часовъ. Луи-Филиппъ хотѣлъ лично удостовѣриться въ нравственномъ состояніи войскъ и національной гвардіи. Можетъ быть онъ льстилъ себя надеждою, что обаяніемъ своей личности онъ возбудитъ энтузіазмъ къ королевскому достоинству!

Четыре тысячи человѣкъ войска при шестнадцати орудіяхъ стояли одни на Каррусельской площади; остальныя войска состояли изъ колоннъ Бедо, Себастьяни и Рено и подкрѣпленій, посланныхъ въ разное время въ префектуру полиціи и въ другія мѣста. Представителями національной гвардіи были: ничтожный кавалерійскій отрядъ подъ командой Монталиве, нѣсколько взводовъ 10-го легіона, батальонъ 1-го и почти весь батальонъ 4-го легіона, составленный изъ людей, принадлежавшихъ ко всѣмъ ротамъ этого легіона.

Этотъ батальонъ, содержавшій караулъ вдоль набережныхъ, заставилъ своего командира отправиться къ Тюльери черезъ мостъ des Saints-Pères и взошелъ на Каррусельскую площадь

съ барабаннымъ боемъ, не смотря на замѣчанія нѣкоторыхъ высшихъ армейскихъ офицеровъ; онъ построился въ боевомъ порядкѣ лицомъ къ дворцу, спиною къ домамъ. 10-й легіонъ, стоявшій спиною къ Hotel de Nantes, — отдѣльному дому на площади, близъ улицы de Rohan, — стоялъ также лицомъ къ дворцу. Съ другой стороны, спиною къ рѣшеткѣ, отдѣляющей Каррусельскую площадь отъ Тюльери, стоялъ 1-й легіонъ. По серединѣ стояли войска, размѣстившіяся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они прибывали на площадь.

VI.

Король выѣхалъ верхомъ въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ генерала національной гвардіи, съ большою лентою Почетнаго Легіона; за нимъ шли пѣшкомъ принцы, маршалъ, генералы: Ламорисьеръ, Трезель, Рюльеръ, Деларю, Карреле, Дюма, Бертуа и Перро, два адъютанта: де Рюмини и Гурго, и наконецъ Тьеръ и Ремюза. Королева, принцессы, дѣти, стояли у оконъ дворца и провожали глазами любимаго старика; дрожа отъ страха, волненія и надеждъ, съ распростертыми руками, они посылали ему поцѣлуи — страстные знаки одобренія, надежды и любви. Король медленно двигался впередъ, лицо его опало отъ усталости, его унылое выраженіе скорѣе возбуждало соболѣзнованіе, чѣмъ уваженіе.

При въѣздѣ на Каррусельскую площадь онъ встрѣтилъ прежде всего 1-й легіонъ. Между рядами раздались крики: Да здравствуетъ король! смѣшанные съ криками: Да здравствуетъ реформа! Король подъѣхалъ къ командиру Русселю. „Вы можете, сказалъ король, увѣрить національныхъ гвардейцевъ, находящихся подъ вашею командою, что они получатъ реформу. Они бы имѣли ее раньше, если бы я зналъ, что они такъ сильно желаютъ ее имѣть.“ При этихъ словахъ, которыя король повторяетъ громкимъ голосомъ, національные гвардейцы согласнѣе выражаютъ свои реформистскія желанія.

Тотъ же пріемъ встрѣтилъ король въ 10-мъ легіонѣ. Нѣсколько человѣкъ буржуа и рабочихъ, пробравшихся за ряды солдатъ, кричали сильнѣе національныхъ гвардейцевъ. Король подъѣхалъ къ нимъ и сказалъ съ нѣкоторою твердостію: „Друзья мои, вы получите реформу, вы получите ее. Теперь нѣтъ болѣе никакого предлога къ волненію: уходите домой!“

Но у національныхъ гвардейцевъ 4-го легіона ждала его совсѣмъ другая встрѣча. Какъ только Луи-Филиппъ подъѣхалъ къ фронту батальона, раздался всеобщій, исключительный крикъ: Да здравствуетъ реформа! Долой министровъ! Король хочетъ говорить, но шумъ покрываетъ его голосъ. „Друзья мои у васъ будетъ реформа, кричитъ онъ съ усиліемъ: — министры смѣнены.“ Но его не слушаютъ. Офицеры поднимаютъ свои шпаги, національные гвардейцы — ружья; лица ихъ оживляются и волненіе страшно усиливается. Затѣмъ раздаются болѣе враждебные крики: „Долой систему! Долой Гизо!“ Гвардейцы грозятъ руками. Конвой приближается къ королю и окружаетъ его. Крики усиливаются.

Король, испуганный, удаляется. Голова его склоняется на грудь. Не обращая вниманія на войска, которыя его ожидаютъ, не осмотрѣвши ихъ, онъ уѣзжаетъ черезъ тріумфальную арку, слезаетъ съ лошади у павильона Флоры и, обращаясь къ Тьеру, бывшему при немъ неотлучно, печально говоритъ: „Да, я вижу теперь — все кончено!“

VII.

Этотъ болѣзненный крикъ былъ справедливъ, потому что дѣйствительно все было кончено. Агонія монархической власти уже начиналась; часъ ея смерти былъ близокъ.

Когда-то, въ этомъ же самомъ дворцѣ, окруженный немногими друзьями, покинутый другими, король нашелъ помощь въ самомъ себѣ. Съ высоко поднятой головой, съ твердымъ

голосомъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ, онъ явился къ войску, къ раздѣленной національной гвардіи и побѣдилъ ихъ. Потомъ онъ пошелъ противъ взбунтовавшагося народа и тоже побѣдилъ его. Но теперь этой энергіи уже недоставало ему. Ни крайняя опасность, ни мужественныя увѣщанія королевы не могли заставить его рѣшиться на что нибудь. Угрюмый, унылый, пораженный нравственнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, онъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ.

Кругомъ его все рушилось. Въ сосѣдней комнатѣ, прислушиваясь къ уличному шуму, находилось нѣсколько генераловъ, офицеровъ, депутатовъ, приближенныхъ, ожидавшихъ послѣдней минуты. Кромѣ лести, нѣсколькихъ угодливыхъ словъ, — король ничего не слышалъ отъ нихъ. Въ нихъ не было ни истинной преданности, ни той смѣлости, которая спасаетъ погибшее дѣло, ими не было сказано ни одного изъ тѣхъ магическихъ словъ, которыя, исходя изъ могучей души, проникаютъ въ самую душу народа и побѣждаютъ его. Разумѣется, эти генералы, покрытые ранами, эти молодые офицеры, испытанные уже въ огнѣ Арабовъ и готовые итти на смерть за одно слово, были храбры. Но имъ недоставало вѣры въ успѣхъ и самоотверженія, этихъ неизсякаемыхъ источниковъ нравственнаго могущества.

VIII.

Есть всегда нѣчто величественное въ паденіи династіи и правительства. Но паденіе Луи-Филиппа, его ослѣпленіе, его невѣріе, пренебреженіе къ опасности, которой онъ не видѣлъ собственными глазами, и за тѣмъ его страхъ, сомнѣнія, жалобы на судьбу и желаніе избѣгнуть ея, — все это наводило на душу печаль. Послѣднія минуты монархіи производили впечатлѣніе, раздиравшее сердце.

Король находился въ своемъ кабинетѣ; казалось, онъ не сѣлъ, а повалился въ кресло. Онъ глядѣлъ въ окно на го-

лыя деревья и не видѣлъ ихъ. Принцы, Тьеръ, Дювержье де-Гораннъ, не столь унылые какъ онъ, но не менѣе его безсильные, печально смотрѣли на него.

Кто-то позвалъ Тьера. Это былъ его секретарь, Реймсъ, пришедшій въ сопровожденіи одного друга, котораго еще не зналъ тогда Тьеръ, Артига, человѣка съ республиканскимъ образомъ мыслей. Реймсъ, которому была отдана прокламація для печатанія, отправился въ типографію „Moniteur parisien“, а оттуда въ типографію „National“. Тамъ онъ услышалъ лично отъ Артига серьезныя извѣстія: множество національныхъ гвардейцевъ 2-го легіона, преданныхъ монархіи, не боялись громко высказать свое мнѣніе; что касается до нихъ, то они удовлетворились бы министерствомъ Барро, но обстоятельства были такого рода, что даже и этого было уже недостаточно; чтобы успокоить умы, — необходимо было немедленно отречься отъ престола и назначить регентство; а въ скоромъ времени и этого будетъ мало. Видя такимъ образомъ, какъ рушатся надежды его друзей и какъ быстрый ходъ переворота опередилъ ихъ прокламацію, Реймсъ привелъ съ собою Артига въ Тюльери и представилъ его Тьеру, какъ несомнѣннаго и честнаго свидѣтеля.

Тьеръ, изумленный, зоветъ немедленно принцевъ. Оба слушаютъ его; герцогъ Немурскій не выражаетъ никакого удивленія, герцогъ Монпансье волнуется. „Отреченіе есть послѣднее и единственное средство спасти монархію, говоритъ Реймсъ, надо торопиться!“ — „Но, возражаетъ герцогъ Монпансье, мы дѣлаемъ со вчерашняго дня уступки, которыя ни къ чему не служатъ. Будетъ ли это наконецъ крайнею уступкой. Кто здѣсь по крайней мѣрѣ можетъ намъ поручиться за ея дѣйствительность?“ Всѣ молчатъ. „Каковы однакожъ мнѣнія?“ говорятъ принцы, обращаясь къ Тьеру, Ремюза и Дювержье. Они переглядываются между собою, колеблятся. Принцы настаиваютъ. Тогда Тьеръ объявляетъ, что отреченіе

можетъ быть еще послѣднимъ средствомъ спасенія, но что никто не въ силахъ ручаться за его дѣйствительность. „Надобно сказать объ этомъ королю,“ сказалъ герцогъ Немурскій; потомъ, оборотившись, прибавилъ: „Вы упоминали о регентствѣ; вѣроятно о регентствѣ Елены, — не правда ли, господа?“ Это были твердыя, но печальныя слова, въ которыхъ заключался въ то же время отказъ отъ своихъ правъ и сознаніе въ тягостной непопулярности! Это были благородныя чувства, благородно высказанныя.

IX.

Когда они вошли къ королю вмѣстѣ съ Гюставомъ де-Бомономъ, который возвращался съ бульваровъ, куда онъ сопутствовалъ Барро, король посмотрѣлъ на нихъ взглядомъ, исполненнымъ предчувствій и вопросовъ. Подъ вліяніемъ волненія, произведеннаго этою важною новостію, никто не могъ сразу отвѣчать на этотъ нѣмой вопросъ. Въ комнатѣ воцарилось торжественное, почти гробовое молчаніе. Наконецъ Тьеръ, съ уваженіемъ, которое уменьшало горечь истины, объяснилъ новое положеніе дѣлъ. „Теперь не время обращаться къ политическому совѣту: положеніе дѣлъ и семейные интересы одни могутъ внушить королю рѣшимость.“ Смыслъ его словъ выражалъ необходимость отреченія. Онъ необыкновенно искусно указалъ на это обстоятельство, не говоря прямо о немъ. Король понялъ, но не отвѣчалъ.

Тогда гецогъ Немурскій рѣшился съ своей сыновней преданностію сказать эти слова, столь жестокія для слуха его отца: „Если король считаетъ необходимымъ отречься, то я прошу его отречься въ то же время и за меня отъ регентства.“ Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ.

Луи-Филиппъ сдѣлалъ видимое усиліе надъ собою и сказалъ: „Вѣрите ли вы, что моимъ отреченіемъ я спасу тронъ моего внука?“

„— Сомнительно, государь.

„— Въ такомъ случаѣ, что вы совѣтуете мнѣ?

„— Мы не знаемъ, что сказать вамъ въ этомъ случаѣ; это выше нашей отвѣтственности и нашего долга. Только сами вы, только ваше семейство, могутъ рѣшить этотъ вопросъ.“ Всѣ молчали. Черезъ нѣсколько секундъ одинъ изъ присутствующихъ воскликнулъ: „Какъ! удалиться безъ боя?“ — „Но какія же у насъ средства для сопротивленія?“ съ хладнокровіемъ и достоинствомъ возразилъ герцогъ Немурскій. Снова наступило молчаніе.

Такимъ образомъ и тутъ оказался недостатокъ въ энергіи и рѣшимости. Депутаты не рѣшались совѣтовать королю, король же все откладывалъ. Только — странное дѣло! — сопротивленіе короля, столь сильное въ началѣ, въ восемь часовъ утра, — теперь, въ одиннадцать съ половиною, превратилось въ какое-то бездѣйствіе. Увлекаемый событіями, принужденный безпрестанно переходить отъ одного положенія къ другому, онъ дѣлалъ уступку за уступкою, которыя оказывались только безплодными жертвами.

Король позвалъ къ себѣ свое семейство. Депутаты удалились.

X.

Нѣсколько минутъ спустя, генералъ Ламорисьеръ пришелъ во дворецъ; его привели туда важныя обстоятельства.

Встрѣча, сдѣланная королю на Каррусельской площади, дала ему очень хорошо понять, что если битва завяжется въ какой нибудь части города, то она сейчасъ же распространится повсюду; что тогда всѣ усилія къ примиренію будутъ безполезны, что побѣда народа будетъ несомнѣнна, и что можетъ быть даже Тюльери сдѣлается свидѣтелемъ кровавыхъ событій, подобныхъ событіямъ 1792 года.

И даже въ самомъ сосѣдствѣ Тюльери онъ чувствовалъ опасность битвы. Въ двухъ шагахъ отъ Каррусельской пло-

щади, при входѣ въ улицы: Saint-Thomas-du-Louvre, des Chartres и Froidmanteau и на площади Пале-Рояля стоялъ, лицомъ къ дворцу, Château-d'Eau, строеніе оригинальной, тяжелой архитектуры, превращенное въ кордегардію. Съ крыльца, тянувшагося во всю длину фасада и значительно возвышавшагося надъ уровнемъ улицы, была одна только дверь. Свѣтъ проникалъ въ это зданіе черезъ узкія и невысокія отверстія, не то окна, не то бойницы. Расположенный между двумя дворцами, Château-d'Eau служилъ прикрытіемъ для обоихъ.

Утромъ 24 февраля эта кордегардія была занята небольшимъ отрядомъ муниципаловъ; на площади, у крыльца, стоялъ сильный пикетъ третьей роты перваго батальона 14-го линейнаго полка. Въ девять часовъ оба отряда получили словесное и письменное приказаніе прекратить огонь и не стрѣлять ни подъ какимъ предлогомъ. Вслѣдствіе этого, капитанъ Супо, командовавшій пикетомъ, велѣлъ поставить ружья въ рогатки. Для большей предосторожности муниципаламъ отдано было приказаніе отойти къ Тюльери, и вслѣдствіе этого, капитанъ Перренъ передалъ около одиннадцати съ половиною часовъ свой постъ капитану Супо, котораго въ скоромъ времени должна была смѣнить національная гвардія. А до того времени, чтобы дать ясное доказательство мирныхъ намѣреній своего отряда, капитанъ приказалъ вложить штыки въ ножны. Солдаты заняли постъ, держа ружья на плечѣ.

XI.

Вслѣдъ за уходомъ солдатъ къ посту подошла кучка людей: буржуа, національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, различнымъ образомъ вооруженныхъ. Это былъ цвѣтъ партіи „Реформы.“ Во главѣ ихъ находились Этьенъ Араго, Бонъ, Лагранжъ, Гарно, Шансель, Файоль, Геллинкъ, Коссанель (de Rhodez) и другіе. Они обезоружили караулъ стоявшій у поч-

тамта и теперь пришли къ Château-d'Eau требовать также выдачи оружія. Самые смѣлые изъ нихъ, взойдя на крыльцо, проникли въ самую кордегардію. Офицеры стараются загородить имъ дорогу. „Что вамъ нужно?“ говорятъ они. „Вы видите, мы не имѣемъ никакихъ враждебныхъ намѣреній; наши штыки въ ножнахъ“.—„Мы хотимъ взять ваше оружіе.“ Офицеры рѣшительно отказываютъ имъ. Ихъ рѣшительный и хладнокровный, хотя и печальный видъ, внушаетъ къ нимъ уваженіе. Однакожъ осаждающіе продолжаютъ настаивать на своемъ. „А что, вскрикнулъ тогда капитанъ Супо, еслибъ вы были солдатами, — вы отдали бы свое оружіе?“ Эти слова приводятъ осаждающихъ въ смущеніе; они останавливаются и, какъ честные люди, уступаютъ этому честному воззванію. Готовые двинуться на Тюльери, они уходятъ: одни къ баррикадѣ, находящейся на углу улицы Валуа, другіе къ баррикадѣ у Мольеровскаго фонтана.

Очевидно, что эта первая кучка людей была только авангардомъ.

Убѣжденный теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, въ неминуемой опасности столкновенія, генералъ Ламорисьеръ отправляется на площадь Пале-Рояля, чтобы лично увидѣть положеніе дѣлъ и извѣстить войска, что онъ ихъ смѣнитъ національной гвардіей. Онъ бросается въ Ришельевскую улицу и встрѣчаетъ гренадерскую роту 2-го легіона, подъ командой капитана Баррера; онъ приказываетъ ей итти ускореннымъ шагомъ на смѣну караула въ Château-d'Eau. Рота колеблется. Генералъ становится на флангѣ и командуетъ: „Впередъ!“ Національные гвардейцы, увлеченные, слѣдуютъ за нимъ. Онъ отправляется лично смѣнить капитана Супо капитаномъ Барреромъ. Но на дорогѣ онъ узнаетъ, что битва, которой онъ опасался, уже готова разразиться у баррикады подлѣ Мольеровскаго фонтана. Онъ немедленно идетъ туда и снова бросается въ улицу Ришельё.

XII.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ баррикады въ генерала и въ его конвой прицѣливаются. Они смѣло встрѣчаютъ эту угрозу. Но Бонѣнъ, Лагранжъ и ихъ друзья не рѣшаются стрѣлять въ упоръ въ людей беззащитныхъ. Ружья опускаются и обѣ стороны вступаютъ въ переговоры. Генералъ объявляетъ объ уступкахъ короля: о реформѣ, перемѣнѣ министерства и распущеніи палаты. „Этого уже недостаточно; мы не хотимъ болѣе терпѣть правительства, строившаго противъ насъ укрѣпленія! Мы хотимъ теперь всеобщей подачи голосовъ. Надобно чтобы Луи-Филиппъ отрекся отъ престола! Да притомъ-же, кто намъ поручится, что вы говорите правду?“—Порука—мое честное слово! съ жаромъ отвѣчалъ генералъ.— „Вотъ вамъ Moniteur, возражаетъ одинъ изъ защитниковъ баррикады, показывая журналъ; тутъ есть о назначеніи Бюжо; объ остальномъ ни слова. — Сверхъ того, прибавляетъ Лагранжъ, имѣете ли вы подписанное повелѣніе, уполномочивающее васъ на переговоры? Если его нѣтъ, ступайте за нимъ.“ Дальнѣйшая настойчивость была бы безполезна; генералъ отправляется назадъ. У Французскаго театра онъ встрѣчаетъ Этьена Араго, который кричитъ ему: „Теперь намъ нужно не то!“

Ламорисьеръ былъ обязанъ предупредить обо всемъ короля, и поэтому отправился въ Тюльери. Но, озабоченный по прежнему положеніемъ Château-d'Eau и желая уничтожить всякій поводъ къ недоразумѣнію, которое могло бы испортить все дѣло, онъ послалъ одного за другимъ двухъ офицеровъ главнаго штаба, Галиссери и Мориссо, повторить отъ его имени приказаніе линейнымъ войскамъ смѣниться національною гвардіей. Затѣмъ онъ пошелъ къ королю.

XIII.

Что же произошло въ это время въ семейномъ кабине-

тѣ, о которомъ мы уже говорили? Такъ какъ я не имѣю объ этомъ непосредственныхъ свѣдѣній, то и не рѣшаюсь ничего сказать. Положительно извѣстно только то, что король вышелъ оттуда ободреннымъ, потому ли, что нѣжное участіе его семейства внушило ему энергію, или можетъ быть потому, что королева сообщила ему отчасти свою твердость.

Король былъ одинъ съ герцогомъ Немурскимъ, когда вошелъ Ламорисьеръ. „Что новаго, генералъ?“ спросилъ король. Генералъ отвѣчалъ, что, будучи назначенъ начальникомъ національной гвардіи, онъ на самомъ дѣлѣ не командовалъ ею; что она не находится въ его распоряженіи; что онъ вездѣ искалъ ее и нигдѣ не находилъ; что сверхъ того, не будучи оффиціально облеченъ властью, онъ не имѣетъ возможности заставить повиноваться себѣ и поэтому требуетъ оффиціальной, неоспоримой власти. „Я употребляю безполезныя усилія, сказалъ онъ, я вездѣ объявляю о перемѣнѣ министерства, о реформахъ, но народъ не удовлетворяется тѣмъ, что я объявляю объ этомъ отъ имени вашего величества. Уже многіе требуютъ.... другаго.“

Король быстро прервалъ его: „Другаго! г-нъ Ламорисьеръ; то есть, моего отреченія! а такъ какъ я дамъ его только съ моею смертію, то они и не получатъ его.“

При этихъ словахъ, произнесенныхъ очень энергически, герцогъ Немурскій встаетъ и говоритъ: „И такъ—впередъ!„

„— И такъ — впередъ!“ машинально повторяетъ генералъ и прибавляетъ про себя: „Да, впередъ, но спрашивается, съ чѣмъ?“ Вслѣдъ за тѣмъ генералъ удалился и пошелъ въ главный штабъ.

XIV.

Въ это самое время (одиннадцать съ половиною часовъ), колонна народа и національныхъ гвардейцевъ, отъ пяти до шести сотъ человѣкъ, вооруженныхъ саблями, ружьями, пи-

столетами и желѣзными палками, выходила изъ улицы Rohan на Каррусельскую площадь. Устремившись на площадь въ безпорядкѣ, въ которомъ однако выражалось много силы, эта колонна храбро шла впередъ, въ виду войска, выстроившагося въ боевомъ порядкѣ. Маршалъ Бюжо, верхомъ, находился на площади. Пораженный этою дерзостью, онъ смѣло бросился къ колоннѣ; генералъ Гурго, офицеры: Серсе, Трошю и другіе послѣдовали за нимъ. Воинственное лицо маршала было полно выраженія его душевной силы. Онъ обращается къ колоннѣ тономъ человѣка, привыкшаго командовать и увѣреннаго въ своей силѣ. Толпа останавливается, смотритъ на эту воинственную фигуру, которая ей незнакома. Но во главѣ ея идутъ люди рѣшительные. Одинъ изъ предводителей колонны, Лонжпье, національный гвардеецъ 5-го легіона, твердымъ голосомъ отвѣчаетъ, что народъ требуетъ суда надъ министрами, освобожденія плѣнныхъ, уничтоженія сентябрьскихъ законовъ, амнистіи, реформы и распущенія парламента. Маршалъ отвѣчаетъ, что народъ будетъ удовлетворенъ и что онъ можетъ въ этомъ положиться на него, на маршала Бюжо. „А! такъ вы маршалъ Бюжо?“ раздаются грозные голоса. —Да, это я! — „Вы врагъ свободы печати, вы убійца нашихъ братьевъ въ улицѣ Transnonain?“ Маршалъ отвѣчаетъ съ твердостію: Неправда — это клевета! Я не былъ тамъ. Да, я маршалъ Бюжо! Я выигралъ двадцать сраженій. Уйдите отсюда!—Его твердость дѣйствуетъ на толпу, которая всегда любитъ мужество. Нѣкоторые даже приближаются къ нему и протягиваютъ ему руки; другіе, въ небольшомъ числѣ, кричатъ: Да здравствуетъ маршалъ! — Въ это время подъѣзжаетъ генералъ Ламорисьеръ въ сопровожденіи офицеровъ главнаго штаба. Онъ присоединяетъ свои усилія къ усиліямъ маршала и толпа расходится.

Опасность была устранена на одномъ пунктѣ и то не на долго. Но чтобы устранить повсемѣстно эту опасность, мало

было одной воинской храбрости, и побѣдитель Исли не находилъ въ своей душѣ того великаго вдохновенія, которое отвращаетъ великія бѣдствія.

XV.

Въ это время въ Тюльери все уже было приготовлено къ бѣгству. Караулы были сняты, никто не отдавалъ приказаній, всѣ двери были отперты, доступъ открытъ всѣмъ: генераламъ, офицерамъ, депутатамъ, журналистамъ, лицамъ знакомымъ и незнакомымъ. Всякій входилъ куда и какъ хотѣлъ, даже въ комнаты, сосѣднія съ королевскимъ кабинетомъ. Только въ кабинетъ, въ это послѣднее убѣжище короля, не проникла нескромность толпы. Тамъ были одни только принцы, будущіе министры и адъютанты.

Около полудня Тьеръ, Дювержье де-Гораннъ, Ремюза, Ластейри и другіе стояли подлѣ короля, сидѣвшаго на томъ же креслѣ и у того же окна, у котораго онъ сидѣлъ прежде; въ это время къ нему вошли герцогъ Монпансье и Кремье. Этотъ послѣдній, принадлежавшій къ оппозиціи сильной, но не враждебной правительству, обошелъ въ продолженіе утра всѣ главные кварталы четвертаго округа. Онъ пришелъ разсказать теперь то, что слышалъ. Его воодушевленный разсказъ представилъ вещи въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ можно было ожидать; по его словамъ, еще не все было потеряно, народъ готовъ былъ еще удовлетвориться оппозиціоннымъ министерствомъ, реформой и распущеніемъ парламента. „Только, заключилъ онъ, присутствіе г. Тьера въ совѣтѣ, какъ перваго министра, самая опасная сторона вопроса. Г. Тьеру очень хорошо извѣстно, что я не имѣю противъ него ничего враждебнаго, но пусть онъ позволитъ мнѣ сказать, что онъ не можетъ быть первымъ министромъ, — имя его внушаетъ непреодолимое отвращеніе.

„— Ваше величество, сказалъ рѣшительно Тьеръ, я готовъ удалиться.

„— Кого же бы вы мнѣ предложили? спросилъ король у Кремье.

„— Государь! Одилона Барро, который имѣлъ бы полную свободу выбрать себѣ министровъ изъ самыхъ рѣзкихъ представителей лѣвой стороны.

„— Хорошо! сказалъ король, пусть позовутъ Фэна и приготовятъ указъ.“ Онъ готовъ былъ на все согласиться съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ о требованіи отреченія.

Кремье продолжалъ: „Позволите ли мнѣ, ваше величество, сдѣлать еще одно замѣчаніе?“

„— Говорите.

„— Тотъ кто посовѣтовалъ вамъ призвать маршала Бюжо, далъ вамъ самый скверный совѣтъ.

„— А кто же по вашему мнѣнію можетъ замѣнить его?

„— Маршалъ Жераръ, не смотря на его стратегическій планъ Парижа. А еще лучше генералъ Ламорисьеръ, котораго вы бы могли назначить военнымъ министромъ.

„— Хорошо!“ Кремье вышелъ.

„— И такъ, мой милый Тьеръ, вы также не популярны какъ я,“ сказалъ Луи-Филиппъ съ неизъяснимымъ выраженіемъ; потомъ, дружески пожимая ему руку, прибавилъ: „Я хотѣлъ вамъ сдѣлать довольно непріятный подарокъ, поручивъ вамъ власть въ такую минуту. Теперь я немного отнимаю у васъ. Положеніе слишкомъ критическое, — оставайтесь при мнѣ.

„— Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность.„

Вошелъ Фэнъ, чтобы составить указъ о назначеніи Барро президентомъ совѣта. Генералъ Трезель, единственный изъ прежнихъ министровъ, оставшійся въ Тюльери, приготовлялся скрѣпить указъ, король взялъ перо и готовъ былъ под-

писать *), когда неожиданно вошелъ Эмиль-де-Жирарденъ съ пакетомъ бумагъ въ рукѣ, съ оживленнымъ взглядомъ и рѣшительными жестами. Въ это же время послышалась живая перестрѣлка со стороны Пале-Рояля.

XVI.

Извѣстно, какія были приняты предосторожности для предупрежденія даже всякаго повода къ битвѣ въ окрестностяхъ Тюльери. Муниципальные гвардейцы, отозванные и замѣненные линейными войсками; національная гвардія, поставленная какъ щитъ между народомъ и войскомъ; предусмотрительность генерала Ламорисьера; его личныя усилія; заботы офицеровъ главнаго штаба; вторженіе на Каррусельскую площадь, остановленное вмѣшательствомъ Бюжо; толпа, побѣжденная его словами, — ничто не могло превозмочь рѣшеній судьбы!

Мориссо, одинъ изъ офицеровъ, посланныхъ Ламорисьеромъ, не могъ пробиться сквозь толпу, собравшуюся у крыльца Château-d'Eau. Другой офицеръ, Галиссери, пробрался къ капитану Супо. Но этотъ послѣдній отказался повиноваться приказанію, которое ему передавалъ офицеръ другаго оружія; напрасно капитанъ Барреръ представлялъ ему крайнюю опасность; напрасно онъ указывалъ ему на несмѣтную толпу, на оживленныя лица, на неминуемое нападеніе, — капитанъ упорно отказывался уйти до полученія письменнаго приказа или подкрѣпленія. Народъ уже взошелъ на крыльцо и обезоружилъ часоваго; одинъ офицеръ, поручикъ Госсъ, увлеченный этимъ вихремъ, потерялъ свою саблю и эполеты; но капитанъ все таки стоялъ на своемъ. Шумъ увеличивается; крики и напоръ толпы усиливаются; не смотря на вмѣшательство національной гвардіи, толпа готова ворваться силою. Тогда,

*) Тьеръ и Дювержье говорятъ, что указъ былъ подписанъ. Но я предпочитаю разсказъ самаго Фэна. Трезель заявилъ, что онъ не скрѣплялъ указа.

видя, что сопротивленіе невозможно, что оно поведетъ только къ кровопролитію, а въ то же время къ нарушенію полученнаго имъ формальнаго приказанія о томъ, чтобы избѣгать во что бы то ни стало всякаго столкновенія, — начальникъ поста рѣшается уступить. Онъ условливается съ капитаномъ Барреромъ, что народу будетъ передано оружіе, а національной гвардіи — постъ и что войска отойдутъ въ цѣлости къ Тюльери.

XVII.

Условившись такимъ образомъ, они объявляютъ объ этомъ народу, который останавливается и привѣтствуетъ ихъ криками: Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ капитанъ! Гренадеры капитана Баррера выступаютъ впередъ, чтобы войти въ постъ. Солдаты отказываются уступить свое мѣсто и отдать оружіе. Но въ то время, когда формальныя приказанія ихъ командира и національныхъ гвардейцевъ должны были преодолѣть ихъ сопротивленіе, впереди поста, во дворѣ Пале-Рояля, раздается выстрѣлъ. Въ то же время изъ середины кордегардіи отвѣчаютъ двумя выстрѣлами *). Пули пробили насквозь пуховыя шапки двухъ гренадеръ. Толпа, пораженная, отшатнулась назадъ, увлекая въ своемъ водоворотѣ національныхъ гвардейцевъ, двухъ солдатъ уже оставившихъ постъ, двухъ офицеровъ: Сенъ-Клера и Госса и даже самого капитана Суно. Благодаря самоотверженію нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ, они успѣваютъ добраться до Каррусельской площади.

Были ли эти два выстрѣла сдѣланы добровольно двумя раздраженными солдатами? Были ли они, какъ увѣрялъ впо-

*) Было около полудня. Эта сцена продолжалась около получаса.

слѣдствіи одинъ офицеръ 14-го линейнаго полка, невольнымъ слѣдствіемъ насилія, съ которымъ осаждающіе отнимали ружья у солдатъ? Не вѣрнѣе-ли предположить, что, услышавъ выстрѣлъ въ Пале-Роялѣ, эти два солдата, думая, что на нихъ нападаютъ, выстрѣлили, повинуясь инстинкту самосохраненія? Какое бы значеніе ни имѣли всѣ эти объясненія, но настоящею, первоначальною причиною этого случая, была ошибка маршала Бюжо, оставившаго войска среди возмущеннаго народа послѣ приказанія прекратить огонь и замѣстить войска національною гвардіею. Ясно, что войска, поставленныя въ такое положеніе, дѣлались жертвой, отданной заранѣе на произволъ возмущенія; это доказывается тѣмъ, что постъ, поставленный внутри двора Пале-Рояля, забытый подобно посту въ Château-d'Eau, былъ поглощенъ громадною массой народа, разбитъ и обезоруженъ. Въ восторгѣ отъ этой легкой побѣды, нѣкоторые изъ инсургентовъ выстрѣлили въ воздухъ изъ отнятыхъ ружей. Можетъ быть эти радостные выстрѣлы вызвали страшный отвѣтъ со стороны солдатъ въ Château-d'Eau? Страшный именно для монархіи, потому что каждый выстрѣлъ наносилъ ей ударъ. Не будь рѣзни вечеромъ наканунѣ 24 февраля — замѣщеніе Гизо министерствомъ лѣваго центра и лѣвой парламентской стороны могло бы вѣроятно остановить волненіе. Не будь битвы у Château-d'Eau — отреченіе короля могло бы еще въ полдень 24 февраля остановить революцію.

XVIII.

Изумленіе народа продолжалось не болѣе одной секунды; вскорѣ перестрѣлка началась со всѣхъ сторонъ. Маіоръ Гакаръ, увлеченный толпой изъ кордегардіи и потомъ снова отброшенный обратнымъ движеніемъ къ крыльцу, былъ раненъ; солдаты бросаются въ кордегардію и запираютъ за со-

бою дверь; по голосу сержанта дверь отворяется и снова запирается. Инсургенты, укрѣпившись за баррикадами улицъ Valois и Saint-Honoré, за углами воротъ, у оконъ домовъ, за колоннами дворца, а самые смѣлые стоя на открытыхъ мѣстахъ по краямъ площади, направляютъ на постъ неправильный, но постоянно поддерживаемый огонь. Солдаты съ своей стороны, защищенные толстыми стѣнами Château-d'Eau, искусно стрѣляютъ изъ всѣхъ отверстій кордегардіи; въ надеждѣ ли получить подкрѣпленіе съ Каррусельской площади, или изъ убѣжденія, что все спасеніе ихъ заключается въ отчаянной борьбѣ, солдаты дерутся съ слѣпымъ и отчаяннымъ остервененіемъ.

XIX.

Но предчувствія генерала Ламорисьера уже начинаютъ оправдываться. Всеобщая тревога, произведенная шумомъ перестрѣлки, съ электрической быстротой пронеслась ко всѣмъ концамъ города и увлекла за собой къ Тюльери волнующіяся массы народа.

Первыми были редакторы и кліенты журнала „Réforme“, о смѣлой попыткѣ и благородномъ отступленіи которыхъ мы уже говорили. Безпрестанно обманываемые тайнымъ агентомъ Делессера (префекта), Делагоддомъ, водимые имъ отъ одного мѣста къ другому, отъ одной западни къ другой, они наконецъ соединились въ части города, принадлежавшей къ 3-му легіону, преданность котораго реформистскому дѣлу обѣщала имъ содѣйствіе. Люди рѣшительные, съ твердыми убѣжденіями, они поочередно то сопротивлялись, то нападали, дѣйствуя постоянно съ тою несокрушимою твердостію, которая не измѣнила имъ ни на одну минуту, нигдѣ и ни передъ какою опасностію.

Вслѣдъ за ними пришла къ Тюльери та колонна, обра-

зовавшаяся въ пятомъ округѣ, смѣлое движеніе которой было удержано маршаломъ Бюжо при входѣ ея на Каррусельскую площадь.

Сюда же вслѣдъ за ними пришли, черезъ бульвары и улицы Вивьенъ и Ришельё, три или четыре тысячи человѣкъ, предводимые мэромъ пятаго округа Веэ, подполковникомъ легіона Денисомъ, Оберъ-Рошемъ, Виньялемъ и другими. Они имѣли намѣреніе отправиться въ палату требовать реформы; но сила теченія увлекла ихъ къ Тюльери и Пале-Роялю.

За ними шла еще колонна, вышедшая изъ ратуши шестаго округа, подъ предводительствомъ полковника Гюссона, съ цѣлымъ штабомъ офицеровъ національной гвардіи.

Въ то же время шли изъ третьяго округа части разныхъ отрядовъ подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ: Перре, Жуанна, Тиріона и подъ общимъ начальствомъ Овена. Онѣ входятъ съ барабаннымъ боемъ на площадь, проходятъ черезъ нее съ смѣлостью старыхъ солдатъ, хотятъ стать между сражающимися, выдерживаютъ въ полномъ порядкѣ перекрестный огонь народа и солдатъ и присоединяются къ осаждающимъ. Другія роты того же легіона, съ мэромъ, подполковникомъ и маіоромъ въ главѣ, пытаются примирить сражающихся, но, видя безполезность своихъ усилій, расходятся.

Нѣсколько ротъ втораго легіона, изъ которыхъ одною командуетъ капитанъ Бюше, другою — капитанъ Альтарошъ, а остальными — капитанъ Баньеръ, услышавъ перестрѣлку, сбѣгаются съ цѣлью или воспрепятствовать битвѣ, или броситься въ нее.

Безпорядочныя толпы выступаютъ изъ кварталовъ, идущихъ вдоль праваго берега Сены. Народъ, завладѣвшій городскою думою, посылаетъ на помощь осаждающимъ два орудія подъ сильнымъ прикрытіемъ. Съ лѣваго берега Сены выступаетъ рота 10-го легіона, предводительствуемая докторомъ

Дюное; проходитъ подъ выстрѣлами мостъ des Saints-Pères и смѣло вступаетъ на Каррусельскую площадь.

Наконецъ со всѣхъ сторонъ сходятся толпы народа и отдѣльныя лица, національные гвардейцы, буржуа, рабочіе и студенты. Всѣ эти колонны, разстроенныя скопленіемъ народа, отступаютъ въ сосѣднія улицы, отбрасываютъ всѣхъ любопытныхъ въ сторону и оставляютъ на самыхъ открытыхъ мѣстахъ безпрестанно прибывающихъ бойцовъ.

XX.

Чѣмъ больше прибывало народу, тѣмъ оживленнѣе становилась борьба. Правильный и безпрестанный огонь солдатъ и безпорядочная перестрѣлка инсургентовъ, торопливо стрѣлявшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ площади, часто на удачу и даже другъ въ друга, увеличивали число жертвъ; казалось, ничто не было въ силахъ прекратить это безполезное кровопролитіе.

Услышавъ пальбу, генералъ Ламорисьеръ бросился съ Каррусельской площади къ Пале-Роялю. Въ улицѣ Saint-Honoré, между улицей Ришелье и площадью, противъ табачнаго магазина la Civette, уличный мальчишка прицѣливается въ него; къ счастію ружье даетъ осѣчку; но въ это время другой мальчишка колетъ его штыкомъ въ правую руку. Генералъ, не чувствуя ни, боли ни опасности, крѣпко обвязываетъ свою рану платкомъ, скачетъ на площадь, летитъ къ посту и приказываетъ солдатамъ перестать стрѣлять. Солдаты отвѣчаютъ выстрѣлами, инсургенты стрѣляютъ въ свою очередь. Среди огня и тысячи опасностей онъ геройски продолжаетъ свое дѣло. Но наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ и видя, что онъ безполезно идетъ на явную смерть, онъ возвращается назадъ, добирается до Каррусельской площади, гдѣ встрѣчаетъ генерала Рульера и умоляетъ его послать приказанія въ Château-d'Eau, чтобы устранить солдатъ отъ этой гибельной борьбы.

Генералъ Рульеръ посылаетъ генерала Перро, парижскаго коменданта.

Генералъ Перро отправляется къ посту, подъ прикрытіемъ двухъ національныхъ гвардейцевъ: подполковника 5-го легіона, Дениса, и простаго гвардейца 3-го легіона, Лежанвра. Солдаты стрѣляютъ въ него. Тогда онъ поднимаетъ на концѣ шпаги свою шляпу, какъ парламентерскій знакъ, — огонь не прекращается. Онъ раскрываетъ свой плащъ, показываетъ солдатамъ свои ордена: солдаты, ослѣпленные порохомъ и упоенные битвой, не видятъ ничего и продолжаютъ стрѣлять въ генерала. Тогда онъ всходитъ на крыльцо и накрываетъ своею шляпою ружье одного солдата, который готовился стрѣлять черезъ отворенную дверь; кругомъ генерала со всѣхъ сторонъ визжатъ пули; одна изъ нихъ, сдѣлавъ рикошетъ, взрываетъ кожу на его черепѣ и обагряетъ его кровью; въ то же самое время осколокъ дерева ранитъ его въ лѣвый глазъ. Платье его пробито пулями и кажется нѣтъ ему спасенія отъ смерти. Но Лежанвръ мужественно бросается къ нему, увлекаетъ его за собой и вводитъ къ одному винному торговцу, на углу улицы du Musée. Его прячутъ въ комнату, наполненную трупами. Огонь продолжается съ прежнимъ остервененіемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эмиль-де-Жирарденъ требуетъ отъ короля отреченія и назначенія регентства герцогини Орлеанской; король соглашается на отреченіе.—Эмиль-де-Жирарденъ и герцогъ Немурскій выходятъ изъ дворца, чтобы объявить эту новость. — Королевская фамилія окружила Луи-Филиппа; его печаль и сожалѣніе; твердость королевы; ея гнѣвныя слова къ герцогинѣ Орлеанской, которую королевское семейство подозрѣваетъ въ сообщничествѣ съ депутатами лѣвой парламентской стороны; слова одной изъ принцессъ къ Ластейри. — Совѣтъ Пискатори; желаніе короля взять назадъ свое отреченіе; его вопросъ: можно ли защищать Тюльери?; отрицательный отвѣтъ. — Приходъ маршала Жерара; король и королева умоляютъ его о спасеніи; маршалъ садится верхомъ и отправляется на Пале-Роялъскую площадь; дорогой онъ поручаетъ Лакросу и Серсе принести актъ объ отреченіи, чтобы лично прочитать его передъ народомъ. — Лакросъ и Серсе объявляютъ о своемъ порученіи; король подписываетъ свое отреченіе въ пользу графа Парижскаго; сцена, сопровождавшая подпись; нетерпѣніе герцога Монпасье; порывъ энергіи и достоинства у короля; нѣжность и гнѣвъ королевы; трогательная скромность присутствующихъ; приходъ Кремьё; онъ противится регентству герцога Немурскаго; жалобы герцогини Орлеанской на ея трудное положеніе; слова маршала Бюжо о положеніи дѣлъ; всеобщая безпомощность. — Герцогъ Немурскій принимаетъ верховное командованіе надъ войскомъ; его обращеніе къ маршалу Бюжо; онъ удаляетъ войска съ Каррусельской площади. — Актъ отреченія Луи-Филиппа, отправленный къ маршалу Жерару, попадаетъ въ руки одного гражданина — Маршалъ Жераръ пріѣзжаетъ на площадь Пале-Рояля; его вмѣшательство оказывается безсильнымъ; онъ удаляется. — Генералъ Ламорисьеръ и Лагранжъ употребляютъ геройскія, но безполезныя усилія, чтобы остановить битву у Château-d'Eau. — Ламорисьеръ возвращается къ сражающимся; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; встрѣча его съ генераломъ Перро въ комнатѣ за лавкой виноторговца. — Безполезныя усилія Кремьё и Гурго остановить битву.—Одиночество королевской фамиліи. — Убійство королевскаго рейткнехта при переходѣ черезъ Каррусельскую площадь; придворныя

кареты взяты народомъ и сожжены. — Кремьё спѣшитъ увѣдомить короля объ аттакѣ, угрожающей Тюльери. — Картина отчаянія королевской фамиліи. — Отъѣздъ. — Приключеніе въ саду. — Прибытіе на площадь Согласія. — Бѣгство. — Тьеръ и Бюжо оставляютъ Тюльери.

I.

Въ это время Эмиль-де-Жирарденъ, пробравшись черезъ толпу любопытныхъ, еще наполнявшихъ Тюльери, входилъ, какъ мы объ этомъ уже говорили, въ кабинетъ короля. „Что новаго, господинъ де-Жирарденъ?“ спросилъ король.

„А то, государь, сказалъ онъ рѣшительно, что васъ заставляютъ терять драгоцѣнное время. Хотятъ ли еще сопротивляться волненію, которое уже приближается черезъ Шартрскую улицу, или готовы рѣшиться на самыя большія пожертвованія, во всякомъ случаѣ, каждая минута теперь равняется часу. Если потеряютъ еще минуту — черезъ часъ не будетъ во Франціи ни короля, ни королевской власти“.

„— Убѣждены ли вы вполнѣ въ томъ, что говорите?“ возразилъ Ремюза.

„— Спросите у Меррюо, который находится здѣсь, какъ рвутъ ваши прокламаціи, какъ поступаютъ съ людьми, которымъ поручено распространять ихъ. Теперь уже не хотятъ ни Тьера, ни Барро.“

Меррюо подтверждаетъ слова Жирардена.

„— Что же дѣлать?“ спросилъ король голосомъ болѣзненнаго безпокойства.

„— Отречься, государь! Отречься въ пользу регентства герцогини Орлеанской. Герцога Немурскаго не желаютъ. Вотъ совсѣмъ готовая прокламація, прикажите ее немедленно напечатать, чтобы сберечь тѣ немногія минуты, которыя отъ насъ уходятъ.“ И Жирарденъ прочиталъ бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ *):

*) По другимъ разсказамъ герцогъ Немурскій, взявъ эту бумагу отъ Жирардена, лично отдалъ ее королю.

„Отреченіе короля.

„Регентство герцогини Орлеанской.

„Распущеніе парламента.

„Всеобщая амнистія“.

„— Если дѣла находятся въ такомъ положеніи, какъ увѣряетъ Жирарденъ, то нечего колебаться, государь — отрекитесь!“ немедленно сказалъ герцогъ Монпансье.

Послѣдняя борьба, казалось, смутила сердце короля: чувство униженія отъ подобнаго паденія боролось въ его душѣ со страхомъ, что дальнѣйшее сопротивленіе могло сдѣлать народъ неумолимымъ даже къ его семейству. Наконецъ онъ сказалъ: „Я всегда былъ миролюбивымъ государемъ.... Я отрекаюсь.“ Эти важныя слова старикъ произнесъ машинально, безъ твердости и безъ слабости, подобно тому, какъ утопающій безъ борьбы позволяетъ уносить себя теченію.

Онъ и его окружающіе боялись, чтобы не повторилось 10 августа. Ихъ главною заботою было предупредить вторженіе во дворецъ. Поэтому, когда король произнесъ свое отреченіе, каждый торопилъ Жирардена поскорѣе объявить объ этомъ. Жирарденъ выходитъ, спѣшитъ въ Пале-Рояль, входитъ смѣло на площадь, хочетъ сообщить объ отреченіи, подъ градомъ пуль усиливается заставить выслушать себя, но его безполезныя усилія теряются въ шумѣ толпы и ружейныхъ выстрѣловъ и онъ принужденъ возвратиться.

Герцогъ Немурскій, вышедшій въ одно время съ Жирарденомъ, входитъ въ залъ, сосѣдній съ кабинетомъ короля, и объявляетъ громкимъ голосомъ: „Господа, король отрекся отъ престола! Герцогиня Орлеанская назначена регентшей! Объявите объ этомъ повсюду.“ Потомъ онъ выходитъ въ дворъ Тюльери и повторяетъ окружающимъ его офицерамъ: „Господа, король только что отрекся отъ престола въ пользу графа Парижскаго.“

II.

Впродолженіе всей этой сцены Луи-Филиппъ сидѣлъ, какъ убитый, въ своемъ креслѣ. Произнеся слова: я отрекаюсь, онъ медленно всталъ и пошелъ самъ отворить дверь комнаты, гдѣ были королева, герцогиня Орлеанская и другія принцессы королевской фамиліи. Всѣ подошли къ нему въ глубокомъ волненіи. Король повторилъ имъ: „Я отрекаюсь.“ — Нѣтъ — вы не отречетесь! горячо вскрикнула королева. Король сѣлъ снова въ кресло подлѣ окна, вся фигура его выражала уныніе, руки безсильно упали на колѣни. Пораженныя сильною скорбью короля, королева и принцессы окружили его, брали его за руки, прикасались къ его платью и съ нѣжностью и сдержанными рыданіями цѣловали его въ голову.

Тутъ было чѣмъ растрогаться даже человѣку, привыкшему видѣть всѣ превратности судьбы. Душевное волненіе овладѣло недвижной толпой, наполнявшей сосѣднія комнаты. Забывъ этикетъ, генералы, офицеры, депутаты, придворные, всѣ толпились вокругъ несчастнаго семейства и смотрѣли съ мрачною печалью на эту картину, способную тронуть сердце самаго врага.

Но королева при всей своей скорби была исполнена твердости духа. Чтобы придать бодрости королю, она употребила въ дѣло все, что можетъ внушить женѣ супружеская любовь, женщинѣ — величіе души и королевѣ — царственное достоинство. „У тебя хотятъ вырвать скипетръ, говорила она, но ты одинъ только въ состояніи держать его въ своихъ рукахъ! Лучше умереть съ храбростью, чѣмъ отречься! Садись на лошадь: армія пойдетъ за тобою!“ Потомъ, обратившись къ толпѣ, она прибавила: „Я не понимаю, какъ вы оставляете короля въ подобную минуту! Вы раскаетесь въ этомъ!“

Она посмотрѣла на герцогиню Орлеанскую и не могла удержаться отъ гнѣвныхъ взглядовъ, которые глубоко опечалили эту принцессу. Несчастная герцогиня, въ слезахъ, искала защиты близь короля. Наклонившись надъ нимъ, съ глазами полными слезъ, съ сердцемъ исполненнымъ скорби, она умоляла его оставить за собой власть, слишкомъ тяжелую для женщины. Принцессы, выражая свою скорбь, каждая по свойству своего характера, окружали своими нѣжными заботами главу семейства. Однѣ изъ нихъ враждебно смотрѣли на свою невѣстку, другія даже отворачивались отъ нея.

Съ давнихъ поръ герцогиня Орлеанская была предметомъ прискорбныхъ подозрѣній: говорили, что она самолюбива, не можетъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ей отнятіемъ у нея регентства, принадлежавшаго ей по правамъ вдовы и матери, способна даже рѣшиться на заговоръ для возвращенія своихъ правъ. Въ домашнихъ совѣщаніяхъ ей не разъ ставили въ вину ея слова, поступки, сношенія, скрытность, умственное превосходство, все — даже ея постоянный трауръ. Все это были несправедливыя обвиненія, которыя поддерживались женскимъ мелочнымъ соперничествомъ. Эти чувства, болѣе или менѣе скрывавшіяся до сихъ поръ, высказывались теперь подъ вліяніемъ катастрофы. Не зная причины событій, несчастныя принцессы не могли понять, какимъ образомъ такъ неожиданно и страшно разразились эти несчастія. Онѣ не видѣли въ этомъ переворотѣ логическаго и неизбѣжнаго послѣдствія длиннаго ряда ошибокъ и непредвидимыхъ случайностей. Для нихъ все это было дѣломъ давно задуманнаго заговора, часъ исполненія котораго насталъ въ эту минуту; депутаты оппозиціи, по ихъ мнѣнію, были главными заговорщиками; герцогиня Орлеанская — ихъ тайнымъ главою или сообщникомъ. „Вы здѣсь только для того, чтобы измѣнить намъ!“ сказала одна изъ принцессъ Жюлю-де-Ластейри, съ жаромъ схвативъ его за руку.

III.

Къ возбудительнымъ словамъ королевы и мольбамъ герцогини Орлеанской, нѣкоторыя изъ преданныхъ лицъ присоединили свои энергическія, настоятельныя просьбы. Особенно Пискатори негодовалъ на совѣты слабыхъ людей. „Не отрекайтесь, государь, говорилъ онъ, не отрекайтесь, если не ради себя, не ради потерянной королевской власти, то по крайней мѣрѣ для насъ, для всей страны. Я только что обошелъ Парижъ. Если вы можете подъ защитою стѣнъ и рѣшетокъ этого дворца продержаться еще четыре часа, а вы это можете сдѣлать при помощи войскъ, еще окружающихъ васъ, то я убѣжденъ, что все будетъ спасено. Но если, не смотря на наши просьбы, вы рѣшились уступить, то не здѣсь слѣдуетъ отречься, а въ Венсенскомъ замкѣ или на Валеріанской горѣ.“ Нельи и другіе поддерживали это мнѣніе. Вслѣдствіе ли эгоистическихъ внушеній, или же по причинѣ болѣе здраваго пониманія дѣла, большинство присутствующихъ молчало.

Король былъ видимо потрясенъ. Глухой къ совѣтамъ мужественныхъ людей, онъ пробуждался при малѣйшей надеждѣ. Въ этой душѣ, ослабленной старостью, загоралась искра желанія. Царствовать снова? О! еслибы можно было возвратить время, овладѣть снова счастіемъ, тономъ, достоинствомъ, потерянымъ въ унизительномъ пораженіи!... Волнуемый то страхомъ, то надеждой, онъ на вторичный вопросъ Серсе, отрекается ли онъ, отвѣчалъ: „нѣтъ, я еще ничего не подписалъ!“ Прими дѣло мало-мальски благопріятный оборотъ,—и онъ былъ бы готовъ взять назадъ слово, данное публично.

Но ружейные выстрѣлы, казалось, приближались къ дворцу. 10 августа предстало предъ умомъ или предъ совѣстью короля. То же самое чувство страха остановило на губахъ самыхъ преданныхъ друзей всѣ энергическіе совѣты. Нѣмой свидѣтель этой великой сцены, маршалъ Сультъ неподвижно смотрѣлъ

на нее. Тьеръ, Ремюза, Дювержье де-Гораннъ, Гюставъ де-Бомонъ, Жюль-де-Ластейри и Кузенъ, опустивъ глаза, казалось были поражены громадностью несчастія; другіе присутствовали при этой агоніи королевской власти, какъ семейство, теряющее одного изъ своихъ членовъ.

Между тѣмъ принцы, узнавъ, что въ душѣ короля снова возродились слабыя желанія, возвратились къ нему и объявили, что они уже вездѣ обнародовали отреченіе и что теперь трудно или даже невозможно взять назадъ рѣшеніе, которое сдѣлалось публичнымъ обязательствомъ. Герцогъ Монпансье особенно настаивалъ на этомъ.

Тогда король слабымъ голосомъ спросилъ у присутствующихъ генераловъ: „Возможно ли защищать Тюльери?... Я думалъ, что можно защищать Тюльери!“ Два или три изъ нихъ отвѣчали утвердительно. Но большинство было противнаго мнѣнія; поднялся смутный говоръ, въ которомъ можно было разслышать слова: „Нѣтъ, нѣтъ, защищаться невозможно!“ При этихъ словахъ король всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сказалъ: „Такъ какъ невозможно защищаться, то я не хочу безполезно проливать кровь. Я отрекаюсь отъ престола!“ —Но это все таки было не болѣе, какъ словесное объявленіе.

IV.

Въ это время явился маршалъ Жераръ, котораго потребовали къ одиннадцати съ половиною часамъ. Королева бросилась къ нему: „Мой добрый маршалъ, спасите насъ! Спасите все, что только можно спасти. Садитесь на коня!“ Король съ своей стороны умолялъ этого стараго воина не отказать въ своей службѣ королевской фамиліи, въ этомъ крайнемъ положеніи ея. Старый маршалъ, который самъ испыталъ недавно жестокую семейную потерю, почувствовалъ глубокую печаль при видѣ несчастія королевской фамиліи, которой онъ такъ долго служилъ и которую любилъ. Наклонившись къ

королевѣ, онъ обѣщалъ ей свою преданность и свою жизнь. Герцогъ Немурскій увлекъ его сейчасъ же за собою, сказалъ ему, что національная гвардія желаетъ имѣть его начальникомъ, что король отрекся отъ престола и что необходимо, не теряя ни минуты, объявить эту новость, чтобы успокоить народъ словами мира и остановить битву.

Въ самомъ дѣлѣ, отреченіе было послѣдней уступкой въ пользу мира. Изъ нея непосредственно вытекали двѣ мѣры: торжественное объявленіе акта объ отреченіи и отступленіе войскъ съ Каррусельской площади къ Тюльери, съ цѣлью избѣжать опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ столкновенія солдатъ съ народомъ.

V.

Не давъ времени маршалу, одѣтому въ гражданское платье, надѣть мундиръ, герцогъ Немурскій заставилъ его сѣсть на лошадь. Случайно ли или желая польстить маршалу, конюхъ подвелъ ему лошадь короля. Маршалу дали пальмовую вѣтвь, въ знакъ мира, и онъ отправился къ площади Пале-Рояля, сопровождаемый нѣсколькими лицами, окружавшими его: Лакросомъ, Бомономъ, Ланлебероmъ, Лебулемъ, Серсе и другими. Дряхлый и разслабленный болѣзнію и печалію, безъ голоса и энергіи, онъ ѣхалъ къ баррикадамъ испытать счастія, которое не склонилось ни передъ краснорѣчіемъ великаго оратора, ни передъ разумною храбростію молодаго генерала!

Въ ту минуту, когда маршалъ выѣзжалъ за рѣшетку, отдѣляющую Тюльери отъ Каррусельской площади, Лакросъ замѣтилъ ему, что вооруженный народъ скорѣе послушалъ бы его въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ публично прочитать самый актъ отреченія. „Вы правы,“ отвѣчалъ маршалъ, и попросилъ Лакроса и Серсе отправиться за этимъ актомъ, или за подлиннымъ спискомъ съ него.

VI.

Оба посланные, явившись въ кабинетъ короля, объяснили ему свое порученіе. Герцогъ Монпансье, взявъ тотчасъ листъ бумаги на бюро, стоявшемъ посреди кабинета, подалъ его королю и сказалъ: „Государь! Надобно подписать ваше отреченіе. Дѣло идетъ о спасеніи королевской фамиліи. Пишите!“ и, сопровождая эти слова пригласительнымъ жестомъ, онъ положилъ листъ на бюро. Король развелъ руками, какъ будто призывая какую то невидимую силу въ свидѣтели того, что онъ покоряется судьбѣ, и глухимъ голосомъ сказалъ: „Ну, если всѣ хотятъ этого!...“ Потомъ онъ сѣлъ къ бюро, взялъ стальное перо, большой листъ бумаги и медленно написалъ своимъ крупнымъ почеркомъ:

„Я отрекаюсь отъ этой короны, которую народный голосъ пригласилъ меня возложить на себя, въ пользу моего внука, графа Парижскаго.

„Да успѣетъ онъ въ трудномъ дѣлѣ, которое выпадаетъ теперь на его долю.

24 Февраля 1848 года.

Луи-Филиппъ.“

Въ то время, когда король писалъ, сынъ его, герцогъ Монпансье, обнаруживалъ признаки самаго сильнаго нетерпѣнія; казалось, онъ хотѣлъ своей рукой ускорить слишкомъ медленное движеніе руки старика. Чей-то неизвѣстный голосъ произнесъ вдругъ: „Торопитесь, государь; — уже стрѣляютъ на Каррусельской площади!“ При этихъ словахъ король выказалъ нѣкоторую твердость духа. Онъ положилъ перо и, устремивъ на говорящаго взглядъ, исполненный достоинства и строгости, сказалъ: „Дайте же мнѣ время. Что будетъ, то будетъ; я не могу писать скорѣе!“ Потомъ онъ снова медленно взялъ перо, окончилъ писать и подписался.

Потомъ онъ остановился, посмотрѣлъ на бумагу и тихо прочиталъ ее. Королева бросилась въ его объятія. „Прибавь, съ нѣжностію сказала она королю, что ты желаешь, чтобъ онъ (графъ Парижскій) былъ похожъ на тебя; потому что король, милостивые государи, честнѣе васъ всѣхъ!“ Эти оскорбительныя, неприличныя въ устахъ такой женщины слова извинялись глубокою печалью, оправдывающею всѣхъ женщинъ. „Вы получили наконецъ это отреченіе, прибавила она, какъ будто обращаясь къ врагамъ, — вы пожалѣете объ этомъ!“

Король прочиталъ вслухъ написанную имъ бумагу и подалъ ее присутствующимъ. „Вотъ мое отреченіе, сказалъ онъ, надобно отнести его къ маршалу Жерару.“ Изъ уваженія и скромности никто не хотѣлъ взять бумагу; нѣкоторые даже отошли назадъ, почтительно поклонившись.

„Надобно же наконецъ, чтобы кто нибудь взялъ эту бумагу,“ сказалъ король, тронутый всеобщимъ умиленіемъ. Серсе подошелъ къ герцогу Немурскому и спросилъ: „Желаете ли вы, чтобы я ее отнесъ?“ — „Нѣтъ, сказалъ герцогъ, вамъ нельзя будетъ пробраться черезъ толпу, лучше поручить это человѣку, одѣтому въ статское платье.“ Боденъ, сынъ, ближе другихъ стоявшій къ королю, поклонился, протянулъ руку, принялъ актъ объ отреченіи изъ рукъ самаго Луи-Филиппа и отправился, чтобы отнести его маршалу Жерару.

VII.

Въ то время какъ король подписывалъ отреченіе, пришелъ Кремье. „Государь, сказалъ онъ ему, конечно вы отказываетесь отъ престола не въ пользу регентства герцога Немурскаго, потому что въ такомъ случаѣ дѣло нисколько не подвинется впередъ?“ — Нѣтъ, милостивый государь, возразилъ король, регентшей будетъ герцогиня Орлеанская.“ Другіе приписываютъ королю слѣдующія слова: „Не мнѣ перемѣ-

нять законы. Это могутъ сдѣлать другіе.“ Оба эти выраженія были переданы намъ личными свидѣтелями, одинаково достойными вѣроятія, и, какъ они ни противорѣчатъ одинъ другому, имъ обоимъ можно повѣрить, если принять во вниманіе безпокойство, въ которомъ находился король.

Какъ бы то ни было, а въ актѣ объ отреченіи нѣтъ ни одного слова о регентствѣ. Разумѣется, Луи-Филиппъ, принужденный согласиться на регентство своей невѣстки, не хотѣлъ собственноручно уничтожить право, данное имъ самимъ герцогу Немурскому; но описаніе фактовъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ отреченіе, съ неотразимою очевидностію доказываетъ, что для свидѣтелей этой сцены, для герцога Немурскаго и для самаго короля, весь вопросъ заключался именно въ регентствѣ герцогини Орлеанской. Это обстоятельство достаточно доказывается язвительными словами королевы, враждебнымъ расположеніемъ принцессъ и слезами самой герцогини. И когда король подписалъ отреченіе, то молодая вдова стала жаловаться на свое положеніе, на тяжесть бремени, выпавшаго на ея долю въ эту минуту, и умоляла окружающихъ помочь ей. „О великій Боже, съ волненіемъ вскрикнула она, какое бремя! Не покидайте меня, поддержите, помогите мнѣ совѣтами!“

Въ это время было двѣнадцать съ половиною часовъ. Въ десять часовъ Луи-Филиппъ еще говорилъ, что никогда не согласится на распущеніе парламента; въ одиннадцать часовъ онъ восклицалъ, что подпишетъ отреченіе вмѣстѣ съ своею смертію; въ полдень онъ уже не царствовалъ. Двухъ часовъ было достаточно, чтобы свергнуть его съ высоты его трона и гордости. Если есть въ исторіи болѣе великія трагедіи, то нѣтъ ни одной, которая была бы такъ непродолжительна.

VIII.

Какъ только отреченіе короля разорвало династическую

связь, все пришло въ разстройство. Маршалъ Бюжо, узнавши отъ Кремье объ этомъ паденіи королевской власти, которую онъ обѣщалъ спасти, не нашелъ въ своей душѣ ничего, кромѣ желанія выругаться по солдатски. „А! вскрикнулъ онъ, все пошло къ чертямъ!“ Въ это время вошелъ Тьеръ, который въ другихъ выраженіяхъ высказалъ всю горечь, наполнявшую его сердце. Эти два государственные мужа, изъ которыхъ одинъ писалъ другому нѣсколько часовъ тому назадъ: „Я давно предвидѣлъ, что мы оба назначены спасти монархію!“, подавленные чувствомъ своего безсилія, не могли ничѣмъ другимъ оправдать своего безполезнаго вмѣшательства, какъ жалобой: „Насъ призвали очень поздно!“ Однакожъ они еще оставались въ Тюльери. Всѣ же остальные какъ будто обратились въ бѣгство. Генералы, офицеры, депутаты, большая часть всѣхъ приближенныхъ ушли, распространяя вокругъ себя смятеніе и деморализацію, крича повсюду: „Все потеряно! Защищаться невозможно! Это страшное бѣдствіе!“ Другіе же, совершенно пораженные, уходили молча, не спрашивая даже себя о томъ, не могутъ ли они быть полезны королевской фамиліи, или необходимы герцогинѣ Орлеанской въ дѣлѣ признанія ея регентства и королевскаго достоинства ея сына.

IX.

Послѣ отреченія короля герцогъ Немурскій тотчасъ же снова принялъ на себя начальствованіе войсками. И такъ какъ маршалъ Бюжо хотѣлъ продолжать отдавать приказанія, то герцогъ нетерпѣливо сказалъ ему: „Ради Бога, маршалъ, будьте воздержнѣе. Бунтовщики раздражены противъ васъ,—они будутъ стрѣлять въ васъ. Воздержитесь!“ И маршалъ воздержался.

Герцогъ поручилъ генералу Гурго отдать войскамъ приказаніе отойти съ Каррусельской площади на дворъ Тюльери.

Отперли рѣшетки, и войска вошли во дворъ. Это движеніе было неизбѣжно, хотя имѣло дурныя послѣдствія, потому что, если оно и отстранило опасность столкновенія войскъ съ народомъ, но за то увеличило общую деморализацію. Муниципальные гвардейцы, находившіеся, въ числѣ около трехъ сотъ человѣкъ, въ большой Луврской галереѣ, представляли своими мундирами неизбѣжный поводъ къ возбужденію народной ненависти. Внутри дворца былъ размѣщенъ пѣхотный полкъ. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшетки были немедлено заперты. На одну минуту Каррусельская площадь опустѣла.

X.

Въ это время маршалъ Жераръ, привѣтствуемый національными гвардейцами, находившимися въ главномъ штабѣ, медленно двигался среди толпы, которая встрѣчала его съ сочувствіемъ. Одѣтый въ черное платье, показывая народу вѣтвь мира, которую вложилъ въ его руку герцогъ Немурскій, съ трубачемъ впереди и сопровождаемый своимъ ничтожнымъ конвоемъ, онъ объявлялъ объ отреченіи короля, призывалъ народъ къ спокойствію и прекращенію борьбы. Лакросъ, не успѣвшій добраться до Луи-Филиппа, возвратился безъ подлинной копіи отреченія. Маршалъ нетерпѣливо ждалъ этого акта, которому не суждено было дойти до него.

Извѣстно, какимъ образомъ Боденъ сынъ получилъ изъ рукъ короля торжественную бумагу. Встрѣтивъ дорогою офицера конной артиллеріи, онъ подумалъ, что врученная ему бумага скорѣе и легче дойдетъ черезъ такого посланца. Этотъ офицеръ, Пренсето, дѣйствительно отправился со всею скоростію, но сплошная масса народа задержала его. Добравшись наконецъ послѣ невѣроятныхъ усилій до маршала, онъ привсталъ на стремена, чтобы подать ему бумагу, но въ это время кто то отнялъ ее у него. Это былъ Оберъ-Рошъ, офицеръ національной гвардіи; онъ прочиталъ бумагу и увидѣвши под-

пись, громко сказалъ: „Это отреченіе Луи-Филиппа.“ Такъ какъ онъ хотѣлъ, чтобы этотъ важный документъ остался въ рукахъ народа, то отказался отдать его маршалу и передалъ его Лагранжу. Изъ рукъ Лагранжа эта бумага перешла къ Ламорисьеру, который прочиталъ ее и отдалъ Лагранжу, прося его сообщить объ этомъ народу. Лагранжъ оставилъ эту бумагу у себя. Она и до сихъ поръ находится у него.

Я не знаю, представляетъ ли исторія еще хоть одинъ примѣръ такого столкновенія случайностей. Всѣ отреченія, о которыхъ она говоритъ, имѣютъ свой особенный характеръ. Отреченіе Луи-Филиппа, написанное имъ самимъ и въ томъ дворцѣ, въ которомъ онъ еще царствуетъ, дѣлается немедленно достояніемъ простаго человѣка, который хранитъ его какъ трофей.

XI.

Между тѣмъ огонь на площади Пале-Рояля все еще не прекращался. Но неужели раздраженные солдаты не признаютъ власти маршала Франціи? Сопровождаемый Ламорисьеромъ и многими офицерами, герой битвы при Линьи ѣдетъ впередъ. Ихъ встрѣчаетъ залпъ изъ поста; они выдерживаютъ огонь со смѣлостію людей, знакомыхъ съ битвою и продолжаютъ свое движеніе. Но лѣта измѣняютъ силамъ благороднаго маршала: голосъ его теряется въ шумѣ и онъ ѣдетъ назадъ, чтобы отдать отчетъ герцогу Немурскому въ результатѣ своихъ безполезныхъ усилій.

Всѣ, какъ инсургенты, такъ и друзья короля, желали прекратить эту безразсудную битву. Генералъ Ламорисьеръ подошелъ къ одному человѣку, котораго онъ уже видѣлъ у баррикады близь Мольеровскаго фонтана, и сказалъ ему: „Слушайте — пойдемъ вмѣстѣ и постараемся остановить эту безсмысленную борьбу.“ И оба они бросились къ посту, дѣлая солдатамъ знакъ, чтобы они не стрѣляли. Но ихъ храбрость безполезна, ихъ смѣлость ни къ чему не ведетъ. Солдаты

14-го полка, опьяненные порохомъ, кровью и огнемъ, ничего не слышатъ, ничего не видятъ и продолжаютъ стрѣлять съ тѣмъ же остервененіемъ. Раздраженіе инсургентовъ одинаково сильно. Пули жужжатъ по площади. Генералъ и его спутникъ, стоя среди этого огненнаго дождя, обмѣниваются быстрыми взглядами; первый изъ нихъ съ удивленіемъ смотритъ на это ясное, спокойное, безстрастное лице своего собесѣдника. „Дайте мнѣ вашу руку! говоритъ генералъ въ порывѣ энтузіазма. Если мы не будемъ убиты и встрѣтимся когда нибудь, то пообѣдаемъ вмѣстѣ“. Оба героя вовсе не знали другъ друга. Они разстаются и каждый изъ нихъ уходитъ въ свое мѣсто: генералъ къ войскамъ, гражданинъ къ—баррикадамъ. Этотъ храбрецъ, который такъ просто рисковалъ своею жизнію, чтобы остановить кровопролитіе, былъ Лагранжъ.

XII.

Понявъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, всю важность прекращенія этой роковой битвы, которая приводила въ трепетъ Тюльери и призывала народъ къ осадѣ его, Ламорисьеръ рѣшился въ отчаяніи или достигнуть успѣха, или умереть. Сопровождаемый Брейе, Тригань-де-ла-Туромъ, Бентцманомъ и Оскаромъ Лафайетомъ, онъ обходитъ Château-d'Eau по улицѣ Rohan и площади Согласія и черезъ улицу Музея *) входитъ еще разъ на площадь. Подойдя на десять шаговъ отъ поста, онъ своимъ громовымъ голосомъ кричитъ солдатамъ, чтобы они перестали стрѣлять. Но солдаты стрѣляютъ, инсургенты отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Пули свищутъ кругомъ его головы, трещатъ подъ ногами; лошадь подъ нимъ убита и генералъ падаетъ на землю. Въ ту же минуту лошадь Брейе, раненная двумя пулями, падаетъ также, увлекая за собой своего сѣдока. Тригань-де-ла-Туръ раненъ въ плечо. Генералъ,

*) Бывшая улица Froidmanteau.

по какому то неслыханному чуду, не раненъ. Онъ встаетъ, видитъ штыкъ у своей груди, бросается въ сторону и чувствуетъ какъ холодное желѣзо прокалываетъ ему руку. Но его узнаютъ и его имя спасаетъ его; его уводятъ плѣннымъ въ лавку виноторговца, гдѣ лежитъ уже раненный и плѣнный генералъ Перро. Брейе окруженъ и схваченъ раздраженнымъ народомъ, но его спасаютъ національный гвардеецъ и два другихъ человѣка и вырываютъ изъ рукъ нападающихъ.

XIII.

Въ то же время другія лица дѣлали не менѣе благородныя, но столь же безполезныя попытки. Сейчасъ же послѣ отреченія короля, Кремье и Гурго пришли къ Château-d'Eau. Кремье, съ ружьемъ поднятымъ прикладомъ къ верху, подъѣхалъ къ посту, крича своимъ звонкимъ голосомъ: „Не стрѣляйте, не стрѣляйте!“ Солдаты почти въ упоръ выстрѣлили въ него. Избѣгнувъ безъ раны вѣрной смерти, онъ съ ужасомъ увидѣлъ страшную массу народа, собравшуюся около Тюльери, понялъ ея разъяренныя страсти и невозможность долго удерживать ихъ, близость нападенія на дворецъ и необходимость увѣдомить обо всемъ короля; и онъ поскорѣе возвратился въ дворецъ.

XIV.

Въ дворцѣ пустота замѣнила прежній безпорядокъ; прислуга бѣгала взадъ и впередъ; въ пустыхъ комнатахъ раздавался стукъ дверей; вездѣ были слѣды печальнаго опустѣнія. Королевское семейство находилось въ кабинетѣ короля, оставленное всѣми, кромѣ нѣкоторыхъ людей, преданныхъ династіи, и тоскливо ожидало послѣдствій вмѣшательства маршала Жерара. Крики волнующагося народа неслись по прежнему со стороны Пале-Рояля; по временамъ казалось даже, что крики эти начинали усиливаться, когда, вѣроятно, какое нибудь об-

стоятельство увеличивало ярость народа. Неужели и попытка маршала была также неудачна? Неужели, сдѣлавъ всѣ пожертвованія для спасенія династіи, прійдется отказаться отъ надежды на личное спасеніе? Скоро открылась печальная истина. Одно за другимъ получены были извѣстія о неудачахъ маршала, объ опасности, которой подвергался Ламорисьеръ, о неудачномъ исходѣ его посредничества и наконецъ о его плѣнѣ.

XV.

Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ на Каррусельской площади. Принцессы вскрикнули въ ужасѣ, король въ испугѣ обратился къ окружающимъ съ безмолвнымъ вопросомъ. Ему пришли сообщить печальную новость: кареты, приготовленныя на случай отъѣзда, выѣхали по улицѣ Saint-Thomas-du-Louvre, въ томъ мѣстѣ, гдѣ были прежде придворныя конюшни, чтобы подъѣхать ко дворцу. Въ небольшомъ разстояніи отъ каретъ ѣхалъ рейткнехтъ Геронъ. Въ то время когда онъ проѣзжалъ въ галопъ по Каррусельской площади, его блестящее платье обратило на себя вниманіе нѣсколькихъ стрѣлковъ изъ народа, пробравшихся на концы площади, и національныхъ гвардейцевъ 10-го легіона, пришедшихъ черезъ входъ des Saints-Pères. Рейткнехтъ былъ принятъ за ординарца и съ обѣихъ сторонъ по немъ выстрѣлили; онъ былъ убитъ *. Потомъ національные гвардейцы и народъ бросились къ каретамъ и заставили ихъ ѣхать назадъ. Прибавляли, что самые ярые начали было ихъ поджигать.

Такимъ образомъ бунтъ уже былъ у самаго дворца; уже королевскихъ слугъ убивали почти на глазахъ короля! Значитъ всѣ ходы были во власти народа! Войска не защищали уже ихъ! Скоро начнется осада! Надобно было бѣжать, но народъ уже отнялъ средства къ бѣгству. Всѣ эти мысли

*) Было половина перваго.

преслѣдовали королевское семейство и приводили его въ отчаяніе.

XVI.

Приходъ Кремье окончательно привелъ всѣхъ въ ужасъ. Онъ былъ весь въ поту, платье его было въ безпорядкѣ, все въ немъ изобличало сильное внутреннее волненіе. „Государь, сказалъ онъ задыхаясь, нельзя болѣе терять ни минуты. Народъ уже близко. Еще нѣсколько минутъ—и онъ будетъ въ Тюльери!“ Король, не говоря ни слова, всталъ, снялъ свою большую ленту Почетнаго Легіона и мундиръ, надѣлъ съ помощію королевы статское платье, потомъ спросилъ свои часы *), портфель и маленькую связку ключей, которую онъ обыкновенно носилъ съ собою. Принцессы рыдали; герцогиня Монпансье бросилась въ объятія своего мужа; дѣти съ какимъ то любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на эту непонятную для нихъ сцену. Герцогиня Орлеанская, взволнованная чужимъ несчастіемъ, держала себя съ достоинствомъ, потому что чувствовала свою невинность.

Король наскоро простился съ герцогиней Орлеанской и первый подалъ знакъ къ отъѣзду.

XVII.

Узкій и темный проходъ, освѣщенный лампой и соединявшій посредствомъ двойной двери рабочій кабинетъ короля и его туалетную, выходилъ къ павильону de l'Horloge. Король вышелъ этимъ скрытымъ ходомъ. Королева, бодрость которой превосходила ея несчастіе поддерживала короля рукою, которой придавалъ силу героизмъ ея души. Подойдя къ дверямъ павильона, она увидала Ари-Шеффера, подозвала его и сказала: „Король отказался отъ престола. Мы уѣзжаемъ.

*) «Часы, часы! А, они у меня. Возьмите этотъ портфель.»

Прикрывайте короля съ лѣвой стороны.“ Въ саду, у самаго дворца, они встрѣтили Монталиве съ тридцатью человѣками конной стражи. Національные гвардейцы 1-го легіона занимали ворота; они сдѣлали на караулъ. Садъ былъ совершенно пустъ. Въ немъ царствовало то страшное молчаніе, которое обыкновенно господствуетъ въ мѣстѣ, близкомъ отъ театра мятежа, но куда этотъ мятежъ еще не достигъ. Звукъ стрѣльбы едва доходилъ сюда, встрѣчая преграду въ высокихъ стѣнахъ дворца. Изъ отдаленныхъ частей города несся смутный шумъ и изрѣдка слышались выстрѣлы. Королевская фамилія, одѣтая въ траурныя платья по случаю смерти сестры короля, казалось въ то же время надѣла трауръ по монархіи.

XVIII.

Было около сорока минутъ перваго. Печальный кортежъ двинулся по большой аллеѣ. Впереди шелъ герцогъ Монпансье вмѣстѣ съ Кремье, который обѣщалъ ему не покидать его. За ними шелъ король, опираясь на руку королевы; съ лѣвой стороны короля шелъ Ари-Шефферъ. Далѣе слѣдовали: герцогиня Немурская, герцогъ Саксенъ-Кобургскій съ своей женой, принцессой Клементиной. Герцогиня Монпансье опиралась на руку Жюля-де-Ластейри, своего вѣрнаго друга, попеченіямъ котораго повѣрилъ ее ея мужъ. Шесть человѣкъ свиты несли дѣтей. Де-Гравъ, Фріанъ, Дюма, Арнольдъ Шефферъ и слуги замыкали шествіе *). Это была вся свита человѣка, который часъ тому назадъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Европы. Монталиве со своими національными гвардейцами и небольшая часть войска, присланнаго изъ Тюльери, прикрывали кортежъ. Герцогъ Немурскій, оставшійся во дворцѣ по долгу начальника арміи, съ печальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за кортежомъ.

*) Принцъ Александръ Вюртембергскій, мужъ принцессы Маріи, и его сынъ уѣхали изъ Тюльери отдѣльно отъ другихъ.

Передъ первымъ прудомъ король замѣтилъ, что забыли взять его портфель. Одинъ изъ свиты отправился за нимъ. Посрединѣ аллеи случилось приключеніе. Лошадь одного національнаго гвардейца поднялась на дыбы и упала на своего всадника. Герцогъ Монпансье невольно задрожалъ, крѣпко сжалъ руку Кремье и, быстро осматриваясь во всѣ стороны, спросилъ: „Какъ вы думаете: могутъ ли напасть на короля?“ — „Бѣдный молодой человѣкъ!“ вскрикнула королева, бросившись на помощь къ національному гвардейцу. Луи-Филиппъ, протянувъ руку къ лошади, загромоздившей дорогу, повторялъ съ какимъ-то дикимъ испугомъ: „Оттащите эту лошадь!...“

Герцогъ Монпансье по временамъ обращался къ королю и говорилъ ему: „Торопитесь, государь!“ У рѣшетки Pont-Tournant, подпоручикъ 69-го полка, командовавшій карауломъ, хотѣлъ было приказать бить походъ, но барабанщику дали знакъ молчать. Тутъ король остановился, подозвалъ Монталиве и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ возможности проводить его до Сенъ-Клу. Монталиве отвѣчалъ утвердительно. Тогда Луи-Филиппъ вышелъ за рѣшетку и направился на площадь Согласія. Проходя черезъ то мѣсто, гдѣ были убиты Жоливе и три другихъ человѣка, король, шедшій съ опущенной головой, увидѣлъ кровь этихъ жертвъ и ужаснулся. Герцогъ Монпансье, пробѣгая мимо группы національныхъ гвардейцевъ, кричалъ имъ: „Мы жертвуемъ собою, чтобы избѣжать кровопролитія!“

XIX.

Единственные экипажи, какіе могли прислать изъ Тюльери, были три дрянныхъ кареты, каждая въ одну лошадь. Одинъ изъ экипажей принадлежалъ къ числу маленькихъ каретъ, называемыхъ: Brougham, другой былъ дрянная крытая коляска, третій — кабріолетъ. Эти экипажи стояли у обелиска. Увидѣвши ихъ жалкую наружность, нѣкоторые спросили:

„Гдѣ же карета короля? — Болѣе нѣтъ никакихъ экипажей,“ отвѣчали имъ. Тогда король самъ открылъ дверцы кареты, но она уже была занята принцессами и дѣтьми. „Выходите всѣ!“ сказалъ онъ съ какою-то торопливостію. Потомъ быстро вошелъ въ карету и бросился на заднюю скамейку. Подлѣ него сѣла королева. Спереди помѣстились оба молодые Кобургскіе принца, сыновья принцессы Клементины, и маленькій герцогъ д'Алансонъ, сынъ герцога Немурскаго. Во второй экипажъ сѣли: герцогиня Немурская, ея старшій сынъ и дочь, дочь принцессы Клементины и три придворныхъ женщины. Въ кабріолетѣ помѣстились: герцогъ Монпансье, генералъ Дюма, одна изъ горничныхъ королевы, а на козлахъ слуги. Такимъ образомъ пятнадцать человѣкъ взгромоздились въ три экипажа, заключавшихъ всего только восемь мѣстъ. Принцесса Клементина, которой не доставало мѣста, принуждена была оставить своихъ дѣтей, и отправилась къ герцогинѣ Монпансье, пріютившейся у Жюля Ластейри.

XX.

„Пошелъ!“ сказалъ король. Въ это время верховой скакалъ съ королевскимъ портфелемъ. Онъ подалъ его въ окно кареты, но окно было слишкомъ узко. Король выразилъ сильное нетерпѣніе. Кремье, взявъ портфель, успѣлъ просунуть его черезъ дверцы, и король снова крикнулъ кучеру: „Пошелъ! Пошелъ!“ Экипажи поскакали, сопровождаемые конными національными гвардейцами, подъ командой Монталиве, и двумя эскадронами кирасиръ, подъ командой генерала Реньо-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели.

Войска, стоявшія на площади Согласія, не были увѣдомлены объ отъѣздѣ короля. Они съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣли на эту странную и непонятную сцену. Національные гвардейцы и другія лица, привлеченныя движеніемъ, разспрашивали, старались объяснить себѣ то, что они видѣли. Нѣ-

сколько голосовъ изъ этой толпы крикнуло: Да здравствуетъ король! Этотъ крикъ выражалъ или послѣдній знакъ уваженія къ королевскому достоинству, или состраданіе къ великому несчастію.

XXI.

Таковъ былъ этотъ отъѣздъ, это бѣгство *); исторія не представляетъ ничего печальнѣе этого событія. Конечно, два предшествовавшихъ поколѣнія были свидѣтелями многихъ превратностей, но никогда не видѣли ничего подобнаго. Если Людовикъ XVI, эта искупительная жертва преступленій своего дѣда, свергнутый страшнымъ рокомъ, со стыдомъ потерялъ свою корону, за то онъ умѣлъ умереть благородно. Неожиданный ударъ погубилъ посредствомъ измѣны и убійства великихъ представителей Комитета общественнаго блага. Сама Директорія, уничтоженная смѣлостію непокорнаго солдата, пала съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Первое паденіе Наполеона было исполнено величія и второе также не было совершенно лишено его. Карлъ X, неспособный занимать тронъ, не бѣжалъ отъ него; онъ покинулъ его. Но Луи-Филиппъ.... Часто въ дни своего счастія онъ любилъ повторять передъ толпою своихъ льстецовъ: „Я никогда не сдѣлаю ошибокъ Карла X и не подвергнусь его участи.“ И вотъ онъ убѣгаетъ со всею быстротой, по той самой дорогѣ, по которой послѣдній изъ Бурбоновъ шелъ медленно, съ оружіемъ въ рукахъ, подобно полководцу отступающей арміи. Если ему чего и недоставало въ эту торжественную минуту, то уже никакъ не военной силы!

Онъ имѣлъ подъ рукой въ Тюльери отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ подъ командой генерала Рульера; на площади Со-

*) Исторія иногда представляетъ много случайностей. Пароль, данный утромъ 24 февраля былъ — Havre; отзывъ — Havresac (ранецъ, сумка). Нѣсколько дней спустя, король съ маленькимъ узелкомъ бѣжалъ въ Англію черезъ Гавръ.

гласія—2000 человѣкъ, подъ командой генерала Бедо; шесть эскадроновъ кавалеріи генерала Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели; резервы военнаго училища и стражу палаты депутатовъ. Всѣ эти войска составляли вмѣстѣ отъ 8 до 10,000 человѣкъ. Луи-Филиппъ могъ собрать ихъ въ палатѣ депутатовъ и занять ими всѣ выходы. Здѣсь, подъ защитой почти непреодолимой, онъ могъ бы отречься съ достоинствомъ и торжественностію, провозгласить своего внука королемъ, воодушевить своихъ сторонниковъ и застращать враговъ. Еслибы и пришлось сдаться на капитуляцію, то онъ могъ бы сдаться благородно, какъ бы по доброй волѣ, а не насильно. Но онъ поступилъ совсѣмъ иначе: будучи обязаннымъ защищать свою корону, корону своего внука, регентство своей невѣстки, положеніе своихъ дѣтей и свою честь, — онъ не защищалъ ничего. Онъ даже не съумѣлъ защищать своей жизни, потому что старался только спасти ее. Онъ спасъ свою жизнь печальнымъ бѣгствомъ, безъ друзей, безъ защитниковъ, безъ сочувствія и—даже безъ оскорбленій!

XXII.

Тьеръ и маршалъ Бюжо, оставшіеся вдвоемъ, лишенные оба своей непродолжительной власти, оплакали это великое несчастіе, крѣпко обняли другъ друга и покинули это мѣсто, бывшее свидѣтелемъ ихъ кратковременной власти. Тьеръ вышелъ изъ дворца черезъ Тюльерійскій садъ вмѣстѣ съ Дювержье де-Горанномъ и Ремюза, но у Pont-Tournant потерялъ ихъ въ толпѣ, потомъ пришелъ въ Парламентъ и пробѣгая мимо депутатовъ, окружавшихъ его, торопливо и съ испугомъ произнесъ: „Что дѣлается, что дѣлается! Волны растутъ, растутъ! Все потеряно!“ и исчезъ. Въ сопровожденіи Талабо онъ отправился извилистымъ путемъ домой, куда добрался, избѣгнувъ два раза опасности, угрожавшей его

жизни. Маршалъ Бюжо поѣхалъ верхомъ шагомъ вдоль набережныхъ лѣваго берега Сены, сопровождаемый однимъ только адъютантомъ. Народъ два раза узналъ его, окружалъ и грозилъ ему, но и здѣсь, подобно тому какъ на Каррусельской площади, онъ избавился отъ опасности благодаря своей замѣчательной неустрашимости и присутствію духа.

Ни тотъ ни другой не пришелъ помочь герцогинѣ Орлеанской, когда она пришла въ палату оспаривать у революціи тронъ своего сына.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Герцогиня Орлеанская удаляется въ свои комнаты. — Барро отправляется въ Тюльери; не найдя герцогини Орлеанской, онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Герцогъ Немурскій совѣтуетъ герцогинѣ Орлеанской оставить Тюльери и защищаетъ ея выходъ.— Наружная рѣшетка дворца открыта для народа. — Вторженіе народа въ садъ. — Герцогиня Орлеанская у Pont-Tournant; Бьеста и Авенъ передаютъ герцогинѣ совѣтъ Барро отправиться въ городскую Думу; герцогиня колеблется; Дюпенъ и его друзья увлекаютъ ее въ Палату. — Герцогъ Немурскій идетъ вмѣстѣ съ герцогиней раздѣлять ея опасное положеніе; приготовленія къ отъѣзду.—Барро ничего не знаетъ обо всемъ что происходило; его нерѣшительность; Гюставъ де-Бомонъ, Гарнье-Паже и Леонъ де-Малевиль отправляются въ городскую Думу. — Засѣданіе муниципальнаго совѣта; присутствіе и помощь нѣсколькихъ гражданъ; приходъ трехъ депутатовъ; вопросъ Фанжа; отвѣтъ Гарнье-Паже, объявляющаго объ отреченіи; Фанжа требуетъ лишенія правъ на престолъ и осужденія на смерть; негодованіе и протестъ муниципальнаго совѣта; шумная сцена; прокламація муниципальнаго совѣта объ отреченіи; присутствующіе требуютъ лишенія правъ на престолъ; возраженіе Делестра; Гарнье-Паже и Малевиль садятся за бюро; записка Гарнье-Паже къ Барро; Гарнье-Паже провозглашенъ парижскимъ мэромъ; народъ хочетъ провозгласить Малевиля его товарищемъ; Малевиль отказывается; народъ провозглашаетъ Рекюра и Паньера; толпа требуетъ провозглашенія республики; отвѣтъ Гарнье-Паже; Гарнье-Паже сходитъ на площадь городской Думы, чтобы провозгласить низложеніе Орлеанской фамиліи и образованіе республики; восторгъ народа и крики: Да здравствуетъ республика!

I.

Представителями конституціонной монархіи оставались только герцогиня Орлеанская, ея сынъ, графъ Парижскій, и обѣ Палаты. Человѣкомъ, способнымъ защищать эту монархію про-

тивъ революціи, оставался только одинъ Одилонъ Барро, глава лѣвой династической стороны.

По отъѣздѣ короля, герцогиня вмѣстѣ съ графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ удалилась въ свои покои черезъ внутренніе проходы дворца. Безъ арміи, безъ генераловъ, безъ министровъ, не зная какъ быть и что дѣлать, окруженная нѣкоторыми лицами своего двора: Шабо-Латуромъ, Буамилономъ, Ренье, Куржономъ и г-жами де-Вэнъ и Ренье, гевцогиня ожидала развязки дѣла.

II.

Узнавши объ отреченіи короля, Одилонъ Барро, сопровождаемый Авеномъ, Аббатуччи и Бьеста, отправился изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Тюльери. Быстрое отступленіе войскъ затрудняло движеніе по городу; однакоже Барро и его друзья успѣли пробраться во дворъ. Съ Каррусельской площади уже начали стрѣлять по дворцу. Герцогъ Немурскій, сидя на лошади, отдавалъ приказанія. Герцогъ не могъ указать Барро въ какой части дворца находилась его невѣстка и съ благосклоннымъ вниманіемъ сказалъ ему: „Слышите ли, какъ свистятъ пули? Не оставайтесь дольше подлѣ меня.“

Барро и его друзья, провожаемые Герну, пошли искать герцогиню Орлеанскую въ павильонъ Marsan, гдѣ находились ея покои, но не нашли ея. Имъ указали на павильонъ Римскаго короля, но герцогини и тамъ не было.

Барро, выведенный изъ терпѣнія этими безполезными поисками, поручилъ Бьеста и Авену объявить герцогинѣ, что онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы объявить Франціи о регентствѣ; что онъ того мнѣнія, что мать графа Парижскаго должна отправиться черезъ бульвары въ городскую Думу; что онъ совѣтуетъ ей поступить такимъ образомъ и что онъ будетъ ее сопровождать. Потомъ вмѣстѣ съ Аббатуччи и Бомономъ онъ вышелъ изъ Тюльери черезъ

большую аллею. У Pont-Tournant онъ увидѣлъ бѣгущій вдали кортежъ короля, остановился на нѣсколько минутъ, смотря на бѣглецовъ и спрашивая себя: не отправилась ли герцогиня вмѣстѣ съ королемъ, — и за тѣмъ вошелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

III.

А герцогиня и не выходила изъ павильона Marsan. Дюпенъ нашелъ ее тамъ и посовѣтовалъ немедленно отправиться въ палату депутатовъ. Въ то время какъ герцогиня выслушивала Дюпена, въ гостинную влетѣлъ Тушаръ, адъютантъ герцога Жуанвильскаго. Онъ сказалъ ей, что герцогъ Немурскій проситъ свою невѣстку отправиться немедленно къ Pont-Tournant черезъ дворъ, павильонъ de l'Horloge и большую аллею; что опасности еще нѣтъ никакой, но что время очень дорого. Мать графа Парижскаго сказала только: „слышите ли какъ шумитъ мятежъ?“ и вмѣстѣ съ своими сыновьями поспѣшила черезъ дворъ въ павильонъ de l'Horloge.

Тутъ ждалъ ее герцогъ съ тремя ротами 69-го, 14-го и 45-го линейныхъ полковъ. Было около часу.

Тюльери дѣйствительно угрожала серьезная опасность. Еще до выѣзда короля нѣсколько національныхъ гвардейцевъ 1-го и 10-го легіоновъ пробрались во внутренніе покои дворца и безпрепятственно прохаживались по нимъ. Когда войска отошли съ Каррусельской площади на дворъ, то вслѣдъ за ними вошли: третья рота 10-го легіона, рота Лесюера 5-го легіона и Бюше, капитанъ 2-го легіона. Оберъ-Рошъ, котораго мы уже видѣли на площади Пале-Рояля, былъ одинъ изъ офицеровъ 5-го легіона; видя, что національные гвардейцы 1-го, 5-го, 6-го и 10-го легіоновъ и отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ работниковъ старались сломать рѣшетку, онъ обратился къ полковнику Бильфельду, дворцовому коменданту, съ предложеніемъ отдать ключи отъ рѣшетки! Полковникъ колебался; тогда Оберъ-

Рошъ представилъ ему безполезность и опасность сопротивленія національной гвардіи. Король уже уѣхалъ, герцогиня Орлеанская готова была вмѣстѣ съ своими дѣтьми удалиться, герцогъ Немурскій ожидалъ ее въ павильонѣ de l'Horloge, чтобы проводить, — всѣ эти обстоятельства заставили полковника рѣшиться отдать ключи. Тогда Оберъ-Рошъ отперъ рѣшетку и народъ еще не въ большомъ числѣ ворвался въ дворъ. Герцогъ Немурскій, пораженный быстротою, съ которою народъ овладѣлъ входомъ, вскрикнулъ: „Какъ — уже!“ и призвавъ къ себѣ черезъ посредство генерала Гурго первый батальонъ 16-го легкаго полка, который выходилъ изъ дворца въ то время, какъ народъ проникалъ уже въ него, вмѣстѣ съ генераломъ сталъ въ аррьергардѣ, чтобы прикрыть отступленіе своей невѣстки.

IV.

Въ это время герцогиня шла по средней аллеѣ, опираясь на руку Дюпена старшаго; съ правой стороны шелъ графъ Парижскій; Ари-Шефферъ, только что проводившій *) короля до обелиска, держалъ графа за другую руку. Лакей несъ на рукахъ герцога Шартрскаго. Вэнъ, Ренье, Шабо-Латуръ, Эльшингенъ и Монъ-Гюіонъ, въ мундирахъ, адмиралъ Боденъ, Марбо, Куржонъ, де-Гравъ, офицеръ главнаго штаба, Лекуэнта, Арнольдъ Шефферъ и два депутата составляли всю свиту этой принцессы, которая шла завоевывать у народа корону.

Дойдя до сердины аллеи, они услышали сильный шумъ; шумъ этотъ произошелъ оттого, что народъ разломалъ одни изъ воротъ

---

*) Мы дѣлаемъ это указаніе съ тою цѣлію, чтобы можно было съ точностію опредѣлить время, прошедшее отъ отъѣзда короля съ площади Согласія до выхода изъ Тюльери герцогини Орлеанской. Король прошелъ въ 12 или 15 минутъ разстояніе между павильономъ de l'Horloge и обелискомъ; Ари-Шефферу достаточно было десяти минутъ, чтобы возвратиться отъ обелиска до павильона.

сада со стороны улицы Риволи, препятствовавшія ему войти въ садъ. Вслѣдъ за этимъ они увидѣли толпу, ворвавшуюся внутрь. Эльшингенъ взялъ герцогиню за руку. Нѣсколько человѣкъ изъ свиты бросились къ народу и объявили ему, что король уже уѣхалъ и что вдова герцога Орлеанскаго вмѣстѣ съ графомъ Парижскимъ отправляется въ Палату. Народъ легко тронуть: благопріятные крики раздаются въ толпѣ. Подлѣ Pont-Tournant герцогиня встрѣтила Бьеста и Авена. Она узнала отъ нихъ о безполезныхъ поискахъ Барро, о его возвращеніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ и о совѣтѣ— отправиться черезъ бульвары въ городскую Думу. Герцогиня остановилась у рѣшетки, внутри сада, и открыла здѣсь свой первый совѣтъ. Бьеста настаивалъ на томъ, чтобы идти въ городскую Думу. „Умѣете ли вы ѣздить верхомъ?“ спросилъ онъ герцогиню.

„— Настолько, чтобы управлять драгунскою лошадью.

„— Въ такомъ случаѣ нечего колебаться. Отправляйтесь въ городскую Думу и вы будете регентшей, вашъ сынъ королемъ, или вы будете убиты.

„— Это безумный и юношескій совѣтъ, возразилъ Дюпенъ; лучше итти въ палату“.

Герцогиня была исполнена мужества: ея умъ и сердце побуждали ее исполнить совѣтъ Одилона Барро. Найди она смѣлую поддержку, она бы не колебалась, но совѣты ея личныхъ друзей превозмогли, и она отправилась къ Бурбонскому дворцу.

V.

Площадь Согласія уже покрывалась народомъ. Окружающее народонаселеніе, привлеченное слухомъ объ отъѣздѣ короля, сбѣжалось смотрѣть на эту трогательную сцену великаго бѣгства. Мундиръ Эльшингена могъ броситься въ глаза и потому сочли необходимымъ, чтобы герцогиню велъ подъ руку какой нибудь депутатъ лѣвой стороны: Авенъ предложилъ ей свою ру-

ку. Первая рота втораго баталіона 2-го легіона подъ командой Талandье, которая присутствовала при отъѣздѣ короля, окружила кортежъ, чтобы проводить его въ Палату. Народъ съ сочувствіемъ толпился вокругъ, чтобы видѣть вблизи эту женщину и этого ребенка. Большая часть окружающихъ кричали: „Да здравствуетъ герцогиня! Да здравствуетъ графъ Парижскій!“ Остальные молчали, не имѣя никакаго злаго намѣренія. Герцогиня была счастлива этой популярностію и когда рѣшетки Палаты отперлись передъ ней, то, съ сердцемъ, укрѣпленнымъ надеждой, она не сомнѣвалась уже въ успѣхѣ *).

Герцогъ Немурскій не слишкомъ довѣрялся этому успѣху и, предчувствуя послѣднюю неудачу, принялъ мѣры, чтобы обезпечить отступленіе. Вслѣдствіе этого онъ отдалъ приказаніе генералу Бедо начальствовать надъ кавалеріей и стать въ авангардѣ по дорогѣ къ Сенъ-Клу. Пѣхоту, стянутую у входа въ Королевскую улицу, онъ намѣревался впослѣдствіи отдать подъ команду другаго генерала и составить изъ нея аррьергардъ. Сдѣлавши эти распоряженія онъ присоединился къ своей невѣсткѣ, рѣшившись не оставлять ее болѣе и раздѣлить съ нею всѣ опасности, если онъ не будетъ въ силахъ устранить ихъ. Исторія должна быть справедлива къ этому принцу: если впродолженіе первой половины кризиса онъ былъ слабъ и дѣйствовалъ нерѣшительно, то въ концѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ, и своимъ самоотверженіемъ, своею братскою любовію заслуживаетъ уваженіе всѣхъ честныхъ людей.

Послѣ всего того, что случилось, задавать себѣ вопросъ о томъ, куда слѣдовало отправиться,—въ городскую Думу или въ палату, значитъ разсуждать по пустому или ошибочно. Извѣстно, что происходило въ палатѣ; а что могло произойти въ городской Думѣ—этого никто не знаетъ. Пусть разсуждаютъ объ этомъ тѣ, которымъ нравятся эти безполезныя соображенія, я же буду продолжать изложеніе фактовъ.

---

*) Было половина втораго.

VI.

По возвращеніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро засталъ тамъ Малевиля и нѣсколькихъ своихъ политическихъ друзей, а также Гарнье-Паже, Дегувъ-Дененка, Паньера и нѣкоторыхъ другихъ радикаловъ. Барро возвратился въ министерство, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ; онъ находился въ нерѣшительномъ состояніи и не зналъ какъ поступить. У Пале-Рояля дерутся, на Каррусельской площади стрѣляютъ, король отрекся и уѣхалъ, — въ этомъ заключались всѣ его свѣдѣнія. Барро ничего не зналъ обо всемъ остальномъ, о чрезвычайныхъ причинахъ, которыя должны были привести къ такому быстрому рѣшенію. Гдѣ національная гвардія? Что сталось съ генераломъ Ламорисьеромъ, съ маршаломъ Бюжо, съ Тьеромъ? кто командовалъ войсками? — все это было ему неизвѣстно. Наконецъ онъ самъ не зналъ того, былъ ли онъ дѣйствительно президентомъ совѣта, какъ это ему сказали, или нѣтъ. Ему также было неизвѣстно, гдѣ была герцогиня Орлеанская, каковы были ея намѣренія, ея воля. Томительное сомнѣніе, которое онъ испытывалъ, еще болѣе увеличивало свойственную ему нерѣшительность. Онъ старался найти въ своей честной душѣ совѣтъ какъ ему дѣйствовать. Слѣдуетъ ли ему возвратиться въ Тюльери? Не лучше ли было бы отправиться въ Палату? Не слѣдуетъ ли попытаться предупредить возмущеніе въ городской Думѣ? Но что наконецъ происходитъ въ этомъ арсеналѣ революціонныхъ правительствъ? Можетъ быть онъ уже занятъ народомъ?... Этотъ послѣдній вопросъ привлекъ все вниманіе Барро. Онъ попросилъ Малевиля, Гюстава де-Бомона и Гарнье-Паже немедленно отправиться въ городскую Думу съ цѣлію узнать достовѣрно положеніе дѣлъ.

VII.

Согласившись безъ колебанія на это предложеніе, Гарнье-

Паже, Малевиль и Бомонъ отправились въ Думу вдоль набережныхъ лѣваго берега Сены. На набережныхъ было пусто, не было ни войска, ни народа; изрѣдка лишь попадались любопытные. У Каррусельскаго моста они услышали перестрѣлку. Имъ сказали, что дерутся у Пале-Рояля и Тюльери. На углу улицы Dauphine стояла баррикада, а за Новымъ мостомъ, на набережной de l'Horloge, были разбросаны разные матеріалы и мостовые камни. Они безъ затрудненія прошли черезъ эти мѣста.

„Весьма вѣроятно, сказалъ Гарнье-Паже, что въ городской Думѣ мы найдемъ республику.“ Набережная aux Fleurs и мостъ Notre-Dame были совершенно пусты. На набережной Pelletier депутаты встрѣтили колонну вооруженныхъ людей, шедшую отъ городской Думы и тащившую къ Тюльери пушку, украшенную знаменами. Явно, что Городская Дума была уже занята народомъ!

„Они будутъ осаждать Тюльери, — все кончено!“ сказалъ Малевиль.

„— Пойдемъ впередъ, возразилъ Гарнье-Паже, это мѣсто — мой бывшій округъ; я знаю своихъ людей и мы пройдемъ. Впередъ!“

Дѣйствительно, едва только они перешли черезъ одну невысокую баррикаду, на углу набережной и площади городской Думы, какъ Гарнье-Паже былъ узнанъ. Да здравствуетъ Гарнье-Паже! Да здравствуютъ оппозиціонные депутаты! кричала толпа, разступавшаяся передъ ними. И они вошли въ городскую Думу, провожаемые криками и кортежемъ національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ. Было около половины втораго.

VIII.

Члены муниципальнаго совѣта имѣли засѣданіе въ обыкновенной залѣ совѣщаній. Уже извѣстно, какимъ образомъ, послѣ отъѣзда Рамбюто, четыре члена совѣта: Сей, Тьерри, Журне и Лежантель вмѣстѣ съ Флоттаромъ созвали немедлен-

но своихъ товарищей. Только десять членовъ отвѣтили на этотъ призывъ; это были: Пеласси де-л'Уль, Делестръ, Ланкетенъ, Перре, Перье, Бутронъ-Шарларъ, Грильонъ, Сансонъ-Давилье, Гландазъ и Галисъ. Тридцать членовъ отсутствовали вслѣдствіе различныхъ причинъ, имѣющихъ въ дни революціи сильное вліяніе какъ на людей, такъ и на ихъ дѣйствія.

Между половиною перваго и часомъ, четырнадцать человѣкъ бывшихъ на лицо начали устраивать свою канцелярію. Перье отказался отъ предсѣдательства; принужденный принять это мѣсто, Тьерри сѣлъ на президентское кресло. Такъ какъ Горасъ Сей отклонилъ отъ себя должность секретаря, то Флоттаръ, чиновникъ префектуры, занялъ это мѣсто не колеблясь; онъ помѣстился съ лѣвой стороны подлѣ Тьерри, съ правой стороны котораго сидѣлъ капитанъ 8-го легіона, Журданъ, который, проникнутый неутомимымъ духомъ начинанія, уже добивался чести занять мѣсто президента совѣта. Широкій проходъ, окружающій кресла совѣта, былъ занятъ воспитанниками политехнической школы, національными гвардейцами, буржуа, работниками; эта немногочисленная аудиторія увеличивалась съ минуты на минуту. Нѣкоторые изъ присутствующихъ заняли самыя высокія кресла, оставшіяся пустыми по отсутствію членовъ совѣта. Остальныя части городской Думы были уже заняты народомъ.

Какъ только была составлена канцелярія, сейчасъ начались правильныя совѣщанія. Прежде всего Тьерри объяснилъ причины, побудившія его и его товарищей собрать совѣтъ: такъ какъ префектъ оставилъ свой постъ и никакой другой правильной власти нѣтъ въ городской Думѣ, то на обязанности муниципальнаго совѣта лежитъ забота объ интересахъ города. Флоттаръ подтвердилъ объясненіе, сдѣланное Тьерри. Нѣкоторые изъ членовъ разсказали о событіяхъ, которыхъ они были свидѣтелями или участниками; Перре произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствующихъ картиной побоища на Бастиль-

ской площади, отъ котораго онъ едва спасся. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшили, по предложенію Делестра, обратиться къ народу съ прокламаціей, и редакція ея была поручена спеціальной коммиссіи, составленной изъ Делестра, Перье, Ланкетена и Пеласси де л'Уль.

IX.

Въ это время сильный шумъ послышался около дверей. Толпа народа ворвалась въ Думу и за ними появились Гарнье-Паже, Малевиль и Гюставъ де-Бомонъ. Вслѣдъ за ними вошли два вооруженные человѣка, помѣстившіеся на самыхъ высокихъ креслахъ, съ правой стороны, подлѣ бюро президента. Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ съ строгимъ, энергическимъ выраженіемъ лица, съ густой и длинной бородой; его имя было Фанжа. На немъ былъ китель и въ рукѣ ружье. Онъ обратился къ Гарнье-Паже съ вопросомъ: Зачѣмъ онъ пришелъ въ городскую Думу вмѣстѣ съ своими товарищами? Гарнье-Паже отвѣчалъ, что онъ достаточно извѣстенъ своею преданностію народу, чтобы не имѣть надобности объяснять свои намѣренія; что никто не имѣетъ права предположить, чтобы онъ имѣлъ въ виду что нибудь несогласное съ интересами народа; что онъ очень счастливъ, найдя Совѣтъ въ сборѣ, потому что это доказываетъ его патріотическія чувства; что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія мѣшаться въ совѣщанія Совѣта; что онъ пришелъ только для того, чтобы собрать и передать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Парижѣ. Потомъ онъ прошелъ черезъ амфитеатръ вмѣстѣ съ своими двумя спутниками и занялъ мѣсто докладчика, подлѣ бюро президента. Малевиль сѣлъ подлѣ него; Бомонъ помѣстился дальше, въ глубинѣ залы.

Занявши мѣсто, Гарнье-Паже началъ снова говорить и, обращаясь какъ къ публикѣ, такъ и къ членамъ совѣта, въ

живомъ разсказѣ объяснилъ положеніе дѣлъ: „Въ продолженіе многихъ лѣтъ государство страдало отъ общей испорченности; произволъ заступалъ мѣсто закона; право собраній не было признаваемо, подвергалось угрозамъ и было нарушаемо; правительство вызвало на бой представителей народа, послѣдствіемъ чего была кровавая борьба. Убійства на Капуцинскомъ бульварѣ привели въ ужасъ Парижъ. Народъ и національная гвардія возстали. Войско высказало свое сочувствіе къ правому дѣлу. Смѣна министерства Гизо не удовлетворила общественное мнѣніе. Народная воля требовала уничтоженія позорной системы правленія, угнетавшей Францію; король отрекся отъ престола въ пользу графа Парижскаго и герцогини Орлеанской. Но борьба продолжается; надобно остановить кровопролитіе, предупредить безпорядки и замѣстить всѣ бѣжавшія власти.“ Гарнье-Паже прибавилъ, что онъ живо сочувствуетъ собранію Совѣта и готовъ соединиться съ представителями народа, для того чтобы вмѣстѣ съ ними образовать центръ, изъ котораго исходили бы власть и дѣйствіе.

Въ средѣ присутствовавшихъ обнаружилось сомнѣніе въ отреченіи короля; никто не вѣрилъ этому факту. Бомонъ заявилъ, что онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ отреченія въ самомъ кабинетѣ короля, нѣсколько минутъ передъ этимъ. Одна неизвѣстно кѣмъ произнесенная фраза возбудила въ залѣ очень сильное волненіе; послышался смутный ропотъ, въ которомъ можно было различить нѣсколько восклицаній: „Онъ не имѣетъ права отрекаться! Его надобно лишить престола!“

X.

Въ то время какъ говорилъ Гарнье-Паже, Фанжà требовалъ слова. Не обращая вниманія на замѣшательство Тьерри, который не могъ ни позволить ему говорить, ни заставить его молчать, онъ началъ свою рѣчь, какъ только возстановилась тишина: „Прежде чѣмъ коммиссія отправится составлять про-

кламацію, намъ необходимо знать, въ какомъ смыслѣ эта послѣдняя будетъ составлена. Намъ нужны факты, а не слова. Что касается меня, то я хотѣлъ бы, чтобы прокламація была слѣдующаго содержанія: Король Луи-Филиппъ лишенъ престола. Королевская власть уничтожается. За народомъ признается неограниченная самодержавная власть. Провозглашается республика. Король Луи-Филиппъ, изъ алчности и эгоизма нѣсколько разъ возбуждавшій гражданскую войну, немедленно приговаривается къ смерти!“

Въ началѣ эта рѣчь возбудила удивленіе, но при послѣднихъ словахъ раздается всеобщій единодушный крикъ: „Нѣтъ! нѣтъ! не нужно крови!“

Президентъ энергически протестуетъ.

Сансонъ-Давилье съ негодованіемъ и сарказмомъ говоритъ: „Да, осудить безъ суда!“

„Нельзя приговорить человѣка къ смерти безъ суда!“ замѣчаетъ Сей.

Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы и къ оратору обращаются съ вопросами.

Фанжа требуетъ молчанія, чтобы объяснить свою мысль: „Требуя осужденія Луи-Филиппа я подразумѣваю судъ надъ нимъ. Я не требую, чтобы его убили.“

Волненіе не утихаетъ. Малевиль и Гюставъ де-Бомонъ подходятъ къ Фанжа: „Но знаете ли вы, къ чему ведетъ ваше требованіе!“ говорятъ они ему. Онъ остается спокойный, невозмутимый, съ неподвижнымъ взоромъ, какъ человѣкъ, который видитъ передъ собою свою мысль, и какъ будто ничего не слышитъ.

„Мы представители только департаментской власти, но отнюдь не политической!“ восклицалъ Пеласси де-л'Уль съ высоты стула, превращеннаго въ кафедру, для того чтобы голосъ могъ покрывать шумъ.

„Мы не имѣемъ права перемѣнять образъ правленія!“ говорилъ другой.

Ланкетенъ прибавилъ: „Вамъ не понравилось, что въ 1830 году двѣсти депутатовъ создали хартію и короля!“

Остальныя слова терялись въ общемъ шумѣ.

XI.

Наконецъ порядокъ мало по малу возстановился. Четыре совѣтника, которымъ поручено было составить прокламацію, удалились въ сосѣднюю комнату. За ними послѣдовали нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Прокламація была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Король отрекся отъ престола. Палаты распущены. За отсутствіемъ всякой правильной власти, собрался муниципальный совѣтъ. Онъ взялъ на себя заботу объ интересахъ великаго города и первая его обязанность будетъ заключаться въ пріисканіи средствъ къ прекращенію кровопролитія.

„Войска уже получили приказаніе удалиться и предоставить службу исключительно національной гвардіи.

„Совѣтъ имѣетъ довѣріе къ народу.

„Уваженіе къ общественнымъ памятникамъ и частной собственности!

„Этимъ должна ограничиться дѣятельность муниципальнаго совѣта. Одному народу принадлежитъ право устроить свою будущность.

„Составлена въ городской Думѣ, 24 февраля 1848 года, въ два часа по полудни.“

Подписали: Горасъ Сей, Пеласси де-л'Уль, Бутронъ, Перье, Гландацъ, Журне, Делестръ, Грильонъ, Сансонъ-Давилье, Ланкетенъ, Перре, Тьерри, Лежантель.

Эта прокламація, объявлявшая, что палаты распущены, что не существуетъ болѣе никакой правильной власти, что самому народу принадлежитъ право устроить свое будущее, была составлена людьми, большею частію принадлежавшими къ консервативной партіи. Конечно это обстоятельство какъ нельзя

болѣе неопровержимо доказываетъ раздраженное состояніе умовъ въ городской Думѣ. Предложить среди этой пучины страстей регентство—было бы безуміемъ, такое предложеніе не могло быть и не было сдѣлано. И эта прокламація членовъ совѣта, составленная съ такимъ достоинствомъ, твердостію и соображеніемъ, еще не была окончательно проредактирована, какъ послѣдовало ея нарушеніе!

Съ минуты на минуту народъ прибывалъ въ Думу. Первые ряды людей, наполнявшихъ проходъ, спустились къ креслamъ, отсюда они были оттиснуты къ амфитеатру, который былъ ими наполненъ. Среди общаго шума слышались отрывки какихъ то несвязныхъ разговоровъ. Фанжа, Ландольфъ и другіе подошли къ Гарнье-Паже. Они упрекали его въ томъ, что онъ не хотѣлъ ускорить ходъ событій; Гарнье-Паже отвѣчалъ имъ съ твердостію, что вмѣсто разсужденій надобно дѣйствовать.

XII.

Вдали слышенъ былъ страшный шумъ, когда появился Делестръ съ своей прокламаціей. При первыхъ словахъ: „Король отрекся отъ престола,“ раздался грозный крикъ: „Свергнутъ! свергнутъ! — Говорите: свергнутъ!“ „Да, да, отвѣчаетъ Делестръ, онъ и вся его династія.“ Не смотря на эту энергическую прибавку, онъ не въ состояніи продолжать чтенія. Со всѣхъ сторонъ сыпятся предложенія. Тысячи голосовъ кричатъ: „Республику, республику!“ Делестръ истощаетъ свои усилія; принужденный прекратить чтеніе, онъ удаляется къ своимъ товарищамъ.

Тогда Тьерри предлагаетъ Гарнье-Паже занять мѣсто Флоттара; вслѣдъ за нимъ идетъ Малевиль. Въ это время Гарнье-Паже говоритъ своему товарищу: „Видите-ли — народъ хочетъ республику! Надобно обо всемъ этомъ предупредить Барро. Впрочемъ, я ему сейчасъ напишу.“ И вслѣдъ за этимъ

пишетъ слѣдующія строки: „Народъ завладѣлъ городской Думой. Присутствіе здѣсь герцогини Орлеанской теперь уже невозможно. Она можетъ подвергнуться большой опасности.“ Это былъ честный и справедливый совѣтъ. Гарнье-Паже подалъ его по внушенію Барро. До сихъ поръ они дѣйствовали сообща, но теперь наступила минута, которая была предугадана еще въ началѣ. Радикалы, никогда не жертвовавшіе своими принципами, имѣли всегда право провозгласить ихъ.

Гарнье-Паже видѣлъ наконецъ передъ собою цѣль всѣхъ своихъ помышленій, всѣхъ своихъ задушевныхъ желаній; ему казалось возможнымъ достигнуть этой цѣли и онъ устремился къ ней *).

XIII.

„Граждане, сказалъ онъ голосомъ, покрывшимъ шумъ толпы, народъ имѣетъ неограниченную власть. Онъ — распорядитель своей судьбы. Онъ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ. Но надобно дать движенію правильный ходъ. Надо какъ слѣдуетъ направлять революцію. Республика есть мечта всей моей жизни. Я былъ бы готовъ принять правительство, которое устранило бы всѣ неудовольствія народа, но такъ какъ теперь возможна для насъ республика, то надобно дѣйствовать правильно; надобно организовать власть.“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ Корбонъ и Паскаль — редакторы журнала Atelier, Флоттаръ, студентъ Кюнеманъ, Поль Мёрисъ, Каталанъ и множество другихъ единодушно воскликнули: „Надобно назначить парижскаго мэра! Гарнье-Паже! —Гарнье-Паже парижскій мэръ!“ Всѣ единогласно выразили одобреніе. Никто не сдѣлалъ никакого возраженія. Въ запис-

*) Было около четверти третьяго. Прокламація муниципальнаго совѣта была помѣчена двумя часами, что было вѣрно, потому что Сей видѣлъ этотъ часъ на стѣнныхъ часахъ президентскаго кабинета въ минуту подписи.

кѣ, написанной къ Барро, Гарнье-Паже прибавилъ: „Въ настоящую минуту желаютъ, чтобы я принялъ должность парижскаго мэра“. Потомъ онъ сложилъ записку и, не запечатавши, отдалъ ее человѣку, ему незнакомому, и попросилъ отнести ее къ Барро.

Требованія народа становились съ каждою минутой настоятельнѣе. Не смотря на то, что многія соображенія побуждали Гарнье-Паже отказаться отъ предлагавшейся ему должности, онъ счелъ необходимымъ уступить всеобщему желанію; но при этомъ объявилъ, что принимаетъ власть, которою его облекаютъ, только подъ формальнымъ условіемъ повиновенія къ нему. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Да, да!—Въ такомъ случаѣ я принимаю и буду исполнять свою обязанность!“ При этомъ Флоттаръ сказалъ: „Онъ принимаетъ, и мы не позволимъ убить его какъ убили Бальи.“ (Рукоплесканія. — Да здравствуетъ Гарнье-Паже! Да здравствуетъ парижскій мэръ!)

Изъ толпы, среди которой стоялъ Корбонъ, раздаются голоса: „Малевиль! Малевиль товарищемъ мера!“ — „Соглашайтесь, соглашайтесь!“ говоритъ ему Гарнье-Паже. Студентъ, стоявшій подлѣ Малевиля и который однимъ изъ первыхъ предложилъ выбрать Гарнье-Паже, сказалъ: „Малевиль — человѣкъ, котораго мы уважаемъ. Онъ очень враждебенъ разрушающейся системѣ; но онъ не хотѣлъ вчера итти на банкетъ....“ Толпа покрываетъ своимъ шумомъ этотъ оппозиціонный голосъ и продолжаетъ кричать: „Малевиль, Малевиль товарищемъ!“ Малевиль— человѣкъ величественнаго роста; его открытая и симпатическая физіономія понравилась народу. Со времени банкетовъ онъ сдѣлался извѣстнымъ какъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ королевской политики. Многія изъ его словъ, сказанныхъ на трибунѣ, сдѣлались популярными. Народъ продолжаетъ настаивать.

Гарнье-Паже, желавшій чтобы оппозиція лѣвой стороны и лѣваго центра приняла участіе въ революціонномъ движеніи,

убѣдительно упрашивалъ Малевиля принять эту демократическую инвеституру. „Соглашайтесь, соглашайтесь!“ говорилъ онъ своему товарищу. „Вы немного придерживаетесь династической системы, но это у васъ пройдетъ.“

Но Малевиль остался непоколебимъ. „Я вамъ очень благодаренъ, сказалъ онъ, за честь, которую вы мнѣ хотите сдѣлать. Но въ настоящее время нужны люди, на которыхъ народъ можетъ вполнѣ положиться, люди, имѣющіе неопровержимый авторитетъ. Я другъ Тьера....“ — Это ничего не значитъ! это ничего не значитъ! — Я недостаточно заслужилъ это; я не могу принять эту должность. Но я преданъ народу и обѣщаю все свое содѣйствіе только что созданной вами власти.“

Не смотря на этотъ отказъ, народъ, подъ вліяніемъ своего политическаго инстинкта, продолжалъ настаивать на своемъ. Тогда Малевиль, замѣтивъ Рекюра, очень искусно обратилъ на него вниманіе народа. „Смотрите, сказалъ онъ, указывая на него, вотъ человѣкъ, какой вамъ нуженъ теперь. — Да, да!—„Рекюръ и Паньеръ,“ прибавилъ Малевиль. И восторгъ народа разразился съ новою силою.

XIV.

Делестръ появляется снова. Онъ пытается еще разъ прочитать прокламацію; но его слабый голосъ теряется въ шумѣ толпы. „Республику, республику! Провозгласите республику!“ И громъ народнаго энтузіазма разносился въ раскаленномъ воздухѣ, подобно грохоту бури.

Гарнье-Паже дѣлаетъ знакъ, что онъ желаетъ говорить; его перебиваетъ національный гвардеецъ. Онъ снова выражаетъ то же самое желаніе; гвардеецъ опять перебиваетъ его. Шумъ продолжается. Тогда, въ неудержимомъ порывѣ твердой воли, онъ крикнулъ громкимъ голосомъ: „Вы меня признали парижскимъ мэромъ. Вы обѣщали мнѣ повиноваться. Такъ я хочу,

чтобъ мнѣ повиновались!“ Это энергическое движеніе усмиряетъ шумъ. Когда возстановилось молчаніе, Гарнье-Паже продолжалъ: „Вы хотите провозгласить республику?...“ —Да, да! Республику! —„Я былъ всегда республиканцемъ. Республика есть цѣль самыхъ горячихъ моихъ желаній. Но одинъ я не могу взяться за такое важное дѣло. Для того чтобы можно было въ совершенномъ порядкѣ провозгласить республику, мнѣ кажется необходимымъ обратиться къ посредничеству моихъ товарищей — оппозиціонныхъ радикаловъ. Поэтому я сейчасъ же приму мѣры, чтобы созвать ихъ для единодушнаго дѣйствія. Пока же я удаляюсь, чтобы обратиться къ народу съ прокламаціею.“ — (Да здравствуетъ парижскій мэръ!)

XV.

У дверей городской Думы волновался еще болѣе нетерпѣливый народъ. Гарнье-Паже направился къ этой толпѣ, угрожавшей неминуемымъ вторженіемъ. Національные гвардейцы и работники очищали ему дорогу. Съ правой стороны его шелъ Ришаръ, гражданинъ восьмаго округа; офицеръ національной гвардіи, Филиппъ, сопровождавшій Журдана при его входѣ въ городскую Думу, держалъ его подъ руку. Въ краткихъ, но энергическихъ словахъ Гарнье-Паже объявилъ, что Луи-Филиппъ и его фамилія лишены престола; что за отсутствіемъ всякой власти, онъ принялъ должность парижскаго мэра и что онъ теперь приступитъ къ учрежденію республики. Эта рѣчь была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. Площадь дрожала отъ криковъ: Да здравствуетъ республика!

Отдавши этотъ долгъ уваженія народному самодержавію, новый парижскій мэръ взошелъ на верхъ по большой лѣстницѣ. Проходя черезъ сплошную массу народа, Флоттаръ принужденъ былъ безпрестанно кричать: „Посторонитесь, посторонитесь передъ парижскимъ мэромъ!“ Въ то же время нѣсколько выстрѣловъ раздалось на площади. Было ли это во-

зобновленіе наступательныхъ дѣйствій войскъ противъ городской Думы? Въ первую минуту всѣ были въ этомъ убѣждены и народъ бросился сопротивляться. Но вскорѣ это первое предположеніе оказалось ошибочнымъ.

Таково было это замѣчательное засѣданіе, начавшееся собраніемъ муниципальнаго совѣта и кончившееся образованіемъ революціонной власти,—власти, провозглашенной въ виду еще существовавшаго монархическаго учрежденія, вышедшей изъ нѣдръ самой революціи, задуманной, созданной и учрежденной по волѣ и единодушному одобренію народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Окончаніе битвы у Château-d'Eau, упорство ея; сожженіе королевскихъ экипажей; взятіе поста; генералы Перро и Ламорисьеръ спасены самимъ народомъ. — Національные гвардейцы входятъ въ Тюльери; слѣды быстраго бѣгства изъ дворца; сцена съ тономъ; муниципальные гвардейцы; весь дворецъ занятъ народомъ; побѣдные выстрѣлы; фальшивая тревога; радикалы сходятся; тронъ снятъ съ мѣста, понесенъ по городу и сожженъ у подножія Іюльской колонны; опустошеніе дворца. — Собраніе въ конторѣ «National»; смятеніе, шумъ; совѣщаніе; Сарранъ, Эмануэль Араго, Шевалье, Дюмериль, Марра, Луи-Бланъ и другіе; рѣшеніе учредить временное правительство; назначеніе членовъ; неудовольствіе и выходъ Луи-Блана; депутаты отправлены въ палату депутатовъ, чтобы объявить списокъ членовъ временнаго правительства; они приходятъ въ одно время съ герцогиней Орлеанской. — Совѣщаніе Ламартина съ Бастидомъ и Марра въ одной изъ канцелярій палаты; Ламартинъ объявляетъ себя противъ регентства.—Поведеніе консервативныхъ депутатовъ.—Затруднительное положеніе президента палаты Созе; онъ открываетъ засѣданіе и извиняется; Шарль Лафитъ, Камбасересъ, Дютье; засѣданіе прервано; волненіе депутатовъ. — Силы, которыми могла располагать палата для своей защиты; недостаточность этихъ силъ; возраженія Корселя, Барро и другихъ; новое затрудненіе Созе; Корсель отправляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро — къ генералу Бедо; бездѣйствіе генерала Рульера; недоумѣніе генерала Бедо; невозможность защищать палату военною силою, такъ какъ герцогъ Немурскій отдалъ приказаніе прекратить огонь. — Нетерпѣливое ожиданіе прихода Барро. — Барро въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; онъ объявляетъ департаментамъ Франціи о регентствѣ герцогини Орлеанской; его увѣдомляютъ, что герцогиня въ палатѣ и ожидаетъ его; Барро отправляется въ палату. — Совѣщаніе Барро съ депутатами журнала «National»; онъ отказывается участвовать во временномъ правительствѣ.—Разсказъ Монитёра о засѣданіи палаты; безполезныя усилія въ пользу регентства; вторженіе народа; провозглашеніе временнаго правительства. — Перечень разсказаннаго и общіе выводы.

I.

Съ такою же быстротой шла революція и въ палатѣ депутатовъ.

Чтобы вполнѣ понять цѣлый рядъ случайностей, обозначившихъ этотъ послѣдній день конституціонной монархіи, необходимо знать конецъ битвы у Château d'Eau, сцены, сопровождавшія вторженіе народа въ Тюльери и рѣшенія, принятыя въ собраніи членовъ партіи радикаловъ, сбѣжавшихся въ контору журнала „National“.

Уже болѣе часа проливалась кровь у Château d'Eau. Зная объ отступленіи войскъ и отреченіи короля, осаждающіе сожалѣли объ этомъ безполезномъ кровопролитіи и удваивали свои усилія, чтобы вразумить солдатъ. Самые смѣлые изъ нихъ, по примѣру генерала Ламорисьера, вышли на середину площади къ самымъ стѣнамъ поста и давали знаки къ начатію переговоровъ. Но осажденные, не понимая цѣли этихъ попытокъ, принимали ихъ за угрозы и мрачная крѣпость продолжала упорно сопротивляться. Изъ числа ста пятнадцати человѣкъ, собравшихся въ этомъ постѣ *), болѣе чѣмъ четвертая часть была убита и ранена. Начальникъ поста, поручикъ Перессъ, получилъ нѣсколько ранъ; подпоручикъ Одуи лежалъ тяжело раненнымъ. Кровь, порохъ и опасность способствовали только къ раздраженію солдатъ. Они не защищали уже болѣе ни своего оружія, ни знамени, ни даже своей жизни, но опьяненные страстью и битвой, принимали и посылали смерть съ какимъ-то слѣпымъ звѣрствомъ, безжалостно, безпощадно и безнадежно.

*) Въ постѣ находился только одинъ гофъ-фурьеръ муниципальной гвардіи. Онъ успѣлъ уйти, не будучи раненнымъ, черезъ улицу Музея.

II.

Число жертвъ со стороны осаждающихъ было значительнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ поплатились жизнію за свое смѣлое желаніе прекратить битву; другіе были убиты за баррикадами ружейнымъ огнемъ солдатъ; гораздо большее число погибло отъ неосторожности своихъ товарищей. Невозможно разсказать всѣ чудеса отваги, совершенныя этими храбрецами въ пылу преданности своему дѣлу и озлобленія. Неполная справедливость не будетъ справедливостью. Исторія можетъ только сосчитать убитыхъ и перечислить ихъ имена.

Чѣмъ болѣе длилась битва, тѣмъ труднѣе было предвидѣть ея исходъ. У осаждающихъ вовсе не было артиллеріи; пули ихъ ружей или отскакивали отъ стѣнъ, или сплющивались о желѣзо воротъ. Смѣлые разрушители атаковали зданіе съ крыши, съ боковъ, съ задняго фасада; но ихъ искусство не могло совладать съ несокрушимою крѣпостью стѣнъ. Послѣдній подвигъ, самоотверженіе офицера національной гвардіи Лессера, былъ также неудаченъ: Тяжело раненый въ бедро, онъ упалъ на крыльцѣ.

Необходимость покончить эту рѣзню внушила мысль объ ужасномъ средствѣ. Двѣ изъ каретъ, выѣхавшихъ изъ королевскихъ конюшень, чтобы отправиться ко дворцу, и которыя, какъ мы видѣли, были остановлены народомъ, остались въ его рукахъ и были сожжены; остальнымъ предстояла та же участь. Нѣкоторымъ пришла мысль извлечь изъ этого пожара пользу. Кареты притащили къ посту. Въ ящики, на козлы, вездѣ наложили сѣна, просмоленныхъ досокъ, старыхъ декорацій и другихъ горючихъ веществъ, которыя могутъ дать густой дымъ. Потомъ все это зажгли. Пламя, быстро вырвавшись изъ экипажей, охватило стѣны; дымъ, втягиваемый отверстіями поста, вошелъ внутрь. Но упрямство солдатъ осталось непоколеби-

мымъ. Они отрѣзали одну изъ трубъ, идущихъ къ фонтану, и вода перестала достигать до огня, который вскорѣ охватилъ все зданіе. Солдаты пытаются спастись въ погреба, но они наполнены водой. Дальнѣйшее сопротивленіе было не въ силахъ человѣческихъ. Истощенные, полузадохнувшіеся, солдаты рѣшаются сдаться. Поручикъ Перессъ отворяетъ дверь и выходитъ изъ поста. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ объяснить свои намѣренія, его покрываетъ залпъ и онъ убитъ. Затѣмъ выходятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ солдаты и сержантъ Гаккаръ, они бросаютъ свое оружіе на порогѣ и кричатъ, что сдаются.

Можно было подумать, что въ эту минуту ихъ разорвутъ въ клочки. Дѣйствительно, самые яростные изъ осаждающихъ бросаются на нихъ, грозя имъ смертью. Но парижскій народъ не похожъ на чернь императорскаго Рима: въ минуту самаго страшнаго ожесточенія берутъ верхъ инстинкты его великодушія. Благородный крикъ: „Почтеніе къ раненнымъ“, заглушаетъ угрозы смерти. Одуи, Гаккаръ и всѣ раненные солдаты были сейчасъ же взяты великодушными людьми и отведены на перевязочные пункты. Остальные спаслись черезъ дверь, выходящую въ улицу Музея. Ни одинъ изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Въ постѣ было найдено одинадцать труповъ; со стороны народа было тридцать восемь убитыхъ. Восемьнадцать солдатъ были болѣе или менѣе тяжело ранены; со стороны народа было болѣе пятидесяти раненныхъ; въ это число не входятъ тѣ, которые были отнесены на свои квартиры и лечились у себя дома. Въ то время какъ народъ занялъ этотъ постъ, такъ долго оспариваемый, на часахъ Пале-Рояля пробило два часа. Борьба продолжалась два часа.

Генералы Перро и Ламорисьеръ оставались все это время плѣнниками въ лавкѣ виноторговца, куда они были отведены. Нѣсколько разъ, во время разгара битвы, озлобленные граж-

дане совѣщались о томъ, чтобы ихъ разстрѣлять, но великодушіе брало верхъ. Когда кончилась битва, начали думать только о томъ, какъ ихъ спасти. Генералъ Перро снялъ свой мундиръ, надѣлъ статское платье и ушелъ, не будучи никѣмъ замѣченъ. Его мундиръ и ордена были ему потомъ доставлены. Генералу Ламорисьеру надобно было только снять свою шинель; онъ удалился въ платьѣ одного изъ своихъ освободителей.

Такъ кончилась эта плачевная битва, самая кровавая въ революціонной исторіи Парижа, и единственная по важности своихъ послѣдствій. Она заставила короля отречься и бѣжать. Въ матеріяльномъ отношеніи, вся исторія революціи 1848 года ограничивается убійствами на Капуцинскомъ бульварѣ съ одной и битвою у Château-d'Eau, съ другой стороны; тамъ ея начало, здѣсь конецъ. Случай, судьба или воля Провидѣнія: убійства на Капуцинскомъ бульварѣ подымаютъ народъ, битва у Château-d'Eau ниспровергаетъ монархическое правленіе! *)

*) Здѣсь у мѣста возстановить истину въ опроверженіе одного слуха, распространеннаго умышленно или непроизвольно. Говорили, что нѣсколько солдатъ сгорѣло въ постѣ, что еще большее число задохнулось отъ дыма. Все это ложь. Одинъ очень интересный фактъ, сообщенный мнѣ полицейскимъ коммиссаромъ Вассалемъ, можетъ служить опроверженіемъ этого слуха. Призванный утромъ 25 числа, чтобы освидѣтельствовать убитыхъ и вынести ихъ изъ поста, этотъ чиновникъ увидѣлъ солдата 14-го полка, неподвижно лежавшаго на лагерной койкѣ. Осаждающіе нашли этого солдата между трупами, простреленными пулями, и съ которыми онъ оставался нѣкоторое время. Этотъ солдатъ пошевельнулся; движеніе это было замѣчено и, не смотря на его видимую неподвижность, въ надеждѣ, что онъ еще живъ и что его можно будетъ спасти, его перенесли на лагерной койкѣ въ офицерскую комнату. Когда Вассаль пришелъ въ Château-d'Eau, ему предложили освидѣтельствовать этого человѣка. Вассаль подошелъ къ солдату, но тотъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни. Вассаль приложилъ руку къ его сердцу, которое билось сильно и ровно. Подозрѣвая обманъ, онъ встряхнулъ его и сказалъ ему, чтобы онъ болѣе не притворялся, потому что нѣтъ никакой опасности. Успокоенный солдатъ всталъ, отвѣчалъ коммиссару и признался ему, что онъ притворялся мертвымъ изъ

III.

Такъ какъ всѣ подступы къ Тюльери были уже во власти народа, то вся масса осаждающихъ хлынула ко дворцу.

Вслѣдъ за выходомъ изъ Тюльери герцогини Орлеанской, герцога Немурскаго и войска, національные гвардейцы 1-го, 5-го, 6-го и 10-го легіоновъ пробрались во дворецъ. Такимъ образомъ Тюльерійскій дворъ оставался на нѣкоторое время почти совершенно пустымъ. Странная и зловѣщая пустота! Новыя толпы прибывающаго народа останавливались удивленныя, всматривались, не скрывается ли въ этой преднамѣренной пустотѣ какая нибудь западня. Потомъ, болѣе смѣлые шли впередъ, приближались все болѣе, входили за рѣшетку и наконецъ проникали во дворецъ, изумленные такою легкою побѣдою.

Во всемъ дворцѣ были видны слѣды недавняго бѣгства, непредвидѣннаго и быстраго. Завтракъ еще не былъ убранъ; народъ сосчиталъ серебро, связалъ его и положилъ въ безопасное мѣсто.

Вообще первые вошедшіе во дворецъ оставили въ покоѣ все, кромѣ трона. Народъ, увидѣвши этотъ осязательный знакъ исчезнувшей королевской власти, привѣтствовалъ его побѣднымъ крикомъ. Кто-то взошелъ на ступени, сѣлъ на королевское мѣсто и важно поклонился окружающимъ. Громкій хохотъ раздался въ этой залѣ. Каждый въ свою очередь, повторилъ эту насмѣшку. Народъ

страха быть зарѣзаннымъ, и потомъ пошелъ тихо за повозкою, въ которой отвезли его убитыхъ товарищей. Этотъ фактъ, подтвержденный полицейскимъ коммиссаромъ Пале-Рояля, неопровержимо доказываетъ, что ни одинъ человѣкъ не задохнулся въ кордегардіи. Сверхъ того мы объяснили причину этого обстоятельства. Я повторяю: ни одинъ солдатъ не былъ убитъ послѣ сдачи кордегардіи; напротивъ, всѣ старались ихъ спасти.

возвратилъ себѣ свое самодержавіе: онъ овладѣлъ тономъ! онъ былъ королемъ!

Пройдя по заламъ, народъ дошелъ до дверей, которыя съ павильона Флоры открываются въ Луврскую галлерею. Тутъ его глазамъ представились триста муниципальныхъ гвардейцевъ и инженерныхъ солдатъ, спрятавшихся въ этомъ мѣстѣ. Съ ними оставался одинъ только офицеръ—Перренъ; остальные исчезли. Защищенные ничтожной баррикадой изъ стульевъ и скамеекъ, эти несчастные ожидали рѣшенія своей судьбы. Минута была для нихъ страшная; но человѣколюбіе взяло верхъ. Работники и національные гвардейцы дружески протянули руки муниципаламъ и даже отдали имъ часть своего платья. Шедшіе сзади, увлеченные примѣромъ, наперерывъ старались помочь этому переодѣванью. Такимъ образомъ всѣ муниципалы были спасены.

IV.

Въ это время народъ проникнулъ во всѣ части дворца. Знамя, обозначавшее обыкновенно присутствіе короля, было снято какимъ-то смѣлымъ мальчишкой. Всѣ окна, отпертыя съ шумомъ, наполнялись незнакомою съ этими мѣстами толпою. Эту радостную побѣду привѣтствовали многочисленными выстрѣлами. Со двора отвѣчали также выстрѣлами. Многіе за эту радость поплатились жизнью.

Издали эта стрѣльба была принята за битву. Ни одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ короля не могъ предполагать, чтобы онъ покинулъ Тюльери безъ всякаго сопротивленія; поэтому всѣ подумали, что во дворцѣ происходитъ послѣдняя, отчаянная борьба. Радикалы журналовъ: „Réforme“ и „National“ — Дорнесъ, Дюра, Малефиль, Бераръ, Альтонъ-Ше, Горео, Лагранжъ, Мондюи, Барраль и другіе сбѣжались къ Тюльери. Приверженецъ бонапартизма, полковникъ Дюмуленъ, сопровождаемый толпою вооруженныхъ

людей, пришелъ также ко дворцу. Но храбрость этихъ людей оказалось совершенно безполезною.

Кто-то предложилъ пронести тронъ по городу и потомъ сжечь его у подножія Іюльской колонны. Въ ту же минуту знамена, ступени и кресло были сняты и поставлены на повозку. Громадный кортежъ проходитъ чрезъ улицу Риволи, выходитъ на бульвары и, пройдя ихъ, вступаетъ на Бастильскую площадь. Тутъ сейчасъ же воздвигается позорный костеръ, и пламя превращаетъ въ пепелъ эту кучу мишуры.

Глубоко-характеристическій переворотъ! Въ 1792 году народъ образованный монархическою властью, яростно преслѣдуетъ своего короля-бѣглеца и бросаетъ его въ тюрьму. Въ 1848 году, народъ образованный революціей, оставляетъ бѣгущаго короля въ покоѣ, не удостоивая даже его своимъ любопытствомъ на столько, чтобы узнать въ какую сторону онъ бѣжалъ. Толпа того времени убиваетъ короля на площади, толпа настоящаго времени издѣвается только надъ тономъ и шутя сжигаетъ его.

V.

До сихъ поръ побѣда народа не была омрачена никакимъ разрушеніемъ. Является народъ, сражавшійся у Château d'Eau. Обагренные кровью своихъ товарищей, распаленные всѣми страстями борьбы, они уважали, покровительствовали и спасали своихъ побѣжденныхъ враговъ. Но страсти ихъ жаждали повода разразиться окончательно. Портреты короля разжигаютъ ихъ ярость: они срываютъ ихъ и топчутъ ногами. Это первое буйство влечетъ за собою другія: бюсты разбиты, зеркала служатъ мишенью и разлетаются въ дребезги, изодранные обои валяются въ пыли; фарфоръ изрубленъ въ куски, множество драгоцѣнныхъ вещей валяется по полу. Такимъ образомъ совершилось дѣло разрушенія.

Покои герцогини Орлеанской были спасены энергіею первыхъ вошедшихъ во дворецъ. Королевскіе брильянты и большая часть драгоцѣнностей были также спасены. Часы, съ которыхъ были сняты молотки, долго потомъ еще показывали тотъ часъ, когда началось это разрушеніе: двадцать минутъ втораго.

Между тѣмъ въ душѣ народа рождается болѣе высокая мысль, которая и овладѣваетъ имъ. Если королевской власти не существуетъ болѣе въ Тюльери, то она еще осталась въ Бурбонскомъ дворцѣ. „Въ палату! въ палату! Не нужно регентства! не нужно!“ кричатъ тысячи голосовъ. И тотчасъ составляется нѣсколько колоннъ въ двѣсти или триста человѣкъ каждая, чтобы идти въ палату депутатовъ.

VI.

Битва, возбудивъ всѣ страсти народа, привела ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ общему уровню. Радикалы всѣхъ оттѣнковъ шли къ одной цѣли, ровнымъ шагомъ. 24 числа утромъ, Марра первый объявилъ ультиматумъ республиканцевъ: отреченіе короля до полудня, въ противномъ случаѣ послѣ полудня приступъ къ Тюльери. Такимъ образомъ „National“ сдѣлался центромъ радикальнаго движенія. Сюда сходились всѣ бойцы этой партіи, а также и политическіе люди, чтобы высказать или укрѣпить свои чувства. Большая часть изъ нихъ соглашалась принять регентство, какъ мѣру временной необходимости; но идея о примиреніи слабѣла съ каждой минутой. Желанія, подстрекаемыя надеждой, уже стремились дальше.

Къ полудню внутренность и окрестности конторы редакціи были наполнены народомъ. Выставившись въ окна большой залы редакціи, редакторы, ихъ друзья и кліенты обмѣнивались новостями, ободреніями, возбужденіями и криками съ народомъ, толпившимся на улицѣ. Внутри залы толпилось шумное общество политическихъ людей, работниковъ, національныхъ

гвардейцевъ съ оживленными лицами и распаленными глазами. Въ этой безпорядочной толпѣ слышались отрывочныя слова: отреченіе, регентство, самодержавіе народа, лишеніе престола, республика. Но еще ничего не было яснаго, опредѣленнаго, не было ни одного голоса, ни одной мысли, которыя могли бы положить конецъ этому смутному волненію.

Однако уже живо чувствовалась необходимость яснаго рѣшенія, которое было бы формулировано всей партіей республиканцевъ. Такое рѣшеніе, быстро распространенное, дало бы движенію новый толчекъ, народу — положительное направленіе и указало бы блуждающимъ умамъ на какую нибудь цѣль.

Томасъ, Эмманюэль Араго, Сарранъ, Дюмериль (депутатъ С.-Омерскій), Шексъ (депутатъ Ліонскій), Аристидъ Гильберъ, Эдмондъ Адамъ, Поже, Бильодель, Шевалье, маіоръ Пуссенъ, Горео, Эли и другіе успѣли наконецъ нѣсколько возстановить порядокъ. Сарранъ занялъ президентское мѣсто, Дюмериль принялъ на себя обязанность секретаря, и началось правильное совѣщаніе (въ половинѣ перваго). Въ этовремя узнали объ отреченіи короля.

Въ немногихъ словахъ Сарранъ выставляетъ необходимость общаго дѣйствія и опредѣленной цѣли. Отреченіе есть фактъ несомнѣнный. Слѣдуетъ ли довольствоваться однимъ отреченіемъ? Не надобно ли пользоваться обстоятельствами, чтобы потребовать еще больше? Эмманюэль Араго начинаетъ говорить. Въ своей энергической рѣчи онъ выражаетъ то мнѣніе, что съ окончаніемъ революціи народу принадлежитъ право располагать собою, что онъ одинъ можетъ предписать себѣ законы, что, слѣдовательно, надобно думать объ организаціи временнаго правительства. Шевалье началъ говорить о регентствѣ; его слова были встрѣчены всеобщимъ неодобреніемъ. Сарранъ, Поже, Дюмериль и другіе горячо поддерживали мнѣніе, высказанное Араго. „Убійства на Капуцинской улицѣ,—сказалъ Дюмериль,—это исторія и могила королевской власти. Монархическое правленіе болѣе невозможно. Армія, какъ вид-

но изъ ея образа дѣйствій, за одно съ народомъ желала революціи. Народъ завоевалъ свою независимость; впередъ онъ не долженъ уступать свои права. Наша вѣра—свобода! Нашъ законъ—народное самодержавіе! Надобно достигнуть республики, а для этого надо образовать временное правительство.“ Другіе отказываютъ королю въ правѣ на отреченіе и требуютъ лишенія престола. Провозгласивши это лишеніе, народъ дѣлается распорядителемъ своей судьбы и тогда регентство становится дѣломъ немыслимымъ.

Въ скоромъ времени мысль объ учрежденіи временнаго правительства для организаціи республики дѣлается всеобщею. Марра, прибѣжавшій изъ палаты при извѣстіи объ отреченіи короля, формулируетъ эту мысль съ поразительною краткостью и точностью. „Вчера, сегодня утромъ мы бы еще согласились на мировую сдѣлку съ правительствомъ; но въ эту минуту народъ воленъ дѣлать, что ему угодно. Республика законна. Болѣе того: она необходима, она фактъ. Спорьте или нѣтъ—все равно. Что касается меня, то я твердо бы рѣшился чрезъ нѣсколько минутъ выставить къ народу прокламацію во имя республики“. И вслѣдъ за этимъ онъ возвращается въ палату.

Послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ вновь Эммануэлемъ Араго, Луи Бланомъ и Сарраномъ, единогласно рѣшено учредить временное правительство.

Но какія имена войдутъ въ составъ его? Изъ числа присутствующихъ, имена нѣкоторыхъ приняты, другихъ—отвергнуты. Всякій изъ избранныхъ членовъ былъ привѣтствуемъ громкими криками. Бюллетени, бросавшіеся изъ оконъ, извѣщали народъ о результатахъ совѣщанія и онъ выражалъ свое одобреніе горячими рукоплесканіями. Одинъ изъ членовъ собранія, предложившій Барро, какъ силу, которую было бы выгоднѣе имѣть на своей сторонѣ, чѣмъ противъ себя, вызвалъ возраженія; но на нихъ отвѣчали, что Барро только что была сдѣлана на

площади Согласія настоящая овація, что его популярность можетъ быть полезна. Барро принятъ. Луи Бланъ настаивалъ, чтобы двумъ частямъ республиканской партіи былосдѣлано одинаковое удовлетвореніе. Окончательный списокъ заключалъ въ себѣ слѣдующія имена: Дюпонъ де л'Эръ, Франсуа Араго, Мари, Гарнье-Паже, Ледрю-Ролленъ, Одилонъ Барро, Марра. Имена были объявлены народу, который утвердилъ этотъ выборъ своимъ одобреніемъ.

Луи Бланъ, недовольный тѣмъ, что обошли радикаловъ его партіи, удалился. Мартенъ (Страсбургскій депутатъ), который нѣсколько дней тому назадъ, предугадавъ ходъ событій, приготовилъ вмѣстѣ съ Гудшо и Мари списокъ членовъ временнаго правительства, побѣжалъ въ редакцію Réforme, съ цѣлью предупредить разногласіе.

VII.

Такимъ образомъ почти въ одно и то же время регентство было отвергнуто съ высоты баррикадъ, въ городской Думѣ, въ Тюльери, въ конторѣ журнала National. Одна только палата депутатовъ могла еще хоть сколько нибудь поддерживать его существованіе. Что могло бы случиться, еслибы этотъ послѣдній остатокъ монархіи, возстановленный въ Бурбонскомъ дворцѣ, поддержанный восемью тысячами человѣкъ, стоявшихъ на площади Согласія, поддержанный сочувствіемъ значительной части національной гвардіи и обаятельнымъ вліяніемъ женщины и ребенка на сердце народа, смѣло явился въ городской Думѣ? Надобно было во что бы то ни стало предупредить появленіе въ палатѣ герцогини Орлеанской и графа Парижскаго, надобно было немедленно получить согласіе избранныхъ членовъ, послать ихъ занять городскую Думу и заявить палатѣ депутатовъ волю народа. Это было трудное и опасное дѣло. Эммануэль Араго, Сарранъ, Поже, Шексъ и Дюмериль не колеблясь взялись за него.

Окруженные большимъ кортежомъ, они выходятъ на бульвары, идутъ черезъ улицу Риволи, гдѣ встрѣчаются съ войсками, вступаютъ съ ними въ переговоры, чтобы получить пропускъ, и приходятъ на площадь Согласія послѣ отъѣзда короля и до выхода герцогини Орлеанской. Видъ площади могъ внушить страхъ людямъ менѣе рѣшительнымъ: она вся была занята пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей. При видѣ этой массы войскъ, часть кортежа останавливается и отступаетъ назадъ; но депутаты идутъ впередъ. Генералъ Бедо идетъ имъ на встрѣчу, видитъ Араго, узнаетъ его, жалуется ему на положеніе, въ которомъ его оставили, безъ руководства, безъ инструкцій, и проситъ его потребовать приказаній отъ Тьера и Барро, которыхъ онъ считаетъ министрами. Араго проходитъ вмѣстѣ съ другими депутатами. Наконецъ они входятъ во внутренность дворца. Зала des Pas-perdus наполнена толпою депутатовъ, журналистовъ, политическихъ людей, національныхъ гвардейцевъ. Всѣ удивляются, всѣ привѣтствуютъ депутатовъ; только немногіе выражаютъ свое неудовольствіе. Въ это время входитъ Мари; Араго сообщаетъ ему списокъ. „Согласны ли вы?“ говоритъ онъ ему; „желаете ли вы заявить палатѣ объ учрежденіи временнаго правительства?“ —„Да, я согласенъ, немедленно отвѣчаетъ Мари, и сейчасъ взойду на трибуну“*). Въ это время вошла въ палату герцогиня.

VIII.

Сопровождаемая своимъ зятемъ, дѣтьми и преданными друзьями, герцогиня шла, окруженная рядами гвардейцевъ 2-го легіона. Въ залѣ des Pas-perdus конвой остановился. Герцогиня вошла въ палату, и пока для нея и ея сыновей

---

*) Карно сказалъ Мари: «Мы согласны бы принять регентство, но лучше добиться временнаго правительства, которое даетъ народу возможность выбрать то, что ему нужно.

приготовляли кресла въ амфитеатрѣ, у подножія трибуны, она пошла въ залу des distributions. Полковникъ Лемерсье, національные гвардейцы 10-го легіона, пришедшіе изъ Тюльери, чтобы присоединиться къ герцогинѣ, и нѣсколько другихъ гвардейцевъ 2-го легіона послѣдовали за ней въ залу, не смотря на запрещеніе. Пользуясь этимъ, Араго и его друзья вошли также туда, не смотря на сопротивленіе экзекуторовъ.

Такъ, по какому то чудесному сочетанію случайностей, въ палату депутатовъ входили въ одно и то же время представители временнаго правительства и регентства. Кто изъ нихъ преодолѣетъ? Въ этомъ заключался важнѣйшій вопросъ.

На часахъ палаты пробило половина втораго *).

IX.

Могущественный помощникъ готовился въ это время пустить въ ходъ силу своего слова и своего имени.

Незадолго до прихода герцогини Орлеанской въ одномъ изъ бюро палаты собрались для совѣщанія Ламартинъ, Бастидъ и Марра. Тутъ же присутствовали Гетцель и Бокажъ. „Вамъ извѣстно, сказалъ Марра, кто мы; вы знаете чего мы хотимъ. Мы республиканцы; значитъ—мы хотимъ республики. Но, если бы то, чего мы желаемъ, было невозможно; если бы мы были принуждены еще молчать; если бы для того, чтобы избѣжать борьбы, единственнымъ слѣдствіемъ которой можетъ быть одно только кровопролитіе, мы принуждены были принять регентство какъ мировую сдѣлку, то мы согласились бы на это подъ условіями, заранѣе опредѣленными, твердыми, съ гарантіями и уступками такого рода, чтобы возвратиться назадъ не было возможности, и, само-собою разумѣется, чтобы при этомъ были нетронуты наши республи-

*) Moniteur записалъ этотъ торжественный часъ.

канскія чувства, на торжество которыхъ мы будемъ надѣяться, къ осуществленію которыхъ будемъ стремиться".

Ламартинъ отвѣчалъ: „Я не знаю силы вашей партіи, но мнѣ извѣстна сила вашихъ идей. Монархическая форма правленія уже устарѣла для Франціи. Я думаю, что регентство было бы только неудачнымъ, мнимымъ примиреніемъ. То, чего не сдѣлалъ Луи-Филиппъ, не сдѣлаютъ женщина и ребенокъ. Подобное учрежденіе не удержится болѣе трехъ мѣсяцевъ. Мое мнѣніе таково, что если хотятъ устроить что нибудь прочное и избавить страну отъ новыхъ терзаній, то средство для этого надобно искать въ самомъ положеніи дѣлъ. Въ сущности, Франція—страна демократическая, въ сто разъ болѣе демократическая, чѣмъ она думаетъ. Она ничѣмъ другимъ и не можетъ быть. Доказательствомъ этого служитъ нетерпѣніе, съ которымъ она выноситъ власть королей, которые оспариваютъ ее другъ у друга въ продолженіе пятидесяти лѣтъ и которые не въ состояніи удовлетворить ея требованіямъ".

Бастидъ прервалъ Ламартина: „Слова Марра очевидно не имѣли другой цѣли, какъ дать полную свободу совѣщанію. Я счастливъ, что г-нъ Ламартинъ раздѣляетъ наши идеи; разумѣется, мы вовсе не думаемъ сходить съ той дороги, по которой мы идемъ двадцать лѣтъ, и тѣмъ болѣе теперь, когда успѣхъ—передъ нами".

Послѣ этого было условлено, что Ламартинъ будетъ говорить противъ регентства; что онъ внесетъ предложеніе о временномъ правительствѣ, или будетъ поддерживать его. Условившись такимъ образомъ, они разошлись, не рѣшивъ ничего относительно лицъ, для составленія этого правительства націи, возвратившей себѣ свое право на самодержавіе.

Ламартинъ, создавая свою великолѣпную эпопею о жирондистахъ, видѣлъ въ прошедшемъ великія судьбы революціи; въ будущемъ — великія судьбы республики. Неотразимое

влеченіе души человѣческой къ истинѣ есть божественный признакъ генія.

X.

Съ самаго утра депутаты, смущаемые событіями и жаждущіе новостей, собрались въ большомъ количествѣ въ палатѣ. Смотря на нихъ, легко было отгадать ихъ мнѣнія и результатъ засѣданія этого дня, еслибы имъ пришлось рѣшать извѣстные вопросы. Отъ консерваторовъ нельзя было услышать, какъ это было наканунѣ, изступленныхъ словъ и дерзкихъ вызововъ, — они обращались къ своимъ оппозиціоннымъ товарищамъ съ ласковыми взглядами и словами и съ самою любезною услужливостью; болѣе достойные изъ консерваторовъ старались скрываться въ толпѣ.

Вскорѣ ихъ томительное состояніе еще болѣе усилилось. Изъ дворца прибѣжалъ адъютантъ; онъ умолялъ оппозиціонныхъ депутатовъ стать посредниками между народомъ и королевскою фамиліей, которой угрожало нападеніе. Нѣсколько минутъ спустя Ластейри пришелъ извѣстить объ отреченіи короля. Но это ужь слишкомъ! Этому не вѣрятъ: нѣкоторые отвергаютъ справедливость этого извѣстія. Затѣмъ приходитъ Вату и подтверждаетъ этотъ фактъ. Наконецъ Тьеръ, съ отчаяніемъ, написаннымъ на его лицѣ, быстро входитъ и быстро исчезаетъ, крича: „Волна растетъ, растетъ! Все кончено!“ Смущеніе овладѣваетъ всѣми.

XI.

Президентъ палаты, Созе, блѣдный и растерявшійся, не знаетъ за что ему взяться. Слѣдуетъ ли ему открыть засѣданіе или нѣтъ? Въ дневномъ приказѣ было сказано: „Въ часъ засѣданіе въ бюро, преніе о преданіи суду министровъ; въ три часа — публичное засѣданіе, продолженіе преній о

привилегіяхъ Бордоскаго банка.“ Но эта программа засѣданій не имѣла уже теперь никакого смысла. Чѣмъ же ее замѣнить, что предложить, что говорить? Несчастный формалистъ искалъ въ своихъ регламентаціяхъ какого нибудь рѣшенія или указанія. Но онъ ничего не находилъ въ нихъ. Управлять событіями въ минуту кризиса могутъ только люди съ смѣлымъ характеромъ. Онъ ждалъ указанія министра; но министровъ уже не было, или еще не было.

Подавленный этимъ сомнѣніемъ, онъ рѣшился наконецъ, по требованію нѣкоторыхъ членовъ, взойти на президентское мѣсто. Онъ извинился передъ палатою, сказавъ, что важность обстоятельствъ, желаніе многихъ членовъ палаты и власть прежнихъ членовъ заставили его созвать немедленно палату и замѣнить собраніе въ бюро публичнымъ засѣданіемъ.

Шарль Лафитъ и Камбасересъ требуютъ, чтобы палата объявила свои засѣданія постоянными. Дютье настаиваетъ на томъ, чтобы отложить обсужденіе этого предложенія и возвратиться къ нему въ послѣдствіи. Президентъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, объявляя, что засѣданія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не рѣшено будетъ прекратить ихъ.

Послѣ этого разсужденія засѣданіе было пріостановлено. Мысли всего собранія были заняты тѣмъ, что происходило внѣ палаты; всѣ жаждали новостей. Одно за другимъ получены были извѣстія о распространеніи возмущенія, объ овиціяхъ генералу Ламорисьеру и Барро, о сомнительности ихъ успѣха, о несостоятельности Тьера въ отношеніи къ его мнѣніямъ, о назначеніи Барро президентомъ совѣта, объ отреченіи короля и его бѣгствѣ и о скоромъ прибытіи въ палату герцогини Орлеанской!

XII.

Средства защиты, которыми могла располагать палата, возбуждали не менѣе важныя опасенія.

Это собраніе, въ которое уже было на минуту ворвался народъ, собраніе, которому народъ угрожалъ уже впродолженіе двадцати четырехъ часовъ, и которое должно было сдѣлаться средоточіемъ власти и посредникомъ въ рѣшеніи судьбы монархической власти, было защищено только 90 человѣками 25-го линейнаго полка и карауломъ, состоявшимъ изъ отряда 7-го легіона. Къ десяти часамъ полицейскій коммиссаръ Ноэль получилъ отъ 10-го легіона, собиравшагося на Бургундской площади, подкрѣпленіе изъ 150-ти человѣкъ національныхъ гвардейцевъ. Этого еще было недостаточно, а между тѣмъ офицеръ главнаго штаба, развозившій приказанія, хотѣлъ отрядить эти 150 человѣкъ на Каррусельскую площадь. Командиръ этого отряда, Рамонъ де-ла-Круазеттъ не согласился оставить палату.

Недостаточность этихъ силъ, даже на случай простаго нападенія, была очевидна. Корсель, свидѣтель кроваваго столкновенія, бывшаго на площади Согласія, понялъ опасность и указалъ на нее и, поддерживаемый многими своими товарищами: Дюфоромъ, Фердинандомъ Барро, Шаслу-Лоба, Леономъ Фоше и другими, указалъ президенту на необходимость созвать къ палатѣ гораздо большее число войска. Это требованіе сильно затруднило Созе. Онъ ясно видѣлъ опасность и имѣлъ сильное желаніе предупредить ее, но правила, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться, не позволяли ему требовать военной силы. Могъ ли онъ до такой степени присвоить себѣ королевскую власть? Войска находились здѣсь, не далеко; надобно было только перевести ихъ съ площади Согласія на мостъ; но былъ ли президентъ въ правѣ распорядиться даже этимъ? Созе былъ противнаго мнѣнія. Слѣдовало по крайней мѣрѣ посовѣтоваться съ какимъ нибудь министромъ. Корсель, выведенный изъ терпѣнія, взялся отправиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ для полученія приказаній отъ того министра, котораго онъ тамъ найдетъ, если онъ только

найдетъ какого нибудь. Онъ не нашелъ никого. Барро, съ своей стороны, отправился въ генералу Бедо узнать отъ него, не можетъ ли онъ въ силу данныхъ ему инструкцій сосредоточить свои войска подлѣ палаты. Но въ эту минуту генералъ получилъ приказаніе прикрыть своимъ отрядомъ Тюльери и не могъ взять на свою отвѣтственность другое приказаніе, въ которомъ сверхъ того ему отказывали. Въ военной іерархіи одинъ только главный начальникъ имѣетъ право дѣлать распоряженія.

XIII.

Генералъ Рульеръ, командовавшій войсками на Каррусельской площади, говорятъ, получилъ утромъ два раза, черезъ посредство Бро, приказанія расположиться у палаты. Но, отъ того ли что приказаніе было дурно передано, или отъ того, что генералъ Рульеръ его не понялъ, или полагалъ, что кавалерія генерала Рено де-Сенъ-Жанъ д'Анжели и колонна Бедо могутъ служить достаточнымъ прикрытіемъ для палаты, только это приказаніе не было приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ генералъ Бедо, послѣ отъѣзда короля и выхода герцогини Орлеанской, безпокоимый тѣмъ что ему сообщилъ Барро, чувствовалъ всю опасность удалить войска даже для составленія аванъ-гарда, о которомъ ему говорилъ герцогъ Немурскій. Онъ ничего еще не зналъ о смѣнѣ маршала Бюжо, потому что никто не подумалъ увѣдомить его, что командованіе войсками перешло къ другому. Мучимый безпокойствомъ, онъ рѣшился отправиться въ палату, чтобы увидѣть маршала. Но попытка его была безполезна, потому что маршала здѣсь не было. Тогда онъ поспѣшилъ отправить въ палату своего адъютанта, капитана Фабара, чтобы получить приказаніе отъ Барро, котораго онъ продолжалъ считать президентомъ совѣта министровъ. Фабаръ, отыскивая безуспѣшно Барро, обратился къ одному депутату, котораго онъ не зналъ, чтобы передать

черезъ него порученіе генерала. Этотъ депутатъ былъ Курте, который не затрудняясь сказалъ, что вмѣшательство войскъ не нужно.

XIV.

Притомъ же палату нельзя было защищать ружейными выстрѣлами. Всѣ приказанія, отданныя съ самаго утра, клонились къ тому, чтобы избѣжать стрѣльбы и остановить ее вездѣ, гдѣ только она была начата. Въ ту самую минуту, когда герцогиня Орлеанская входила въ палату, герцогъ Немурскій отдалъ черезъ генерала Гурго *) одному офицеру національной гвардіи приказъ, написанный карандашемъ, прекратить огонь. Какъ же могъ Одилонъ Барро, представитель принципа примиренія, отдать другое приказаніе? И какъ бы могъ генералъ Бедо взять это приказаніе на свою отвѣтственность?

Если что было возможно, такъ это сосредоточить всѣ войска, которыми могли располагать, съ національной гвардіей во главѣ, на площади Согласія, на набережной и при входѣ въ четыре улицы, выходящія къ Бурбонскому дворцу. Подвижной массѣ инсургентовъ можно было противоставить неподвижныя, густыя, непреодолимыя массы войска. Эта простая мысль не пришла въ голову никому изъ тѣхъ людей, которые могли ее осуществить, ни герцогу Немурскому, находившемуся въ палатѣ, и во власти котораго находились войска, ни президенту палаты, Созе.

Люди съ иниціативой рѣдки. Привычка къ распредѣленію властей, къ правильнымъ и нетруднымъ распоряженіямъ притупляетъ у правительственныхъ людей эту высшую способность; а слѣпое повиновеніе убиваетъ ее въ военныхъ людяхъ. Какъ только замѣшается въ дѣло личная отвѣтственность того или другаго,

---

*) Этотъ фактъ сообщенъ мнѣ самимъ Гурго.

ими овладѣваетъ страхъ отвѣтственности, который деморализуетъ ихъ. Напротивъ того, иниціатива преобладаетъ въ народѣ, въ этомъ собирательномъ, безъименномъ, безотвѣтственномъ существѣ. Кризисы, уничтожающіе въ правительствѣ силу иниціативы, порождаютъ ее въ народѣ. Въ народѣ каждый себѣ начальникъ, начальникъ естественный, признаваемый и встрѣчающій повиновеніе со стороны тѣхъ, которыхъ онъ подчиняетъ себѣ своею смѣлостью. Тутъ предводители и предводительствуемые чувствуютъ одинъ порывъ, сообщаютъ его другъ другу; сила, вырвавшаяся изъ оковъ, удесятеряется и всѣ препятствія падаютъ передъ нею.

XV.

Между тѣмъ партія регентства нетерпѣливо ждала Барро и удивлялась его отсутствію. Онъ находился уже въ продолженіе трехъ четвертей часа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ это время продиктовалъ Дегувъ-Дененку, Ташро и другимъ телеграфическую депешу слѣдующаго содержанія:

„Король отрекся отъ престола. Герцогиня Орлеанская провозглашена регентшей. Все здѣсь идетъ къ примиренію.“

Къ нему приходила толпа депутатовъ, журналистовъ, политическихъ людей; всякій изъ нихъ приносилъ какую нибудь новость или совѣтъ. Одинъ предлагалъ созвать предварительныя собранія; другой говорилъ, что надобно примириться съ необходимостью республики; де-ла-Рошжакленъ предлагалъ свои услуги. Одни хотѣли итти въ палату депутатовъ, другіе — въ городскую Думу. Паньеръ замѣтилъ, что палата депутатовъ непопулярнѣе самого короля; что было бы безразсудно создавать новое правительство, которое будетъ опираться на нее; что черезъ это еще болѣе можно возбудить враждебное расположеніе народа. Барро слушалъ все это, все таки оставаясь нерѣшительнымъ, когда ему пришли сказать, что

герцогиня Орлеанская въ палатѣ и съ безпокойствомъ ждетъ его. Это извѣстіе сразу прервало всѣ разсужденія. Барро, сопровождаемый друзьями, отправился немедленно въ палату.

Нѣсколько минутъ спустя онъ входилъ въ залу засѣданій, оттуда сейчасъ же вышелъ, чтобы поговорить съ депутатами журнала „National“ въ одномъ изъ бюро, которое президентъ Созе нашелъ возможнымъ предоставить имъ.

XVI.

Депутаты были исполнены самой энергической рѣшительности. Прежде всего Эмманюэль Араго хотѣлъ взойти на трибуну, говоря, что уже болѣе не существуетъ депутатовъ и что онъ хочетъ говорить во имя народа. Ари-Шефферъ, Морнэ и другіе насилу его удержали и увели въ бюро № 2-й. Тутъ началось совѣщаніе.

Барро, Морнэ, де-Морни и депутаты: Э. Араго, Дюмериль, Сарранъ и другіе стояли вокругъ стола. Ихъ окружало большое число зрителей.

Дюмериль объяснилъ возложенное на него порученіе, объявилъ невозможность регентства и необходимость временнаго правительства. Сарранъ, обращаясь къ Барро, сказалъ ему, что изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ оппозиціи, никто болѣе его не помогалъ движенію и что поэтому они разсчитываютъ на его согласіе, на его преданность народу, успѣху котораго онъ такъ много споспѣшествовалъ. Араго прибавилъ: „Народъ желаетъ и требуетъ временнаго правительства.“ И онъ сообщилъ списокъ, составленный въ редакціи „National.“

На это Барро отвѣчалъ, что онъ никогда не былъ республиканцемъ, что онъ былъ далекъ отъ желанія приготовлять республику, что онъ имѣетъ либеральное направленіе и преданъ народу, что правительство женщины и ребенка достаточно обезпечиваетъ свободу народа и искренность представительнаго правленія; что онъ измѣнитъ своимъ убѣжде-

ніямъ, своимъ обязанностямъ и своей чести, если согласится быть избраннымъ въ члены временнаго правительства; что онъ не думаетъ, чтобы республика была своевременна и желаетъ регентства; что онъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы учредить его, и что вслѣдствіе этого онъ отказывается отъ сдѣланныхъ ему предложеній. „Вы отказываетесь, сказалъ одинъ изъ депутатовъ, — положимъ, но въ такомъ случаѣ вы не будете имѣть никогда права порицать тѣхъ, которые, обратившись къ вашей помощи, примутъ безъ вашего участія опасное порученіе.“

Послѣ этого объявленія всѣ разошлись и каждый возвратился въ засѣданіе, чтобы покончить борьбу монархической власти съ революціей.

XVII.

Теперь предоставимъ говорить самому „Монитеру“:

Въ половинѣ втораго *) возвѣщаютъ о намѣреніи герцогини Орлеанской и графа Парижскаго присутствовать въ засѣданіи.

Немедленно за тѣмъ герцогиня Орлеанская дѣйствительно входитъ въ палату, держа одной рукой графа Парижскаго, другой — герцога Шартрскаго. Множество членовъ, принадлежащихъ къ различнымъ парламентскимъ партіямъ, привѣтствуютъ ее криками: Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская! Да здравствуетъ графъ Парижскій! Да здравствуетъ, король! Да здравствуетъ регентша!

Герцогиня Орлеанская и ея дѣти занимаютъ мѣста въ,

*) Публичное засѣданіе было назначено въ три часа. Стенографы, услышавъ о томъ что будетъ происходить въ засѣданіи, явились послѣдовательно одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Лагашъ (Bon Eure), Лимузенъ Лагашъ (Célestin), Леманзуа, Мартенъ, Дюмутье, Гросселенъ (Emile), Лекьенъ Гросселенъ отецъ, Массіа. Въ эту торжественную минуту они показали большое усердіе, хладнокровіе и высокій талантъ. Они начертали памятную для исторіи картину. Исторія обязана сохранить ихъ имена.

креслахъ, поставленныхъ наскоро въ амфитеатрѣ, внизу трибуны. Герцогъ Немурскій сопровождаетъ герцогиню Орлеанскую. Нѣсколько офицеровъ и солдатъ національной гвардіи въ мундирахъ служатъ ей конвоемъ.

Въ залу входятъ также нѣсколько человѣкъ, не принадлежащихъ къ палатѣ; они занимаютъ оба прохода.

На всѣхъ лицахъ изображается сильное волненіе.

Лакроссъ, *среди шума:* я прошу позволить говорить Дюпену, который ввелъ въ палату графа Парижскаго.

Дюпенъ: Я не просилъ слова.

Многочисленные голоса: Говорите, говорите!

Дюпенъ, *на трибунѣ:* (Слушайте, слушайте!) Милостивые государи, вамъ извѣстно положеніе, въ которомъ находится столица, вамъ извѣстно какія манифестаціи недавно происходили въ ней. Результатомъ этихъ манифестацій было отреченіе Луи-Филиппа, который объявилъ въ одно и то же время, что онъ отказывается отъ власти, и даетъ право передать ее графу Парижскому съ регентствомъ герцогини Орлеанской.

(Сильныя восклицанія — многочисленные крики: Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ графъ Парижскій! Да здравствуетъ регентша!)

Милостивые государи, ваши привѣтствія, столь дорогія для новаго короля и для государыни регентши, уже не первыя: герцогиня прошла пѣшкомъ Тюльери и площадь Согласія сопровождаемая народомъ и національной гвардіей (браво, браво!), выражая желаніе, выходившее изъ глубины ея сердца, желаніе управлять съ глубокимъ сочувствіемъ къ общественному благу, волѣ народа, славѣ и благосостоянію Франціи (браво!).

(Дюпенъ сходитъ съ трибуны).

Нѣкоторые изъ членовъ палаты: Барро! Барро на трибуну.

Другіе члены: Его нѣтъ.

Дюпенъ, *съ своего мѣста:* Мнѣ кажется, что палата еди-

нодушно выразила недвусмысленное чувство, которое должно быть утверждено.

Многочисленные голоса: Да, да!

Различные голоса у лѣвой и крайней лѣвой стороны: Нѣтъ, нѣтъ! Подождемъ Барро! Временное правительство!

Дюпенъ: Пока будетъ принесенъ актъ объ отреченіи, который вѣроятно передастъ намъ Барро, я прошу, чтобы палата составила протоколъ о встрѣчѣ, сдѣланной здѣсь графу Парижскому, какъ королю Франціи и герцогинѣ Орлеанской, какъ регентшѣ. (Да, да! браво! — Нѣтъ! — Живое и всеобщее волненіе).

Президентъ: Милостивые государи, мнѣ кажется, что палата своимъ единственнымъ мнѣніемъ....

(Одобренія въ центрѣ. Возраженія съ лѣвой и съ правой стороны и со стороны зрителей, занимающихъ коридоры).

Дюпенъ: Я прежде всего заявляю привѣтствія народа и національной гвардіи....

(Мари требуетъ слова и всходитъ на трибуну. — Шумъ волненіе мѣшаютъ ему говорить).

Ламартинъ, *съ своего мѣста:* Я предлагаю господину президенту прекратить засѣданіе по двумъ причинамъ: — съ одной стороны изъ уваженія, внушаемаго намъ народнымъ представительствомъ, и съ другой — ради присутствія августѣйшей принцессы, находящейся здѣсь передъ нами. (Нѣтъ, нѣтъ! — Да!)

Президентъ: Палата должна прекратить засѣданіе до тѣхъ поръ, пока герцогиня Орлеанская и новый король не удалятся. (Нѣтъ! нѣтъ!)

(Герцогъ Немурскій и нѣсколько депутатовъ подходятъ къ герцогинѣ Орлеанской и повидимому предлагаютъ ей выйти. Принцесса, какъ видно, отказывается и остается на своемъ мѣстѣ).

Лербетъ, *обращаясь къ президенту:* Герцогиня Орлеанская желаетъ остаться здѣсь.

*

(Шумъ и волненіе усиливаются.)

Президентъ: Всѣ, безъ различія мнѣній, должны понимать, что въ присутствіи августѣйшей принцессы и ея сына обязанность каждаго соблюдать тишину и уваженіе.

(Разнообразные крики. — Мари продолжаетъ оставаться на трибунѣ. — Герцогиня Орлеанская и ея дѣти стоятъ въ амфитеатрѣ, окруженныя множествомъ депутатовъ.)

Удино: Я прошу у палаты минуту вниманія. (Слушайте, слушайте!) Здѣсь обращаются къ вашимъ великодушнымъ чувствамъ.

Вамъ уже говорили, что принцесса прошла сама пѣшкомъ съ своими дѣтьми Тюльери и площадь Согласія, встрѣчая вездѣ привѣтствія народа. Если она желаетъ уйти, пусть ей отопрутъ всѣ выходы, пусть окружатъ ее уваженіемъ, подобно тому какъ она была сейчасъ окружена уваженіемъ города Парижа.... (Возраженія). Если же она желаетъ остаться здѣсь, то пусть остается, и она будетъ права, потому что ее охраняетъ наша преданность. (Очень хорошо).

Президентъ: Нужно прежде всего предложить выйти отсюда всѣмъ, кто не принадлежитъ къ палатѣ. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Палата не можетъ продолжать засѣданія; господа, изъ уваженія къ палатѣ и конституціи, не угодно ли вамъ удалиться. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Въ это время герцогиня Орлеанская, повидимому, уступаетъ предложеніямъ, съ которыми къ ней обращаются; предшествуемая герцогомъ Немурскимъ и сопровождаемая своими дѣтьми, она всходитъ на ступени залы черезъ средній проходъ, который ведетъ къ дверямъ, находящимся подъ часами. Подойдя къ послѣднимъ скамейкамъ лѣваго центра, она среди привѣтствій почти всей палаты садится здѣсь, окруженная по прежнему своимъ кортежомъ. Депутаты крайней лѣвой стороны остаются на своихъ мѣстахъ хладнокровными зрителями. Число національныхъ гвардейцевъ и людей не принадлежа-

щихъ къ палатѣ прибываетъ съ каждой минутой въ проходахъ.

Президентъ: Я снова предлагаю удалиться отсюда всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ палатѣ; палата должна сейчасъ открыть засѣданіе.

Мари, *обращаясь къ вооруженнымъ національнымъ гвардейцамъ:* Господа, уйдите, чтобы палата могла начать засѣданіе. (Нѣтъ, нѣтъ!)

Президентъ: Вспомните, господа, что народное представительство есть священный залогъ, ввѣренный попеченію города Парижа и національной гвардіи; палата не можетъ начать засѣданіе въ присутствіи постороннихъ людей. (Нѣтъ, нѣтъ!)

(Въ это время въ залу входитъ Одилонъ Барро. Къ нему подходитъ множество депутатовъ.)

Осмонъ: Надобно, чтобы Барро говорилъ.

(Мари, оставаясь на трибунѣ, собирается говорить.)

Нѣсколько голосовъ: Одилонъ Барро! Одилонъ Барро!

Кремье: Дайте говорить Мари, Одилонъ Барро успѣетъ.

Мари: Милостивые государи, положеніе, въ которомъ находится Парижъ, не позволяетъ вамъ терять ни одной минуты для принятія мѣръ, которыя могли бы имѣть власть надъ народомъ. Съ этого утра зло приняло большіе размѣры и если вы станете еще тратить время въ безполезныхъ сужденіяхъ, вмѣсто того, чтобы принять мѣры, то нельзя знать до чего можетъ дойти безпорядокъ; слѣдовательно необходимо на что нибудь рѣшиться. Но на что рѣшиться? Только что было провозглашено регентство герцогини Орлеанской; у васъ есть также законъ, назначающій регентомъ герцога Немурскаго; въ настоящую минуту вы не можете утвердить регентства; вы, конечно, должны повиноваться закону. Однакожъ надобно обдумать. Надоб-

но прежде всего, чтобы во главѣ столицы, также какъ и во главѣ королевства, стало сильное правительство; я предлагаю учредить временное правительство. (Браво, браво! на трибунахъ). Когда будетъ учреждено это правительство, то оно приметъ необходимыя мѣры; оно можетъ дѣйствовать согласно съ палатою и будетъ имѣть власть въ этой странѣ; рѣшившись на это сейчасъ же, надобно объявить это Парижу; это единственное средство возстановить спокойствіе; въ подобную минуту не нужно терять времени на пустословіе.

Вотъ, господа, въ чемъ заключается мое предложеніе.

(Женудъ идетъ къ трибунѣ; нѣкоторые члены уговариваютъ его не говорить).

Женудъ: Мои интересы — интересы государства.

Нѣсколько членовъ: Оставьте въ сторонѣ свои интересы.

Кремье: Невозможно, чтобы въ подобную минуту всѣ были согласны провозгласить герцогиню Орлеанскую регентшей и графа Парижскаго королемъ; народъ не можетъ сейчасъ же принять это провозглашеніе; мы слишкомъ поспѣшили въ 1830 году и теперь, въ 1848, принуждены опять начать наше дѣло. (Браво, браво!) Мы не желаемъ, господа, торопиться въ 1848 году; мы хотимъ поступать правильно, законно и твердо.

Временное правительство... (Браво, браво!), которое вы назначите, будетъ заботиться не объ одномъ только порядкѣ, но также и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя должны покровительствовать всѣмъ классамъ народа, что̀ и было обѣщано народу и чего онъ не могъ добиться съ 1830 года. (Браво, браво!)

Что касается меня, то я могу вамъ сказать, что питаю самое глубокое уваженіе къ герцогинѣ Орлеанской.... (Браво, браво! — эти браво, раздающіяся въ центрѣ палаты, заглушаются криками и шумомъ на трибунахъ).... и я только что про-

водилъ (я имѣлъ эту печальную честь) королевскую фамилію до самихъ экипажей, которые уносятъ ее въ настоящее время; я исполнилъ свой долгъ и прибавлю, что весь народъ, находившійся на дорогѣ, очень хорошо принялъ несчастнаго короля и его несчастное семейство. (Шумное волненіе). Но въ настоящее время, господа, большинство парижскаго населенія и вѣрная національная гвардія высказали свое законное мнѣніе; такимъ образомъ провозглашеніе регентства, которое предложено вамъ въ настоящую минуту, нарушило бы уже существующій законъ.

Назначимъ временное правительство; пусть оно будетъ справедливымъ, твердымъ, сильнымъ, преданнымъ государству; пусть оно съумѣетъ дать понять націи, что если у нея есть права, которыя всѣ мы съумѣемъ ей дать, то въ то же время у нея есть и обязанности, которыя она должна умѣть выполнять.

Вѣрьте намъ немного, мы васъ умоляемъ объ этомъ; мы въ настоящее время пришли къ тому, что намъ должна была дать Іюльская революція; мы не хотѣли перемѣны нѣсколькихъ людей; съумѣемъ воспользоваться событіями и не будемъ оставлять нашимъ дѣтямъ заботы возобновлять эту революцію.

Я предлагаю учредить временное правительство, составленное изъ пяти членовъ. (Одобреніе съ лѣвой стороны въ трибунахъ).

Женудъ: Я спрашиваю у всѣхъ.... (Шумъ). Вы не можете учредить ни временное правительство, ни регентство; если вамъ нужно что нибудь сдѣлать, то вы должны созвать народъ (Шумъ). Я говорю, что нельзя ничего сдѣлать безъ согласія народа. Въ 1830 году вы не призвали народа, — смотрите что теперь случилось; теперь можетъ быть то же самое, и вы увидите, что самыя ужасныя несчастія произойдутъ изъ того, что вы сдѣлаете сегодня. (Волненіе).

Одилонъ Барро (Слушайте, слушайте!): Никогда мы такъ не нуждались въ хладнокровіи и осторожности! (Правда!) О, еслибы всѣхъ васъ соединяло одно общее чувство—желаніе

спасти страну отъ самаго ужаснаго бѣдствія, отъ гражданской войны. (Очень хорошо, очень хорошо!) Народы не умираютъ, но могутъ ослабѣвать отъ внутреннихъ раздоровъ, и Франція никогда такъ не нуждалась во всемъ своемъ величіи и силѣ.

Наша обязанность ясна. Она, къ счастію, понятна всей націи; она касается всего, что есть въ націи великодушнаго и близкаго ея сердцу, — ея мужества, ея чести.

Іюльская корона покоится на главѣ ребенка и женщины. (Живое одобреніе центра).

(Герцогиня Орлеанская встаетъ и кланяется собранію. Она приглашаетъ графа Парижскаго послѣдовать ея примѣру, что̀ онъ и исполняетъ).

Одилонъ Барро: Я обращаюсь съ торжественнымъ воззваніемъ.

де-ла-Рошжакленъ: Вы не знаете, что дѣлаете.

(Герцогиня Орлеанская встаетъ, какъ будто съ цѣлью говорить).

Нѣсколько голосовъ: Слушайте, слушайте. Дайте говорить герцогинѣ!

Другіе члены: Продолжайте господинъ Барро!

Одилонъ Барро: Во имя политической свободы нашей страны, въ особенности во имя порядка, во имя нашего союза и нашего согласія въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, я прошу всю мою страну соединиться вокругъ этихъ представителей Іюльской революціи. Чѣмъ болѣе надобно будетъ поддержать величіе и сохранить великодушіе и тѣмъ возстановить чистоту и невинность, тѣмъ съ большимъ самоотверженіемъ будетъ дѣйствовать моя страна. Что касается меня, то я буду счастливъ пожертвовать моимъ существованіемъ, всѣми моими способностями, чтобы восторжествовало это дѣло, дѣло истинной свободы въ моей странѣ. (Браво въ центрѣ).

де-ла-Рошжакленъ: Я прошу слова.

Одилонъ Барро: Неужели мы опять станемъ возбуждать вопросъ о томъ, что окончательно порѣшено Іюльскою революціей? (Очень хорошо, очень хорошо!)

Господа, обстоятельства трудны, я съ этимъ согласенъ, но въ этой странѣ есть столько элементовъ великодушія, величія и здраваго смысла, что я убѣжденъ, что стоитъ только обратиться къ нимъ съ воззваніемъ, чтобы весь парижскій народъ сталъ вокругъ этого знамени. (Да, да!)

Въ этомъ заключаются всѣ средства, чтобы обезпечить свободу, на которую эта страна имѣетъ право разсчитывать; примирить ее со всѣми требованіями порядка, который ей такъ необходимъ; соединить всѣ живыя силы этой страны и пройти всѣ великія испытанія, которыя ее можетъ быть ожидаютъ.

Эта обязанность проста, она указана честью требованіями чести, частью истинными интересами страны; если мы не съумѣемъ выполнить ее съ твердостью, постоянствомъ и мужествомъ, то я не знаю, какія могутъ быть послѣдствія этого; но будьте увѣрены, какъ я сказалъ въ началѣ, что тотъ, кто не побоится взять на себя отвѣтственность гражданской войны въ сердцѣ нашей благородной Франціи, тотъ будетъ главнымъ виновнымъ, тотъ будетъ преступникомъ передъ своей страной, передъ свободой Франціи и цѣлаго міра.

Что касается меня, господа, то я не могу принять на себя этой отвѣтственности. Регентство герцогини Орлеанской, министерство, выбранное изъ людей съ самыми испытанными убѣжденіями, могутъ сильнѣе обезпечить свободу; и пусть тогда будетъ сдѣлано съ полною свободою воззваніе къ націи, къ общественному мнѣнію,—и сдѣлано такъ, чтобы не повлечь за собою вражды партій, обыкновенно знаменующихъ междуусобную войну.

Ледрю-Ролленъ: Я прошу слова.

Барро, *продолжая:* Дѣйствовать во имя интересовъ

страны и истинной свободы — вотъ мое мнѣніе; я не могу взять на себя отвѣтственности за иное положеніе дѣлъ.

де-ла-Рошжакленъ: Никто болѣе меня не уважаетъ и не чувствуетъ то, что есть прекраснаго въ извѣстныхъ положеніяхъ. Это не первый мой опытъ.

Скажу почтеннѣйшему Одилону Барро, что я не имѣю безразсуднаго желанія заявлять здѣсь противоположныя притязанія, — нѣтъ; но я думаю, что Одилонъ Барро, зайдя такъ далеко, служилъ тѣмъ интересамъ, для которыхъ онъ взошелъ на эту трибуну, не такъ какъ бы онъ хотѣлъ послужить имъ. (Шумъ).

Господа, неужели тѣмъ, которые прежде служили всегда королямъ, принадлежитъ теперь право говорить о странѣ и о народѣ?

Нѣсколько голосовъ: Хорошо! очень хорошо!

де-ла Рошжакленъ: Въ настоящее время вы здѣсь не имѣете больше никакого значенія!...

Въ центрѣ: Что вы! Что вы!

де-Морнэ: Мы не можемъ согласиться на это.

Президентъ: Милостивый государь, вы отступаете отъ порядка, я призываю васъ къ порядку.

де-ла Рошжакленъ: Позвольте мнѣ говорить.

Сказавъ, что вы не имѣете никакого значенія, я рѣшительно не хотѣлъ возбудить бурю. Не мнѣ, депутату, говорить вамъ, что палата депутатовъ не существуетъ болѣе какъ палата.... (Его перебиваютъ). Я говорю, господа, что надобно созвать націю и тогда....

(Въ это время толпа вооруженныхъ людей, національныхъ гвардейцевъ, студентовъ, работниковъ, входитъ въ залу засѣданій и проникаетъ до амфитеатра. Нѣкоторые изъ нихъ несутъ знамена. Въ собраніи происходитъ всеобщее волненіе. Большая часть членовъ, сидящихъ на среднихъ скамейкахъ, переходятъ на высшія скамейки. Тѣ, которые предводитель-

ствуютъ этой толпой, кричатъ: „Мы требуемъ низложенія короля, низложенія, низложенія!“)

Морнэ: Господинъ президентъ, пріостановите засѣданіе, но не закрывайте его въ настоящую минуту.

Президентъ, *надѣвая шляпу:* Въ настоящую минуту нѣтъ никакого засѣданія.

(Ораторъ, не принадлежащій къ палатѣ, Шевалье, бывшій редакторъ „Bibliothèque historique“, взбирается на трибуну. — Крики и всеобщее смятеніе).

Господа, говоритъ этотъ ораторъ, вѣрьте въ умѣренность моихъ словъ. (Шумъ. — Вы не имѣете права говорить!) Я пришелъ предложить вамъ единственное средство, которое можетъ вывести васъ изъ затрудненія. Если вы хотите спасти ваше дѣло, то вамъ остается сдѣлать только одно. Слушайте!... Не провозглашайте сами графа Парижскаго, но если герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій будутъ имѣть достаточно смѣлости, чтобы отправиться на бульвары, въ толпу народа и національной гвардіи, то я отвѣчаю за ихъ спасеніе. Если народъ не согласится предоставить ему власть....

Голоса въ толпѣ: Да здравствуетъ республика! (Довольно, довольно!)

Шевалье: Все, что вы должны сдѣлать въ настоящую минуту, это — дать намъ правительство, составить его сейчасъ же; вы не можете оставить цѣлый народъ безъ правителей; это первая обязанность, которой вы должны удовлетворить.... (Шумъ покрываетъ голосъ оратора). Надобно, чтобы графъ Парижскій былъ принесенъ въ палату на щитѣ.

Одинъ изъ членовъ палаты: Онъ только что пришелъ сюда! онъ здѣсь! если вы будете колебаться....

(Взоры обращаются къ вершинѣ амфитеатра, гдѣ сидѣли герцогиня Орлеанская и ея дѣти. Въ то время, когда въ залу вошла толпа, принцесса, принцы и сопровождавшіе ихъ вышли черезъ двери, находящіяся противъ трибуны).

Шевалье: Вы можете быть убѣждены. что республика будетъ провозглашена....

(Шумъ и смятеніе достигаютъ высшей степени).

(Гражданинъ въ офицерскомъ мундирѣ,—говорятъ, что это былъ Дюмуленъ, комендантъ городской Думы въ іюлѣ 1830 года, — всходитъ на трибуну и кладетъ на мраморную доску древко трехцвѣтнаго знамени).

„Господа, говоритъ Дюмуленъ, народъ снова завоевалъ теперь, какъ въ 1830 году, свою свободу и независимость; вы знаете, что тронъ только что былъ разбитъ въ Тюльери и выброшенъ въ окно.“

(Кремье, Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ появляются въ то же время на трибунѣ).

Голоса въ толпѣ: Нѣтъ болѣе Бурбоновъ! — Долой измѣнники! — Немедленно временное правительство.

(Смѣшанные крики. — Многіе депутаты уходятъ черезъ заднюю дверь).

Ледрю-Ролленъ, *обращаясь къ толпѣ:* Во имя народа, котораго вы служите представителями, я прошу васъ замолчать.

Голоса изъ толпы: Во имя Ледрю-Роллена, замолчите!

Ледрю-Ролленъ: Господа, во имя народа, я васъ прошу замолчать на минуту.

Голосъ изъ толпы: Временное правительство!

Могенъ: Успокойтесь! вамъ дадутъ временное правительство!

Ледрю-Ролленъ: Во имя народа вездѣ вооруженнаго, властителя Парижа, что бы противъ него ни дѣлали (да, да!), я протестую противъ той формы правленія, которую предложили съ этой трибуны. (Очень хорошо, очень хорошо! — Браво въ толпѣ). Въ этомъ случаѣ я выступаю съ моимъ мнѣніемъ не такъ какъ вы, т. е. не въ первый разъ, потому что въ 1842 году, во время преній по поводу закона о регентствѣ, я одинъ въ этой палатѣ объявилъ, что этотъ законъ не можетъ быть постановленъ безъ воззванія къ странѣ. (Правда!—Очень хорошо!)

де-ла-Рошжакленъ: А я!

Голосъ: Да! де-ла-Рошжакленъ говорилъ тоже самое!

Ледрю-Ролленъ: Вамъ только что говорили о славной революціи 1789 года. Мы должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы люди, говорящіе такимъ образомъ, знали настоящее значеніе этой революціи, и въ особенности не имѣли намѣренія нарушить конституцію.

Въ 1791 году, въ самомъ текстѣ конституціи было постановлено, что конституціонное собраніе, поймите хорошенько, конституціонное собраніе, при своихъ особыхъ правахъ, не имѣетъ права издать закона о регентствѣ, и что для изданія его необходимо обратиться съ воззваніемъ къ странѣ.

Многочисленные голоса: Да, да! — Это ясно.

Ледрю-Ролленъ: Таковъ самый текстъ конституціи 1791 года.

Но, господа, мы уже два дня сражаемся за наше право. И такъ, если вы будете сопротивляться и утверждать, что еще существуетъ правительство, принятое единогласнымъ мнѣніемъ, эфемерное правительство, которое разрѣшается революціоннымъ гнѣвомъ, то мы опять будемъ бороться во имя конституціи 1791 года, которая паритъ надъ нашею страной, надъ нашей исторіей и которая требуетъ обратиться съ воззваніемъ къ народу для того, чтобы регентство было возможно.

Голосъ: Иначе невозможно.

Ледрю-Ролленъ: Иначе невозможно никакое регентство....

Многочисленные голоса: Мы не хотимъ его!

Ледрю-Ролленъ: Невозможно никакое регентство, навязываемое такимъ способомъ, какой только что былъ пущенъ въ ходъ, который дѣйствительно очень страненъ и посягаетъ на права народа.

Какъ! съ разу, не давши намъ времени обсудить дѣло, вы, большинство, рѣшаетесь уничтожить законъ, который вы издали въ огражденіе нашихъ стремленій въ 1842 году. Нѣтъ,

вы не захотите этого. Это мѣра совершенно чуждая желаніямъ націй.

Во имя права, которое надобно умѣть уважать даже во время революціи, — потому что только одно право даетъ силу, — протестую за народъ противъ вашего новаго посягательства. (Браво, браво! — Да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ!)

Вы говорили о порядкѣ, о кровопролитіи. Ахъ! кровопролитіе ужасаетъ и насъ, потому что мы его видѣли ближе чѣмъ кто другой. Такъ мы еще объявляемъ вамъ вотъ что: кровопролитіе можетъ быть прекращено только тогда, когда будутъ удовлетворены принципы и право народа; и тѣ, которые только что сражались, будутъ сражаться сегодня же вечеромъ, если не признаютъ ихъ правъ. (Да, да!)

Во имя этого народа, который составляетъ все, я васъ спрашиваю: какого рода гарантіи даетъ намъ ваше правительство, которое вы только что возводили или пытались возвести на престолъ? (Браво въ толпѣ).

Одинъ изъ сидящихъ на среднихъ скамейкахъ, противъ трибуны, встаетъ и говоритъ: Я объявляю, что слова, произнесенныя здѣсь.... (Его перебиваютъ).

Депутаты, находящіеся подлѣ этого человѣка, просятъ его молчать. — Нѣтъ, нѣтъ, продлжаетъ онъ, я протестую....

(Общій шумъ. — Беребившій Ледрю-Роллена уведенъ изъ залы стараніями самихъ депутатовъ).

Беррье, *обращаясь къ Ледрю-Роллену:* Ускорите рѣшеніе вопроса! дѣлайте заключеніе! требуйте временное правительство!

Ледрю-Ролленъ: Господа, говоря такимъ образомъ во имя народа, я имѣю притязаніе оставаться въ предѣлахъ права и призываю два воспоминанія. (Кончайте, кончайте!)

Въ 1815 году Наполеонъ хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу Римскаго короля; нація встала и отказала въ своемъ согласіи.

Въ 1830 году Карлъ X хотѣлъ отречься отъ престола въ пользу своего внука; нація встала и отказала въ своемъ согласіи.

Беррье: Кончайте! мы знаемъ исторію.

Ледрю-Ролленъ: Въ настоящее время нація также встала и вы ничего не можете сдѣлать безъ того, чтобы не спросить ея мнѣнія.

Такимъ образомъ я требую, въ заключеніе, временнаго правительства (да, да!), назначеннаго не палатой (нѣтъ, нѣтъ!), но народомъ. Временнаго правительства и немедленнаго созванія конвента, для точнаго опредѣленія правъ народа. (Браво, браво!)

(Ламартинъ, остававшійся на трибунѣ, приближается, чтобы начать говорить).

Нѣсколько голосовъ: Ламартинъ! Ламартинъ! (Раздаются рукоплесканія. — Слушайте, слушайте!)

Ламартинъ: Господа, я, подобно каждому изъ васъ, вполнѣ раздѣляю то двойное чувство, которое только что взволновало это собраніе, при видѣ одного изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ, какія представляетъ намъ исторія человѣчества, при видѣ принцессы, защищающейся съ своимъ невиннымъ ребенкомъ и бросающейся изъ опустѣвшаго дворца въ среду народныхъ представителей. (Очень хорошо, очень хорошо! — Слушайте, слушайте! — Мы ничего не слышали! повторите!)

Я прошу позволить мнѣ повторить мои слова и прошу васъ выслушать слѣдующія. Я говорилъ, господа, что я подобно всѣмъ вамъ вполнѣ раздѣлялъ двойное чувство, которое только что взволновало это собраніе. И здѣсь я не дѣлаю никакого различія, потому что того требуетъ настоящая минута, между народнымъ представительствомъ и представительствомъ гражданъ всей страны, и сверхъ того — это минута равенства, и это равенство послужитъ, я

въ томъ убѣжденъ, только къ тому, чтобы признать іерархію въ дѣлѣ, которое было ввѣрено особеннымъ людямъ, не для того чтобы усмирить народъ, но для того чтобы подать первый знакъ къ возстановленію общественнаго мира и согласія. (Браво, браво!)

Но, господа, если я раздѣляю это душевное волненіе, внушаемое трогательнымъ зрѣлищемъ самыхъ великихъ человѣческихъ катастрофъ; если я раздѣляю уваженіе, которое воодушевляетъ здѣсь васъ всѣхъ, къ какому бы вы мнѣнію ни принадлежали, то не менѣе этого живо раздѣляю уваженіе къ этому славному народу, который борется въ продолженіе трехъ дней, чтобы наказать вѣроломное правительство и возстановить на несокрушимыхъ началахъ владычество порядка и свободы. (Рукоплесканія).

Но, господа, я не предаюсь мечтаніямъ, подобно тому какъ это было сейчасъ на этой трибунѣ; я не воображаю себѣ, чтобы можно было порывистыми криками одобренія, вызванными однимъ волненіемъ, однимъ чувствомъ общественности, установить прочное и непоколебимое право и создать правительство для тридцати пяти милліоновъ людей.

Я знаю, что правительство, созданное такимъ образомъ, можетъ быть такимъ же образомъ и уничтожено, и каково бы ни было правительство, созданное мудростью и интересами этой страны, въ кризисѣ, который мы теперь переживаемъ, необходимо, чтобы народъ, чтобы всѣ классы народа, всѣ, пролившіе въ этой борьбѣ каплю своей крови, создали правительство народное, прочное, непоколебимое. (Рукоплесканія).

Но, господа, какъ создать это правительство? Какъ его найти въ этихъ преходящихъ элементахъ, въ этой бурѣ, которая насъ всѣхъ уноситъ и гдѣ одна волна покрываетъ тотчасъ же другую волну, принесшую васъ въ эту палату? Какъ отыскать эти непоколебимыя начала? Проникнувъ въ самое сердце этой страны, извлекши изъ нея такъ сказать, эту великую тайну

народнаго права, изъ котораго истекаетъ всякій порядокъ, всякая истина, всякая свобода. Вотъ почему, будучи далекъ отъ того, чтобы прибѣгать къ увертkамъ, къ неожиданностямъ, къ волненіямъ, въ которыхъ страна, какъ вы теперь видите, раскаевается (да, да!), послѣ того, какъ всѣ эти вымыслы падаютъ рано или поздно, не оставляя по себѣ ничего прочнаго, ничего постояннаго, ничего истинно народнаго и непоколебимаго, — вотъ почему я пришелъ поддержать всѣми своими силами двойное требованіе, которое я первый сдѣлалъ бы съ этой трибуны, еслибы меня допустили взойти на нее въ началѣ засѣданія; требованіе, во-первыхъ: правительства, я это сознаю, вынужденнаго необходимостью, правительства необходимаго для возстановленія порядка, правительства, которое бы прекратило гражданскую войну.... (Крики одобренія).

(Одинъ изъ толпы, стоящій въ амфитеатрѣ, вкладываетъ свою саблю въ ножны, говоря: „Браво, браво!“)

Ламартинъ: Правительства, которое разрѣшило бы это страшное недоразумѣніе, нѣсколько лѣтъ уже существующее между различными классами гражданъ, — недоразумѣніе, которое, мѣшая намъ сознавать себя единымъ и нераздѣльнымъ народомъ, мѣшаетъ намъ любить другъ друга и открывать другъ другу объятія. (Очень хорошо, очень хорошо!)

Такимъ образомъ я требую, въ силу общественнаго спокойствія, въ силу проливаемой крови, въ силу права народа, могущаго прійти въ изнеможеніе отъ славнаго труда, которому онъ предается уже три дня, — я требую, чтобы учредили временное правительство... (Браво!) правительство, которое предварительно ничего не ограничиваетъ, ни нашихъ правъ, ни нашей мести, ни нашихъ симпатій, ни нашей злобы, относительно правленія, которое страна изберетъ себѣ окончательно, когда обратятся къ ея мнѣнію. (Такъ, такъ!). Такимъ образомъ я требую временнаго правительства. (Да, да!).

Со всѣхъ сторонъ: Имена членовъ временнаго правительства!

(Нѣсколько человѣкъ подаютъ списокъ Ламартину).

Ламартинъ: Подождите! По моему мнѣнію, первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ этого правительства будетъ установленіе мира и спокойствія между гражданами; вторымъ—позаботиться немедленно же о мѣрахъ необходимыхъ для того, чтобы созвать всю страну и узнать ея мнѣніе, узнать мнѣніе всей національной гвардіи (да, да!), мнѣніе всего государства, всѣхъ, соединяющихъ съ именемъ человѣка права гражданина. (Продолжительныя рукоплесканія).

Еще одно слово.

Власти, смѣнявшія другъ друга въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ....

(Въ эту минуту раздается снаружи сильный стукъ въ двери одной изъ публичныхъ трибунъ. Вскорѣ двери растворяются подъ ударами ружейныхъ прикладовъ. Въ палату входятъ народъ и національные гвардейцы съ крикомъ: „Долой палату! Нѣтъ болѣе депутатовъ!“ Одинъ изъ этой толпы направилъ дуло своего ружья на бюро. Раздаются громкіе крики: „Не стрѣляйте, не стрѣляйте! Теперь говоритъ Ламартинъ!“ Убѣжденный своими товарищами, этотъ человѣкъ опускаетъ ружье.

Президентъ, остававшійся на своемъ креслѣ, сильно звонитъ въ колокольчикъ, чтобы возстановить тишину.

Шумъ и волненіе достигаютъ высшей степени).

Президентъ: Я объявляю засѣданіе закрытымъ, потому что не могу добиться тишины.

(Послѣ этихъ словъ Созе оставляетъ свое кресло).

Засѣданіе палаты депутатовъ прекращается; но народъ, вооруженный ружьями и саблями, вмѣстѣ съ національными гвардейцами и нѣкоторыми изъ депутатовъ лѣвой стороны остаются въ залѣ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ волненія, Дюпонъ (de l'Eure)

садится на президентское кресло. Онъ окруженъ множествомъ людей, не принадлежащихъ къ палатѣ.

Ламартинъ продолжаетъ оставаться на трибунѣ.

Многочисленные голоса: Имена, имена членовъ временнаго правительства!

Ламартинъ старается покрыть своимъ голосомъ шумъ, который не утихаетъ, не смотря на его увѣщанія.

Нѣсколько голосовъ: Дюпонъ (de l'Eure)! Дюпонъ (de l'Eure)!

Другіе голоса: Онъ на мѣстѣ, тише! Слушайте его! (Да, да!).

Ламартинъ, *среди шума*: Я прочитаю сейчасъ имена....

Многочисленные голоса: Тише, тише!

Ламартинъ: Господа, я прочитаю сейчасъ имена. (Шумъ продолжается).

Араго, Карно.... (Шумъ все усиливается).

С....: Господа, Дюпонъ (de l'Eure) нашъ предсѣдатель....

Многочисленные голоса: Временное правительство!

С....: Дюпонъ (de l'Eure) назоветъ членовъ временнаго правительства. (Многочисленные браво раздаются на всѣхъ скамейкахъ).

Шевалье: Дайте же говорить, если вы хотите что нибудь сдѣлать.

Депутатъ Маріонъ, *обращаясь къ Ламартину*: Не сходите съ трибуны!

Голосъ: Выслушайте же обнародованіе именъ.

Человѣкъ вооруженный ружьемъ: Мы просимъ только замолчать на минуту; мы хотимъ только услышать имена людей, изъ которыхъ будетъ состоять правительство.

Другой человѣкъ: Отъ тишины зависитъ наше спасеніе. Я требую ее, чтобъ можно было слышать Дюпона (de l'Eure).

Голосъ: Дюпонъ (de l'Eure) прежде всего.

Другой голосъ: Да здравствуетъ республика!

*

(Многія лица окружаютъ Ламартина и просятъ его обождать, пока возстановится порядокъ, чтобы опять говорить).

Во имя народа, кричитъ одинъ изъ этихъ людей, замолчите! Позвольте говорить Ламартину.

Ламартинъ: Господа, замолчите на одну минуту! (На минуту наступаетъ тишина).

Господа, предложеніе, которое было сдѣлано, которое я пришелъ поддержать и которое вы освятили на этой трибунѣ вашимъ единогласнымъ одобреніемъ, это предложеніе уже осуществилось. Временное правительство будетъ провозглашено поимянно. (Браво, браво! — Да здравствуетъ Ламартинъ!).

Теперь, господа....

Многочисленные голоса: Назовите ихъ, назовите ихъ!

Ламартинъ: Ихъ сейчасъ назовутъ.

(Ламартинъ, подождавши немного чтобы возстановился порядокъ, удаляется за трибуну.

На трибуну всходитъ Дюмуленъ и старается, чтобъ его услышали, но за непрерывнымъ шумомъ нельзя разслышать его словъ).

Дюмутье, *стоя на бюро секретарей палаты*: Господа, васъ просятъ замолчать на нѣсколько минутъ, чтобы прочитать имена членовъ временнаго правительства; если вы не замолчите, то вы ничего не услышите и мы ничѣмъ не кончимъ. (Да! тише!).

Дюпонъ (de l'Eure): Вамъ предлагаютъ временное правительство. (Да, да! — Тише!).

Стенографы: Тише! Вамъ повторятъ имена!

Дюпонъ (de l'Eure): Вотъ имена! (Тише!).

Многочисленные голоса: Говорите имена, говорите имена!

Дюпонъ (de l'Eure): Араго, Ламартинъ, Дюпонъ (de l'Eure), Кремье.... (Шумъ и волненіе).

Ламартинъ: Тише, господа! Если вы хотите, чтобы члены

временнаго правительства взялись за дѣло, которое вы имъ ввѣряете, то надобно по крайней мѣрѣ, чтобы были провозглашены имена этихъ членовъ. Нашъ почтенный другъ не можетъ говорить среди этого шума.

Голосъ: Пусть будетъ извѣстно, что народъ не желаетъ королевской власти. Республика!

Нѣсколько голосовъ: Начнемъ немедленно совѣщаніе.

Голосъ: Сидя, сидя! Сядемъ! Займемъ мѣста проданныхъ.

Другой голосъ: Долой Бурбоновъ, давайте временное правительство и затѣмъ республику.

Де-ла-Рошжакленъ: Это не будетъ покража, а только возвращеніе займа.

Голосъ: Замолчите на минуту, въ противномъ случаѣ мы ничего не достигнемъ.

Другой голосъ: Мы требуемъ провозглашенія республики.

Дюпонъ (de l'Eure) послѣдовательно читаетъ слѣдующія имена, которыя громко повторяются нѣсколькими стенографами:

Ламартинъ. (Да, да!).

Ледрю-Ролленъ. (Да, да!).

Араго. (Да, да!).

Дюпонъ (de l'Eure). (Да, да!).

Голосъ: Бюро де Пюзи.

(Бюро де Пюзи дѣлаетъ знакъ отказа).

Дюпонъ (de l'Eure): Мари. (Да, да! — Нѣтъ!).

Нѣсколько голосовъ: Жоржъ Лафайетъ. (Да!—Нѣтъ, нѣтъ!).

Многочисленные голоса: Республика, республика!

Голосъ: Надобно чтобы члены временнаго правительства кричали: Да здравствуетъ республика! прежде чѣмъ они будутъ поименованы и приняты.

Другой голосъ: Я требую отрѣшенія отъ должности всѣхъ отсутствующихъ депутатовъ.

Голосъ изъ среды народа: Надобно отвести членовъ временнаго правительства въ городскую думу. Мы желаемъ имѣть

мудрое, умѣренное правительство; мы не хотимъ кровопролитія, но желаемъ республику!

Бокажъ: Въ городскую думу, съ Ламартиномъ во главѣ!

(Ламартинъ выходитъ изъ палаты сопровождаемый множествомъ гражданъ.

Послѣ его выхода шумъ продолжается въ толпѣ разсѣянной по скамьямъ палаты, по амфитеатру и въ корридорахъ).

Ледрю-Ролленъ: Граждане! вы понимаете, что, назначая временное правительство, вы совершаете важное дѣло.

Разные голоса: Мы не хотимъ временнаго правительства!— Нѣтъ, нѣтъ! временное правительство необходимо!

Ледрю-Ролленъ: Обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, требуютъ тишины и вниманія къ людямъ, которые готовы сдѣлаться представителями народа. Поэтому, выслушайте меня!

Мы приступаемъ къ важному дѣлу. Только что были сдѣланы возраженія. Временное правительство не можетъ быть назначено какъ нибудь. Позвольте мнѣ прочитать вамъ имена, которыя кажется провозглашены большинствомъ. (Тише! — Слушайте, слушайте!).

По мѣрѣ того, какъ я буду читать имена и смотря по тому будутъ ли они вамъ по сердцу или нѣтъ, вы будете говорить да или нѣтъ (Очень хорошо! — Слушайте!); и для того чтобы это было сколько нибудь оффиціально, я прошу господъ стенографовъ Монитера записывать имена, по мѣрѣ того какъ буду ихъ называть, потому что мы не можемъ представить Франціи имена, не одобренныя вами. (Говорите, говорите!).

Я читаю:

Дюпонъ (de l'Eure). (Да, да!).

Араго. (Да, да!).

Ламартинъ. (Да, да!).

Ледрю-Ролленъ. (Да, да!).

Гарнье-Паже. (Да, да! — Нѣтъ!).

Мари. (Да, да! — Нѣтъ!).

Кремье. (Да, да!).

Голосъ въ толпѣ: Кремье, но не Гарнье-Паже. (Да, да! — Нѣтъ!). Онъ умеръ, добрякъ!

Другіе голоса: Замолчите! — Тише.

Ледрю-Ролленъ: Кто не желаетъ, тотъ пусть подниметъ руку. (Нѣтъ, нѣтъ! — Да, да!).

Прошу васъ позволить мнѣ прибавить еще одно слово. Позвольте господа.

Только что назначенному временному правительству предстоитъ исполнить большія, громадныя обязанности. Надо будетъ закрыть засѣданіе, чтобы отправиться въ центръ правительства и принять всѣ необходимыя мѣры для прекращенія кровопролитія и тѣмъ освятить права народа.

Многочисленные крики: Да, да! въ городскую думу!

Ученикъ политехнической школы: Вы видите, что ни одинъ изъ членовъ вашего временнаго правительства не желаетъ республики! Мы будемъ обмануты какъ въ 1830 году.

Нѣсколько голосовъ: Да здравствуетъ республика!

Другіе голоса: Да здравствуетъ республика и Ледрю-Ролленъ! — Въ городскую думу, въ городскую думу!

Молодой человѣкъ: Центръ правительства не въ городской думѣ, а здѣсь.

(Ледрю-Ролленъ удаляется, сопровождаемый нѣсколькими гражданами).

Толпа, наполняющая залу, начинаетъ уменьшаться.

Одинъ молодой человѣкъ, кажется студентъ, напрасно усиливается говорить съ трибуны.

Одинъ гражданинъ всходитъ на трибуну, потрясая оружіемъ. Раздаются крики: Да здравствуетъ республика! Пойдемъ въ городскую думу!

Одинъ молодой человѣкъ у трибуны: Долой бюджетъ королевскихъ расходовъ!

Другой: Долой королевскую власть!

Кто-то вдругъ обращаетъ вниманіе на большую картину, находящуюся надъ бюро позади президентскаго кресла и представляющую принесеніе Луи-Филиппомъ присяги хартіи. Немедленно раздаются крики: Разорвать ее! Уничтожить!

Два человѣка, взобравшіеся на бюро, готовятся саблей и шпагой проткнуть картину.

Одинъ работникъ, находящійся въ амфитеатрѣ, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ, вскрикиваетъ: Постойте! я выстрѣлю въ Луи-Филиппа! Въ ту же минуту раздаются два выстрѣла. (Различные крики).

Другой работникъ немедленно бросается къ трибунѣ и говоритъ:

„Уважайте памятники! Уважайте частную собственность. Къ чему разрушать? Зачѣмъ стрѣлять въ картины? Мы показали, что нельзя дурно обращаться съ народомъ; покажемъ теперь, что народъ умѣетъ уважать памятники и чтить свою побѣду!“

Эти слова, произнесенныя энергически и краснорѣчиво, вызываютъ всеобщія рукоплесканія.

Народъ окружаетъ славнаго работника и спрашиваетъ его имя. Онъ называетъ себя Теодоромъ Сиксомъ, обойщикомъ.

Всѣ уходятъ изъ палаты.

Въ скоромъ времени зала совершенно пустѣетъ.

Пробило четыре часа.

XVIII.

Королевская власть была окончательно побѣждена, побѣждена безсиліемъ гражданскихъ учрежденій и всемогуществомъ народа. Ни обаяніе женщины, ни обаяніе ребенка не въ состояніи были поколебать рѣшеніе судьбы.

Совѣтъ избрать палату опорою послѣдняго усилія для спасенія королевской власти былъ рѣшительно гибельнымъ совѣтомъ.

Палата была уже безсильна, основанія ея подточены. Соучастница королевской политики, она была непопулярнѣе самаго короля. Какъ можно было предполагать, что народъ остановится передъ такою преградою? Какъ можно было думать, что, завладѣвши всѣми стратегическими пунктами, взявши городскую думу, Пале-Рояль, Тюльери, онъ не пойдетъ далѣе! Побѣда, полная и окончательная побѣда была тутъ передъ глазами народа, въ его рукахъ, и какъ же можно было думать, что онъ поколеблется воспользоваться ею?

И что же было въ самомъ дѣлѣ въ этой палатѣ? Какая была въ ней сила, какая точка опоры? Какое средство къ дѣйствію или сопротивленію? Правительственное большинство, парализованное ужасомъ; лѣвая династическая сторона, несомнѣнно преданная правительству, но увлеченная общимъ движеніемъ, приведенная имъ въ замѣшательство, потому что ей была извѣстна сила этого движенія, уничтоженная убѣжденіемъ въ томъ, что защищать регентство значило защищать погибшее дѣло; крайняя лѣвая сторона, враждебная правительству, ожесточенная опасностью и еще невѣрною побѣдою, рѣшившаяся бороться до конца; наконецъ, партія легитимистовъ, раздраженная живымъ воспоминаніемъ своего пораженія, своимъ восемьнадцатилѣтнимъ униженіемъ, непримиримая, неумолимая, уже замышлявшая довести до крайней степени побѣду, которая служила ей отмщеніемъ!—Вотъ каковъ былъ составъ этой палаты!

Предположимъ, что на палату не подѣйствовало бы это вліяніе общественнаго духа, которымъ проникнуто было все ее окружающее, что она не пришла бы въ смущеніе, что она не колеблясь отдала бы всѣ свои силы на служеніе правительству, что каждый, забывая о своемъ личномъ спасеніи, былъ бы готовъ пожертвовать собою для спасенія королевской власти, что большинство, твердо овладѣвши властію, уничтожило бы всѣ внутреннія препятствія и провозгласило бы регентство; словомъ, предположимъ невозможное. Что же, даже въ

этомъ случаѣ, дало бы рѣшенію палаты перевѣсъ передъ рѣшеніемъ народа? Уваженіе? Но его не было. Національная гвардія? Но она взялась за оружіе, чтобы помогать возмущенію. Армія? Но если она не защищала трона пока онъ еще былъ цѣлъ, то какъ же стала бы она защищать его теперь, когда онъ рушился? Въ состояніи ли было бы небольшое число буржуа, компрометированныхъ слишкомъ услужливою подачею голосовъ, добиться у арміи того, чего не могли добиться два молодыхъ принца, окрещенныхъ огнемъ битвы, чего не могли добиться извѣстные генералы и знаменитый маршалъ? А если бы, напротивъ того, она и пошла впередъ, рѣшилась бы вступить въ битву, то значитъ новое правительство въ первый же день своего существованія ознаменовало бы себя кровопролитіемъ!— Нѣтъ, въ ту минуту, когда герцогиня Орлеанская входила въ палату, она не могла найти въ ней корону! Дѣло ея было проиграно; она была побѣждена! Приказаніе, данное генералу Бедо, приготовить авангардъ по дорогѣ въ Сенъ-Клу и отсутствіе всякой другой военной предосторожности, доказываютъ, что герцогъ Немурскій ни мало не заблуждался на счетъ исхода этого дѣла и, исполняя свою послѣднюю обязанность, онъ не имѣлъ уже никакой надежды на успѣхъ.

XIX.

Это основное разстройство положенія дѣлъ еще усиливалось слабостью или неумѣньемъ людей. Одни изъ нихъ покинули дѣло, другіе слабо его поддерживали. Если ужъ хотѣли испытать счастія, то надобно было рѣшительно взяться за дѣло; надобно было не разсуждать, а дѣйствовать; надобно было опередить судьбу, принять рѣшеніе, объявить его войскамъ, показать имъ мать и ребенка, возбудить къ себѣ преданность, дѣйствуя на чувства; умиленіемъ подѣйствовать на сердца, а черезъ это и на образъ мыслей. Было

достаточно нѣсколькихъ словъ, а Барро произнесъ цѣлую рѣчь. Пока онъ говорилъ, явился народъ.

Съ этой минуты роли измѣнились. Теперь наступила очередь республиканцевъ дѣйствовать и ускорять исполненіе дѣла. Ледрю-Ролленъ не вполнѣ понялъ это. Онъ тоже произнесъ рѣчь. Не смотря на то, что время настоятельно требовало быстраго рѣшенія, не смотря на убѣжденія Беррье, онъ не торопился кончить *). Ламартинъ, напротивъ того, обнаружилъ несравненную ясность и энергію въ своихъ дѣйствіяхъ. Его рѣчь была не пустою риторскою забавою, а могучимъ рычагомъ политическаго движенія. Его рѣшенія, его мысли, его возбужденія стремились одно за другимъ съ быстротой и силою молніи; каждое слово было ударомъ. Въ началѣ Мари, затѣмъ Ламартинъ, — несравненный своею смѣлостію и искусствомъ, — и въ заключеніе Дюпонъ де-л'Еръ, какъ образцы честности, генія, добродѣтели, — таковы были въ палатѣ истинные могущественные служители революціи во время этихъ памятныхъ обстоятельствъ.

XX.

А надъ всѣми ими возвышался народъ! Движимый тою тайною, невидимою силою, которая есть душа массы и которая исходитъ отъ Бога, онъ поспѣвалъ вездѣ во время. Передъ государственными людьми онъ имѣлъ то преимущество, что ему принадлежала иниціатива движенія; онъ управлялъ этимъ движеніемъ безъ ихъ помощи, и безъ ихъ помощи привелъ его къ концу. Единодушнымъ, внезапнымъ порывомъ онъ установилъ власть, власть новую, созданную самимъ положеніемъ дѣлъ, провозглашенную имъ самимъ, тотчасъ же признанную и внушившею къ себѣ повиновеніе.

---

*) Говорятъ, что онъ хотѣлъ дать время собраться большей массѣ народа.

Нѣтъ! не народъ участвовалъ въ переворотѣ! — говорили впослѣдствіи,—но горсть заговорщиковъ, которые употребили во зло имя народа, его могущество и право. Не спорю, что народу было немного въ палатѣ. Но не въ счетѣ дѣло. Чѣмъ меньше это число, тѣмъ болѣе оно доказываетъ нравственную силу этихъ людей. Какъ, ихъ была только горсть, и вы не могли защитить отъ нихъ вашего короля, мать вашего короля! Ихъ была только горсть, и вы бѣжали! О, не клевещите такъ жестоко на самихъ себя. Нѣтъ, несправедливо, что король, принцы, маршалы, генералы, армія, палаты уступили усиліямъ нѣсколькихъ бродягъ-бунтовщиковъ! Несправедливо, что нѣсколько писателей, нѣсколько радикальныхъ депутатовъ съумѣли свергнуть какою то фантасмагоріей организованное правительство, имѣвшее въ своей власти армію, администрацію, полицію, казначейство. Если монархическая власть пала въ палатѣ, какъ въ городской думѣ; если какъ въ палатѣ, такъ и въ городской думѣ изъ хаоса развалинъ вышло спасительное правительство, то это потому, что люди, овладѣвшіе какъ палатой, такъ и городскою думою, носили въ своемъ сердцѣ страсти, энергію и волю ста тысячъ гражданъ всѣхъ состояній, всѣхъ профессій, возставшихъ въ Парижѣ для революціи. Эти люди составляли самый народъ, то есть силу движенія, тайное, неопредѣленное, всесильное могущество, которое все воздвигаетъ и окончательно разрушаетъ.

XXI.

Сверхъ того, толпа овладѣвшая палатой состояла изъ людей, которыхъ уже видѣли вездѣ, гдѣ была опасность: въ городской думѣ, въ Пале-Роялѣ, въ Тюльери. Первые, предводительствуемые Модюи, Барралемъ и другими, принадлежавшими къ 11-му легіону, капитаномъ 10-го легіона Дюное и двумя учениками политехнической школы, Лебленомъ и Віалемъ, подошли къ палатѣ лѣвымъ берегомъ Сены. Они

были удержаны на нѣкоторое время твердымъ сопротивленіемъ генерала Гурго, батальоннаго командира Рамонъ де-ла-Круазетъ и рѣчью Мари, который объявилъ имъ объ учрежденіи временнаго правительства. Въ то же время толпа разсѣялась по Бургонской улицѣ, перелѣзла черезъ рѣшетки и вошла во дворецъ. Одна колонна народа, прибѣжавшая черезъ Тюльерійскій садъ съ Жирарденомъ и полковникомъ Дюмуленомъ, сломала рѣшетки и вломилась силою. Другая, образовавшаяся во второмъ легіонѣ и увеличенная въ Тюльери нѣкоторымъ числомъ работниковъ, пришла вслѣдъ за тѣмъ подъ предводительствомъ Малефиля, Поже и другихъ. Наконецъ, послѣдняя колонна, нанесшая окончательный ударъ, состояла изъ гражданъ, большая часть которыхъ дралась передъ Château-d'Eau и участовала въ разграбленіи Тюльери. Опьяненные порохомъ, кровью и озлобленіемъ, они прибѣжали черезъ набережную d'Orsay.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Благородное поведеніе герцогини Орлеанской и герцога Немурскаго въ палатѣ депутатовъ. — Выходъ ихъ оттуда послѣ провозглашенія временнаго правительства. — Поспѣшное бѣгство – единственное обстоятельство, подвергавшее серьезной опасности герцогиню и ея сыновей. — Паденіе герцогини. — Прибытіе ея въ отель президентства. — Графъ Парижскій возвращенъ ей. — Герцогъ Шартрскій укрытъ въ одной изъ комнатъ дворца Бурбоновъ. — Переодѣванье герцога Немурскаго. Его безпокойство о невѣсткѣ. — Онъ находитъ ее въ замкѣ Инвалидовъ, гдѣ она нашла убѣжище. — Палата перовъ: закрытіе ея. — Послѣднія дѣйствія арміи: войска уходятъ съ площади Согласія. — Генералъ Бедо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Войска оставляютъ площадь Пантеона и возвращаются въ казармы. — Войска въ префектурѣ полиціи. — Мирное удаленіе Делесера и генерала Сентъ-Арно. — Безполезность этого поступка и оборонительныя мѣры. — Колонна рабочихъ, подъ предводительствомъ Картере, идетъ на префектуру. — Войска входятъ во внутренность дворца. — 10-й легіонъ, оставленный всѣми, удаляется; одинъ только офицеръ Жувансель остается и удерживаетъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ. — Картере переговаривается съ префектомъ, который удаляется и оставляетъ префектуру на его попеченіи. — Встрѣча Делесера и Рибокура. — Капитуляція. — Драматическія сцены. — Муниципальные гвардейцы отправляются черезъ мостъ de Change. — Нападеніе на нихъ на набережной Пелтье. — Они разбѣгаются во всѣ стороны. — Генералъ Сентъ-Арно укрывается у парижскаго мера. — Послѣдній кровавый эпизодъ февральской революціи. — Милосердіе народа послѣ битвы. — Итогъ убитыхъ и раненыхъ. — Возстановленіе порядка въ префектурѣ. — Картере временно принимаетъ префектуру въ свое вѣдѣніе. — Является Коссидьеръ. — Первыя дѣйствія его. — Собраніе въ редакціи журнала «la Réforme». — Составленіе списка членовъ временнаго правительства. — Назначеніе Этьена Араго директоромъ почтъ, Коссидьера—управляющимъ полиціей. — Этьенъ Араго вступаетъ въ свою должность. — Редакція журнала «National» признаетъ списокъ, составленный въ «la Réforme». — Мари и Карно отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Барро уже возвратился туда съ своими друзьями. — Онъ въ послѣдній разъ покушается устроить регентство. — Приказъ его отданный Берже. — Усилія Ламорисьера. — Отказъ Берже, признавшаго временное правитель

ство. — Надежды Барро рушатся. — Барро предлагаетъ Куртэ, Паньеру, Біеста, Арагону и Люно позаботиться о безопасности герцогини Орлеанской. — Онъ отказываетъ Мари и Карно на ихъ предложеніе пристать къ временному правительству. — Узнавъ отъ Мальвиля о событіяхъ въ городской думѣ и опасаясь за герцогиню Орлеанскую, онъ самъ спѣшитъ въ замокъ Инвалидовъ. — Члены временнаго правительства отправляются изъ палаты въ городскую думу. — Импровизація Ламартина передъ казармами Орсейской набережной. — Прибытіе въ думу.

I.

Что-же дѣлала среди этой страшной суматохи герцогиня Орлеанская? Мы видѣли, съ какою удивительною твердостью и достоинствомъ она держала себя въ продолженіе первой половины этой страшной сцены; это настроеніе не измѣнилось въ ней и тогда, когда народъ ворвался въ Тюльери и опасность начала грозить лично ей. Одно только чувство сильно заговорило въ ней — это было чувство матери; но она ни словомъ, ни звукомъ не обнаружила своего волненія. Спокойно слушала она окружавшихъ ее друзей и нѣкоторыхъ офицеровъ національной гвардіи, не покидавшихъ ее съ самаго выхода изъ Тюльери, и безъ колебанія соглашалась на самые энергическіе совѣты. Кремьё совѣтывалъ ей прочесть объясненіе такого рода. „Я и сынъ мой желаемъ, чтобы верховная власть была вручена намъ волею народа. Вдова герцога Орлеанскаго и сирота сынъ его будутъ съ полной довѣренностью ожидать рѣшенія, принятаго народомъ. Несомнѣнно, что, воспитывая моего сына, я буду внушать ему живѣйшія чувства любви къ отечеству и къ свободѣ!“ Нѣсколько разъ она собиралась говорить къ народу, но голосъ ея терялся въ общемъ шумѣ. Друзья ея, и даже самъ президентъ, совѣтовали ей оставить мѣсто, гдѣ она могла подвергнуться опасности, но она не соглашалась на это. Только тогда, когда провозгласили временное правительство, когда она увидѣла безсиліе своихъ друзей, разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, она не стала болѣе оспаривать у судьбы корону

своихъ дѣтей и обратила всю свою заботливость только на то, чтобы спасти ихъ самихъ.

Герцогъ Немурскій выказалъ такую же твердость характера. Узнавъ черезъ одного депутата, что жизнь его въ опасности, онъ однако не захотѣлъ покинуть жену и сына своего покойнаго брата. Исторія всегда скажетъ о немъ, что если онъ въ этомъ дѣлѣ не явился человѣкомъ способнымъ на какую нибудь иниціативу, то до конца оставался вѣрнымъ своему долгу.

II.

Ничто не мѣшало имъ выйти изъ палаты, потому что только одна зала была наполнена народомъ; остальныя же комнаты всѣ были пусты. Но не смотря на это, выходъ герцогини (совершившійся въ четвертомъ часу) принялъ характеръ бѣгства, а излишнее усердіе и поспѣшность друзей ея чуть было не погубили ее.

За скамьями депутатовъ идетъ круглый коридоръ, изъ котораго нѣсколько дверей выходятъ на лѣстницы, ведущія въ нижній этажъ залы.

Герцогиню привели къ двери, находящейся за скамьями лѣвой стороны, откуда она стала спускаться по лѣстницѣ, упирающейся въ узенькій коридоръ, оканчивающійся стеклянною дверью. Въ двухъ шагахъ оттуда на лѣво есть большая дверь, которая изъ залы des pas perdus ведетъ къ закрытымъ хорамъ; всѣ бросились въ этотъ узкій проходъ, гдѣ два человѣка едва могутъ идти рядомъ. Увлеченные преданностью или подъ вліяніемъ паническаго страха, адъютанты, офицеры національной гвардіи, депутаты,—всѣ столпились въ этомъ коридорѣ. Сжатая со всѣхъ сторонъ, принцесса не могла удержаться, скатилась по лѣстницѣ и прямо ударилась о стеклянную дверь. Ударъ былъ такъ силенъ, что, не смотря на желѣзныя рѣшетки, защищавшія стекло, одно изъ нихъ

разлетѣлось въ дребезги. Маленькіе принцы, которыхъ она до того времени вела за собою, при этомъ паденіи, выскользнули изъ ея рукъ. Несчастная мать испустила крикъ горести и материнскаго страха. Между тѣмъ дверь не подавалась; такъ какъ она отворялась внутрь, то чѣмъ сильнѣе былъ напоръ толпы, тѣмъ сильнѣе было ея сопротивленіе. Наконецъ, это препятствіе устранили. Герцогиня прошла залу des pas perdus и достигла отеля президентства, не переставая съ жалобными стонами требовать возвращенія разлученныхъ съ нею дѣтей.

III.

Маленькій графъ Парижскій, точно также какъ и мать его, едва не сдѣлался жертвою слѣпой преданности. Окружившіе его видѣли каждый другъ въ другѣ врага. Сезаръ, бывшій впослѣдствіи экзекуторомъ законодательнаго собранія, и Мартине, національный гвардеецъ 10-го легіона, человѣкъ благородный, оба преданные герцогинѣ и ея дѣтямъ, бѣшено дрались между собою, стараясь вырвать другъ у друга маленькаго графа. Бѣднаго ребенка мяли, толкали, роняли о полъ, снова поднимали. Каждый изъ спорящихъ тащилъ его къ себѣ; а онъ между тѣмъ не переставалъ громко плакать и призывать свою мать. Наконецъ, экзекуторъ собранія, Депортъ, не переставшій заботиться о его безопастности, До, Авонъ, его учитель Курте и еще двое приближенныхъ кое-какъ успѣли выручить его и отнести въ залу des pas perdus. Два офицера національной гвардіи, изъ которыхъ одинъ назывался Мари, выскочили чрезъ третье окно въ садъ президентства, приняли ребенка на руки, подбѣжали съ нимъ къ первому окошку нижняго этажа отеля, выбили одно стекло и, отворивъ окно, подали сына обезумѣвшей отъ горя матери.

Второй сынъ герцогини, герцогъ Шартрскій, выхваченный изъ толпы братомъ одного изъ швейцаровъ собранія,

Липманомъ, былъ пронесенъ чрезъ весь нижній коридоръ, о которомъ мы говорили выше, до залы конференціи. Эта зала была совершенно пуста. Липманъ быстро прошелъ мимо библіотеки, черезъ гардеробную, и привелъ маленькаго герцога въ третій этажъ, въ комнату своего брата. Къ матери ребенокъ былъ отведенъ только чрезъ нѣсколько часовъ.

IV.

Друзья герцога Немурскаго, убѣжденные, что ему грозила опасность, столпились вокругъ него и увлекли его въ залу des pas perdus. Тамъ, окруживъ его такъ, что грудь каждаго представляла ему надежную защиту, они сняли съ него всѣ знаки отличія, которые могли бы открыть народной ненависти его имя и положеніе. Снявъ съ себя платье и передавъ его Матье, ардешскому депутату, онъ надѣлъ пальто Оссонвиля. Круглая шляпа, надвинутая на глаза, довершила переодѣванье и сдѣлала герцога совершенно неузнаваемымъ.

Во все это время онъ, совершенно забывъ о себѣ, думалъ только о своей невѣсткѣ и упрашивалъ всѣхъ заботиться о ея безопасности; и только увѣрившись, что она внѣ всякой опасности, согласился уйти съ Жерве, однимъ изъ служителей палаты, въ комнату, гдѣ собиралась въ послѣднее время коммиссія бюджета. Здѣсь, чтобы окончательно переодѣть его, Жерве, бывшій солдатомъ національной гвардіи, отдалъ ему свой мундиръ, и Гонне, солдатъ десятаго легіона, вручилъ ему свое ружье, сказавъ: „Это ружье было при Аустерлицѣ и не принесетъ вамъ несчастія. Оно заряжено!“

Такимъ образомъ, въ платьѣ солдата и подъ именемъ Дюрана, герцогъ вышелъ изъ той самой палаты, куда еще недавно входилъ какъ принцъ крови и главнокомандующій. Дойдя до двора президентства, въ сопровожденіи лишь нѣ-

сколькихъ солдатъ національной гвардіи, онъ поспѣшилъ къ своей невѣсткѣ и безъ всякихъ приключеній отыскалъ ее уже въ отелѣ Инвалидовъ.

V.

По выходѣ герцогини изъ палаты, многіе изъ друзей ея совѣтовали ей укрыться между національной гвардіей; но другіе находили это опаснымъ, и потому рѣшили отвести ее въ отель Инвалидовъ, гдѣ она могла оставаться въ совершенной безопасности.

Небольшая карета, въ которой обыкновенно разъѣзжали курьеры президентства, и которая теперь была приготовлена на случай бѣгства президента и его семейства, стояла совсѣмъ готовая на дворѣ. Герцогиня сѣла въ нее съ своимъ старшимъ сыномъ. Офицеръ втораго легіона національной гвардіи, Бюрке, и Мартине, не покидавшій ее ни на минуту, сѣли на переднюю скамейку. Жюль де Ластейри взобрался на козлы съ кучеромъ и приказалъ ѣхать къ Инвалидному замку. Впереди кареты ѣхали Курте и статсъ-дама герцогини, г-жа де Венъ, а позади — Морне, Лезюэръ, Депортъ и небольшое число друзей, остававшихся вѣрными до послѣдней минуты, и національные гвардейцы, не захотѣвшіе покинуть жертвъ этого великаго несчастія *).

---

*) Читатель видитъ изъ этихъ подробностей, можетъ быть даже черезчуръ точныхъ, съ какимъ стараніемъ мы хотѣли изслѣдовать этотъ важный эпизодъ февральской революціи. Въ этомъ примѣчаніи мы прибавимъ подробности, которыхъ не допускаютъ предѣлы нашего разсказа.

Стенографы Монитера относятъ выходъ принцессы изъ палаты къ тому времени, когда туда ворвалась вторая колонна народа. Но это несправедливо. Многія лица, находившіяся въ засѣданіи и не покидавшіе герцогиню до послѣдней минуты, утверждаютъ, что она вышла только тогда, когда уже хоры были заняты послѣдней колонной, которой вооруженіе и угрожающіе крики заставили бѣжать президента Созе. Эта ошибка стенографовъ объясняется очень легко: сидя внизу каѳедры, они перестали видѣть

*

VI.

На сколько послѣднее засѣданіе палаты депутатовъ было шумно и тревожно, на столько засѣданіе перовъ было спокойно. Оно открылось въ половинѣ втораго и скоро закрылось, послѣ незначительнаго пренія о какомъ-то постановленіи. Народъ и не думалъ занимать палату перовъ, онъ едва зналъ о ея существованіи. Безсильная власть перовъ, не имѣвшая никакого твердаго основанія, не была опрокинута, она исчезла сама собою: послѣ безцвѣтнаго существованія, она тихо угасла.

VII.

Теперь только три позиціи были заняты войсками: площадь Согласія, занятая генералами Бедо и Рюльеромъ; Пантеонъ, прикрытый генераломъ Рено, и полицейская префекту-

---

герцогиню съ того времени, какъ приближенные ея стали вокругъ нея, ея дѣтей и герцога Немурскаго, чтобы защитить ихъ въ случаѣ опасности. По этой же самой причинѣ они думали, что принцесса, сидѣвшая у дверей противъ каѳедры, вышла именно въ эту дверь. Это опять ошибка, какъ показываютъ приведенныя выше подробности. Герцогъ и герцогиня съ дѣтьми вошли во дворецъ Бурбоновъ черезъ ворота, которые находятся противъ моста Согласія, а вышли оттуда тремя воротами: герцогиня выѣхала въ каретѣ изъ двора, гдѣ находятся конюшни президентства, герцогъ Немурскій въ маленькіе ворота, ведущіе въ аллею, которая идетъ изъ отеля въ Университетскую улицу, и наконецъ герцогъ Шартрскій черезъ ворота № 116.

Основываясь на этомъ подробномъ изслѣдованіи, мы можемъ сказать положительно, что при выходѣ изъ палаты ни герцогиня, ни дѣти ея, ни герцогъ Немурскій не подвергались никакой опасности со стороны народа. Никого изъ нихъ не преслѣдовали, никому даже не грозили. Единственная опасность, грозившая имъ, опасность дѣйствительно серьезная, была именно та, о которой мы говорили. Той же, которой желали избѣжать, и не существовало. Но окружавшая ихъ толпа, сбившаяся въ узкомъ проходѣ, суматоха, паническій страхъ, недовѣрчивость, слѣпое усердіе многихъ, вотъ что чуть было не погубило несчастныхъ бѣглецовъ. Герцогиня Орлеанская и ея дѣти съ трудомъ избѣжали гибели, въ которую вовлекли ихъ друзья, желая спасти отъ воображаемой опасности.

ра, занятая сильнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ генерала Сентъ-Арно. Кромѣ того, въ военномъ училищѣ находились нѣсколько полковъ и артиллерія, но здѣсь не мѣсто описывать событія, происходившія на этомъ пунктѣ.

Около трехъ съ половиною часовъ генералы Рюльеръ и Бедо узнали о происшествіяхъ въ палатѣ, о паденіи партіи регентства, удаленіи герцогини и герцога Немурскаго и назначеніи временнаго правительства. Съ этого времени присутствіе войскъ становилось безполезнымъ и даже опаснымъ. Генераловъ попросили увести войска и они рѣшились сдѣлать это. Оставшаяся пѣхота и кавалерія получили приказаніе разойтись по квартирамъ и войти въ соглашеніе съ національной гвардіей. Кавалерія отступила безъ всякаго препятствія; но пѣхота была почти совершенно обезоружена народомъ, безъ всякаго впрочемъ насилія, потому что солдаты и сами спѣшили отдавать свои ружья.

Генералъ Рюльеръ отправился домой. Что же касается генерала Бедо, то онъ отправился сначала въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы отыскать Одилона Барро, котораго считалъ членомъ временнаго правительства, а потомъ началъ отыскивать маршала Бюжо,—но напрасно. Переодѣтый въ статское платье, маршалъ оставилъ свою квартиру, нѣсколько времени бродилъ вокругъ палаты, а потомъ уѣхалъ по орлеанской желѣзной дорогѣ.

VIII.

Какъ мы уже говорили, еще съ полудня сообщенія съ Пантеономъ были отрѣзаны; но генералъ Рено, защищаемый оградой Пантеона, не робѣлъ. Однако сцены въ двѣнадцатомъ округѣ и въ Политехнической школѣ, стычки на сосѣднихъ баррикадахъ, постоянно возбуждая волненіе народа, дѣлало положеніе Рено болѣе и болѣе опаснымъ. Удача или неудача его зависѣли отъ случая.

Правда, что національная гвардія дѣлала все возможное чтобы успокоить народъ. Многіе офицеры уговаривали его, что такъ какъ онъ овладѣлъ уже всѣми позиціями, то ему не за чѣмъ было трогать генерала Рено, который и безъ того скоро долженъ будетъ сдаться. Подполковникъ Пупинель и помощникъ мера Жюбе старались убѣдить генерала въ безполезности его сопротивленія. Рено не могъ не согласиться съ ихъ доводами, но долгъ и честь не допускали его самовольно оставить ввѣренный ему постъ. Наконецъ въ два часа, узнавъ о состояніи столицы, убѣдясь, что только онъ оставался еще на своемъ мѣстѣ, что ему уже нечего и некого было защищать, и очевидно предстояло погибнуть безъ всякой пользы, онъ сознался, что прямой долгъ его теперь былъ— спасеніе своихъ подчиненныхъ. И такъ рѣшено было, что войско его, собравшись въ тѣсную колонну, имѣя въ главѣ и позади себя національную гвардію, отправится въ свои казармы. Народъ выказалъ полное уваженіе къ этой капитуляціи и даже, чтобы облегчить отступленіе кавалеріи, поспѣшилъ срыть баррикады, которыя потомъ тотчасъ-же возвелъ опять. Отступленіе совершилось въ полномъ порядкѣ.

Прибывъ въ казармы Муфтаръ, командиръ пятнадцатаго линейнаго, полковникъ Брюне, ввелъ своихъ солдатъ и сталъ благодарить національныхъ гвардейцевъ, какъ вдругъ народъ, направленный на этотъ пунктъ, ринулся къ дверямъ, и, не давая запереть ихъ, вторгнулся въ казармы.

Генералъ Рено отвелъ пятьдесятъ пятый линейный полкъ въ Лурсинскія казармы и вошелъ туда послѣдній. Капитанъ Лабонъ съ двадцатью солдатами національной гвардіи охранялъ дверь. Этотъ слабый пикетъ (полковникъ Пупинель, желая защитить разомъ всѣ казармы, былъ вынужденъ разбить на части небольшой отрядъ, находившійся въ его расположеніи) нѣсколько времени сдерживалъ народъ, но толпа постоянно прибывала, и усилія караула становились безполезными.

Народъ требовалъ оружія. Не смотря на всю невозможность сопротивленія, генералъ не хотѣлъ уступить безъ боя. Долго переговаривался онъ съ народомъ, убѣждая его пощадить его военную честь. Но упоеніе побѣды мѣшало толпѣ слушать, и генералъ увидѣлъ себя въ необходимости раздать ружья. Съ наступленіемъ ночи онъ удалился съ своими ординарцами.

IX.

Въ это же самое время въ полицейской префектурѣ происходила сцена болѣе поразительная, имѣвшая весьма трагическую развязку. Еще съ вечера здѣсь собрались вокругъ подполковника Пьера отряды муниципальной гвардіи, разогнанные мятежниками. Вмѣстѣ съ карауломъ занимавшимъ эту позицію, здѣсь было около 1500 человѣкъ, и кромѣ того находился батальонъ 10 легіона національной гвардіи. Делессеръ былъ еще въ префектурѣ и изъявлялъ неудовольствіе на то, что уже два дня не получалъ никакихъ инструкцій. Съ половины 11 главное начальство ввѣрено было генералу Сентъ-Арно, сдѣлавшему распоряженіе, какъ можно болѣе избѣгать всѣхъ возможныхъ столкновеній съ народомъ. Мы знаемъ, что въ это время желаніе установить миръ преобладало уже вездѣ.

Съ этою цѣлью префектъ и генералъ Сентъ-Арно рѣшились сами объѣхать всѣ набережныя; они объявили войскамъ и народу о мирномъ расположеніи двора, о новомъ министерствѣ и прекращеніи борьбы, чему служило доказательствомъ освобожденіе плѣнныхъ. Обманутые африканскимъ кепи генерала, солдаты и народъ кричали: „да здравствуетъ Ламорисьеръ!“ и ошибка эта послужила въ пользу Сентъ-Арно, тогда какъ Ламорисьеръ изъ за нее чуть было не погибъ. Однако благопріятное впечатлѣніе, произведенное всѣми этими новостями, было весьма непродолжительно; скоро обстоятельства снова приняли мрачный характеръ. Взятіе городской

думы зажгло соревнованіе во всѣхъ народныхъ отрядахъ. Спокойные до того времени, они сдѣлались теперь угрожающими. Встревоженные этимъ генералъ и префектъ приказали запереть всѣ ворота префектуры и для охраненія ея назначили 70-тый линейный, двѣ роты 14-го, взводъ 8-го драгунскаго, подъ начальствомъ командира 70-го линейнаго, полковника Бургона, и кромѣ того нѣсколько отрядовъ 10-го легіона.

X.

Въ часъ по полудни черезъ мостъ Сенъ-Мишель прошелъ 15-тый линейный полкъ, возвращавшійся изъ думы. Солдаты шли держа ружья прикладами вверхъ и казались скорѣе союзниками народа, чѣмъ побѣжденными; огромная толпа сопровождала ихъ. Человѣкъ двадцать рабочихъ съ лейтенантомъ національной гвардіи Картере отдѣлились отъ этого кортежа и подошли къ префектурѣ.

Это обстоятельство побудило полковника Бургона немедленно ввести свои войска во дворъ префектуры. Тогда 10-й легіонъ, видя себя совершенно оставленнымъ и зная при томъ объ отреченіи короля, покинулъ свою позицію. Только одинъ офицеръ Жувансель, прежде бывшій депутатомъ, видя критическое положеніе войскъ въ префектурѣ, остался на мѣстѣ и удержалъ съ собою 5 или 6 гвардейцевъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды стать посредниками между войскомъ и народомъ. Скоро прибыла сюда-же рота 11-го легіона съ капитаномъ Паранъ-Лаложъ, лейтенантами Бартелемье и Леруа и сержантомъ Эбраръ. Но этого было слишкомъ мало при такихъ обстоятельствахъ. Отступленіе 10-го легіона, которому при благоразумной предусмотрительности легко можно было помѣшать, повело за собою самыя печальныя послѣдствія. Увидя опустѣлыя набережныя, народъ разсыпался по нимъ и всею массою окружилъ гарнизонъ, запертый на дворѣ префектуры. Вокругъ всего зданія образовались посты для нападенія. На-

бережныя и даже глубокія окна сосѣднихъ домовъ покрылись нападающими. Самые смѣлые взобрались на крыши, нѣкоторые взошли на башни Notre-Dame. Къ нападающимъ присоединилось много любопытныхъ, которые съ жаднымъ нетерпѣніемъ ожидали приступа, какъ нѣкогда народъ римскій кровавой битвы въ циркѣ.

XI.

Между тѣмъ Картере, вошедшій въ префектуру въ качествѣ парламентера, выпросилъ у префекта ружья для своихъ людей, съ условіемъ употребить ихъ только для водворенія порядка. Въ это время Жувансель, Паранъ-Лалож и національные гвардейцы употребляли самыя благородныя усилія для обузданія толпы. Картере между тѣмъ, раздавъ ружья кому слѣдовало, снова пришелъ въ префектуру, съ двумя другими офицерами національной гвардіи, и повелъ переговоры съ префектомъ о сдачѣ позиціи. Переговоры трудные при неуступчивости и озлобленіи обѣихъ сторонъ.

„Правительство свергнуто!“ говорили представители народа. „Парижъ въ нашихъ рукахъ; вамъ нечего и некого защищать, и сопротивленіе ваше не имѣетъ никакой цѣли. Если завяжется битва, она будетъ смертельна. И какіе будутъ результаты ея? Излишнее пролитіе драгоцѣнной крови! Удалитесь-же добровольно; мы увѣряемъ васъ честью, что вы не будете оскорблены при вашемъ отступленіи“. Невозможно было не сознать всей справедливости такихъ доводовъ.

Но муниципальные гвардейцы не хотѣли и слышать о капитуляціи; въ отчаяніи, они рѣшились держаться до послѣдней крайности. Сентъ-Арно былъ въ сильномъ затрудненіи. Что было дѣлать? Заставить ли ихъ отступать насильно, или защищаться съ ними на смерть? Инструкціи правительства строго предписывали избѣгать кровопролитія, но военная честь требовала сопротивляться.

„Вы вѣдь не въ крѣпости“, продолжалъ Картере. „Вамъ держаться трудно. Въ префектурѣ сохраняются полицейскіе архивы, неужели вы согласитесь подвергнуть ихъ истребленію? Вѣдь это значитъ компрометировать безопасность всей Франціи“. Послѣ долгихъ споровъ, Делессеръ долженъ былъ уступить, и, поручивъ Картере и дежурному офицеру Элуэну позаботиться о сохраненіи архивовъ, около двухъ часовъ удалился съ старшимъ секретаремъ своимъ Пинелемъ, черезъ дворъ Гарлей. На площади Дофинъ онъ встрѣтилъ капитана 11-го легіона, Рибокура, съ нѣсколькими гвардейцами и попросилъ ихъ отправиться на помощь къ Картере и Паранъ-Лалоржу. Можетъ быть это излишнія подробности, но они необходимы для того, чтобы показать, что Делессеръ, оставляя префектуру, не былъ исключительно занятъ заботою о собственномъ спасеніи.

XII.

Оставшись одинъ, Сентъ-Арно продолжалъ переговоры; но чѣмъ дальше шли они, тѣмъ сильнѣе становились притязанія народа, тѣмъ болѣе возрастало сопротивленіе муниципальной гвардіи, а слѣдовательно и опасность положенія. Въ то время какъ взволнованная чернь колотила въ двери, гарнизонъ готовилъ оружіе. Посредники торопили генерала уступить и, взобравшись на окно, находящееся надъ большой дверью выходящею въ Іерусалимскую улицу, умоляли народъ подождать еще немного. Какъ только улаживалось какое нибудь условіе съ генераломъ, они спѣшили сообщить объ этомъ народу, который отвѣчалъ на это буйными криками.

Наконецъ и самый важный пунктъ переговоровъ былъ рѣшенъ: префектура очищается отъ войскъ, которыя имѣютъ право удалится со всѣмъ оружіемъ и багажемъ. Народъ согласился на это, но муниципальные гвардейцы отказались по-

виноваться. Новый взрывъ негодованія народа! Наконецъ муниципальные гвардейцы уступили просьбамъ и требованіямъ своего генерала. Но теперь уже народъ заупрямился. „Вы не хотѣли сдаться съ оружіемъ въ рукахъ, кричала толпа, такъ теперь выйдете безъ оружія! Остальныя войска кромѣ васъ имѣютъ право воспользоваться прежнимъ условіемъ“. Невыносимый позоръ для муниципальныхъ гвардейцевъ! они не вынесутъ его! Нѣтъ, тысячу разъ лучше заживо похоронить себя подъ развалинами префектуры.

И такъ, съ одной стороны была ярость, съ другой полное отчаяніе. Полтора часа продолжалось это ужасное состояніе, битва не начиналась. Наконецъ убѣжденія національныхъ гвардейцевъ и нѣкоторыхъ высшихъ административныхъ сановниковъ, а также приказанія генерала положили конецъ всему. Муниципальные гвардейцы рѣшились покориться своему несчастію.

Принесли знамя и обошли съ нимъ всѣ ряды. Солдаты бросились къ нему, окружили его, цѣловали его и со слезами прощались съ нимъ. Его поскорѣе унесли въ комнаты префекта. Тогда солдаты дрожащими отъ волненія руками взялись за свои ружья; трогательно прощались они съ ними, какъ съ вѣрными товарищами, и потомъ, блѣдные отъ гнѣва, бросали ихъ на землю, топтали ногами, разряжали свои пистолеты, разбивали ихъ о стѣны, ломали сабли, срывали съ себя эполеты и мундиры. „По крайней мѣрѣ“, говорили они, „нашему безпощадному врагу не достанется трофеефъ! не будетъ доказательствъ нашего униженія!“ Какое высокое проявленіе военной чести! Эти благородные остатки покрыли весь дворъ префектуры, и старые солдаты, печальные, убитые, равнодушные къ ожидающимъ ихъ насмѣшкамъ и къ сожалѣнію, еще болѣе оскорбительному, приготовились начать свое унизительное отступленіе.

XIII.

Наконецъ жертва была принесена. Ворота отворились (около половины третьяго). 300 человѣкъ муниципальной гвардіи подъ прикрытіемъ взвода національной гвардіи и роты 14-го линейнаго, подъ начальствомъ батальоннаго командира 10-го легіона Феврье, выступили черезъ дворъ Гарлей. Народъ разступился передъ ними молча; не слышно было ни одного крика. Кортежъ направился къ дому мера 11-го округа, куда прибылъ безъ всякихъ приключеній. На дорогѣ нѣкоторые солдаты вышли изъ фронта и разошлись куда хотѣли. За тѣмъ выступилъ 70-й линейный и направился черезъ набережную des Orfévres и Новый мостъ. По дорогѣ они раздали народу свое оружіе. Оставалась еще одна колонна, послѣдняя; она выступила въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди Венсенскіе стрѣлки, потомъ двѣ роты 70-го линейнаго, конная муниципальная гвардія и наконецъ пѣшая. Генералъ Сентъ-Арно ѣхалъ впереди. Храбрые и честные солдаты національной гвардіи прикрывали колонну со всѣхъ сторонъ. Безмолвно смотрѣлъ на нее народъ; ни словомъ, ни жестомъ не высказывалъ онъ угрозы или оскорбленія. Только одинъ крикъ раздался, — крикъ этотъ былъ: „уважайте побѣжденныхъ!“ Лѣвый берегъ Сены былъ свободенъ, благоразуміе требовало идти этой дорогой. Но Сентъ-Арно, котораго муниципальная гвардія не разъ упрекала впослѣдствіи, что онъ въ эти критическія минуты терялъ голову, повелъ отрядъ свой по правому берегу, усѣянному баррикадами и бойцами, потомъ повернулъ на лѣво черезъ улицу Барильери къ мосту au Change. Но здѣсь были уже не тѣ люди, которые предписали капитуляцію полицейской префектурѣ. На Цвѣточной набережной инсургенты, увидя предъ собою довольно большой отрядъ войска, первые ряды котораго были вооружены, сдѣлали залпъ. Однако эта непріязненная выходка тотчасъ была прекращена,

снова раздался охранительный крикъ: уважайте побѣжденныхъ, и колонна продолжала свой путь черезъ мостъ au Change и набережную de Gèvres.

Въ это время съ противоположной стороны показался отрядъ подъ предводительствомъ какого-то молодаго всадника со знаменемъ впереди. При видѣ муниципальной гвардіи народъ заволновался. „Вотъ убійцы народа!“ закричали сотни грозныхъ голосовъ, „надо обезоружить ихъ!“ И въ слѣдъ за тѣмъ, пропустивъ впередъ Венсенскихъ стрѣлковъ и линейное войско, они сдѣлали залпъ изъ ружей по муниципальнымъ гвардейцамъ. Другіе выстрѣлы посыпались изъ сосѣднихъ улицъ и набережныхъ. За тѣмъ началась страшная сумятица. Пѣшіе муниципалы разсыпались во всѣ стороны, конные понеслись во всю прыть къ городской думѣ, взобрались по катящимся камнямъ на баррикаду, возведенную на углу площади, разсыпались по всей площади, смяли толпу, разогнали ее и разбѣжались куда попало. При этомъ неожиданномъ появленіи, люди занимавшіе городскую думу вообразили, что на нихъ дѣлаютъ новое нападеніе и встрѣтили муниципальныхъ гвардейцевъ выстрѣлами, но какъ скоро замѣтили, что тѣ совершенно обезоружены, огонь и преслѣдованіе прекратились, всѣ двери открылись для побѣжденныхъ и каждый поспѣшилъ помочь имъ. Генералъ Сентъ-Арно, сбитый съ лошади, былъ окруженъ разъяренной толпой. Солдаты національной гвардіи спасли его *). Онъ бросился въ городскую думу, гдѣ нашелъ безопасное убѣжище у парижскаго мера. На другой день на набережной валялись еще трупы трехъ лошадей.

XIV.

Это былъ послѣдній кровавый эпизодъ Февральской революціи. Впослѣдствіи разсказывали еще много разныхъ нелѣпостей;

*) Между прочимъ адъютантъ 9 легіона Гальяръ.

говорили о замученныхъ муниципальныхъ гвардейцахъ, о заключенныхъ въ тюрьму солдатахъ, жертвахъ народной ненависти,—но все это клевета! Нѣтъ, въ эти достопамятные дни парижскій народъ не показалъ себя безчеловѣчнымъ. Едва только солдатъ слагалъ оружіе, какъ онъ дѣлался неприкосновеннымъ. Тѣ, кто искалъ убѣжища въ лавкахъ или домахъ, были охотно принимаемы и никто не покушался брать ихъ оттуда силою. Нѣтъ! столица цивилизаціи не сдѣлалась театромъ низкой мести; она не была опозорена злодѣяніями безжалостныхъ побѣдителей. Напротивъ того, всякій старался спасать побѣжденныхъ, помогать имъ. Бѣднѣйшіе люди укрывали ихъ съ такою же готовностью, какъ и самые богатые. Многіе рабочіе отдавали послѣднее платье даже этимъ муниципальнымъ гвардейцамъ, противъ которыхъ былъ такъ раздраженъ народъ. Можно сказать смѣло, что каждый изъ нихъ былъ непремѣнно чѣмъ нибудь обязанъ одному изъ гражданъ Парижа.

Наконецъ слова наши лучше всего подверждаются цифрою потерь, понесенныхъ муниципальной гвардіей и арміей. Въ продолженіе трехъ дней въ цѣломъ городѣ убито было 22 человѣка муниципальной гвардіи, 46 линейныхъ солдатъ и 4 офицера *). Въ народѣ убито 275 мужчинъ и 14 женщинъ; всего 289 человѣкъ. Число раненныхъ съ обѣихъ сторонъ пропорціонально числу убитыхъ **).

---

*) Оффиціальныя донесенія Hôtel de Ville полагаютъ число убитыхъ только въ 16 муниципальныхъ гвардейцевъ, 27 солдатъ и 4 офицера. Мы заимствовали наши свѣдѣнія изъ военнаго министерства. Разница произошла безъ сомнѣнія отъ того, что военное министерство считало въ числѣ убитыхъ и раненыхъ, умершихъ впослѣдствіи отъ ранъ.

**) Число поступившихъ въ парижскіе госпитали около 30 марта восходитъ до 641, изъ которыхъ 530 мужчинъ изъ народа, 94 военныхъ и 17 женщинъ. 104 человѣка изъ этого числа умерли. Считая еще пользовавшихся на домахъ, можно положить число раненныхъ до 1000 человѣкъ.

XV.

Какъ только войска оставили префектуру, 4-ая рота 2-го батальона 11 легіона заняла всѣ посты. Немедленно приставили караульныхъ къ кассѣ, архиву, тюрьмѣ, канцеляріи. Прибрали переломанное оружіе муниципальныхъ гвардейцевъ. Порядокъ, повидимому, былъ водворенъ. Національные гвардейцы оказали огромную услугу Парижу и цѣлой Франціи. Капитанъ Паранъ-Лалож, который, вмѣстѣ съ Картере и Жуванселемъ, выказалъ необыкновенное самоотверженіе и мужество, былъ потомъ смѣненъ капитаномъ де Рибокуромъ. Вѣрный обѣщанію, данному Делессеру, Картере вмѣстѣ съ Элуэномъ вступилъ въ отправленіе своей временной обязанности.

Въ 3 1/4 часа, среди всеобщаго спокойствія, прибылъ Косидьеръ съ Собрье и Делаодомъ. Онъ явился туда прямо изъ собранія въ редакціи журнала la Réforme и объявилъ, что временное правительство вручило ему полицейскую администрацію. Вступленіе свое въ новую должность онъ ознаменовалъ поступкомъ полнымъ большаго такта. Когда его хотѣли ввести въ комнаты префекта, онъ отказался войти туда. Не желая даже входить въ его кабинетъ, онъ помѣстился въ комнатѣ старшаго секретаря, и за тѣмъ приступилъ къ полицейскимъ распоряженіямъ и составленію прокламацій.

XVI.

Собраніе въ редакціи журнала la Réforme было устроено Луи-Бланомъ. Мы видѣли, что онъ ушелъ изъ редакціи National недовольный поступкомъ правительства въ отношеніи къ радикаламъ его партіи; послѣ этого онъ поспѣшилъ найти себѣ точку опоры въ контръ-манифестаціи. И потому въ два часа въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо, въ редакціи журнала la Réforme собралось уже человѣкъ двадцать редакторовъ и кліентовъ журнала, прибывшихъ изъ разныхъ

концевъ Парижа, преимущественно изъ Пале-Рояля и Тюльери. Скоро число это возросло до 40. Смотря на ихъ энергическія лица, на губы, почернѣвшія отъ пороху, на руки, не покидавшія оружія, даже во время совѣщанія, можно было подумать, что это скорѣе военный совѣтъ, чѣмъ политическое сборище. Президентомъ собранія былъ сначала избранъ Бонъ, но потомъ его замѣнили Мартеномъ (изъ Страсбурга), поспѣшившимъ сюда изъ редакціи журнала National, чтобы предупредить возможность непріятнаго столкновенія между двумя сильными республиканскими партіями. Здѣсь находились Флоконъ, Луи-Бланъ, Оберъ Рошъ, Форестье, Гуашъ, Гранмениль, Торе, Камиль-Боке, Тифенъ, Делаодъ и другіе. Скоро прибыли еще Этьенъ Араго, д'Альтонъ-Ше, Коссидьеръ, Собріе, Альберъ и еще нѣкоторые.

Началось совѣщаніе. По мнѣнію Бона, самою первою и насущною потребностью демократіи была организація ея власти, отъ этого зависѣлъ весь успѣхъ дѣла. Оберъ Рошъ разсказалъ объ очищеніи Тюльери, нападеніи на дворецъ и вторженіи въ палату. Но Луи-Бланъ снова поднялъ вопросъ, предложенный Бономъ и настаивалъ на необходимости организовать республиканскія правительства. Это было дѣйствительно дѣломъ особенной важности. Мартенъ (изъ Страсбурга) старался поддержать мнѣніе Луи-Блана, прибавивъ, что друзья его въ редакціи National готовы сойтись съ представителями газеты la Réforme, чтобы съ общаго совѣта составить новое правительство.

Съ принятіемъ этого рѣшенія, на общее обсужденіе предложенъ былъ слѣдующій списокъ: Дюпонъ де л'Еръ, Ледрю-Ролленъ, Франсуа Араго, Карно, Мари, Ламартинъ, Одилонъ Барро, Ламорисьеръ, Гарнье-Паже, Флоконъ, Луи-Бланъ, Марра, Одри де Пюйраво, Ламене, Беранже. Многіе изъ этихъ именъ возбудили ропотъ. По предложенію Бона, рѣшено было предлагать на обсужденіе каждое имя отдѣльно.

Дюпонъ де л'Еръ, Ледрю-Ролленъ, Араго и Луи Бланъ были приняты всѣми единодушно. Карно не приняли какъ автора брошюры, имѣвшей по мнѣнію журнала la Réforme характеръ слишкомъ примирительный. Противъ имени Мари тоже начались было возраженія, но онъ былъ депутатомъ 5 округа, а 5 легіонъ оказалъ партіи реформистовъ и всей революціи столько блестящихъ услугъ, что заслуживалъ вознагражденія, и потому Мари былъ принятъ. Ламартинъ былъ человѣкъ совершенно новый въ республикѣ, но геній вездѣ имѣетъ право гражданства; кромѣ того, это великое имя представляло залогъ союза департаментовъ и потому Ламартинъ былъ принятъ съ восторгомъ. Мартенъ (изъ Страсбурга) съ жаромъ поддерживалъ кандидатство Одиллона Барро, утверждая, что это имя было необходимо для присоединенія буржуазіи къ республикѣ, и что оно послужило бы вѣрнымъ доказательствомъ, что республиканская партія при самомъ основаніи своемъ жалала общаго союза. Но всѣ эти доводы не могли побѣдить закоренѣлаго предубѣжденія и Одиллонъ Барро былъ единодушно отвергнутъ. Нѣсколько замѣчаній послышались противъ Гарнье-Паже, но имя его внушало слишкомъ много уваженія, чтобы онъ могъ быть отвергнутъ. Беранже и Ламене были бы приняты съ энтузіазмомъ, но бремя власти показалось слишкомъ тяжелымъ для ихъ ослабѣвшихъ силъ. Имя Одри де Пюйраво, бывшаго тогда внѣ Парижа, почти прошли молчаніемъ. Марра и Флоконъ, какъ представители прессы въ правительствѣ, какъ представители журнала la Réforme и National, были приняты. (Флоконъ единодушно, Марра съ нѣкоторымъ затрудненіемъ). О Ламорисьерѣ сказано было, что бывши только поутру королевскимъ министромъ онъ не могъ въ тотъ же вечеръ сдѣлаться однимъ изъ вождей республики. Рекюръ, предложенный Коссидьеромъ, былъ принятъ единогласно.

XVII.

Въ этомъ спискѣ были представители Парижа, департаментовъ, національной гвардіи, прессы, литературы; не было только представителя того сословія, которое только что одержало такую славную побѣду, которое билось на баррикадахъ, произвело революцію, однимъ словомъ не было представителя народа. Луи-Бланъ потребовалъ, чтобы списокъ законченъ былъ именемъ какого нибудь рабочаго, и все собраніе единодушно согласилось. Одинъ изъ присутствующихъ рабочихъ предложилъ Паскаля, изъ мастерскихъ (Atelier), другой механика Альберта. Альбертъ пользовался гораздо меньшею извѣстностью нежели Паскаль, но какъ нарочно онъ вошелъ въ эту минуту и потому вопросъ былъ рѣшенъ въ его пользу.

И такъ, списокъ былъ оконченъ. Мартену (изъ Страсбурга) поручили сообщить его въ редакцію журнала National; другіе должны были передать его Ледрю-Роллену, для того чтобы онъ немедленно созвалъ въ Думѣ всѣхъ назначенныхъ членовъ. Наконецъ собраніе рѣшило, что Этьенъ Араго приметъ въ свое завѣдываніе почтамтъ, а Коссидьеръ полицію; потомъ всѣ разошлись съ крикомъ: „да здравствуетъ республика!“ — Было три часа.

Дѣйствія Коссидьера въ префектурѣ уже извѣстны намъ. Что касается Араго, то онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей отправился въ почтамтъ, велѣлъ проводить себя къ директору Дежану, депутату консервативной партіи, сообщилъ ему о своемъ назначеніи, рекомендовавъ себя предъ всѣми чиновниками, которые тутъ же признали его своимъ начальникомъ, и распорядился разослать повсюду курьеровъ, не смотря на всѣ препятствія, казавшіяся непреодолимыми.

Контора журнала National, извѣщенная Мартеномъ (Страс-

бургскимъ) не сдѣлала никакого возраженія *). Но въ палатѣ въ это время уже составилось свое правительство. Было слишкомъ поздно сообщить туда планъ, составленный въ конторѣ журнала la Réforme, и потому рѣшено было отнести его въ Думу.

XVIII.

Между тѣмъ Мари и Карно, отдѣлившись отъ кортежа, сопровождавшаго изъ палаты временное правительство, прибыли въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ порученіемъ объявить департаментамъ о совершившейся революціи.

Здѣсь находился Одиллонъ Барро. Послѣ нападенія народа на палату, онъ покинулъ мѣсто безполезной борьбы и, воображая, что еще можно было спасти дѣло регентства, возвратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. За нимъ послѣдовали немногіе изъ его друзей, а также три консервативныхъ депутата: Дарю, Шаслу-Лоба и Жанвіе.

Тутъ попытались они устроить партію противъ временнаго правительства. Они сдѣлали воззваніе къ преданности трехъ легіоновъ. Барро собственноручно написалъ къ Берже, меру 2-го округа:

„Во имя порядка, мы просимъ г. Берже прислать 2-ой легіонъ на площадь Биржи.

Од. Барро“.

Съ своей стороны Ламорисьеръ, едва спасшійся отъ смерти, раненный, изнуренный, побѣжалъ въ 10 и 11 легіоны, и пустивъ въ ходъ все свое энергическое краснорѣчіе, старался убѣдить ихъ принять сторону герцогини Орлеанской. Но все было напрасно. Берже, на котораго такъ разсчитывалъ Барро, отвѣчалъ, что онъ признаетъ временное правительство. Мнѣ-

*) Въ это время въ конторѣ National раздавали слѣдующую печатную прокламацію: «Нѣтъ болѣе Бурбоновъ, нѣтъ болѣе королевской власти! да здравствуетъ республика!»

ніе Гарнье-Паже, сообщенное Барро, окончательно разбило надежды послѣдняго. Убѣдившись въ невозможности сохранить для герцогини корону, Барро обратилъ свою заботливость на ея личное спасеніе и потому, узнавъ, что она находилась въ замкѣ Инвалидовъ, попросилъ Курте, Паньера, Біеста, д'Арагона и Люно отправиться къ ней, узнать ея послѣднія распоряженія и принять всѣ мѣры для ея безопасности, а самъ сталъ ожидать послѣдствій.

XIX.

Карно и Мари, прійдя въ министерство внутреннихъ дѣлъ, нашли Барро совершенно убитымъ. Онъ встрѣтилъ ихъ съ глубокой горестью. На ихъ убѣдительныя просьбы занять мѣсто въ новомъ правительствѣ онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, это невозможно. То, что совершилось сегодня, превзошло мои надежды и ожиданія. Я не могу слѣдовать за вами, я буду вамъ мѣшать. Оставьте меня въ неизвѣстности по крайней мѣрѣ хоть на нѣкоторое время. Но если Франціи понадобится лишній солдатъ, то вы найдете меня всегда готовымъ служить ей". Они продолжали упрашивать. „Нѣтъ, продолжалъ Барро. Они хотятъ провозгласить республику; я не буду идти противъ нея, не буду препятствіемъ для нея, но не могу содѣйствовать ея основанію. Вы—другое дѣло, вы можете сдѣлать это. Опасности и трудности, которыя представляетъ это служеніе, будутъ довольно велики, чтобы оно сдѣлалось святымъ долгомъ". Послѣ этого Мари и Карно оставили его, сдѣлавъ нужныя распоряженія, чтобы сообщить департаментамъ о составленіи временнаго правительства. Одиллонъ Барро остался ожидать приказаній герцогини Орлеанской. Скоро пришелъ къ нему Мальвиль, которому Гарнье-Паже поручилъ на короткое время заботу о безопасности министерства внутреннихъ дѣлъ, за что онъ взялся съ полною готовностью. Мальвиль передалъ ему о всемъ происходившемъ въ Думѣ, объ

учрежденіи временнаго правительства, о провозглашеніи республики, о волненіи въ народѣ и объ опасномъ положеніи принцессы вслѣдствіе того, что бѣгство ея сдѣлалось извѣстнымъ. Барро поспѣшилъ въ замокъ Инвалидовъ.

XX.

Толпа, которая только что съ такою силою нахлынула изъ Думы въ палату, теперь точно также бросилась изъ палаты къ Думѣ. Всякое правительство въ первыя минуты своего существованія привлекаетъ всѣхъ: — любопытныхъ честолюбцевъ и людей просто безкорыстныхъ.

Въ то время какъ Эммануилъ Араго отправился за своимъ больнымъ отцемъ, чтобы проводить его къ мѣсту его новой обязанности, Дюпонъ де л'Еръ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ и Кремье проходили по набережнымъ (было около четырехъ часовъ). Впереди ихъ шли два барабанщика, за тѣмъ капитанъ національной гвардіи Дюнойе и какой-то рабочій, съ голыми руками, несли два знамени. Ламартинъ шелъ подъ руку съ Бастидомъ. За ними слѣдовали Сентъ-Аманъ, Гетцель, Дюма, Бокажъ, Кантагрель и другіе. Потомъ Ледрю-Ролленъ и друзья его. Наконецъ Дюпонъ де л'Еръ съ Кремье *). Дрянной извощичій кабріолетъ везъ почтеннаго вождя перваго правительства республики. Вокругъ ихъ безчисленное число національныхъ гвардейцевъ, рабочихъ, студентовъ шли рядомъ рука объ руку. Длинные ряды, собранные въ колонны, привѣтствовали громкими криками торжество демократіи. Народъ на всемъ пути этого шествія съ почтеніемъ открывалъ головы и преклонялся передъ своими избранниками.

У Орсейскихъ казармъ Ламартинъ остановился. Измученный лихорадкою, онъ падалъ отъ усталости. Всѣ столпи-

*) Арсенъ Менье, національный гвардеецъ, другъ Дюпона де л'Еръ, на Орсейской набережной уступилъ свое мѣсто Кремье.

лись, чтобы помочь ему. Драгуны, занимавшіе казармы, принесли ему стаканъ вина. Вдругъ, при видѣ этихъ солдатъ между народомъ, съ которымъ еще такъ недавно они дрались, сердце его взволновалось, геніальное вдохновеніе охватило его и онъ вскричалъ: „Да здравствуетъ союзъ народа и арміи! Друзья мои, вотъ нашъ банкетъ! Пусть народъ и солдаты братски отпразднуютъ его вмѣстѣ со мною!“

XXI.

Площадь Думы была наполнена народомъ, стекавшимся туда со всѣхъ сторонъ. Въ самой Думѣ собралась непроходимая толпа. Народъ пощадилъ присутствіе, кассу, библіотеку; но комнаты Рамбюто были совершенно опустошены, кухня и погреба разорены въ конецъ. Въ знакъ торжества раздавались выстрѣлы даже въ корридорахъ; всѣ разрушали, но никто не грабилъ. Заботясь о чести своей, народъ написалъ на стѣнахъ: „смерть грабителямъ!“—и конечно его безпощадная нравственность исполнила бы этотъ приговоръ здѣсь, точно также какъ въ Тюльери. Въ эту-то страшную суматоху, около четырехъ съ половиною часовъ, появились на площади члены временнаго правительства. Напрасно сопровождавшій ихъ народъ старался очистить имъ дорогу; невозможно было пробиться сквозь эту густую массу. Ледрю-Раллена оттолкнули отъ товарищей, онъ хотѣлъ пробиться, но толпа увлекла его. Наконецъ съ большимъ трудомъ онъ добрался до дворца.

Откуда же это правительство, совершенно случайное, эта власть, только номинальная, не имѣвшая другой опоры кромѣ воли народа, которая могла каждую минуту измѣниться, — откуда взяли силу, чтобы установить порядокъ среди величайшей анархіи и изъ груды развалинъ построить прочное зданіе?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первыя распоряженія парижскаго мера для возстановленія мира и согласія. — Мари и Карно являются въ Hôtel de Ville. — Мальвиль уходитъ оттуда, чтобы на время вступить въ завѣдываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Прокламація парижскаго мера.—Является Мартенъ (изъ Страсбурга), который предлагаетъ присоединить имена избранныхъ въ редакціи журнала la Réforme къ списку членовъ временнаго правительства, въ качествѣ секретарей. — Члены временнаго правительства въ Hôtel de Ville. — Примирительныя рѣчи Гарнье-Паже и Ледрю-Роллена.—Зала муниципальнаго совѣта; шумъ; два противоположныя мнѣнія; прибытіе членовъ временнаго правительства; крики одобренія. — Дюпонъ де л'Еръ.—Слова Ледрю-Роллена.—Требованіе немедленнаго провозглашенія республики.—Ледрю-Ролленъ отвѣчаетъ, что члены правительства приступятъ къ совѣщанію объ этомъ.—Они собираются.—Появленіе Кремье.—Распоряженія относительно безопасности, спокойствія, благоразумія.—Прокламація Ламартина. Возраженія противъ нея Ледрю-Роллена.—Народъ стекается въ залу совѣщанія.— Правительство удаляется въ кабинетъ префекта. — Оно совѣщается объ организаціи министерствъ. — Оно рѣшаетъ, что члены его могутъ въ то же время исполнять обязанности министровъ. — Назначеніе министровъ и алжирскаго губернатора. — Поведеніе Гарнье-Паже въ домѣ парижскаго мера. — Различныя назначенія. Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи.—Мѣры къ сохраненію порядка.—Возраженія Панье-ра, Биксіо и другихъ противъ немедленнаго провозглашенія республики.— Имъ поручено пойти за прокламаціями въ національную типографію. — Новыя толпы народа въ залѣ совѣщанія. — Члены правительства опять уходятъ въ другую комнату. — Прибытіе Луи-Блана, Марра, Флокона. — Присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ Альбертомъ къ временному правительству въ качествѣ секретарей.

I.

Парижская городская дума имѣетъ съ площади три подъѣзда. Посрединѣ парадный, налѣво ходъ въ присутствіе, направо въ дворъ префекта. Если войти въ парадный подъѣздъ, то налѣво будетъ комната привратника, а прямо лѣстница въ 19 ступеней, подъ невысокимъ сводомъ, надъ этой лѣстницей — галлерея, окружающая парадный дворъ. Идя по галлереѣ направо, встрѣчаешь лѣстницу съ довольно оригинальными изваяніями,—слишкомъ узкую для такого огромнаго зданія, которая оканчивается площадкой перваго этажа, откуда идутъ: направо корридоръ, прямо зала швейцаровъ.

Корридоръ ведетъ въ залу совѣщаній муниципальнаго совѣта, окна котораго выходятъ на фасадъ параднаго двора, противъ главной двери зданія.

Чрезъ залу швейцаровъ входъ въ тронную залу, которая выходитъ фасадомъ на площадь. За тронной залой пріемная зала префекта, его кабинетъ, рабочая комната и наконецъ еще очень маленькая комната. Всѣ эти комнаты проходныя и каждая имѣетъ дверь въ стеклянный корридоръ.

Этотъ стеклянный корридоръ ведетъ въ двѣ маленькія комнаты и въ канцелярію старшаго секретаря префектуры, находящуюся на углу площади и улицы Tixeranderie.

24 февраля постройка тронной залы не была еще окончена. Та часть ея, которая примыкаетъ къ кабинету префекта, была отгорожена досками и служила переднею.

II.

Послѣ избранія Гарнье-Паже, онъ былъ отведенъ изъ залы муниципальнаго совѣта въ кабинетъ префекта. Это было въ то самое время, когда муниципальные гвардейцы, убѣгая отъ нападенія народа по набережной Пелтье, прискакали сломя голову къ городской думѣ. Разъузнавъ настоящую при-

чину этого случая, новый парижскій меръ счелъ первымъ долгомъ остановить кровопролитіе. Онъ хотѣлъ, чтобы торжество народа ознаменовалось не только прекращеніемъ войны, но и началомъ мира. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ, вмѣстѣ съ вновь избраннымъ секретаремъ своимъ Флотаромъ, написать прокламацію къ жителямъ. Онъ желалъ воззваніемъ къ спокойствію и къ союзу между арміей и народомъ объявить столицѣ объ учрежденіи новаго правительства, которое вышло изъ народа, и показать ей, что оно само утверждало себя энергическою быстротою и возвышеннымъ характеромъ своихъ дѣйствій.

Узнавъ почти въ то же самое время отъ Мальвиля и офицера національной гвардіи Васслена, что жизнь нѣсколькихъ муниципальныхъ гвардейцевъ въ опасности, онъ строго приказалъ, чтобы они были оставлены въ покоѣ; но, опасаясь, что приказаніе его не будетъ исполнено, онъ хотѣлъ самъ итти на защиту ихъ, когда узналъ, что они уже въ безопасности.

Въ эту самую минуту явился къ нему генералъ Сентъ-Арно въ изорванномъ платьѣ. Напоминая свои африканскіе подвиги, онъ просилъ для себя убѣжища. „Теперь нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ“, сказалъ ему меръ и отдалъ его подъ защиту народа, который спасъ его.

Такимъ образомъ первою мыслью революціоннаго управленія была мысль объ общемъ союзѣ, первымъ дѣломъ—человѣколюбивый поступокъ. Замѣчательное совпаденіе! Въ тотъ же самый часъ на другомъ пунктѣ Парижа, другой голосъ, голосъ Ламартина, съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ выражалъ тѣ же самыя чувства. Всѣ сердца бились желаніемъ мира и это желаніе внушало одни и тѣ же побужденія.

III.

Въ это время Гарнье-Паже еще не зналъ о происшествіяхъ въ палатѣ депутатовъ. Сознавая всю важность безъ-

отлагательной организаціи правленія, онъ только что послалъ къ своимъ товарищамъ лѣвой стороны приглашеніе собраться къ нему въ городскую думу, какъ вдругъ явились Карно и Мари. Узнавъ отъ нихъ о составленіи временнаго правительства, онъ съ своей стороны сообщилъ имъ обо всемъ, происшедшемъ въ залѣ муниципальнаго совѣта, объ учрежденіи парижскаго мерства и о манифестаціяхъ народа въ пользу Мальвиля. Мальвиль былъ еще тутъ же. Мари и Карно съ жаромъ убѣждали его стать на сторону революціи. „Въ успѣхѣ этого дѣла, говорили они, мы видимъ не успѣхъ нашей партіи, но торжество усилій всей оппозиціи. Взгляды наши не такъ ограничены, узки, тупы, личны, исключительны. Не удаляйтесь же отъ насъ, не разрывайте добровольно узъ, насъ соединяющихъ! Согласитесь!“ Мальвиль остался при своемъ отказѣ, но безъ всякаго враждебнаго чувства, и честно взялся исполнить точно также честно предложенную ему обязанность охранять министерство внутреннихъ дѣлъ, центръ телеграфическихъ линій.

IV.

Необходимо было поскорѣе обнародовать учрежденіе временнаго правительства и потому Гарнье-Паже поспѣшилъ послать для напечатанія слѣдующую прокламацію, составленную имъ вмѣстѣ съ Мари и Карно.

Временное правительство.

„Граждане!

„Люи Филиппъ уже болѣе не король!

„Воля народа избрала временное правительствво. Въ настоящую минуту оно собралось въ городской думѣ.

„Оно ничего не предприметъ безъ совѣта всей націи.

„Въ настоящее время всего нужнѣе установить порядокъ, безъ котораго нѣтъ свободы.

„Временное правительство полагается въ этомъ случаѣ на національную гвардію. Всѣ граждане суть члены ея и должны содѣйствовать къ охраненію порядка и къ безопасности страны.

„Пусть только каждый будетъ на своемъ мѣстѣ и дѣло свободы будетъ спасено.

Городская дума, 24 февраля 1848 г.

Меръ города Парижа,

Гарнье-Паже.

„Временное правительство составляютъ:

Дюпонъ (де л'Еръ)
Араго.
Кремье *).
Гарнье-Паже.
Ламартинъ.
Ледрю-Ролленъ и
Мари **)".

Между тѣмъ какъ эта прокламація ***) была послана въ типографію, Мартенъ (Страсбургскій) явился въ городскую думу съ спискомъ, составленнымъ въ редакціи журнала la Réforme и признаннымъ въ National. За исключеніемъ Кремье, въ этомъ спискѣ были всѣ имена, провозглашенные въ палатѣ, но за то были и другіе. Считая необходимымъ удовлетворить нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ стояли въ спискѣ, но не вошли въ составъ временнаго правительства, Мартенъ предложилъ причислить ихъ въ качествѣ секретарей. Это были: Луи-Бланъ, Флоконъ и Марра. Рѣшеніе этого вопроса было отдано на разсмотрѣніе новаго правительства.

---

*) Это имя было прибавлено уже въ напечатанной прокламаціи.

**) Это имя въ печатной прокламаціи было нечаянно пропущено.

***) Эту прокламацію отнесли, въ половинѣ пятаго, въ сосѣднюю типографію Делагетта чиновники городской думы, Гюссонъ и Гюи.

V.

Между тѣмъ Гарнье-Паже, освѣдомясь о прибытіи членовъ изъ палаты въ городскую думу, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу. Между нимъ и Ледрю-Ролленомъ въ послѣднее время установились очень холодныя отношенія, вслѣдствіе неодинакаго образа мыслей и дѣйствій. Но побѣда сближаетъ людей. Увидя своего сотоварища, Гарнье-Паже протянулъ ему руку. „Забудемъ, сказалъ онъ, наши раздоры. Пусть съ этихъ поръ у насъ будетъ одна страсть, одно желаніе — посвятить себя спасенію нашей родины, успѣху демократіи, окончательному торжеству революціи.“—„Это и мои чувства“, отвѣчалъ Ледрю-Ролленъ, дружески пожимая протянутую ему руку, — „я искалъ васъ, чтобы сказать вамъ то же самое“. Тронутый народъ привѣтствовалъ рукоплесканіями это примиреніе, которое могло принести такіе обильные плоды.

Присутствіе Дюпонъ де л'Ера возбудило не менѣе трогательныя чувства. Согбенный лѣтами, этотъ патріархъ свободы обнаруживалъ неизсякаемую энергію души своей только спокойной твердостью взгляда. Старый и вѣрный товарищъ всей жизни его, Лежандръ, находился при немъ. Одна простая женщина вела его подъ руку. Трогательный, тройственный символъ добродѣтели, дружбы и преданности!

Зала муниципальнаго совѣта представляла въ это время прежнее зрѣлище. Не смотря на всѣ усилія Корбона, занявшаго президентское кресло послѣ Гарнье-Паже, здѣсь было не совѣщаніе, а страшная безурядица. Шумная толпа наполняла залу, требуя низложенія Луи Филиппа и его семейства, и провозглашенія республики. Поминутно появлялись различныя предложенія, и самыя рѣзкія принимались съ восторгомъ. Шумъ былъ страшный. Иныхъ волновала вѣра въ идею, другихъ желаніе провести свою мысль, почти всѣхъ—жажда господства. Однихъ побуждала любовь къ отечеству, мысль о

революціи, другихъ—гордость, честолюбіе и тщеславіе. Были даже такіе, которые считали себя способными на всякую должность. Всякому хотѣлось воспользоваться побѣдой для своего возвышенія или для доставленія побѣды своимъ теоріямъ. Безпрерывный приливъ и отливъ посѣтителей только увеличивалъ весь этотъ шумъ.

Однако и въ этомъ хаосѣ уже выяснились два главныхъ и противоположныхъ одно другому мнѣнія. Одни хотѣли присвоить себѣ инициативу дѣла, учредить правительство по своему вкусу, выставить впередъ людей самыхъ пылкихъ, организовать свои системы и теперь же привести въ исполненіе самыя рѣшительныя мѣры. Другіе, напротивъ, думали предоставить все на попеченіе временнаго правительства и дать ему время устроить общее дѣло. Споры эти увеличивали общій шумъ.

VI.

При появленіи членовъ временнаго правительства раздались дружныя рукоплесканія.

Когда Дюпонъ де л'Еръ сталъ на кафедру президента, а рядомъ съ нимъ Гарнье-Паже, и съ другой стороны Ледрю-Ролленъ, рукоплесканія разразились съ новою силой. Дюпонъ де л'Еръ хотѣлъ говорить, но шумъ заглушалъ его голосъ. Ничего не слыша, толпа продолжала хлопать съ изступленіемъ. Но Ледрю-Ролленъ возвысилъ голосъ и все смолкло. Онъ разсказалъ о событіяхъ въ палатѣ депутатовъ, о сверженіи короля, уничтоженіи регентства и назначеніи народомъ временнаго правительства, которое признавало, что свою власть и право оно получило отъ народа. За тѣмъ онъ сообщилъ имена членовъ временнаго правительства. Толпа новыми рукоплесканіями выразила свое одобреніе всѣмъ рѣшеніямъ палаты.

Многочисленные голоса еще разъ потребовали немедленнаго провозглашенія республики. Ледрю-Ролленъ отвѣчалъ,

что республика есть общій предметъ желаній временнаго правительства и что оно намѣрено пригласить Парижъ, департаменты, наконецъ всю Францію для составленія конституціоннаго собранія, которое должно основать республику. Эта ловкая и умная рѣчь, произнесенная съ жаромъ и энергіей, восхитила толпу, но не убѣдила ее. Каждую минуту она прерывала оратора криками: „провозглашайте республику! провозглашайте роспублику!“ Какой-то рабочій держалъ пику, на которой развѣвалась бумага съ надписью: „да здравствуетъ республика!“ Республика давно уже была цѣлью Ледрю-Роллена, предметомъ его думъ, двигателемъ всей его жизни. Онъ, не стѣсняясь, сказалъ, что вполнѣ раздѣляетъ желаніе народа, воля котораго была для него закономъ, и немедленно удалится съ своими товарищами въ особую комнату для обсужденія формы провозглашенія республики. Это объявленіе было принято съ восторгомъ и долго еще слышались крики: „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ временное правительство!“

VII.

Почти непреодолимое препятствіе ожидало Дюпонъ де л'Ера и его товарищей при выходѣ ихъ изъ залы. Оба корридора были полны народомъ. Вся эта толпа давила сама себя и образовала непроницаемую массу. Движеніе происходило только отъ внезапныхъ толчковъ. Едва кто нибудь съ неимовѣрными усиліями пробивался впередъ, какъ толпа замыкала его. Члены временнаго правительства войдя въ корридоръ, были разлучены другъ съ другомъ и почти задавлены. Боясь, чтобы силы не измѣнили Дюпонъ де л'Еру или чтобы эта борьба не истощила его терпѣнія, народъ кое какъ высвободилъ его оттуда и вмѣстѣ съ Гарнье-Паже отвелъ въ кабинетъ, сосѣдній съ залой миниципальнаго совѣта. Наконецъ, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ гражданъ, Дю-

понъ де л'Еръ, Ламартинъ, Ледрю-Роллёнъ, Гарнье-Паже, Мари и Карно добрались до пріемной залы, о которой мы говорили выше, и которая находится предъ кабинетомъ префекта. Почти вслѣдъ за ними пришелъ Кремье, напрасно старавшійся удержаться въ залѣ совѣта. Онъ представился Мари и Гарнье-Паже, какъ ихъ сотоварищъ. Потомъ пришелъ Араго. Только глубокая преданность дѣлу поддерживала его силы, истощенныя долгой и тяжкойбо лѣзнью, и давала ему возможность исполнять свою обязанность, не смотря на опасности.

Такимъ образомъ члены правительства избраннаго въ палатѣ были всѣ на лицо. Они помѣстились за круглымъ столомъ, стоявшимъ посреди залы. Здѣсь, въ то время какъ Ламартинъ составлялъ прокламацію, долженствовавшую возвѣстить Франціи о революціи и новомъ правительствѣ, товарищи его диктовали приказы, имѣвшіе цѣлью прекращеніе кровопролитія, водвореніе порядка и спокойствія и вообще удовлетвореніе всѣхъ потребностей того смутнаго времени. Приказы эти, писавшіеся импровизированными секретарями, переходили изъ рукъ въ руки и, черезъ вѣрныхъ гонцовъ, съ быстротою доходили до мѣстъ своего назначенія.

VII.

Было половина шестаго, когда Ламартинъ окончилъ прокламацію. Вотъ ея содержаніе:

Прокламація временнаго правительства.

«Къ французскому народу!

„Героизмъ парижскаго народа ниспровергъ ретроградное и олигархическое правительство. Оно бѣжало, оставивъ по себѣ кровавый слѣдъ, который положилъ вѣчную преграду его возвращенію.

„Кровь народа лилась теперь, какъ въ Іюльскіе дни. Но

теперь эта благородная кровь лилась не напрасно. Ею народъ завоевалъ себѣ правительство національное и популярное, стоящее за право, прогрессъ и волю этого великаго и великодушнаго народа.

„Временное правительство, избранное единодушно народомъ и депутатами отъ департаментовъ въ засѣданіе 24 февраля, облечено временною властью утвердить и организовать то, что завоевано народомъ. Оно состоитъ изъ Гг. Дюпонъ де л'Ера, Ламартина, Кремье, Араго (члена инстатута) Ледрю-Роллена, Гарнье-Паже и Мари.

„Граждане эти ни минуты не колебались взять на себя патріотическую обязанность, возложенную на нихъ въ минуту страшной крайности. Когда льется кровь, когда столица Франціи пылаетъ пожаромъ, полномочіе временнаго правительства заключается въ опасности и въ привѣтствіи народа. Вся Франція поймetъ это и поможетъ намъ всею силою своего патріотизма. При правленіи народномъ и республиканскомъ, провозглашеннымъ народнымъ правительствомъ, каждый гражданинъ участвуетъ въ правленіи.

„Французы! Подайте міру такой примѣръ, какой Парижъ далъ Франціи! Пусть порядокъ и довѣренность къ самимъ себѣ подготовятъ васъ къ прочнымъ учрежденіямъ, создать которые вы призваны.

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята парижскимъ народомъ и имъ самимъ; но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе, которое будетъ принято относительно окончательной формы правленія въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ Франціи.

„Единство націи, которую составляютъ съ этихъ поръ всѣ сословія безъ исключенія;

„Самоуправленіе націи;

„Принципы—свободы, равенства, братства;

„Девизъ и лозунгъ — народъ.

„Вотъ правительство, которымъ Франція обязана сама себѣ и которое мы постараемся утвердить за нею.

„Эра народная открывается съ 24 февраля 1848 г.“

IX.

Таковъ былъ первый лучъ свѣта, брошенный геніемъ среди бури. Глубокое сознаніе права, чистота принциповъ, удовлетвореніе потребностямъ Парижа, вѣрное пониманіе правъ націи, воззваніе къ благороднѣйшимъ стремленіямъ души человѣческой, обѣщанія безъ хвастовства, скромность безъ слабости, твердость безъ строгости, справедливое, но не оскорбительное порицаніе павшаго правительства,—вотъ чѣмъ была проникнута эта прокламація, составленная сообразно здравому смыслу и необходимости. Поищите чего нибудь подобнаго въ исторіи великихъ переворотовъ и сравните! Бывало-ли когда нибудь, чтобы правительство, родившееся среди хаоса, говорило такимъ благороднымъ языкомъ, среди бушующихъ страстей, среди вооруженной толпы, еще не опомнившейся отъ внезапной и неожиданной побѣды?

Одно только замѣчаніе сдѣлано было противъ прокламаціи. Ледрю-Ролленъ предложилъ, чтобы вмѣсто словъ:

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята народомъ и т. д.“

Написать просто:

„Временное правительство объявляетъ, что республика и т. д“.

Всѣ согласились на это измѣненіе, и прокламація Ламартина немедленно была отправлена въ національную типографію.

X.

Между тѣмъ къ членамъ временнаго правительства безпрестанно прибывали люди дорогіе демократической партіи: члены центральнаго комитета избирателей, депутаты оппозиціи, журналисты, офицеры національной гвардіи, студенты, воспитанники политехнической школы. Тутъ были Гг. Бастидъ, Жанъ Рейно, Паньеръ, Гетцель, Биксіо, Шарль Лессепсъ, Паскаль Дюпра, Мартенъ (Страсбургскій), Пайе, Лежандръ, Бокажъ, В. Массонъ, Дюссаръ, Деланою, Александръ Рей, Демаре, Шарль Бланъ, Еке, Мальфиль, Мишле, Эженъ Пелетанъ, Корбонъ, Юэ (Huet), Эмануилъ Араго, Жюль Фавръ, Поже и др. Пришли, и безъ всякихъ признаковъ вражды, даже тѣ, которые еще недавно принадлежали къ противной сторонѣ, что впрочемъ не помѣшало имъ скоро опять сдѣлаться врагами, какъ напр. Рошжакленъ и нѣкоторые др.

Скоро число посѣтителей возросло до того, что правительство было совершенно поглощено массой. Снова начался безпорядокъ. Всякое серьезное обсужденіе, работа умственная сдѣлались невозможны; члены правительства, вмѣстѣ съ Карно, не отстававшимъ отъ нихъ, Паньеромъ, Курте и Биксіо, должны были опять перейти въ другую комнату, и заняли кабинетъ префекта. Нѣсколько гражданъ добровольно стали у дверей, какъ живая преграда новому нашествію.

XI.

Было около 7 часовъ. По предложенію Кремье, правительство окончательно приступило къ составленію министерствъ. До сихъ поръ шли только разговоры.

Прежде всего былъ предложенъ вопросъ такого рода: могутъ-ли члены временнаго правительства въ тоже время нести

и министерскія обязанности? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Нѣкоторые доказывали несовмѣстимость этой двойной обязанности. „Одно изъ двухъ, говорили они, или правитель превратится въ министра, или министръ въ правителя. Въ первомъ случаѣ компрометируется правительство, во второмъ страдаетъ администрація“. Другіе утверждали, что временному правительству не слѣдуетъ выпускать изъ рукъ непосредственную власть. „Раздѣленіе власти, говорили они, поведетъ къ безчисленнымъ затрудненіямъ и непріятностямъ. При правительствѣ и безъ того сложномъ, неблагоразумно допускать какія-бы то ни было подраздѣленія. Не смотря на предполагаемыя затрудненія, все таки будетъ несравненно удобнѣе и полезнѣе, если члены временнаго правительства сами будутъ приводить въ исполненіе то, что будетъ ими-же рѣшено“. Это послѣднее мнѣніе, сильно поддерживаемое Кремье, одержало верхъ.

Теперь поднялся вопросъ, какъ называть министровъ. Рѣшили дать имъ титулъ соотвѣтственный положенію дѣла, т. е. назвать ихъ временными. И въ самомъ дѣлѣ, временное правительство не могло имѣть другихъ министровъ, какъ только временныхъ.

XII.

Тогда Кремье, сидѣвшій съ перомъ въ рукѣ, сталъ писать. Прежде всѣхъ поставилъ онъ имя Дюпонъ де л'Ера, какъ президента совѣта и министра юстиціи. Но исполненіе столькихъ обязанностей, при всемъ усердіи почтеннаго старца, превышало его силы, и потому, согласно съ замѣчаніемъ Паньера, было рѣшено, что де л'Еръ будетъ президентомъ совѣта, но безъ министерскаго портфеля.

Министерство публичныхъ работъ было ввѣрено Мари, скромно заявившему, что онъ предпочитаетъ эту должность другой по той причинѣ, что зять его, съ давнихъ лѣтъ знакомый съ этимъ дѣломъ, будетъ помогать ему совѣтами.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ общій голосъ назначилъ Ламартина.

Для министерства торговли Кремье написалъ свое имя.

За тѣмъ Кремье предложилъ Ледрю-Роллену выбрать для себя министерство по своему желанію. „Я на все согласенъ“, скромно отвѣчалъ безкорыстный Ледрю-Ролленъ. „Въ такомъ случаѣ министерство внутреннихъ дѣлъ“ сказалъ Кремье. Но Гарнье-Паже замѣтилъ на это, что Ледрю-Ролленъ по своимъ способностямъ и ученымъ трудамъ болѣе способенъ занять министерство юстиціи. По его мнѣнію, полное преобразованіе судебныхъ мѣстъ было необходимо; для этого труднаго дѣла нужна была твердая воля и искусная рука; администрація юстиціи требовала коренныхъ реформъ и слава ожидала того, кто совершитъ эти реформы. Наконецъ безконечное разнообразіе и мелочность въ дѣлахъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ совершенно поглотили бы все его время, дѣятельность и даже энергію, столь необходимыя для центральнаго управленія. Эти замѣчанія, поддерживаемыя Мари и Паньеромъ, подѣйствовали на Ледрю-Роллена, и заставили его согласиться съ ними. Но Кремье представилъ ему, что онъ олицетворялъ собою дѣйствующій элементъ революціи, что министерство внутреннихъ дѣлъ было главнымъ орудіемъ управленія, и убѣдительно просилъ его не оставлять этого поста. Ледрю-Ролленъ, послѣ непродолжительнаго разговора съ В. Массономъ, офицеромъ національной гвардіи, присутствовавшемъ при конференціи, возвратился къ своему прежнему рѣшенію.

Тогда никто не сталъ оспаривать министерства юстиціи у Кремье. Но такъ какъ отъ этого министерства зависѣли также духовныя дѣла, то было нѣсколько странно поручить его еврею. Карно, остроумный шутникъ, разрѣшилъ вопросъ. „Какъ, Кремье! сказалъ онъ. Вы хотите посвящать епископовъ?“ Вслѣдствіе этого духовныя дѣла были отдѣлены отъ министерства юстиціи и присоединены къ министерству народнаго просвѣщенія.

Для этого министерства само собою представлялось великое имя. Кто могъ съ большей честью занять мѣсто министра народнаго просвѣщенія, какъ не знаменитый членъ академіи наукъ, Араго? Но морское управленіе требовало непремѣнно человѣка, который пользовался бы значительнымъ авторитетомъ, стоялъ бы выше всякаго соперничества, могъ бы преодолѣвать всякое личное честолюбіе, не оскорбляя при томъ никого; человѣка, по спеціальности своихъ знаній, способнаго пріобрѣсть любовь моряковъ и привлечь ихъ на сторону республики. Потому Араго былъ назначенъ главою морскаго министерства.

Министромъ народнаго просвѣщенія выбрали Карно. Этотъ почтенный человѣкъ не простиралъ такъ высоко своихъ желаній. Ему хотѣлось занять какой нибудь дипломатическій постъ въ Германіи, гдѣ онъ провелъ въ занятіяхъ науками большую часть своей молодости.

Въ министры комерціи Мари предложилъ Бетмона, на что всѣ охотно согласились.

XIII.

Оставались не занятыми еще два министерства, чрезвычайно важныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ: министерство финансовъ и военное.

Всѣ генералы предыдущаго царствованія были стары и неспособны; тѣ-же, которые по лѣтамъ и репутаціи могли занять такой важный постъ, болѣе или менѣе вѣрно служили падшему престолу. Внѣ этихъ двухъ категорій не представлялось ни одной знаменитости. Кому-же было поручить преобразованіе арміи, потрясенной революціей, и которой можетъ быть скоро предстояло защищать границы? Высокая мысль примиренія, общенародный порывъ довѣренности, внушили избрать Ламорисьера. Ламартинъ и Гарнье-Паже написали къ нему письмо, которымъ приглашали его въ городскую думу.

Спеціальныя знанія, высокая честность, огромное знакомство въ финансовомъ мірѣ Парижа, нѣсколько ученыхъ статей по политической экономіи, напечатанныхъ въ National, дѣлали г. Гудшо, парижскаго Банкира, способнымъ занять мѣсто министра финансовъ. Ночью онъ получилъ это предложеніе и вслѣдствіе преданности общему дѣлу принялъ, впрочемъ на время, эту трудную обязанность.

За тѣмъ все вниманіе временнаго правительства сосредоточилось на избраніе алжирскаго губернатора, которымъ до этого времени былъ герцогъ Омальскій. Чтобы поколебать вліяніе герцога, нужно было выбрать человѣка популярнаго въ странѣ и арміи. Паньеръ предложилъ Кавеньяка. Въ самомъ дѣлѣ этотъ генералъ вполнѣ соотвѣтствовалъ такому назначенію. Въ Африкѣ онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность своими многочисленными заслугами, а благородный братъ его своею преданностью демократической партіи сдѣлалъ популярнымъ въ народѣ если не личность генерала, то по крайней мѣрѣ имя его.

XIV.

Должность парижскаго мера осталась за Гарнье-Паже; ему-же подчинены были—сенская и полицейская префектуры, которыми онъ долженъ былъ управлять или непосредственно, или черезъ назначенныхъ имъ самимъ чиновниковъ; самъ онъ долженъ былъ находиться въ прямой зависимости отъ одного только временнаго правительства. Такимъ образомъ политическое и административное управленіе Парижемъ и сенскимъ департаментомъ сосредоточились въ рукахъ человѣка, равно преданнаго республикѣ и общественному порядку. Такъ какъ Паньеръ отказался быть его помощникомъ, то вмѣсто его выбрали Рекюра и Гинара. Гарнье-Паже назначилъ Гинара для полицейской префектуры, но тотъ уклонился отъ этой должности и предпочелъ ей мѣсто начальника главнаго штаба

національной гвардіи, которое въ самомъ дѣлѣ болѣе соотвѣтствовало его способностямъ.

Прежніе меры и помощники ихъ остались временно на своихъ мѣстахъ. Флотаръ, котораго Гарнье-Паже при самомъ избраніи своемъ сдѣлалъ старшимъ секретаремъ сенской префектуры, былъ утвержденъ въ этой важной должности.

Наконецъ, такъ какъ муниципальная гвардія была распущена, то попеченіе о спокойствіи города было ввѣрено патріотизму національной гвардіи. Курте, депутатъ и офицеръ временъ имперіи, получилъ главное начальство надъ нею, равно какъ и временное завѣдываніе войсками, расположенными въ Парижѣ и его округѣ.

XV.

Между тѣмъ однако энергическія старанія караульныхъ, добровольно взявшихъ на себя обязанность не допускать нарушенія совѣщаній членовъ временнаго правительства, должны были уступить важности полученныхъ извѣстій и необходимости принять рѣшительныя мѣры. Говорили, что Пале-Роялю грозитъ пожаръ, что въ Тюльери происходятъ страшныя опустошенія. Безчисленнымъ сокровищамъ искусствъ, заключавшимся въ Луврѣ, этой славѣ, чести и величіи Франціи, грозило истребленіе. Королевскія драгоцѣнности, брильянты, серебро, картины требовали немедленнаго и строгаго присмотра. Исполнить все это было не безопасно. Прежде всего тутъ требовались твердая воля и мужество. Многіе граждане разныхъ сословій, національные гвардейцы, воспитанники учебныхъ заведеній,—имена которыхъ къ сожалѣнію не могутъ быть здѣсь исчислены,—съ истиннымъ патріотизмомъ взялись за дѣло и успѣли отвратить всѣ эти несчастія.

Такимъ образомъ Сентъ-Аманъ былъ временно назначенъ въ Тюльери, а полковникъ Дюмуленъ въ Лувръ, гдѣ пробылъ только одни сутки.

Въ тоже время нужно было наблюдать за общественною безопасностью въ городѣ, разсылать приказанія къ мерамъ, которые ожидали инструкцій, распорядиться относительно народнаго продовольствія, содержанія войскъ, однимъ словомъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, которыхъ всегда много и въ спокойное время, и которыя становятся безчисленными во время смутъ. Члены временнаго правительства вездѣ поспѣвали съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, рѣшительностью, дѣятельностью, непостижимыми для тѣхъ, кто не испыталъ съ какою чудесною силою развиваются способности человѣческія во время великихъ переворотовъ.

XVI.

Въ то время, какъ временное правительство было занято такими спѣшными дѣлами, нѣкоторые дѣльные люди, особливо Паньеръ и Биксіо, узнавъ о существованіи прокламаціи, провозглашавшей республику, потребовали самаго строгаго и добросовѣстнаго обсужденія этой прокламаціи. — Не значило-ли это поставить волю горсти людей, пожалуй одной части народа, на мѣсто законной воли цѣлаго народа? Не было-ли это покушеніемъ на верховную власть народа? Не могло-ли это лишить революцію 1848 года обаянія и силы принциповъ? „Я, какъ и всѣ вы, республиканецъ въ душѣ, говорилъ Паньеръ членамъ временнаго правительства; но развѣ вы не видите, что своей неумѣстной поспѣшностью вы компроментируете будущность республики, которую мы хотимъ основать? Дайте націи время самой заявить свои желанія. Остерегайтесь повторить ошибку, сдѣланную нашими предшественниками въ Іюльскіе дни!“

Эти замѣчанія не остались безъ отголоска. Дюпонъ де-л'Еръ, Араго, Мари формально приняли сторону Паньера. Ламартинъ и Гарнье-Паже сознавали всю справедливость его мнѣнія. Рѣшено было вновь пересмотрѣть прокламацію и Паньеру съ

Биксіо поручили отправиться въ національную типографію и взять оттуда рукопись.

Но исполненіе этого порученія встрѣтило сильное препятствіе со стороны народа, горячо стремившагося къ республиканскому правленію. Рабочіе, относившіе прокламацію въ типографію, прочитали въ ней слова: „Республика принята“. Для нихъ слово было уже дѣломъ; объ остальномъ они мало заботились. „Теперь она у насъ въ рукахъ, говорили они, ужъ мы ее не выпустимъ!“ На требованіе Паньера возвратить рукопись, они отвѣчали желаніемъ увидѣть приказъ, уполномочивавшій Паньера и Биксіо взять ее, сличили подписи его съ подписями на прокламаціи, и такъ какъ на приказѣ подписались не всѣ члены, то они и отказались возвратить прокламацію. Наконецъ, уже послѣ настоятельныхъ убѣжденій посланныхъ, но все таки упорно не довѣряя имъ, они объявили, что сами отнесутъ прокламацію членамъ временнаго правительства.

XVII.

Было около восьми часовъ. Въ это время члены временнаго правительства уже не были въ кабинетѣ префекта; толпа мало по малу совершенно наполнила и эту комнату, какъ прежде пріемную залу. Нельзя было даже ничего разглядѣть, не только слышать. Правительство опять принуждено было перейти въ смежную комнату, о которой мы говорили выше. Комната эта была до того мала, что 11 человѣкъ едва могли помѣщаться въ ней, и этимъ самымъ отымала возможность нашествія въ нее.

XVIII.

Таково было положеніе правительства. Провозглашенное въ палатѣ депутатовъ, утвержденное въ городской думѣ, оно успѣло уже обсудить свою мысль и формулировать ее окон-

чательнымъ актомъ, сдѣлало множество распоряженій, организовало министерство, когда въ половинѣ девятаго прибыли Флоконъ, Марра и Гинаръ, а вслѣдъ за ними Луи-Бланъ. Этотъ послѣдній громко потребовалъ для себя мѣста во временномъ правительствѣ, основываясь на томъ, что въ залѣ муниципальнаго совѣта народъ только что привѣтствовалъ его, равно какъ Марра и Флокона.

Дѣйствительно, они были введены туда Лагранжемъ, напрасно старавшимся установить хоть какой нибудь порядокъ въ городской думѣ, въ управленіе которою онъ вступилъ. Зала наполнена была приверженцами журнала la Réforme и потому ихъ встрѣтили восторженными криками. Они стали говорить, публика загремѣла рукоплесканіями. Вслѣдствіе этого они сочли себя вправѣ требовать мѣста во временномъ правительствѣ.

Удивленный этимъ требованіемъ, оскорбленный тономъ Луи-Блана, Араго не могъ удержать своего негодованія. На сотоварищей его это произвело тоже самое непріятное впечатлѣніе. Гарнье-Паже подошелъ къ Луи-Блану и замѣтилъ ему, что его требованіе совершенно неисполнимо, потому что семи членовъ временнаго правительства слишкомъ достаточно, но что онъ можетъ быть причисленъ къ нимъ въ качествѣ секретаря, какъ это и было рѣшено прежде. Луи-Бланъ рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. Тогда Гарнье-Паже обратился къ Марра, здравый смыслъ котораго заставилъ его согласиться. Что-же касается до Флокона, то онъ очень просто отвѣчалъ, что согласенъ быть на всякомъ мѣстѣ, лишь бы только приносить пользу.

Тогда Луи-Бланъ, видя, что никто не поддерживаетъ его, пересталъ настаивать, но только потребовалъ пріобщенія къ временному правительству одного рабочаго Альберта. „Кто онъ такой?“ — спросили его. „Благороднѣйшій человѣкъ, извѣстный редакціи журнала la Réforme, онъ много содѣйст-

вовалъ успѣху дѣла“, отвѣчалъ Луи-Бланъ. Правительство вполнѣ сознавало, что представитель народа необходимъ и потому съ жаромъ схватилось за эту мысль. Затрудненіе состояло только въ выборѣ лица. Никто изъ членовъ не зналъ Альберта, а между тѣмъ всѣ они лично или по слухамъ знали многихъ рабочихъ, заявившихъ себя съ отличной стороны. Но чтобы не обидѣть новымъ отказомъ Луи-Блана, и безъ того оскорбленнаго, они согласились на принятіе Альберта.

Такимъ образомъ временное правительство составилось изъ семи членовъ и четырехъ секретарей.

Надо замѣтить, что за исключеніемъ этого спора, возбужденнаго Луи-Бланомъ, между членами временнаго правительства не вышло ни одного непріятнаго столкновенія. Отъ общаго согласія зависѣло спасеніе Франціи, и всякое покушеніе нарушить это согласіе возбужденіемъ какого нибудь личнаго вопроса показалось бы преступленіемъ. Распря могла возникнуть только въ томъ случаѣ, когда дѣло касалось нарушенія принциповъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прокламація подвергается новому обсужденію, послѣ измѣненій сдѣланныхъ Ламартиномъ. Появляются три мнѣнія. Доводы. Затруднительность соглашенія.—Прибытіе Ламорисьера. Опасное положеніе его на площади городской думы.—Правительство предлагаетъ ему военное министерство; онъ отказывается, но согласенъ принять мѣсто высшаго начальника на границѣ.—Онъ предлагаетъ въ министры генерала Бедо. Бедо также отказывается отъ военнаго министерства, но беретъ себѣ командованіе первою дивизіею.—Благородное поведеніе парижскаго народа.—Толпа наполняющая городскую думу становится опасна. Правительство не можетъ совѣщаться спокойно и принуждено загородить себя баррикадой. Члены поочередно выходятъ успокоивать народъ. Благородная рѣчь Ламартина.—Послѣднія совѣщанія о провозглашеніи республики.—Подача голосовъ; мнѣніе Дюпонъ де л'Ера, Ледрю-Роллена, Флокона, Луи-Блана, Гарнье-Паже, Мари, Араго, Кремье Ламартина, Марра и Карно.—Единодушное рѣшеніе провозгласить республику, съ предоставленіемъ права утвержденія ея всему народу.—Временное правительство объявляетъ распущеніе палаты депутатовъ, прекращаетъ собранія перовъ, дѣлаетъ распоряженіе о созваніи національнаго собранія и причисленіи всѣхъ гражданъ къ національной гвардіи.—Общая радость.—Милосердіе побѣдителей.—Слова Ледрю-Роллена.—Банкетъ временнаго правительства; хлѣбъ и вода.—Перечень.—Заключеніе.

I.

Ламартинъ снова взялся за свою прокламацію. Онъ передѣлалъ ее, вписалъ туда имена секретарей и прочелъ передъ собраніемъ. Измѣненія состояли въ слѣдующемъ.

Начало было измѣнено очень мало, можно сказать только для формы. Изъ четвертаго параграфа Ламартинъ исключилъ слова: „когда льется кровь“... и потомъ далѣе: „къ опасности“. Въ томъ же параграфѣ, по первой редакціи было сказано: „при правленіи народномъ и республиканскомъ, провозглашенномъ временнымъ правительствомъ и т. д...“ По второй: „при правительствѣ народномъ, провозглашенномъ.... и т. д.“

Болѣе всего подвергся измѣненію параграфъ, заключавшій въ себѣ важный вопросъ провозглашенія республики. Нужно было рѣшить, кто можетъ провозгласить ее, временное правительство или самъ народъ? Въ первой редакціи, уже нѣсколько измѣненной по замѣчанію Ледрю-Роллена, было сказано:

„Временное правительство объявляетъ, что республиканская форма правленія временно принята народомъ парижскимъ и имъ самимъ; но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе, которое будетъ принято относительно окончательной формы правленія въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ Франціи.“

Теперь Ламартинъ предложилъ написать такимъ образомъ:

„Хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа и принимаетъ республиканскую форму правленія, но ни народъ парижскій, ни временное правительство не претендуютъ, чтобы рѣшеніе ихъ замѣнило общее рѣшеніе гражданъ, къ которымъ обратятся за совѣтомъ объ окончательной формѣ правленія, которую провозгласитъ верховная воля народа“.

II.

Послѣ всѣхъ споровъ выяснились три мнѣнія:

1-е. Учрежденіе временнаго правительства въ точномъ значеніи этого слова, т. е. уполномочить его управлять государствомъ въ промежутокъ времени, между паденіемъ стараго порядка и уста-

новленіемъ новаго, съ предоставленіемъ собранію, немедленно созванному и назначенному общею подачею голосовъ, права установить окончательное правительство для Франціи.

2-е. Безъотлагательное провозглашеніе республики, безъ всякаго ограниченія и апелляціи.

3-е. Провозглашеніе республики, какъ правительства дѣйствительнаго, при полной и непосредственной зависимости отъ народа.—Члены и секретари временнаго правительства раздѣлились между этими тремя мнѣніями. Перваго держались Дюпонъ де-л'Еръ, Араго, Мари; втораго—Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ и Флоконъ; третіе мнѣніе, какъ честное соглашеніе двухъ первыхъ, нашло себѣ поддержку въ Ламартинѣ, Кремье и Гарнье-Шаже. Его-же держался и Карно, министръ народнаго просвѣщенія. Марра, истощенный усталостью, не говорилъ ничего, но легко было догадаться къ какому мнѣнію онъ пристанетъ.

III.

Была минута, когда разногласіе мнѣній чуть-чуть не перешло въ ссору. Луи-Бланъ, въ мундирѣ національной гвардіи, стоялъ на диванѣ и ораторствовалъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Голосъ его рѣзко звучалъ въ маленькой комнатѣ. Дюпонъ де л'Еръ слушалъ съ спокойнымъ удивленіемъ. Араго обнаруживалъ нетерпѣніе; больной, раздраженный лихорадкой и противорѣчіями, онъ не могъ держать себя, всталъ и рѣзкимъ тономъ сказалъ: „Э, милостивый государь! Я былъ республиканцемъ еще прежде чѣмъ вы родились". Настойчивость оратора раздражала его нервы, и безъ того раздраженные болѣзнью, онъ нѣсколько разъ порывался уйти и увлечь за собою Дюпонъ де л'Ера. Но нѣкоторые изъ сотоварищей его, болѣе спокойные, успѣли удержать ихъ.

IV.

Вотъ въ чемъ состояли главныя противорѣчія.

Партизаны провозглашенія республики безотлагательно и безъ предварительнаго воззванія къ народу, говорили: „Въ исторіи народовъ бываютъ торжественныя событія, которыми нужно умѣть пользоваться. Намъ представляется случай упрочить права народа и мы сдѣлаемъ непростительную ошибку, если упустимъ этотъ случай. Республика есть необходимая форма правленія для демократіи. Демократія торжествуетъ, слѣдовательно мы должны провозгласить республику. Вы допускаете всеобщую подачу голосовъ! Но всеобщая подача голосовъ и республика два понятія нераздѣльныя. Зачѣмъ пытаться раздѣлять ихъ или по крайнѣй мѣрѣ по виду желать этого? Народъ не можетъ отвергать республики безъ того, чтобы не отрекаться отъ своихъ собственныхъ законовъ, своихъ правъ, своего владычества, наконецъ отъ самаго себя. И такъ, провозглашая республику, вы не отнимаете у народа его правъ, вы даже не посягаете на его волю, вы только признаете то, что существуетъ. Выжидать—значитъ вызывать затрудненія, можетъ быть очень значительныя, и давать поводъ сомнѣнію и страшнымъ подозрѣніямъ. Притомъ-же, самъ народъ здѣсь, подлѣ насъ! Онъ надѣется, желаетъ, требуетъ безотлагательнаго провозглашенія республики. Отказать ему въ удовлетвореніи—значитъ желать бѣшенства анархіи. Республика есть единственный исходъ, провозгласите республику!“

V.

Сторонники Дюпонъ де л’Ера возражали: „Народъ наполняющій теперь городскую думу, даже весь народъ парижскій, не составляетъ еще цѣлой націи. Онъ имѣетъ свои права, нація свои. Вы говорите, что республика есть необходимая форма правленія для демократіи; мы совершенно согласны съ

вами; но пусть и нація заявитъ, что и она того же мнѣнія. Провозгласить какую бы то ни было форму правленія, не посовѣтовавшись съ народомъ, значитъ нарушить его верховное владычество. Случай внезапный, неожиданный, непредвидѣнный вручилъ намъ власть. Пусть такъ! Примемъ на себя, не колеблясь, эту великую обязанность! Опасность нашего положенія узаконитъ наши дѣйствія передъ націей, передъ потомствомъ, передъ Богомъ. Но не будемъ пользоваться властью въ ущербъ народному благосостоянію. Созовемъ сейчасъ-же національное собраніе изъ выборныхъ отъ всей націи. Законно избранное, оно законно установитъ республику. Въ чемъ заключается принципъ, источникъ, основа существованія, начало и конецъ демократіи? Въ верховной власти народа! Такъ будемъ-же уважать эту власть и уважать искренно! Ограничимся провозглашеніемъ двухъ фактовъ, необходимо вытекающихъ изъ нашего положенія: эти факты—учрежденіе временнаго правительства и созваніе всей Франціи. Пусть она сама рѣшаетъ судьбу свою, установитъ свои верховные законы, свою конституцію“.

VI.

„Не будемъ отрицать того, что очевидно“, говорили въ свою очередь Ламартинъ, Кремье, Гарнье-Паже и Карно. „Республика уже существуетъ какъ фактъ, какъ законное явленіе, какъ необходимость. Королевская власть низвергнута, прежняго ничего нѣтъ и не можетъ быть. Такъ что-же есть? Правительство составленное изъ гражданъ, избранныхъ и уполномоченныхъ народомъ,—однимъ словомъ республика. Отрицать этого нельзя; въ этомъ должно сознаться. А если вы не сознаетесь, то что выйдетъ изъ этого? Вы немедленно подадите поводъ ко всевозможнымъ подозрѣніямъ и клеветамъ, вамъ немедленно припишутъ тайныя желанія возстановить монархію или регентство. Тогда ничто не удержитъ этого народа, который

теперь громко требуетъ вашего рѣшенія. Опять начнутся битвы, междуусобицы, опять появятся на сцену желѣзо, огонь, кровь. Въ тоже самое время вы утратите вашу нравственную силу. А развѣ у васъ есть какая нибудь другая сила? Анархія одержитъ верхъ; необузданныя страсти поглотятъ вашу власть. Вы не спасете даже принципа верховной власти, этого предмета нашего общаго уваженія, нашего поклоненія; онъ погибнетъ въ кровавой диктатурѣ. И такъ, не колебайтесь провозгласить республику!

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою-же твердостью, провозгласимъ принципъ верховной власти народа; скажемъ, что одной только націи принадлежитъ право утвержденія окончательнаго и непреложнаго. Сдѣлаемъ немедленно воззваніе ко всей націи; пусть она уполномочитъ собраніе своихъ представителей властью дѣлать и передѣлывать, соединять и разъединять, утверждать или не утверждать, оправдывать насъ или осуждать.

„Этимъ вы дадите должное удовлетвореніе славному парижскому народу, героизмъ котораго совершилъ революцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраните во всей чистотѣ великій принципъ, безъ котораго и самая республика есть только пустое слово.“

VII.

Эти важные доводы, изложенные каждой стороной съ глубокимъ убѣжденіемъ, поддерживались съ тѣмъ жаромъ и тою стойкостью, какіе свойственны людямъ, проникнутымъ страстнымъ чувствомъ долга и сознаніемъ справедливости идеи. Не смотря на искреннее, очевидное желаніе прійти къ мирному соглашенію, споръ продолжался два часа безъ всякаго окончательнаго результата.

Флоконъ сначала подписалъ прокламацію, потомъ вычеркнулъ свою подпись; Ледрю-Ролленъ совсѣмъ не подписывалъ. Всякій предлагалъ новую редакцію, новое слово, стараясь устранить затрудненіе; но на языкѣ человѣческомъ нѣтъ слова для выра-

женія въ одно и тоже время двухъ противоположныхъ идей. Вмѣсто фразы: „хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа и принимаетъ республиканскую форму правленія, но ни народъ парижскій, ни временное правительство и т. д...“ Ламартинъ, принявшійся въ третій разъ за формулированіе одной и той же мысли, поставилъ: „Хотя временное правительство дѣйствуетъ единственно именемъ французскаго народа, хотя оно по убѣжденію и сердечному чувству стоитъ за правленіе республиканское, но ни народъ парижскій, ни временное правительство и т. д.“—Ничто не могло привести къ единодушію. Споръ продолжался среди возрастающаго волненія и криковъ раздраженнаго народа, безпрестанно прерываемый различными приключеніями внѣ собранія, требовавшими дѣятельнаго и личнаго вмѣшательства членовъ правительства.

VIII.

Пріѣхалъ Ламорисьеръ.

Читатель помнитъ, что мы оставили генерала въ 11-мъ легіонѣ, гдѣ онъ старался собрать вокругъ павшаго регентства остатки военной силы. Побѣжденный, но не обезкураженный, проникнутый правиломъ великихъ полководцевъ, что побѣда рано или поздно непремѣнно остается за тѣмъ, кто упорнѣе держится въ битвѣ, онъ въ первый разъ отправился въ думу вмѣстѣ съ Булэ (Boulay de la Meurthe) *). Но разлученный толпою съ Булэ, онъ былъ признанъ за военнаго. Его схватили, оскорбили и потомъ отвели какъ плѣнника въ сосѣдній кабакъ. По непріятному совпаденію обстоятельствъ, это былъ тотъ самый кабакъ, у дверей котораго повѣсили первую жертву первой революціи, Фулона. Напрасно генералъ напомнилъ свое имя и заслуги, его хотѣли разстрѣлять, одни именно за то, что

*) Въ пять часовъ.

онъ былъ Ламорисьеръ, другіе за то, что по ихъ мнѣнію онъ былъ подлый обманщикъ, прикрывшійся славнымъ популярнымъ именемъ, чтобы избѣжать народной мести. Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось все это, еслибы не подоспѣлъ случайно одинъ изъ инсургентовъ, старый африканскій солдатъ, который объявилъ, что плѣнникъ дѣйствительно Ламорисьеръ. Въ ту-же минуту всѣ обвинявшіе его въ самозванствѣ закричали: „Да здравствуетъ Ламорисьеръ!“ Остальные увлеклись примѣромъ ихъ и также громко привѣтствовали молодого героя. И генералъ встрѣтилъ восторженныя рукоплесканія тамъ, гдѣ думалъ найти смерть.

Возвратясь домой послѣ этой страшной тревоги, онъ получилъ письмо Ламартина и Гарнье-Паже, и вслѣдъ за тѣмъ еще депешу послѣдняго, въ которой тотъ просилъ его поспѣшить прибытіемъ. Усталый, раненый, но непокорный усталости и опасности, онъ тотчасъ же отправился и явился на призывъ временнаго правительства.

Въ думѣ онъ узналъ, что Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи и уже отправился въ Тюльери; что временное правительство горячо желало возстановить въ войскѣ потрясенную дисциплину, преобразовать его совершенно и поставить какъ можно скорѣе въ возможность выступить противъ непріятеля; что для совершенія этого труднаго дѣла, требовавшаго твердой, опытной, надежной руки и популярнаго между солдатами имени, правительство, полагаясь на его патріотизмъ, избрало его. Генералъ горячо благодарилъ: онъ былъ глубоко тронутъ такимъ доказательствомъ довѣрія къ его честности, но его стѣсняло его недавнее положеніе при дворѣ. „Сверхъ того, прибавилъ онъ, выражаясь по военному, я ничего не смыслю въ дѣлахъ административной лавки Парижа. Бедо можетъ быть вамъ болѣе полезенъ. Но вѣроятно скоро будетъ война, тогда дайте мнѣ какую нибудь должность на границѣ, и можете на меня надѣяться.

*

Какую чудесную Одиссею представляютъ приключенія Ламорисьера въ этотъ день! Поутру онъ министръ короля, а вечеромъ отъ него зависитъ сдѣлаться министромъ республики. Въ этотъ промежутокъ времени совершилась революція. Двадцать разъ онъ рисковалъ жизнью въ пылу битвы, два раза былъ раненъ, два раза въ плѣну, два раза слышалъ какъ рѣшали его жизнь или смерть. Такимъ образомъ онъ переходилъ всѣ степени счастія и несчастія, то брасаемый судьбою въ бездну, то снова подымаемый на вершину.

IX.

Бедо, собратъ Ламорисьера по оружію, поутру командовалъ войсками короля, въ три часа онъ еще исполнялъ приказанія герцога Немурскаго. Но всѣ были такъ далеки отъ мысли о томъ, что армія побѣждена, союзъ арміи и народа такъ очевидно содѣйствовалъ совершенію революціи, что временное правительство ни мало не задумалось пригласить генерала Бедо, какъ пригласило Ламорисьера. Съ другой стороны было совершенно ясно, что ни честь, ни самолюбіе арміи не были затронуты результатами этого дня, и потому оба генерала со всею готовностью поспѣшили на призывъ.

Едва только показался Бедо, какъ Гарнье-Паже, который былъ съ нимъ знакомъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: „Генералъ, благодарю васъ именемъ всей страны за то, что вы исполнили нашу просьбу.“

— „Это моя объязанность, отвѣчалъ Бедо, но я не знаю, чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ“.

—„Намъ нужно только, чтобы вы служили дѣлу Франціи. Мы полагаемся на васъ и Ламорисьера, людей служившихъ въ Африкѣ. Всѣ другіе генералы были или адъютантами короля, или перами Франціи, или депутатами консервативной партіи, именна ихъ не пользуются популярностью. Вы напротивъ любимы народомъ. Съ минуты на минуту можетъ

встрѣтиться надобность вооруженною рукою защищать нашу родину. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, нужно укрѣпить ея организацію, возстановить дисциплину. Для этого славнаго и труднаго дѣла мы желаемъ видѣть васъ и Ламорисьера въ главѣ военнаго министерства и первой военной дивизіи. Это, конечно, славная и благородная обязанность."

—„Позвольте спросить у васъ, какія намѣренія имѣетъ временное правительство? Не желаетъ ли оно преслѣдовать офицеровъ; въ такомъ случаѣ я не могу принять....

—„Успокойтесь, генералъ! Правительство не думаетъ слушать никакихъ кляузъ противъ арміи, оно станетъ выше жалкихъ личныхъ вопросовъ и будетъ думать только о защитѣ страны. И потому ни одинъ офицеръ не будетъ отвѣчать за свои мнѣнія и поступки, совершенные до революціи."

— „Если такъ, то я согласенъ принять первую дивизію. Министерство предоставьте Ламорисьеру или какому другому генералу, болѣе меня понимающему администрацію".

Получивъ тѣ же самыя увѣренія отъ Ламартина, Ледрю-Роллена и другихъ членовъ временнаго правительства, генералъ отправился въ отель первой дивизіи; тамъ онъ немедленно созвалъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и послалъ въ Венсенъ, черезъ капитана артиллеріи Мишеля, приказаніе, тотчасъ-же снять всѣ подъемные мосты, чтобы устранить всякій предлогъ къ столкновенію между войскомъ и народомъ.

Спустя немного, временное правительство, въ надеждѣ убѣдить генерала Ламорисьера принять званіе военнаго министра, помѣстило имя его въ спискѣ, который на другой день появился въ Монитерѣ. Гарнье-Паже поручено было увѣдомить объ этомъ генерала (въ 11 часовъ), но тотъ продолжалъ отказываться.

Обезпечить защиту страны, сохранить дисциплину арміи— вотъ въ чемъ состояли стремленія временнаго правительства и генераловъ, отозвавшихся на призывъ его. Если впослѣдствіи

духъ партій старался очернить ихъ честную дѣятельность, то все таки Франція обязана вѣчной благодарностью тѣмъ, кто въ эти трудныя минуты, презирая свои личные интересы, заботился только о благѣ отечества и арміи; тѣмъ, кто не отступилъ передъ исполненіемъ долга; тѣмъ, наконецъ, кто не желалъ прикрываться ложнымъ достоинствомъ и не хотѣлъ слушать эгоистическихъ разсчетовъ честолюбія.

X.

Давно уже наступила ночь, а дума все еще была полна народомъ. Толпа казалось, напротивъ, прибывала, а не убывала. Во дворѣ, въ залахъ, въ корридорахъ, на лѣстницахъ волненіе не только не утихало, но еще усиливалось. Все служило ему пищею; тысячи разнородныхъ чувствъ волновали воображеніе присутствовавшихъ. Монархія, еще стоявшая на ногахъ поутру, и низвергнутая въ нѣсколько часовъ; неслыханное торжество идеи, торжество народа; борьба относительно не слишкомъ кровопролитная и принесшая такіе обильные результаты; столько необыкновенныхъ случаевъ, присоединеніе арміи къ народу, который она должна была усмирять; буржуазія чуждая народу по интересамъ, но родная по чувству патріотизма; неизвѣстность о судьбѣ короля, принцевъ, министровъ; господство народа надъ городомъ; желаніе вывѣдать дѣйствительныя намѣренія временнаго правительства; нетерпѣніе узнать его первыя дѣйствія; пламенное желаніе, даже страхъ услышать наконецъ официальное освященіе великаго слова, которое раздавалось въ воспоминаніяхъ однихъ, въ надеждахъ другихъ, въ устахъ всѣхъ, слова—„Республика!“; анархія, сдержанная до сихъ поръ, теперь совершенно необузданная; наконецъ, это зрѣлище совершенно новое, видъ этихъ гражданъ, болѣе или менѣе неизвѣстныхъ, поразительныхъ смѣлостью и преданностью отчизнѣ, сильныхъ только силою нравственной, брошенныхъ въ одно мгновеніе отъ домашняго очага въ главу

правленія, отыскивавшихъ свой новый путь среди глубокаго мрака и уже укрощавшихъ эту бурю, готовую все поглотить,— все это невольно волновало и тревожило умы.

Къ вѣчной славѣ парижскаго народа надо сказать, что онъ подавалъ самому себѣ и всему міру великолѣпнѣйшій примѣръ. Дурные инстинкты, дурныя страсти, зависть, ядъ недоброжелательства, потеряли всю свою власть; только нѣсколько человѣкъ, незамѣтныхъ въ цѣлой массѣ, были заражены ими. Благородныя чувства преобладали въ этой толпѣ, совершенно предоставленной самой себѣ и опасной только по своему излишнему энтузіазму и возможности ошибокъ вслѣдствіе его. Всякій чувствовалъ себя служащимъ членомъ отечества, всякому казалось, что на немъ лежитъ какой-то долгъ. Готовности помогать общему дѣлу было чрезвычайно много; въ каждой личной иниціативѣ было видно желаніе водворить миръ и порядокъ. Народъ, достойный удивленія по своему здравому смыслу, разуму, ясному пониманію, оберегалъ баррикады, мерства, тюрьмы, оказывалъ пособія нуждающимся, укрывалъ муниципальныхъ гвардейцевъ, однимъ словомъ распространялъ надъ цѣлымъ городомъ свою бдительную защиту. Бѣдные защищали имущество богатыхъ, французскій банкъ былъ охраняемъ рабочими въ блузахъ: — общественное богатство берегла общественная честь!

XI.

Опасность, порожденная излишнимъ энтузіазмомъ, стала серьезно угрожать членамъ временнаго правительства. Мы видѣли, что они сначала удалились въ кабинетъ префекта, потомъ перешли въ комнату секретаря, наконецъ еще въ комнату, за которой не было уже никакого помѣщенія. Тамъ-то ихъ осадили теперь. Напрасно добровольные часовые удерживали народъ словами и руками; давка сдѣлалась страшная, неудержимая. Дверь затрещала подъ напоромъ толпы. Временное правительство

было принуждено силою рукъ своихъ останавливать наступленіе и буквально загородить себя немногими стульями и столами, находившимися въ комнатѣ. Но этого было недостаточно. Шумъ препятствовалъ систематическому обсужденію дѣла, нужно было довести толпу до того, чтобы она сама усмирила себя. Нѣсколько разъ Мари, Кремье, Гарнье-Паже и Ламартинъ останавливали ее, но не на долго. Ламартинъ снова вышелъ въ коридоръ и направился въ залу муниципальнаго совѣта, которая была центромъ волненія и уже успѣла сдѣлаться пріютомъ интригъ. Его провожала толна, въ которой слова его возбуждали энтузіазмъ, умѣряли нетерпѣніе и успокоивали волненіе. Едва онъ показался въ залѣ, какъ раздались рукоплесканія, ропотъ и тысячи вопросовъ. Какой-то гражданинъ грубо спросилъ, по какому праву временное правительство присвоиваетъ себѣ верховную власть. Едва только шумъ нѣсколько утихъ и можно было говорить, Ламартинъ отвѣчалъ на этотъ дерзкій вопросъ слѣдующей великолѣпной рѣчью:

„По какому праву?—По праву крови, которая льется въ эту минуту, пожара, уничтожающаго ваши зданія, націи, оставленной безъ вождей, безъ правленія и которая, можетъ быть, завтра будетъ безъ хлѣба! по праву честныхъ и доблестныхъ гражданъ! Если уже нужно сказать вамъ это, то по праву тѣхъ, кто прежде всѣхъ не побоялся подвергнуться обвиненіямъ, подставить головы свои подъ сѣкиру палача, навлечь на себя месть королей и народовъ! И все это для спасенія своей родины!“ Онъ продолжалъ съ такимъ жаромъ, что увлекъ сердца всѣхъ своихъ слушателей.

Однако, даже подъ всеобъемлющимъ обаяніемъ краснорѣчія, народъ не терялъ изъ виду своей главной мысли и продолжалъ съ прежней настойчивостью требовать немедленнаго провозглашенія республики, „Республика!—продолжалъ Ламартинъ.—И мы желаемъ ее. Но мы имѣемъ только одно

право, объявить нашу мысль, нашу личную волю намъ, народу парижскому. Мы имѣемъ одно право — взять на себя славную инціативу правленія свободы, выработаннаго вѣками, и сказать цѣлой странѣ и всему міру, что мы беремъ на себя отвѣтственность провозгласить временную республику, предоставляя Франціи съ ея 36-ю милліонами жителей, которыхъ нѣтъ здѣсь въ эту минуту и которые, также какъ и мы, имѣютъ право принять или отвергнуть извѣстную форму правленія, — предоставляя имъ, говорю я, ихъ законное право заявить ихъ верховную волю, посредствомъ общей подачи голосовъ, этой первой истины, этой основы всякой національной республики!“

На эту благородную и твердую рѣчь публика, упоенная восторгомъ, отвѣчала единодушными рукоплесканіями, и оратора съ торжествомъ отвели къ его товарищамъ.

XII.

Долѣе нельзя было колебаться. Парижъ хотѣлъ знать намѣренія временнаго правительства, необходимо было объявить ему ихъ.

Всѣ члены находились въ комнатѣ смежной съ кабинетомъ. Ледрю-Ролленъ, Флоконъ и Луи-Бланъ сидѣли вмѣстѣ на диванѣ; напротивъ ихъ, на стульяхъ у камина, сидѣли Дюпонъ де л’Еръ и Араго. По правую сторону дивана были Гарнье-Паже и Мари, на лѣво Карно и Марра. За столомъ у окна сидѣли Ламартинъ и Кремье. Жанъ Рейно и Гинаръ, не принадлежавшіе къ временному правительству, стояли въ сторонѣ и слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Флотаръ ходилъ взадъ и впередъ, получая приказанія и передавая ихъ.

Какъ обыкновенно дѣлается при совѣщаніяхъ, было рѣшено, что каждый выскажетъ свое окончательное мнѣніе.

Началъ Ледрю-Ролленъ. „Народъ, сказалъ онъ, опроки-

нулъ тронъ Людовика-Филиппа и изгналъ королевскую фамилію. Младшая линія послѣдовала въ изгнаніе за старшей. Въ продолженіи 18 лѣтъ народъ два раза возставалъ противъ монархической власти. Обманутый въ первый разъ въ своихъ надеждахъ, онъ не можетъ быть обманутъ во второй; тогда онъ хотѣлъ республику и теперь хочетъ того-же. Въ палатѣ депутатовъ, въ думѣ, — вездѣ онъ требуетъ и провозглашаетъ республику. Хотятъ или не хотятъ ея члены временнаго правительства,—она во всякомъ случаѣ уже провозглашена. Можно ли послѣ этого не соглашаться съ желаніемъ народа,—этого живаго закона? Я не понимаю, о чемъ тутъ спорить; всякій споръ тутъ болѣе чѣмъ безполезенъ;—необходимо, не колеблясь болѣе, тотчасъ-же провозгласить республику!“

Флоконъ, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ, подтвердилъ мысль Ледрю-Роллена. Луи-Бланъ резюмировалъ свои прежніе доводы и потомъ добавилъ: „не провозгласить республику — значитъ желать создать себѣ страшныя затрудненія; нельзя же оставить Францію безъ всякой формы правленія. Республика есть законъ, право народа управлять собою. Народъ завоевалъ себѣ свои права, и временное правительство не имѣетъ права не признать ихъ; оно должно учредить ту форму правленія, которая одна можетъ упрочить за народомъ его права. Довольно народъ былъ рабомъ; надо же, наконецъ, чтобы онъ сталъ самъ себѣ господиномъ. Революція совершилась; она должна имѣть всѣ свои послѣдствія, — послѣдствія соціальныя. Республика — это начинающееся царствованіе народа. Страшнымъ крикомъ протестовалъ бы народъ противъ того правительства, которое вздумало-бы помѣшать этому царствованію. Спѣшите! Завтра будетъ поздно! Нужно сію же минуту провозгласить республику!“

XIII.

„Республика, сказалъ Гарнье-Паже, была моей завѣтной мечтой, надеждой всей моей жизни, моей религіей. До начала революціи, желая избѣжать кровопролитія и междуусобной войны, я вмѣстѣ со всей радикальной партіей согласился на уступки, ослаблявшія монархію и позволявшія усилившейся демократіи свободно идти къ своей цѣли. Но теперь обстоятельства перемѣнились. Монархія пала, междуусобія нѣтъ, стало быть республика возможна и я желаю ея. Я всегда думалъ, что въ 1830 году Лафаетъ сдѣлалъ огромную ошибку, отказавшись провозгласить республику, и я не хочу, чтобъ меня обвинили въ томъ-же. Не хочу упрекать себя впослѣдствіи въ томъ, что республика была въ моихъ рукахъ и я не далъ ей свободы. Рѣшимость моя въ этомъ отношеніи такъ сильна, что если временное правительство не провозгласитъ тотчасъ же республику, я удаляюсь отъ дѣлъ! „При этихъ словахъ, Ледрю-Ролленъ всталъ и сказалъ. „Если такъ, то это дѣло рѣшенное!“ „Съ моей стороны конечно, продолжалъ Гарнье-Паже, но мы должны сдѣлать все возможное, чтобы согласить нашихъ товарищей. Выслушаемъ ихъ мнѣнія.“

XIV.

Мари напомнилъ, что онъ первый потребовалъ въ палатѣ депутатовъ учрежденія временнаго правительства, что онъ первый протестовалъ противъ партіи регентства. Слѣдовательно его принципы ясны, онъ желаетъ республику. Но необходимо ли провозгласить ее сію минуту? Народъ, наполняющій думу, требуетъ этого. Положимъ такъ. Но вѣдь это не весь народъ французскій, даже не населеніе всего Парижа. Что скажетъ національная гвардія, армія? Согласятся-ли онѣ на такое рѣшеніе или снова возьмутся за оружіе и возобновятъ борьбу только что прекращенную? А если эта борьба возоб-

новится, она ляжетъ вѣчнымъ упрекомъ на временное правительство. Объ этомъ страшно даже подумать. Не будемъ-же, продолжалъ онъ, безумно спѣшить осуществленіемъ надеждъ. Событія съ логической послѣдовательностью ведутъ къ республиканскому правленію. Для чего-же спѣшить? Для чего давать мѣсто спору тамъ, гдѣ не должно быть спора? Отъ настоящаго зависитъ будущее народа. Не допустимъ противниковъ нашихъ сказать, что мы насиловали волю націи, надо предвидѣть затрудненія, можетъ быть неодолимыя, и не вызывать ихъ первымъ дѣйствіемъ правительства. Подождемъ минуты, которая уже близко, когда цѣлая нація объявитъ себя за республику, и тогда провозгласимъ ее.

XV.

Араго остался при прежнемъ мнѣніи, которое резюмировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Временное правительство не имѣетъ права учреждать республику; только одна нація черезъ посредство своихъ представителей должна установить форму своего правленія.“ — Дюпонъ де л'Еръ выразилъ ту же мысль съ свойственной ему энергіей. Онъ прибавилъ, что республиканское правленіе оставило во многихъ самыя страшныя воспоминанія; что немедленное провозглашеніе республики можетъ породить опасенія пагубныя для продолжительности ея существованія и ея спокойствія, что не нужно подавать повода къ распространенію клеветы противъ честныхъ и либеральныхъ намѣреній временнаго правительства; что гораздо необходимѣе прежде всего успокоить умы и тогда уже провозгласить республику, учрежденную конституціоннымъ собраніемъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ.

XVI.

Кремье старался согласить оба мнѣнія. Онъ говорилъ

Араго и Дюпону де л'Еръ: „De jure, вы совершенно правы. Но мы толкуемъ не о правахъ, мы признаемъ фактъ. Народъ парижскій совершилъ революцію. Онъ низвергъ монархію, онъ же требуетъ республики, онъ вручилъ намъ власть для того чтобы мы были истолкователями его воли. Если мы приняли эту власть изъ рукъ народа, то можемъ ли мы не слѣдовать его указаніямъ? Онъ поручилъ намъ провозгласить республику и мы должны это исполнить. Что касается до права, оставимъ его неприкосновеннымъ. Передъ нами два мнѣнія: одни хотятъ немедленнаго провозглашенія республики, вышедшей живьемъ изъ нѣдръ революціи. Это фактъ. Другіе говорятъ, что только цѣлая нація можетъ располагать собой. Это право. Согласимъ фактъ и право. Провозгласимъ республику и предоставимъ національному собранію, немедленно созванному, право утвердить или не утвердить ее". Затѣмъ онъ предложилъ слѣдующее измѣненіе въ редакціи Ламартина: „временное правительство провозглашаетъ республику, предоставляя утвержденіе или неутвержденіе ея національному собранію, которое будетъ немедленно созвано." Это была таже самая мысль, только въ формѣ болѣе простой и ясной.

XVII.

Послѣднимъ говорилъ Ламартинъ. Я передаю его рѣчь точно такъ, какъ онъ напечаталъ ее. „De jure, во главѣ всего стоитъ теперь нація; на самомъ же дѣлѣ, дѣйствуютъ только семь человѣкъ, говорящихъ и дѣйствующихъ въ ея отсутствіе ея именемъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ состояніи сама говорить и дѣйствовать. Эти семь человѣкъ очевидно не имѣли бы права измѣнить образъ правленія, еслибы это правленіе существовало. Но никакого правленія нѣтъ, исключая правленія самыхъ смѣлыхъ и самыхъ преданныхъ людей. При этомъ совершенномъ отсутствіи конституціонныхъ законовъ, при этомъ несуществованіи власти, при этомъ ни-

чтожествѣ правъ, эти семь человѣкъ, которыхъ только случай поставилъ на теперешнемъ мѣстѣ, имѣютъ конечно право, посмотрѣвъ вокругъ себя, взвѣсить и обсудить положеніе дѣла во всей его цѣлости. Они могутъ также заявить, какъ результаты своихъ соображеній, свои собственныя мнѣнія и личныя стремленія, и сказать странѣ, будутъ-ли они управлять только временно, или во имя республики возникшей въ ихъ сердцахъ!

„Намъ остается только три пути: не прозглашать никакой формы правленія, провозгласить монархію или провозгласить республику.

„Сказать народу: мы не провозглашаемъ никакого правленія, — значитъ сказать всѣмъ партіямъ стоящимъ за ту или другую форму правленія: продолжайте проливать кровь свою, кровь Франціи! продолжайте набирать солдатъ, точить оружіе, постоянно наносить удары временному и обезоруженному порядку, устанавливаемому нами, отнимать у насъ побѣду надъ вашимъ мятежнымъ духомъ!—И такъ, не провозгласить ничего, значитъ провозгласить анархію, бунтъ, нескончаемую междуусобную войну. Лучше бы этимъ семи человѣкамъ спокойно оставаться въ рядахъ депутатовъ, чѣмъ, выйдя оттуда во имя спасенія народа, повести его къ погибели!

„Провозгласить монархію передъ тремя стами тысячъ людей поднявшихся противъ нея, предъ національной гвардіей разстроенной или сочувствующей народу, передъ арміей удаленной или распущенной, передъ этимъ опустѣлымъ трономъ, передъ бѣгущимъ регентствомъ, передъ палатами, изъ которыхъ народъ разогналъ депутатовъ—не значитъ-ли это бросить насмѣшку въ лице всего народа!

„И такъ, ничего больше не остается какъ провозгласить республику, съ предоставленіемъ націи права утвержденія ея, посредствомъ національнаго собранія. Это дѣло будетъ вполнѣ революціонно и вмѣстѣ съ тѣмъ безопасно. Республика, поддерживаемая въ продолженіи извѣстнаго времени еди-

нодушно и съ умѣренностью, будетъ огромнымъ прогрессомъ въ дѣлѣ раціональнаго правленія и народныхъ интересовъ. Такимъ образомъ можно прекратить междуусобіе, довершить революцію, дать народу самоуправленіе, а между тѣмъ нація все таки останется верховной распорядительницей окончательной формы своего правленія."

Марра и Карно раздѣляли образъ мыслей Ламартина.

XVIII.

Формула, предложенная Кремье, почти соглашала всѣ мнѣнія; только для нѣкоторыхъ слово: провозглашаетъ казалось слишкомъ утвердительнымъ, они находили, что желаемъ было бы лучше, не такъ рѣзко. Гарнье-Паже и Кремье предложили слово хочетъ. Наконецъ всѣ противники сошлись на слѣдующемъ: „Временное правительство хочетъ имѣть республику, предоставляя утвержденіе ея національному собранію, которое будетъ немедленно созвано". Этотъ великій актъ, возвѣщавшій Франціи начало новой эры, былъ принятъ единодушно. Каждый изъ семи членовъ приложилъ свою подпись, за тѣмъ подписались секретари Луи Бланъ и Марра. За отсутствіемъ Флокона, куда-то ушедшаго, и Альберта, еще не приходившаго, подписей ихъ не было въ актѣ, обнародованномъ на другой день въ Монитерѣ.

Таково было это достопамятное совѣщаніе. Я съ величайшей точностью изложилъ его во всѣхъ подробностяхъ, извлекая ихъ изъ записокъ и воспоминаній, моихъ собственныхъ и моихъ сотоварищей. Что еще теперь, т. е. по прошествіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, поражаетъ меня, такъ это спокойствіе, серьозность, добросовѣстность, неограниченная свобода слова и мысли, коими оно было проникнуто. Если взвѣсить обстоятельства, важность этого акта, электрическія потрясенія извнѣ, то можно сказать безъ тщеславія, что исторія не представляетъ намъ акта, внушающаго большаго почтенія.

XIX.

Чтобы довести до конца свою мысль и привести въ исполненіе статью, предоставлявшую право утвержденія республики народу, посредствомъ національнаго собранія, временное правительство тутъ-же издало декретъ о распущеніи палаты депутатовъ, прекращеніи засѣданій перовъ и созваніи національнаго собранія въ самый непродолжительный срокъ, необходимый только для принятія полицейскихъ мѣръ, долженствовавшихъ дать возможность подачи голосовъ всѣми гражданами.

Словами всѣ граждане временное правительство имѣло цѣлью окончательно утвердить основной принципъ демократіи. Оно хотѣло громко и навсегда заявить, что каждый членъ общества имѣетъ ненарушимое право участвовать непосредственно въ правленіи своего государства. Оно хотѣло на практикѣ показать примѣненіе великихъ принциповъ, находившихся до тѣхъ поръ въ области отвлеченныхъ теорій философіи.

Провозглашая это право, оно въ тоже время и утверждало его. Въ одномъ изъ декретовъ оно объявило, что всякій гражданинъ — членъ національной гвардіи. Такимъ образомъ оно давало каждому возможность защищать себя.

XX.

По окончаніи этихъ великихъ дѣлъ, всѣ сердца проникнулись чувствомъ глубокой радости. Всякій гордился тѣмъ, что способствовалъ устраненію междуусобицы и революціи. Соперничество, тяжелыя воспоминанія, различіе мнѣній, личныя непріязни, все было забыто, все пало передъ общимъ, горячимъ желаніемъ примиренія. Флоконъ подошелъ къ Карно, своему прежнему сопернику, и братское объятіе запечатлѣло забвеніе прошлаго. Всѣ горячо жали руки другъ другу, какъ будто давая клятвы въ братской любви.

Какъ только прокламація сдѣлалась извѣстна народу, наполнявшему думу и площадь, всеобщій, неудержимый восторгъ разразился въ громкихъ рукоплесканіяхъ. Переходя изъ устъ въ уста, новость мгновенно облетѣла весь городъ. Радость была всеобщая.

Даже враги приняли новость если не съ радостью, то по крайней мѣрѣ безъ страха; они видѣли, что было неосновательно бояться народа, столь благоразумнаго даже при такой абсолютной свободѣ, столь великодушнаго послѣ полной и внезапной побѣды! Они понимали точно также, что имъ не зачѣмъ было бояться правительства, которое, въ пылу междуусобной войны, провозглашало не успѣхъ одной партіи, но торжество всемірнаго права!

Чувство высокой благосклонности новаго правительства простиралось даже на заклятыхъ враговъ революціи.

Въ 1830 году Карла X преслѣдовали бранью, министровъ его—мщеніемъ. Въ 1848 году, вмѣсто преслѣдованія, Люи Филиппу, его семейству и министрамъ объявили защиту и покровительство.

„Пусть они уходятъ себѣ спокойно“, говорилъ Ледрю-Ролленъ. Никто не приказывалъ арестовать бѣглецовъ; каждый изъ нихъ могъ безъ особенной опасности и безъ затрудненія покинуть Францію *). Агенты временнаго правительства снабжали ихъ деньгами и паспортами и, поступая такъ, никто не дѣйствовалъ вопреки приказаніямъ своего правительства. Ни на кого не обрушивались ненависть, никто не подвергся изгнанію. Была полная свобода мнѣній, даже желаній и надеждъ. Таковы были побужденія членовъ временнаго правительства, всѣхъ безъ исключенія. Благородныя побужденія, вышедшія изъ сердца народа, который въ припадкѣ революціоннаго

*) Мы дополнимъ этотъ разсказъ впослѣдствіи.

экстаза не зачернилъ ни однимъ поступкомъ, ни однимъ словомъ блеска своей побѣды!

XXI.

Большіе часы думы пробили 11. Для жителей столицы наступилъ часъ покоя, но для членовъ временнаго правительства наступила тяжелая, изнурительная работа, которая должна была протянуться два съ половиною мѣсяца. Истощенные голодомъ и усталостью, основатели республики едва добились чтобы имъ принесли немного хлѣба, сыра и воды. Разбитая сахарница замѣнила имъ стаканъ. Таковъ былъ ужинъ, который, нѣсколько времени спустя, въ лѣтописяхъ клеветы, названъ былъ оргіей временнаго правительства.

XXII.

24 февраля 1848 года сдѣлалось однимъ изъ великихъ дней исторіи. Между полуночью и полуднемъ пала монархія, между полуднемъ и полуночью была основана республика.

XXIII.

Эта революція была страшнымъ, внезапнымъ взрывомъ. Стало быть, она должна была имѣть важныя причины.

Въ продолженіе своего 18-ти лѣтняго правленія Люи-Филиппъ наносилъ глубокія раны нравственному чувству народа, пробужденіемъ въ немъ интересовъ эгоистическихъ, матеріальныхъ; его либеральнымъ инстинктамъ—постепеннымъ стѣсненіемъ свободы ассоціацій, свободы прессы, права собраній; его справедливой гордости—слабостью внѣшней политики. Особенно стѣснилъ онъ низшій классъ введеніемъ законовъ, противныхъ его развитію физическому, умственному и моральному.

Терпѣливый, спокойный, не слишкомъ расположенный къ рѣшительнымъ мѣрамъ, народъ терпѣлъ молча. Онъ хотѣлъ не

разрушать, а строить. Но правительство не понимало этого. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на симптомы перемѣны, обнаружившейся мало по малу въ расположеніи умовъ, оно презирало ихъ. Всякая просьба считалась возмущеніемъ, всякое заявленіе неудовольствія — преступленіемъ. Даже искренняя печаль людей преданныхъ королю была нестерпима ему, равно какъ и его министрамъ.

Революція была заявленіемъ общаго неудовольствія и реакціей противъ системы разложенія! Все содѣйствовало ей: сопротивленіе всякому прогрессу, всякой реформѣ; упорная несправедливость, ослѣпленіе консервативной партіи; оскорбленіе королемъ оппозиціи смѣлой, но легальной, дерзкой, но конституціонной; равнодушіе, почти непріязнь національной гвардіи; отсутствіе энергіи въ войскѣ, недостатокъ уваженія, вѣры въ короля. Это было одно изъ тѣхъ великихъ событій, гдѣ воля человѣка исчезаетъ, гдѣ пропадаетъ его гордость и гдѣ во всемъ блескѣ своего всемогущества проявляется неотразимый перстъ божій!

XXIV.

Въ самомъ дѣлѣ: если когда нибудь воля божія ясно выразилась въ дѣлѣ людскомъ, такъ это именно здѣсь. Съ каждымъ мгновеніемъ приближалась буря; всѣ слышали раскаты грома, всѣ видѣли далекую молнію. Даже враги предвѣщали грозу. Но напрасны были божія предзнаменованія! Глухой и слѣпой кормчій только тогда замѣтилъ бурю, когда уже не было спасенія его судну.

Столь-же слѣпые помощники его точно также ничего не видѣли. И когда буря разыгралась, когда ураганъ уже грозилъ поглотить ихъ, они потерялись и, чувствуя свое безсиліе, подумали только о личномъ спасеніи.

Рука болѣе твердая могла еще спасти эту злополучную монархію; но минуты были сочтены, нужно было рѣшиться!

*

Король не умѣлъ рѣшиться. Наканунѣ онъ медлилъ и выжидалъ съ Гизо; отъ 3-хъ часовъ до полуночи—съ Моле; отъ полуночи до восьми утра—съ Тьеромъ; наконецъ до самаго конца — съ Тьеромъ и Барро. Во всѣхъ дѣлахъ — такая-же нерѣшительность: въ 10 ч. онъ отказался распустить палату, а чрезъ два часа отказался даже отъ престола. Два пути предстояли ему: миръ или война, онъ выбралъ оба и не пошелъ ни по одному. Онъ самъ не зналъ чего желать, войны или мира. То рѣшался мириться, то думалъ сопротивляться. Высылалъ войска на площади, потомъ отбиралъ у нихъ оружіе; уставлялъ городъ ружьями и пушками и не приказывалъ стрѣлять. Грозилъ, но не смѣлъ ударить. Одной рукой показывалъ столицѣ героя-укротителя, другой — министерство, готовое на всякія уступки. Сила матеріальная могла дать ему побѣду, сила нравственная могла спасти его безъ битвы, онъ вполовину надѣялся то на ту, то на другую, и уничтожилъ обѣ.

Вокругъ него растерялись всѣ совѣтники. Прежніе министры были удалены, новыхъ еще не было. Нигдѣ не было ни власти, ни отвѣтственности. Одни не умѣли сохранить власти, другіе не умѣли взять ее въ руки.

XXV.

Деморализація вкралась въ войска, дурно управляемыя. Имя генерала Бюжо исправило ихъ. Безпредѣльно смѣлый, самостоятельный, онъ обладалъ всѣми качествами главнокомандующаго; даже враги преклоняются передъ его военнымъ геніемъ. Окруженный инсургентами онъ грозно приказалъ имъ отступить, и они отступили. Но и онъ потерялся и смѣшался; ошеломленный непослѣдовательностью событій, онъ приказывалъ одному генералу удержать за собою извѣстную позицію, другому оставить ее. Въ одномъ мѣстѣ приказывалъ прекратить огонь, въ другомъ во что бы то

ни стало взять цѣлую цѣпь баррикадъ. Находчивость его будто исчезла. Онъ не умѣлъ ни повести колонъ противъ непріятеля, ни собрать ихъ и поставить противъ него. Долго ждалъ онъ вдохновенія и удалился наконецъ безъ сопротивленія, безъ битвы.

XXVI.

Три или четыре раза среди самой борьбы представлялись средства мирно рѣшить дѣло. Но судьба мѣшала ихъ осуществленію.

Вечеромъ 23 февраля извѣстіе объ уступкахъ успокоило народъ; онъ удалился съ мѣста боя; но рѣзня на Капуцинскомъ бульварѣ снова подняла его и погнала на баррикады. Утромъ 24 прокламація министерства лѣвой стороны возвѣстила предмѣстьямъ о примиреніи; народъ повѣрилъ ей и успокоился. Но окровавленная Бастилія опять зажгла духъ возстанія. Ружейные выстрѣлы съ поста Пейроне направили возмущеніе на Тюльери. Тогда король рѣшился на всѣ жертвы: онъ принялъ оппозиціонное министерство, распустилъ палаты, даже болѣе: онъ отказался отъ престола! Напрасныя жертвы! Завязалась битва въ Château d'Eau. Напрасно храбрѣйшіе генералы, знаменитый маршалъ и даже сами инсургенты жертвовали жизнью, чтобы прекратить эту пальбу, каждый выстрѣлъ которой попадалъ въ сердце монархіи: битва продолжалась. Звуки выстрѣловъ послужили призывнымъ сигналомъ всему городу. Духъ возстанія охватилъ всю столицу. Наконецъ и королевскій дворецъ былъ окруженъ. Король зналъ, что дворецъ не выдержитъ приступа и рѣшился бѣжать.

XXVII.

Сохранитъ-ли онъ по крайней мѣрѣ корону для своего внука? — Нѣтъ, Богъ не хочетъ этого! Еслибы герцогиня Ор

леанская съ сыномъ на рукахъ явилась передъ толпой, если-бы она напомнила ей еще не забытое, дорогое имя своего мужа, можетъ быть растроганная толпа понесла бы на рукахъ мать и сына. Въ благородномъ сердцѣ герцогини было довольно мужества для такого поступка, она чувствовала себя способною на все, что только можетъ внушить женщинѣ ужасъ ссылки и желаніе сохранить своему сыну корону. Но ее отклонили отъ этого, она искала опоры тамъ, гдѣ была одна слабость, бросилась къ тому, кого ненавидѣлъ народъ и потеряла послѣднюю любовь народа. Правда, здѣсь возможно было послѣднее усиліе, можно было выставить массу противъ массы. Но герцогъ Немургскій, при всемъ его рѣдкомъ самоотверженіи, былъ лишенъ всякой иниціативы. Генералы ждали приказаній, президентъ бѣжалъ, боясь отвѣтственности. Друзья герцогини дали время революціи сдѣлать свое дѣло.

И вмѣсто смерти возможной, но во всякомъ случаѣ славной, эта благородная женщина, принужденная къ позорному бѣгству, едва не погибло жертвою глупаго случая!

XXVIII.

Тогда-то изъ груды развалинъ выступило спасительное правительство.

Среди гражданской войны, среди льющейся крови, пожара, баррикадъ, безъ денегъ, безъ войска, безъ національной гвардіи, безъ полиціи, не имѣя другой силы; кромѣ силы нравственной, другой опоры, кромѣ любви народной, другаго двигателя, кромѣ любви къ отечеству,—нѣсколько человѣкъ рѣшаются спасти государство, возстановить власть, открыть новую эру прогресса и свободы и безъ всякаго насилія замѣнить четырнадцативѣковую монархію царствомъ демократіи. И эти люди, люди разныхъ сословій, соединенные рукою случая, я хочу сказать провидѣнія, избранные народомъ, облеченные имъ верховной властью, охраняемые имъ,

вдохновляемые имъ, прекращаютъ войну, водворяютъ миръ, отираютъ кровь, врачуютъ раны, охраняютъ жизнь и свободу даже враговъ своихъ!

Ихъ стараніями водворяется спокойствіе въ городѣ, срываются баррикады, обезпечивается продовольствіе народа, сохраняется собственность общественная и частная, наказывается небольшое число преступниковъ, обезпечивается свобода, признаются права народа. Великіе принципы, провозглашаются торжественно. Силою этихъ принциповъ, въ первый разъ въ старомъ свѣтѣ, великій народъ вступилъ въ полное и абсолютное самоуправленіе.

И этотъ народъ — народъ французскій, тотъ самый, который уже столько вѣковъ проливалъ кровь свою за свободу, равенство, братство!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Господинъ президентъ Совѣта!

Отецъ мой поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству слѣдующія свѣдѣнія. Нѣкто, находящійся уже давно въ весьма коротких отношеніяхъ съ г. Тьеромъ, имѣлъ однажды съ нимъ разговоръ, изъ котораго я привожу самыя рѣзкія мѣста.

Г. Тьеръ сказалъ: «Франція гигантскими шагами приближается къ катастрофѣ, которая разразится или при жизни короля, если онъ долго проживетъ, или скоро послѣ его смерти. Будетъ междуусобная война, пересмотръ хартіи и можетъ быть перемѣна династіи. Франція не захочетъ регентства, развѣ только сдѣлаютъ что нибудь великое, чтобы поднять націю. Король Люи - Филиппъ не основалъ ничего. Его семейству трудно будетъ удержаться послѣ него. Еслибы Наполеонъ II былъ еще живъ, онъ наслѣдовалъ бы престолъ нынѣшняго короля. Что касается до меня, я ничего не хочу, мнѣ все надоѣло. — Европа повстрѣчаетъ еще на своей дорогѣ французскій народъ. До смерти короля нельзя ничего предпринимать. Надо чтобы Гизо удержался, только нужно помѣшать его сближенію съ континентальными державами. Мы должны начертать программу его внѣшней политики, заставить его бояться палаты депутатовъ и всей націи. Для этого я и хочу взойти на трибуну и буду биться съ нимъ на смерть за вопросы итальянскій и швейцарскій».

Отецъ мой ручается вашему превосходительству за достовѣрность вышеизложенныхъ фактовъ и покорно проситъ васъ держать ихъ въ тайнѣ.

Примите, господинъ президентъ Совѣта, новое увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи.

Агнеса Клиндортъ.

21 января 1848 г.

Дѣло Пети.

Господину Гизо, президенту Совѣта министровъ.

Парижъ, 1 января 1848.

Любезный господинъ президентъ!

Я прочелъ записку, которую господинъ Пети намѣренъ напечатать, и посылаю ее вамъ. Прочтите ее и вы со вниманіемъ. Мнѣ она кажется очень важною и не слѣдуетъ слишкомъ легко смотрѣть на это дѣло.

Преданный вамъ,
Гебертъ.

Къ нему-же.

Парижъ, 4 января 1848.

Любезный господинъ президентъ!

Я узналъ навѣрное, что записка появится завтра въ газетахъ. Невозможно было урезонить ни мужа, ни жену.

Я чрезвычайно огорченъ этимъ обстоятельствомъ.

Преданный вамъ,
Гебертъ.

РЕФОРМИСТКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Прошеніе о реформѣ избирательной и парламентской.

Господамъ депутатамъ.

Милостивые государи!

Мы требуемъ измѣненія въ законѣ 19 апрѣля 1831 статей касающихся выборовъ и парламента,

Потому что опытъ шестнадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ шесть разъ были генеральные выборы, слишкомъ достаточно доказалъ намъ слабыя стороны, недостатки и безсиліе этого закона;

Потому что законъ этотъ не опирается ни на какой принципъ, но нарушаетъ всѣ принципы;

Потому что ему не служатъ достаточно раціональнымъ основаніемъ

ни народонаселеніе [1]), ни территорія [2]), ни собственность [3]), ни налоги [4]), ни политическія способности [5]), ни умственныя [6]);

Потому что онъ противенъ принципу представительнаго правленія, требующему, чтобы большинство депутатовъ было слѣдствіемъ большинства избирателей [7]), и чтобы большинство избирателей было выраженіемъ большинства гражданъ;

Потому что онъ породилъ спеціальное расписаніе, дробящее до безконечности избирательныя общины, безъ всякаго соблюденія равновѣсія [8]), и дающее интересамъ мѣстнымъ исключительное преобладаніе надъ интересами общими, и дѣлающее изъ депутата не представителя страны, департамента или даже округа (arrondissement), но представителя извѣстнаго кружка избирателей [9]);

---

[1]) 10 общинъ (colléges) имѣютъ среднимъ числомъ 257,012 человѣкъ народонаселенія, тогда какъ другіе десять имѣютъ 1,591,065 человѣкъ. Каждый депутатъ первыхъ общинъ есть представитель 25,701 человѣка, депутатъ вторыхъ 159,106 человѣкъ. Одна третья община департамента Сѣвера имѣетъ 226,012 чел. народонаселенія, то есть столько-же, сколько девять другихъ общинъ вмѣстѣ взятыя.

[2]) Пространство территорій, имѣющихъ представителей, очень различно въ каждомъ округѣ.

[3]) Одна община даетъ милліоны доходовъ, другая не приноситъ и двадцатой части этого.

[4]) 5 департаментовъ, Корсика, Верхнихъ Альпъ, Нижнихъ Альпъ, Лозеры, Крезы, назначающіе всѣ вмѣстѣ 14 депутатовъ, платятъ 6,142,630 фр. прямыхъ повинностей, т. е. почти по 448,759 фр. на одного депутата, тогда какъ одинъ департаментъ Сенскій, имѣющій также 14 депутатовъ, платитъ 31,096,088 франковъ, то есть по 2,221,149 ф. на депутата.

[5]) Податной цензъ не можетъ быть полнымъ и исключительнымъ признакомъ политическихъ способностей, въ какихъ бы терминахъ не опредѣляли ихъ.

[6]) Граждане, признаваемые способными рѣшать свободу и жизнь отдѣльныхъ личностей, по закону 1831 признаны неспособными содѣйствовать къ избранію депутата. — Члены института должны платить 100 фр. прямаго налога.

[7]) Изъ 241,000 избирателей 102,000, т. е. меньшинство, избираютъ 282 депутата, что составляетъ болѣе $^3/_5$ палаты, тогда какъ 139,000 избирателей, т. е. большинство, избираютъ только 177 депутатовъ, т. е. менѣе $^2/_5$.

[8]) Двадцать шесть общинъ имѣютъ болѣе 1000 избирателей, тридцать пять — болѣе 800; пятьдесятъ семь имѣютъ избирателей менѣе 300; 20 — менѣе 200. Въ Парижѣ, во второмъ округѣ 3000 избирателей избираютъ одного депутата; въ другихъ мѣстахъ 150 чел. избираютъ также одного.

[9]) Всѣхъ общинъ 459, а округовъ (arrondissement) только 363. Чтобы дать избирательной палатѣ характеръ болѣе національный, революція

Потому что вслѣдствіе его маленькія общины превратились въ какія то дрянныя мѣстечки, совершенно подчиненныя или какому нибудь чиновнику, пользующемуся кредитомъ, или значительной фамиліи, или капиталисту: тутъ право избирательства становится уже не политическимъ полномочіемъ, главнѣйшимъ изъ всѣхъ, которыми избиратель въ извѣстномъ случаѣ пользуется, смотря по своему крайнему убѣжденію, но постояннымъ правомъ, привилегированной должностью, изъ которой вовсе не считается безчестнымъ извлекать свои личныя выгоды;

Потому что онъ клонится, какъ сказалъ одинъ изъ министровъ іюльской революціи [10]), къ возвышенію аристократіи «пронырливой и нуждающейся»;

Потому что онъ не признаетъ принципа равенства правъ между гражданами и нарушаетъ принципъ равенства правъ даже между избирателями [11]);

Потому что онъ не достаточно охраняетъ величіе и свободу выборовъ, представляющихъ вездѣ скандальную картину интригъ, мелкихъ страстей и личной борьбы, при совершенномъ отсутствіи интересовъ національныхъ;

Потому что онъ задушилъ политическое движеніе, составляющее душу конституціоннаго правительства;

Потому что, заключивъ въ узкія границы свободу выборовъ избирателей цензомъ и недостаточностью полномочія, онъ произвелъ то, что палата наполняется чиновниками, получающими жалованье [12]); и такимъ образомъ онъ поражаетъ однимъ ударомъ и административную іерархію и независимость представительства, и вмѣсто конституціоннаго правленія вводитъ незаконное правленіе, основанное на личномъ произволѣ;

Потому что онъ уменьшилъ цифру депутатовъ и избирателей до цифры несоотвѣтствующей числу народонаселенія;

Потому что онъ открываетъ полный доступъ всѣмъ злоупотребленіямъ;

Потому что, наконецъ, при теперешнемъ положеніи избирательнаго со-

---

1830 года исключила изъ хартіи 1814 года слова: депутаты департаментовъ. Законъ 1831 года сдѣлалъ избирательство еще болѣе мѣстнымъ, нежели оно было по хартіи 1814 года.

[10]) Дюфоръ.

[11]) Десять общинъ вмѣстѣ имѣютъ 16,142 избирателя; другія десять имѣютъ ихъ только 1553. Въ первыхъ право избирателя къ общему относится какъ 1:1614; во вторыхъ какъ 1:155. Такимъ образомъ одинъ голосъ равняется $10^1/_2$ голосамъ.

[12]) Въ 1832 году число депутатовъ - чиновниковъ доходило до 139; въ 1842 до 167; въ 1846 до 184; нынче оно дошло до болѣе 200.

словія, нація не находитъ въ немъ точнаго выраженія, вѣрнаго образа, искренняго представительства своихъ мнѣній, интересовъ и правъ.

Господа депутаты!

Излагая вамъ всѣ недостатки законоположенія 1831 года, мы выполняемъ долгъ честныхъ гражданъ.

Вамъ, законодатели, предстоитъ честь совершить реформы, которыхъ настоятельно требуетъ справедливость, нравственность и сущность представительнаго правленія.

Списокъ членовъ

центральнаго комитета сенскихъ избирателей.

Президентъ, г. Ш. Ф. де Ластейри, родственникъ генерала Лафайета, заступившій мѣсто покойнаго г. Пинге (Pinguet).

Вице президентъ, г. Рекюръ.

Секретарь, г. Паньеръ.

Казначей, г. Лабелони.

Г. г. Аббади.
Бурдонъ.
Кормье.
Дофенъ.
Дюклу.
Делеръ.
Давидъ (изъ Анжера).
Дегузе.
Дюто
Фоасакъ.
Флонъ.
Феронъ.
Фоа.
А. Фаврель.
О. Желле.
Гремильи.
Гризье.
Гиллери.
Гамеленъ.
Ланьо.
Леноаръ.
Леконтъ.
Монфлери.
А. Марше.
Мартенъ.
Модюи.
Пеанъ.
Ришаръ.
Рамонъ де ла Кроазетъ.
Рейно.
Ришаръ.
Сентъ-Аманъ.
Сегала.
А. Тьерри.
Виткокъ.

Г. Паньеръ взялъ себѣ въ помощники Эліаса Реньо.

Банкетъ въ Маконѣ.

18 іюля 1847.

Банкетъ въ Маконѣ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, какъ по числу присутствовавшихъ, доходившему до шести тысячъ, такъ и по пророческой рѣчи Ламартина, произнесенной во время бури, которая не могла остановить манифестаціи. Президентомъ собранія былъ Шарль Ролланъ, меръ города, молодой и горячій патріотъ, съ честью занимавшій въ послѣдствіи мѣсто въ конституціонномъ собраніи. Опредѣливъ съ точностью цѣль демонстраціи, Ролланъ представилъ ее какъ торжественное требованіе возстановленія принциповъ французской революціи, освобожденной отъ ошибокъ времени, заблужденій людскихъ и преступленій партій. Ламартинъ, въ вдохновенной импровизаціи, отвѣчая на всѣ предложенные ему вопросы, слегка коснулся философской и политической програмы, которую онъ, спустя семь мѣсяцевъ, формулировалъ въ городской думѣ. Онъ изложилъ передъ своими очарованными слушателями, какъ далеко шагнулъ прогрессъ мысли во время революціи, какъ потомъ постепенно падалъ онъ во время имперіи и реставраціи, и какъ наконецъ совершенно остановился съ воцареніемъ династіи 1830 года; рѣчь свою онъ заключилъ словами громко отозвавшимися въ цѣлой Франціи: «Неужели, послѣ революціи свободы и контрареволюціи славы, у насъ совершится революція презрѣнія!»

Гг. Президентамъ и членамъ коммиссіи банкета 12 округа.

Парижъ 18 февраля 1848 г.

Милостивые Государи!

Мы имѣли честь получить приглашеніе ваше принять участіе въ банкетѣ двѣнадцатаго округа.

Такъ какъ министерство, въ засѣданіи своемъ по поводу адреса, не признало за нами права устроивать политическія собранія безъ разрѣшенія правительства, то мы видимъ въ этомъ банкетѣ единственный способъ поддержать конституціонныя права противъ притязаній самовластія и заставить уважать ихъ положительно.

Поэтому мы считаемъ священнымъ долгомъ принять ваше предложеніе — присоединиться къ легальной и мирной манифестаціи приготовляемой вами.

Примите, Мм. Гг. и т. д.

Аббатучи,
Авенъ,
Араго,
д'Арагонъ,
Бако,
Балло,
Барошъ,
Баронъ,
Од. Барро,
де Бомонъ (изъ Соммы),
Берже,
Бетмонъ,
Биго,
Боненъ,
Бюро де Пюзи,
Вавенъ,
Гарнье-Паже,
Гарнонъ,
Готье-де-Рюмильи,
Гле-Бизоанъ,
Горрекъ,
де Грамонъ,
Гюе-Дефонтенъ,
Дарно,
де Бретонъ,
Делаво,
Делеполь,
Демарсей,
Дежоберъ,
Дольфюсъ,
Дубла,
Дро,
Друенъ де Люизъ,
Дюбушажъ,
Дюпонъ (де л'Еръ),
Дюранъ (де Роморантенъ),
Дюзолье,
Дютье,
Дювержье де Оранъ,
Жигонъ ла Бертри,
де Жувансель,
Кордье,
де Курте,
Кремье,
Кретонъ,
Лафайетъ (Жоржъ),
Лафайетъ (Оскаръ),
Ламартинъ,
Лараби,
Ластейри,
Лавалетъ,
Лефоръ-Гонсоленъ,
Легравераиъ,
Лессепсъ,
Лестибудуа,
Левавассеръ,
Лербетъ,
Люпо.
Мешенъ,
Мальвиль (Леонъ),
Мальгенъ,
Манюель,
Мари,
Марьонъ,
Марки,
Матей,
Матье,
Могенъ,
Мора-Баланжъ,
Моро,
Осмонъ,
Паже (Арьежъ),
Периньонъ,
Пьеронъ,
Рембо,
Роже,
де Сентъ-Альбенъ,
Сіейсъ,
Стрюкъ,
Сюберви,
Тальандье,
Тепсье де ла Мотъ,

Жюньелъ,
де Камбасаресъ,
Карно,
Кинетъ,
Конверъ,
Тасель,
Тіаръ,
Шамболь,
Фарро,
Фоше.

Письмо къ королю.

Суббота вечеромъ, 12 февраля 1848.

Ваше Величество!

Мы преодолѣли препятствіе, одно изъ самыхъ труднѣйшихъ, какія когда либо встрѣчались намъ. Я ничего не обѣщалъ. Еслибы я не сказалъ того, что сказалъ, измѣненіе закона было бы принято и кабинетъ палъ бы неизбѣжно. Въ слѣдующее засѣданіе будетъ надъ чѣмъ поработать, потому что если мы не успѣемъ возстановить единства между членами консервативной партіи, распаденіе ея, которое я отдалилъ, произойдетъ немедленно и оппозиція конечно не упуститъ случая имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ, король остается совершенно свободнымъ. Прилагаю при этомъ извѣстія изъ Италіи и кое-какія частныя письма.

Покорно прошу В. В. завтра, т. е. въ воскресенье, къ двумъ часамъ сообщить намъ ваши совѣты.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего королевскаго величества покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга и подданный

Гизо.

Списокъ депутатовъ оппозиціи,

подписавшихъ обвинительный актъ противъ министерства Гизо.

Одилонъ Барро,
Дювержье де Ораннъ,
Генералъ Тіаръ,
Дюпонъ (де л'Еръ),
Изамберъ,
Люно,
Баронъ,
Жоржъ Лафайетъ,
Мари,
Карно,

Леонъ де Мальвиль,
Гарнье-Паже,
Шамболь,
Бетмонъ.
Лербетъ,
Паже (де л'Арьежъ),
Барошъ,
Авенъ.
Леонъ Фоше,
Фериднандъ де Ластейри,
де Курте,
Матей,
Гартензіусъ Сентъ-Альбенъ,
Кремье,
Готье де Рюмильи,
Рембо,
Боасель,
Бомонъ,
Лессепсъ,
Могюенъ,
Кретонъ,
Аббатучи,
Бюро де Пюзи,
Дизолье,
Матье,
Друэнъ де Люизъ,
д'Арагонъ,
де Камбассересъ,
Дро,
Марки,
Биго,
Кинетъ,
Мешенъ,
де Жувансель
Лефоръ Гонсоленъ,
Лараби,
Тесье де ла Моттъ,
Вавенъ,
Демарсей,
Гарнонъ,
Бержс,
Мора-Балланжъ,
Боненъ,
Тальандье.

Выписки изъ журнала la Réforme отъ 24 февраля.

Министерство пало въ потокахъ крови! Пусть вмѣстѣ съ нимъ падетъ и гнусная система, которой оно держалось.

Французскій народъ хочетъ быть свободнымъ. Онъ доказалъ это, онъ былъ великъ какъ въ 1789 и 1830 годахъ. Онъ достоинъ свободы.

Но неужели думаютъ удовлетворить его, замѣнивъ Гизо какимъ нибудь Моле или Тьеромъ.

Ошибаются, если думаютъ такъ.

Мы, имѣющіе право говорить отъ имени народа, потому что мы никогда не оставляли его, никогда не обманывали его, дѣлаемся отголоскомъ его законныхъ требованій.

Вотъ что составляетъ предметъ требованій всей массы народа:

Освобожденіе всѣхъ гражданъ, арестованныхъ вчера;

Преданіе суду министровъ;

Освященіе права собраній банкетомъ въ воскресенье;

Избирательная реформа, основанная на народныхъ началахъ;

Уничтоженіе сентябрьскихъ законовъ;

Распущеніе муниципальной гвардіи;

Всеобщая амнистія.

Требованія эти справедливы и умѣрены. За что въ самомъ дѣлѣ держать въ заключеніи людей, изъ которыхъ каждый вчера дѣлалъ отдѣльно тоже самое, что сегодня дѣлали вмѣстѣ національная гвардія и весь народъ?

Того, что произошло въ послѣдніе два дня слишкомъ достаточно, чтобы предать суду министерство.

Борьба между министерствомъ и народомъ завязалась изъ-за права собраній; надо чтобы право это было освящено фактомъ. Граждане дорого купили себѣ это право!

Цѣлая Франція мирно требовала реформы въ избирательствѣ. Теперь Парижъ громко требуетъ ее. Пора исполнить это требованіе.

Свобода прессы гарантируетъ всякую другую свободу. Съ нею Франція никогда не пала бы въ бездну грязи и крови, изъ которой она хочетъ теперь выйти. Сентябрьскіе законы сокрушили свободу прессы: они должны быть уничтожены!

Муниципальная гвардія ознаменовала себя жестокостями; она нарушала законъ тѣмъ, что самопроизвольно начала стрѣлять, слѣдовательно она должна уступить мѣсто учрежденіямъ гражданскимъ.

Наконецъ въ сердцѣ и въ устахъ каждаго слышится требованіе всеобщей амнистіи.

Такими мѣрами скоро и легко можно водворить порядокъ.

Палата Депутатовъ.

Суточный приказъ.

Четвергъ, 24 февраля 1848.

Въ часъ — собраніе въ бюро:

Разсмотрѣніе двухъ предложеній.

Въ три часа—публичное засѣданіе:

Продолженіе преній по поводу закона о продолженіи привиллегіи Бордосскаго Банка;

Пренія о слѣдующихъ проэктахъ:

Закона о первоначальномъ воспитаніи;

Предложенія Галле-Клапареда о военныхъ повинностяхъ.
Проектъ закона о свободѣ въ дѣлѣ второстепеннаго обученія;
Проэктъ закона о королевскомъ орденѣ С. Дени,
Проэктъ закона о таможняхъ.

РАПОРТЫ ПРЕФЕКТА ПОЛИЦІИ.

Анархическія публикаціи 1846 года.

Кабинетъ префекта полиціи.

Парижъ, 19 января 1847 г.

Господинъ министръ!

Я всегда приписывалъ особенную важность тому, чтобы строго слѣдить и изучать въ своемъ кабинетѣ, въ минуту ихъ выхода, всѣ политическія и экономическія сочиненія враждебнаго характера, для того, чтобы указывать высшей судебной власти на тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, угрожаютъ опасностью правительству или обществу. При этомъ я имѣлъ случай слѣдить за развитіемъ революціонныхъ идей и за тактикой разныхъ политическихъ партій. Я думаю, господинъ министръ, что съ этой послѣдней точки зрѣнія для вашего превосходительства, благосклонно принявшаго работы подобнаго рода, которыя я имѣлъ честь прежде представить вамъ, не будетъ безъинтересенъ краткій обзоръ всѣхъ подобныхъ сочиненій, вышедшихъ въ 1846 году.

Соціяльныя брошюры, порицающія и ниспровергающія настоящую общественную организацію, были въ прошломъ году гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ годахъ; они развиваютъ неосуществимыя теоріи и говорятъ о примѣненіи ихъ, и это стремленіе анархическихъ партій пренебрегать вопросами чисто-политическими и возбуждать идеи объ обновленіи общества — стремленіе, на которое я указалъ вашему превосходительству въ рапортѣ отъ 17 іюля 1846 г.,— такъ сильно, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны правительства. Агитаторы, потерявъ надежду достигнуть своими чисто-политическими проповѣдями среди массы народа ожидаемыхъ ими результатовъ, принялись проповѣдывать другія доктрины, заимствованныя ими у древнихъ и новыхъ утопистовъ, и которыя они стараются примѣнить къ настоящему порядку вещей. Эти доктрины, выходящіе изъ подъ пера С.Кабе, Дезами, Леру, Прудона, сотрудниковъ журналовъ «l'Atelier» и «Frater-

*

nité», и писателей школы Фурье, хотя различаются между собою, но держатся одного и того-же принципа, предлагаютъ однѣ и тѣже средства и стремятся къ одной и той же цѣли. Этотъ принципъ— право всѣхъ людей на одинаковую часть трудовъ и пользованія ими; цѣль— болѣе или менѣе быстрое разрушеніе настоящаго общественнаго порядка посредствомъ уничтоженія семейства и права собственности. Общность имуществъ есть господствующая идея всѣхъ соціальныхъ теорій, и, какъ ни различны средства къ достиженію этого, всѣ они стремятся къ коммунизму, который есть ихъ неизбѣжное слѣдствіе, ихъ послѣднее слово.

Періодическія изданія, проповѣдующія эту вредную систему, всѣми силами нападали въ прошломъ году на общество, которое они, при его настоящей организаціи, старались представить какимъ то гнѣздомъ насилія и анархіи. Журналъ «la Fraternité» служитъ съ 1845 года органомъ атеистическаго и абсолютнаго коммунизма, а «le Populaire» съ 1841 года проповѣдуетъ коммунистическое ученіе Кабе. Что касается «Revue saciale», то этотъ журналъ, перомъ Пьера Леру, сильно нападаетъ на фурьеристовъ; но, тѣмъ не менѣе, враждебный экономическимъ принципамъ настоящаго общества, онъ также сильно нападаетъ на нихъ въ пользу философически-соціальныхъ идей Пьера Леру. Журналъ этотъ, издаваемый въ Буссакѣ, имѣетъ много читателей въ Крезѣ, и особенно въ мануфактурныхъ городахъ Обюссонѣ и Феллетенѣ.

Съ мая мѣсяца издается здѣсь, подъ редакціей виконта Дюбукажа, журналъ «l'Enquête sociale», выходящій три раза въ мѣсяцъ. Этотъ журналъ, политическіе взгляды котораго враждебны настоящему правительству, занимается спеціально экономическими вопросами, и преимущественно организаціей труда. Онъ открыто проповѣдуетъ возвращеніе къ прежнимъ корпораціямъ и ассоціаціи рабочихъ классовъ по ремесламъ, искусствамъ и занятіямъ, считая это единственнымъ средствомъ помочь настоящему бѣдственному положенію рабочаго класса. Если этотъ журналъ и не имѣетъ цѣлью ниспровергнуть общество, то онъ, не менѣе другихъ коммунистическихъ журналовъ, пользуется всѣми возможными средствами, чтобы поддерживать въ рабочемъ классѣ безпокойство и недовольство ихъ настоящимъ положеніемъ.

«L'Atelier», существующій уже шесть лѣтъ, продолжаетъ, подъ редакціей Бюше, проповѣдывать идею свободной ассоціаціи труда, не смотря на то, что опыты этой ассоціаціи, произведенные обществами «соединенной промышленности» и «Grand saint Joseph», опыты, о которыхъ я въ свое время отдавалъ отчетъ вашему превосходительству, оказались безуспѣшными.

Кромѣ періодическихъ изданій соціальной прессы я долженъ указать при этомъ случаѣ на отдѣльныя книги, принадлежащія къ этому же разряду, и тоже не менѣе заслуживающія вниманія. Не говоря о

перепечатываніи прежнихъ коммунистическихъ брошюръ Кабе, которыя онъ въ прошломъ году выпускалъ въ огромномъ количествѣ и съ неутомимою настойчивостью распространялъ въ Парижѣ и департаментахъ, я упомяну о слѣдующихъ трудахъ:

1. Евангеліе, новый переводъ, съ примѣчаніями и размышленіями въ концѣ каждой главы, Ламенне.

2. Истинное христіанство, по І. Христу, соч. Кабе.

3. Альманахъ демократической Франціи за 1847 годъ. По поводу этой книги я только припомню вашему превосходительству, что издатель этого памфлета, Викторъ Бутонъ, о которомъ я сообщилъ вамъ въ донесеніи отъ 9 октября, былъ приговоренъ ассизнымъ судомъ сенскаго департамента къ годичному заключенію и уплатѣ пени въ 500 франковъ.

4. Звѣзда народа, альманахъ предмѣстій за 1847 годъ. Сочиненіе Леона Шомонъ, направленное противъ всѣхъ привилегированныхъ классовъ и особенно противъ богатыхъ.

5. Портретъ консерватора во весь ростъ, Фортунатуса. Книженка стараго легитимистскаго писателя Фортуната Мезюре, направленная противъ средняго класса и буржуазіи, къ которымъ онъ старается возбудить ненависть въ низшемъ классѣ.

6. Организація свободы и всеобщаго благосостоянія, соч. Дезами. Эта книга, въ которой авторъ сильно нападаетъ на организацію настоящаго общества, которому онъ приписываетъ причину бѣдности и пороковъ, губящихъ человѣчество, имѣетъ цѣлью представить систему кредита и обезпеченія права, гарантирующаго общественное благосостояніе.

7. Икарійскій альманахъ на 1847 годъ, соч. Кабе,—настоящее руководство къ изученію коммунистическихъ доктринъ.

8. Фаланстерскій альманахъ на 1847 годъ, имѣющій цѣлью увеличивать число сторонниковъ фурьеризма.

9. Система экономическихъ противурѣчій или философія бѣдности, Прудона. Это сочиненіе, въ которомъ авторъ сильно нападаетъ на всѣхъ соціалистовъ и экономистовъ новѣйшаго времени, какъ порицающихъ, такъ и защищающихъ настоящее общество, есть рѣзкая и безпощадная критика. Авторъ доказываетъ, что онъ не привязанъ ни къ одной школѣ, ни къ одной сектѣ, и предлагаетъ теорію уравненія заработной платы, какъ единственную и настоящую цѣль экономическихъ и политическихъ наукъ.

10. Манифестація духа истины, А. Дюмениля. Энергичес кое воззваніе, во имя христіанства, къ царству коммунизма. Подробный отчетъ объ этой книгѣ я представилъ вашему превосходительству 27 прошлаго ноября.

11. Трауръ Польши, протестація французской демократіи и всеобщаго соціализма аббата Констана. На эту брошюру я указалъ королевскому прокурору, 10 прошлаго декабря.

12. Опытъ о свободѣ, какъ о принципѣ и исходѣ человѣческой дѣятельности, Даніеля Стерна (графиня д'Агу), рѣзкая сатира на общество и на тѣ учрежденія, на которыхъ оно держится.

13. Церковь и верховная власть, Симона Гранже.

Что касается сочиненій чисто политическихъ, то я упомяну о Пандемоніумъ. Это отвратительный памфлетъ легитимиста Евгенія Бланка противъ короля и королевской фамиліи, о которомъ я уже говорилъ вашему превосходительству, и за который авторъ поплатился годичнымъ заключеніемъ и уплатой пени въ 4000 франковъ.

Политическія событія прошлаго года описаны въ нѣсколькихъ брошюрахъ, болѣе или менѣе враждебныхъ правительству. Такъ, во время выборовъ появилось нѣсколько памфлетовъ, теперь почти забытыхъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны: Реформистскій сборникъ, Генуда; l'Ordre du jour sur la corruption électorale et parlementaire, Тимона; Совѣсть въ дѣлахъ политическихъ, П. Г. де Монтенона; Галерея Притчардистовъ, изданіе журнала «National»: Діогенъ на выборахъ, и т. д.

Агитаторы не могли не воспользоваться финансовымъ кризисомъ, волнующимъ въ настоящее время Францію, и я долженъ былъ обратить вниманіе судебной власти на двѣ брошюры: Хлѣба! крикъ народа, Леона де Шомона, и Голосъ голоднаго, аббата Констана; эти брошюры по моему мнѣнію возбуждаютъ дурныя страсти народа, его ненависть къ богатому классу, и взываютъ къ возстанію. Я долженъ прибавить, что послѣдняя брошюра была съ прошлаго декабря запрещена министерствомъ просвѣщенія.

Констанъ Гильбей перепечаталъ Бесѣды Марата съ народомъ, почерпнутые изъ журнала Другъ народа, отъ 18 сентября 1789 года; но такъ какъ онъ публиковалъ объ этой опасной книгѣ особыми афишами, то я сообщилъ объ этомъ королевскоту прокурору, и авторъ былъ присужденъ къ пятнадцатидневному заключенію и пени въ 100 франковъ.

Наконецъ партія легитимистовъ воспользовалась бракомъ герцога Бордосскаго, чтобы снова привлечь вниманіе на этого принца. Двѣ брошюры подъ заглавіемъ: Бракъ Генриха французскаго, народный разсказъ, и бракъ Генриха и Луизы, Альфреда Нетеманъ, вышли одна за другой, перемѣшивая, какъ обыкновенно дѣлаютъ легитимисты, выраженія презрѣнія къ царствующей династіи съ похвалами принцу, о возвращеніи котораго во Францію они еще мечтаютъ.

Изъ всѣхъ сочиненій, вычисленныхъ мною, наиболѣе заслуживаютъ вниманія судебной власти сочиненія соціалистовъ. Если они, по крайней мѣрѣ повидимому, и не стремятся къ достиженію одной и той же цѣли, то нападаютъ и подрываютъ настоящее общество при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ. Всѣ они представляютъ это общество жертвой анархіи и злоупотребленія, всѣ стремятся ввести рабочій классъ въ заблужденіе преувеличенной картиной его бѣдности и того счастія, которымъ онъ будетъ пользоваться послѣ преобразованія общества. Легко понять, какое вліяніе подобныя сочиненія имѣютъ на легковѣрный рабочій классъ, которому они обѣщаютъ всевозможныя матеріальныя блага. Это истинный бичъ настоящаго времени, и нужно сознаться, что каждый годъ онъ дѣлаетъ большія успѣхи. Подобный порядокъ вещей долженъ, по моему мнѣнію, возбудить самое строгое вниманіе со стороны правительства.

Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моемъ почтеніи.

Перъ Франціи, префектъ полиціи,
Г. Делессеръ.

Общій надзоръ.

12 февраля 1848 г. Порядокъ и спокойствіе по прежнему царствуютъ въ Парижѣ. Не замѣтно никакого особеннаго волненія.

13 февраля. Нѣтъ никакого волненія. Спокойствіе господствуетъ среди народа, хотя чтеніе журналовъ производитъ нѣкоторое волненіе.

14 февраля. Умами овладѣваетъ безпокойство, хотя и не замѣтно никакого волненія. Рабочій классъ занятъ и мало сочувствуетъ желающимъ волновать его.

15 февраля. Парижъ довольно сильно взволнованъ мѣрами осторожности, принятыми правительствомъ по случаю предстоящихъ банкетовъ, но по наружности все спокойно. Въ Парижѣ мало иностранцевъ; купцы жалуются на дурной сбытъ; комерческія сдѣлки идутъ слабо.

16 февраля. Ничего новаго, Парижъ продолжаетъ волноваться, хотя это и не замѣтно.

17 февраля. Народонаселеніе Парижа обезпокоено и взволновано. Было много собраній разныхъ частей оппозиціи по случаю предстоя-

щей манифестаціи. Ничего еще не рѣшено по этому дѣлу. Дѣла остановились, купцы не продаютъ ничего.

18 февраля. Парижъ сильно безпокоится; но замѣтно много нерѣшительности и несогласія въ мнѣніи различныхъ партій, приготовляющихся къ банкету, назначенному на вторникъ, если обстоятельства не потребуютъ новой отсрочки. Оппозиціонныя партіи все еще выражаютъ намѣреніе избѣжать волненій и даютъ своимъ сторонникамъ наставленія въ этомъ духѣ, уговаривая ихъ въ тоже время отправиться на банкетъ, который они желаютъ сдѣлать весьма многочисленнымъ.

19 февраля. Всѣ Парижскіе кварталы очень спокойны по наружности, но безпокойство продолжаетъ усиливаться и дѣла окончательно остановились.

20 февраля. То же наружное спокойствіе и то же внутреннее безпокойство. Не замѣтно никакого волненія среди рабочихъ, хотя многіе изъ нихъ имѣютъ намѣреніе присоединиться къ толпѣ, которая во вторникъ должна собраться на площади Madeleine и отправиться на Елисейскія поля.

21 февраля. (Нѣтъ донесенія).

Кабинетъ префекта полиціи.

Собраніе 22 февраля.

Парижъ, 22 февраля 1848 г.

Господинъ министръ!

Вчера вечеромъ, какъ я сообщилъ вамъ лично, я вывѣсилъ на всѣхъ стѣнахъ Парижа постановленіе, запрещающее банкетъ 12 округа, приказъ полиціи на случай сборищъ и наконецъ прокламацію адресованную мною къ жителямъ Парижа и напоминавшую имъ объ уваженіи къ порядку и закону.

Около полуночи рабочіе, устраивавшіе палатку для банкета, получили приказаніе прекратить свою работу, а сегодня утромъ въ 8 часовъ начали разбирать ее, и тамъ осталось не болѣе 12 рабочихъ.

До десяти часовъ во всѣхъ кварталахъ Парижа не было замѣтно никакого волненія; городъ сохраняетъ свой обыкновенный видъ, и только возлѣ объявленій, развѣшенныхъ ночью, собираются кружки; но это кружки любопытныхъ, не имѣющіе ничего враждебнаго.

Но съ десяти часовъ движеніе на бульварахъ усилилось; толпы народа въ блузахъ и національные гвардейцы въ полной формѣ и при сабляхъ собираются со стороны Бастиліи и направляются къ Madeleine. Съ другой стороны, толпа изъ тысячи человѣкъ, состоящая изъ студентовъ и рабочихъ, по большей части очень молодыхъ, собравшись на площади Пантеона, отправляется около одиннадцати часовъ, при пѣніи Marseillaise, изъ латинскаго квартала черезъ улицы des Grés, de la Harpe, de l'Ecole-de-Médecine, Dauphine, къ новому мосту, потомъ проходитъ черезъ улицы de la Monnaie, du Roule, и черезъ всю улицу Saint-Honoré. Время отъ времени изъ толпы вылетаютъ крики: «да здравствуетъ реформа! долой Гизо!» Проходя предъ колоной, они кричатъ: «да здравствуетъ Наполеонъ!» Приходъ этой новой колоны на площадь Мадлень, до того увеличиваетъ толпу, что кареты принуждены поворачивать назадъ. Купцы начинаютъ со страху запирать магазины.

Около полудня часть толпы, состоящая изъ 1000 или 1200 студентовъ и блузниковъ, направляется при пѣніи пѣсни жирондистовъ и съ криками «да здравствуетъ реформа! да здравствуетъ О. Барро! долой Гизо!» къ мосту Согласія. Они пришли къ главному крыльцу дворца Бурбоновъ; но такъ какъ съ приближеніемъ ихъ дверь заперли, то они возвратились назадъ, и обойдя палату со стороны рѣшетки, разбили главную дверь, завладѣли крыльцомъ, разсѣялись по заламъ и заняли публичныя трибуны, все продолжая свои пѣсни и восклицанія. Прибывшія вскорѣ въ достаточномъ количествѣ войска очистили палату; тогда одна часть толпы прошла мостъ, другая направилась по набережной, съ криками: «въ Политехническую школу! къ предмѣстіямъ!» Эта толпа, состоявшая изъ 500 человѣкъ, дѣйствительно прошла улицы Mazarine, de Bussy, площадь Пантеона и другія, дошла до политехнической школы и принялась разбивать главную дверь и звать къ себѣ воспитанниковъ. Она была разсѣяна отрядомъ пѣшей и конной муниципальной гвардіи. Двое изъ бунтовщиковъ были при этомъ случаѣ задержаны.

Такъ какъ толпа, оставшаяся на площади Madeleine, увеличивалась постоянно и принимала угрожающій характеръ, то мѣстные полицейскіе коммиссары были принуждены принять свои мѣры, вслѣдствіе чего было арестовано 14 человѣкъ. Тогда новая толпа отправилась къ дому министерства иностранныхъ дѣлъ, съ криками: «да здравствуютъ линейныя войска! долой Гизо!» Камнями разбито нѣсколько стеколъ; но выстрѣлы кавалеріи и пѣхоты нѣсколько разъ разгоняли эту толпу, которая, однако, нѣсколько минутъ спустя, снова собиралась.

Другая толпа, отъ 500 до 600 человѣкъ, также направившись съ площади Madeleine и отъ дома министерства иностранныхъ дѣлъ, прош-

ла улицы Saint-Augustin, des Filles-Saint-Thomas, площадь биржи и улицу Neuve-Vivienne, не переставая кричать: «да здравствуетъ реформа! долой министерство!» Проходя мимо улицы des Colonnes, они напали на лавку булочника и завладѣли полѣнами дровъ, изъ которыхъ сдѣлали себѣ оружіе. Въ улицѣ Neuve-Vivienne они вошли къ оружейнику Бандони, потребовали у него ружей и разошлись только тогда когда убѣдились, что ихъ не было у него. Выйдя оттуда, они направились черезъ бульвары къ Бастиліи.

Выстрѣлы конной муниципальной гвардіи, собравшейся на площади Согласія, и которую толпа народа встрѣтила камнями, заставили эту толпу разсѣяться; она ушла берегомъ Сены, и проходя по набережной Mégisserie и de Gèvres, ограбила два оружейные магазина. Можетъ быть, это та самая толпа, которая, собравшись потомъ снова, обезоружила караулъ въ улицѣ Geoffroy-Zangevin, занятый солдатами 45 линейнаго полка.

Между тѣмъ, не смотря на постоянное употребленіе военной силы, толпы народа, собиравшіяся на площади Согласія и въ Елисейскихъ поляхъ, становились съ каждой минутой враждебнѣе; почтовая карета, ѣхавшая чрезъ Елисейскія поля, съ трудомъ освободилась отъ народа, желавшаго опрокинуть ее для начала баррикады. Скамейки, стоявшія по обѣимъ сторонамъ и опрокинутые дилижансы составили баррикаду, скоро впрочемъ разрушенную пришедшимъ туда отрядомъ пѣхоты. Люди подозрительнаго вида стараются привлечь на свою сторону тѣхъ, которые изъ любопытства пришли на площадь Согласія и въ Елисейскія поля. Линейный караулъ въ Елисейскихъ поляхъ осажденъ толпой, состоящей изъ 300 человѣкъ; двое изъ нихъ взобрались на крышу, сняли и разорвали флагъ, но при видѣ отряда муниципальной гвардіи, пришедшаго для защиты поста, эта толпа разбѣжалась. Со стороны улицы Royale новая толпа съ криками бросилась на рѣшетку морскаго министерства, сломала ее и принялась строить баррикаду, которую разрушилъ своими выстрѣлами отрядъ муниципальной гвардіи. Соединенными усиліями линейныхъ войскъ и муниципальной гвардіи Елисейскія поля и площадь Согласія были очищены къ четыремъ часамъ. Тогда толпа устремилась чрезъ сосѣднія улицы, но сойдясь въ центрѣ города и на углу улицы Saint-Florentin и Риволи, противъ министерства финансовъ, построила баррикаду. Въ улицахъ Duphot, 29 Іюля, de la Sourdière, Richelieu, Saint-Honoré, d'Alger и Croix-des-Petits-Champs опрокинуты дилижансы, фіакры и бочки водовозовъ; на многихъ изъ этихъ пунктовъ взрыта мостовая; рѣшетка церкви Saint-Roch, сломанная въ куски, тоже употреблена для баррикадъ. Но около 6 часовъ всѣ эти баррикады были взяты и толпа разошлась, такъ что пространство между площадью Madeleine и дворцомъ совершенно очистилось. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что передъ выходомъ изъ Елисейскихъ полей, инсургенты предали огню находившіяся тамъ скамейки. Постъ

Matignon сожженъ. Въ улицѣ Basse-du-Rempart два національные гвардейца убили одного солдата муниципальной гвардіи и спаслись бѣгствомъ, увидѣвъ другихъ муниципальныхъ гвардейцевъ, пришедшихъ на помощь своему товарищу.

Къ восьми часамъ бунтовщики сошлись въ той части улицы Saint-Honoré, которая примыкаетъ къ переулкамъ du Coq и Croix-des-Petits-Champs и рынку. Линейныя войска были встрѣчены ими съ крикомъ: «да здравствуютъ линейныя войска! долой муниципалы! Передъ выходомъ изъ улицы St. Honoré, блузники ворвались въ оружейный магазинъ возлѣ улицы d'Alger и въ магазинъ Лепажа въ улицѣ Richelieu. Магазинъ Спикеля въ улицѣ Saint-Honoré также разоренъ. У Барбе инсургенты завладѣли всѣмъ холоднымъ оружіемъ. Магазинъ другаго оружейника, въ улицѣ de la Monnaie, возлѣ улицы Saint-Honoré, также разоренъ.

Съ пяти часовъ во всѣхъ легіонахъ начали бить сборъ, но національные гвардейцы собрались въ ратушѣ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Въ семь часовъ по городу разосланы патрули національной гвардіи, которыхъ встрѣчали крикомъ: «да здравствуетъ національная гвардія!» Въ восемь часовъ сдѣлано нападеніе на лавку оружейника на Сенъ-Мартенскомъ бульварѣ, и похищено 20 ружей и 20 пистолетовъ. Въ улицѣ de Cléry сдѣлана попытка построить баррикаду, для которой поломаны перила бульвара Bonne-Nouvelle. Къ восьми часамъ эта часть города до бульвара du Temple была очищена и баррикады разрушены; но въ то же время воздвигнуты другія баррикады въ улицахъ de Cléry, du Petit-Carreau, Montorgueil, Bourg-l'Abbé, противъ пассажа l'Ancre. Пятьдесятъ инсургентовъ, вооруженныхъ ружьями, вышли изъ пассажа Saucède и направились къ этой баррикадѣ.

Двѣнадцатый округъ прорѣзанъ патрулями линейныхъ войскъ и національной гвардіи; за этими патрулями ходятъ блузники съ криками: «да здравствуютъ линейныя войска! да здравствуетъ національная гвардія! долой Гизо!» Въ девять съ половиною часовъ на площади Пантеона былъ собранъ батальонъ національной гвардіи и батальонъ пѣхоты, подъ командой Лавока, но большая часть національныхъ гвардейцевъ смѣшалась съ народомъ и приняла участіе въ его пѣсняхъ и крикахъ.

Съ другой стороны батальонъ національной гвардіи 1-го легіона, проходя около девяти съ половиной часовъ возлѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, кричалъ: «да здравствуетъ муниципальная гвардія; да здравствуютъ линейныя войска!» Линейные солдаты и муниципальные гвардейцы стоявшіе тамъ отвѣчали имъ крикомъ: «да здравствуетъ національная гвардія».

Но въ улицѣ Saint-Honoré, со стороны улицъ du Coq, des Vieilles Etuves, и др., въ части города, населенной бунтовщиками, послѣдніе разоряютъ лавки, которыя могутъ быть защищены только военною силою. Въ тоже время въ улицѣ Poitou, въ Marais инсургенты врываются въ дома и заставляютъ жителей отдавать имъ оружіе. Въ улицѣ Saint-Sebastien воздвигнута баррикада, но сильный патруль, пришедшій туда, окружаетъ ее и захватываетъ четырнадцать бунтовщиковъ. Около девяти часовъ, десятка два бунтовщиковъ проходятъ по улицамъ Монталонъ, Папильонъ, Кокнаръ, врываются въ дома и угрозами отымаютъ семь или восемь ружей.

Около десяти часовъ въ улицѣ Beauregard прорѣзаны двѣ газовыя трубы, но съ девяти до одиннадцати часовъ шестой и седьмой округи охраняемы патрулями линейныхъ войскъ и національной гвардіи. Сильный отрядъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи поставленъ въ улицѣ Saint-Martin, на углу улицъ Монморанси и Neuve-Bourg-l'Abbé, чтобы наблюдать за инсургентами, начавшими стрѣлять изъ за баррикадъ въ улицѣ Bourg-l'Abbé. Точно-также инсургенты встрѣтили выстрѣлами роту линейныхъ войскъ, проходившую по улицѣ Mauconseil. Раненыхъ нѣтъ.

Въ одиннадцать часовъ улицы Saint-Martin и Saint-Denis окончательно заняты войсками и національной гвардіей; въ улицѣ Faubourg-Saint-Denis построены четыре баррикады. Рота муниципальной гвардіи съ однимъ полицейскимъ комиссаромъ постепенно завладѣла ими. Оставляя свои позиціи, бунтовщики сдѣлали два выстрѣла, но никого не ранили.

Къ одиннадцати часамъ начинаютъ строить баррикаду на шоссе Тампльскаго бульвара, противъ Ангулемской улицы; на мостовой выламываютъ много камней и кладутъ ихъ одинъ на другой; но приходитъ линейный патруль, и инсургенты разбѣгаются.

Кромѣ баррикады въ улицѣ Bourg-l'Abbé, построены еще двѣ: въ улицѣ Grenétat, на углу улицы Bourg-l'Abbé, другая въ улицѣ Neuve-Bourg-l'Abbé. Эти баррикады, построенныя болѣе опытными руками, разорены, послѣ сильной перестрѣлки, отрядами 52 полка и муниципальной гвардіи. Послѣ окончанія перестрѣлки поднятъ трупъ одного польскаго изгнанника и арестованъ другой полякъ, вооруженный ружьемъ и саблей. На верху баррикады, снесенной муниципальною гвардіей, найдено много ружей, принадлежащихъ національнымъ гвардейцамъ. При этомъ случаѣ арестовано большое число инсургентовъ.

Съ наступленіемъ ночи значительныя толпы народа направились къ Batignolles, къ заставамъ Клиши и Monceaux. Много лавокъ ограблено. По требованію мера около 40 національныхъ гвардейцевъ взялись за оружіе и отвѣчали на выстрѣлы инсургентовъ, которыхъ арестовано около 20 человѣкъ.

Вотъ главныя подробности сегодняшняго дня, которыя мнѣ удалось собрать.

Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Перъ Франціи, префектъ полиціи
Г. Делессеръ.

ДВИЖЕНІЕ ВОЙСКЪ.

Объяснительная инструкція различныхъ распоряженій, касающихся защиты города.

Для праваго берега Сены.

Изыскивая систему защиты праваго берега Сены, я собственно имѣлъ въ виду защиту центра Парижа. Нужно опасаться только того, чтобы толпы, собравшись въ предмѣстіяхъ, не направились къ центру столицы. Поэтому при распоряженіяхъ сдѣланныхъ мною для защиты центра города, имѣлась въ виду необходимость наблюдать за предмѣстіями.

Прорѣзать Парижъ сильными патрулями, охранять эти патрули резервами, расположенными въ центральныхъ пунктахъ, которые я назову стратегическими пунктами, устроить между этими послѣдними легкое и удобное сообщеніе,—вотъ задача, которую я задалъ себѣ.

Защита праваго берега Сены можетъ ограничиться линіею идущею отъ площади Согласія, проходящею черезъ бульвары и продолжающеюся по берегу рѣки.

Разсматривая эту мѣстность, легко замѣтить, что площадь Каруселя есть центръ дѣйствій, пунктъ, который долженъ управлять всѣмъ движеніемъ.

Главная линія дѣйствій паралельна рѣкѣ: ее составляютъ набережныя и улицы Saint-Antoine и Saint-Phillipe; вправо отъ нея площадь Бастиліи, слѣва — площадь Согласія. Сзади она защищена Сеной, которою легко овладѣть, занявъ только мосты.

Вся эта мѣстность представляетъ рядъ дефилеевъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка, но она прорѣзана множествомъ дорогъ, изъ которыхъ шесть, именно тѣ, которыя прорѣзываютъ наиболѣе населенныя части Парижа, направлены отъ бульвара къ общему центру между мостами au Change и Notre-Dame. Эти дороги могутъ оказать большую помощь въ системѣ общей защиты. Это главныя линіи дѣйствій, и я назову ихъ линіями стратегическими. Всѣхъ ихъ семь:

1. Улица Monmartre;

2. Улицы Poissoniere, du Petit Carreau и Montorgueil;
3. Улица Saint-Denis;
4. Улицы Saint-Martin, des Arcis и Planche-Mibray;
5. Улицы du Temple, Saint-Avoye, Bar-du-Bec и des Coquilles.
6. Улицы des Filles-du Calvaire, Vieille du-Temple и Louis-Phillipe;
7. Улица Richelieu.

Эти стратегическія линіи должны непремѣнно оставаться въ рукахъ войска. Поэтому необходимо занять площадь Saint-Eustache, бульваръ Saint-Denis и площадь думы. Но важность такихъ публичныхъ учрежденій, каковы, королевская библіотека, биржа, почта, банкъ и Пале-Рояль, требуетъ, чтобы площадь Побѣдъ тоже была назначена мѣстомъ сбора войскъ.

Эти общія наблюденія естественно указываютъ на размѣщеніе стратегическихъ пунктовъ. Всѣхъ ихъ семь:

1. Площадь Каруселя;
2. Площадь Побѣдъ;
3. Площадь Saint-Eustache;
4. Площадь городской думы;
5. Площадь Бастиліи;
6. Бульваръ С. Дени.
7 Площадь Согласія.

Чтобы достигнуть предположенной мною цѣли, должны быть соблюдены два условія, вытекающія одно изъ другаго: защищеніе мѣстностей и наблюденіе за безопасностью войскъ.

Для достиженія перваго условія я отвелъ для каждаго стратегическаго пункта особый округъ (zone) или мѣстность, которая всегда будетъ въ распоряженіи этого пункта. Чтобы дать опредѣленное направленіе постоянному движенію его, я назначилъ улицы, по которымъ должны разъѣзжать патрули, и указалъ тѣ ратуши и общественныя заведенія, которыя они должны защищать. Проѣзжая на всемъ протяженіи назначенную мѣстность, патруль можетъ знать, что дѣлается въ каждомъ уголкѣ ея, онъ можетъ мѣшать составленію сборищъ и не давать времени бунтовщикамъ воздвигать укрѣпленія, изъ которыхъ впослѣдствіи ихъ пришлось бы выбивать.

Для достиженія втораго условія я распорядился, чтобы патрули поддерживали постоянное сообщеніе между всѣми стратегическими пунктами, и въ случаѣ надобности, могли подавать другъ другу помощь.

Площадь Каруселя, по своему положенію и пространству, должна служить главнымъ сборнымъ пунктомъ, откуда войска будутъ выходить по мѣрѣ надобности. Такъ какъ войска, которыя соберутся тамъ, должны быть всегда на готовѣ, то этому пункту не должно отводить стратегическаго округа (zone).

Стратегическіе пункты и мѣстности, зависящія отъ нихъ.

Стратегич. окр. (zone).	Центральный пунктъ.	Аванъ-постъ.	Аванъ-гардъ.
Néant.	Площадь Каруселя.		Площадь Музея. Пассажъ Rohan. Мостъ des Arts. Мостъ Royal.
Площадь Побѣдъ.	Площадь Побѣдъ.	Площадь биржи.	Монмартрскій бульваръ.
Площадь Saint-Eustache.	Point Saint-Eustache и рынокъ au Beurre.	Хлѣбный рынокъ. Рынокъ des Innocents.	Cour Batave и пассажъ de Venise.
Площадь городской думы.	Площадь городской думы.	Отель Saint-Aignan. Рынокъ Св. Іоанна. Площадь Châtelet.	Мостъ Луи-Филиппа. Мостъ Notre-Dame Новый мостъ.
Площадь Бастиліи.	Площадь Бастиліи.	Набережная Morland. Площадь Рояль.	Сентъ-Антуанскій бульваръ. Мостъ Marie
Бульваръ Saint-Denis.	Бульваръ Saint-Denis.	Каирская площадь. Караулъ при входѣ въ улицу Royale. Рынокъ du Temple.	Бульваръ du Temple (противъ улицы du Temple). Сенъ-Мартенскій бульваръ (противъ Сенъ-Мартенской улицы).
Площадь Согласія.	Площадь Согласія.	Вандомская площадь.	Мостъ Согласія. Площадь Madeleine. Капуцинскій бульваръ (противъ улицы de la Paix).

Разсматривая согласно этой таблицѣ планъ Парижа, мы видимъ, что центръ его въ главнѣйшихъ пунктахъ занятъ сильными войсками и что онъ окруженъ линіей войскъ, расположенной по бульварамъ и набережнымъ.

Такъ какъ эти двѣ широкія дороги наиболѣе удобны для дѣйствій кавалеріи, то я размѣстилъ на нихъ кавалерійскіе полки и отвелъ для этихъ послѣднихъ пункты, назначенные для аванъ-гардовъ.

Пѣхота должна быть расположена двумя рядами; это гораздо удобнѣе для этого рода защиты.

Такъ какъ парижскія улицы имѣютъ въ ширину среднимъ числомъ десять шаговъ, то двадцать четыре человѣка въ одну шеренгу займутъ ее во всю ширину.

Эти данныя побудили меня назначить патрули въ 25 человѣкъ, которые должны объѣзжать стратегическія линіи. Это количество будетъ вполнѣ удовлетворительно, потому что главное назначеніе патрулей, которые никогда не должны удаляться отъ своего пункта, — объѣзжать свою мѣстность, чтобы мѣшать всякимъ враждебнымъ попыткамъ народа. Въ случаѣ, если они встрѣтятъ какое нибудь непреодолимое затрудненіе, они должны обратиться къ аванъ-посту или стратегическому пункту, которые тотчасъ же пустятъ въ дѣло свои резервы.

Но тѣ патрули, которые будутъ объѣзжать стратегическія линіи во всю ихъ длину и поэтому удаляться отъ своего центральнаго пункта, должны быть довольно сильны, чтобы не имѣть надобности прибѣгать къ посторонней помощи и быть въ состояніи немедленно отправляться на мѣста, которымъ грозитъ опасность; вслѣдствіе этого я опредѣлилъ число каждаго изъ нихъ въ 90 человѣкъ. Количество людей, составляющихъ резервы въ стратегическихъ пунктахъ и на аванъпостахъ я опредѣлилъ сообразно важности каждаго пункта.

Результатъ, котораго я желаю достигнуть, состоитъ не только въ томъ, чтобы усмирять безпорядки, но и въ томъ чтобы предупреждать ихъ. Поэтому резервы и аванъ-посты я распредѣлилъ въ мѣстахъ, наиболѣе угрожаемыхъ волненіемъ, чтобы не допустить до взрыва этого волненія. Патрули, строго осматривая всѣ закоулки различныхъ кварталовъ, будутъ гнать возмущеніе съ одного мѣста на другое и отнимать у него средства организоваться для твердаго сопротивленія. Оно будетъ преслѣдуемо въ одно и тоже время во всѣхъ мѣстностяхъ и нигдѣ не найдетъ себѣ убѣжища. Такимъ образомъ вслѣдствіе занятія войсками театра возмущенія, это послѣднее сдѣлается невозможнымъ, потому что, не будучи опаснымъ по числу и свойству участниковъ, оно могло бы сдѣлаться страшнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы существовали благопріятныя для него преграды и мѣстности.

Временныя распоряженія.

Быстрое подавленіе возмущенія всегда будетъ зависѣть отъ скорости занятія войсками мѣстъ, назначенныхъ для нихъ. Такъ какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ сборъ бьютъ уже тогда, когда бунтовщики приступили къ враждебнымъ дѣйствіямъ, то необходимо, чтобы войска брались за оружіе съ возможною быстротою.

Вслѣдствіе этого, каждый разъ какъ представится эта необходимость, войска должны немедленно отправляться на назначенные для нихъ стратегическіе пункты и по мѣрѣ ихъ прибытія патрули должны направляться по указанному мною плану.

Крайне необходимо, чтобы войска какъ можно скорѣе занимали каждый кварталъ для того, чтобы имѣть возможность осмотрѣть всѣ закоулки и не допускать прегражденія сообщеній стеченіемъ любопытныхъ или бунтовщиковъ. Въ особенности же они должны способствовать сбору національной гвардіи, — сбору, который нерѣдко оказывается затруднительнымъ на мѣстности между бульварами и набережными. Для защиты праваго берега Сены я назначилъ половину девяти первыхъ легіоновъ національной гвардіи и половину гарнизоннаго войска, вычтя изъ этой послѣдней то число людей, которое ежедневно отряжается въ караулы.

Національная гвардія вмѣстѣ съ линейнымъ войскомъ будетъ распредѣлена по всѣмъ пунктамъ, которые должны быть заняты. Генералы, командующіе на стратегическихъ пунктахъ, условятся на этотъ счетъ съ полковниками, командующими легіонами. Такимъ образомъ, въ каждой мѣстности можно будетъ, смотря по надобности, удвоивать или утроивать число резервовъ и патрулей. Помощью этихъ двухъ силъ всегда будутъ достигаться самые счастливые результаты и всѣ усилія бунтовщиковъ будутъ разбиваться о тѣсный союзъ, существующій между національною гвардіею и арміею.

Для защиты праваго берега, я назначаю также часть солдатъ, расположенныхъ въ казармахъ по всѣмъ кварталамъ Парижа; вслѣдствіе этого ни одна мѣстность не останется совершенно безъ войска, а тѣ мѣстности, которыя обыкновенно служатъ театромъ возмущенія, получатъ возможность, независимо отъ солдатъ, стоящихъ подъ ружьемъ, находить подкрѣпленія въ казармахъ своихъ или сосѣднихъ.

Въ число людей, требующихся для защиты, я не включилъ пѣхоту муниципальной гвардіи, потому что желалъ оставить это войско въ распоряженіи гражданскаго начальства;—но во всякомъ случаѣ ее всегда

можно будетъ найти на пунктахъ, которымъ будетъ грозить опасность.

Главнокомандующій національною гвардіею Сены.

Парижъ, 1 іюля 1839.

Главный штабъ. Организація и вооружсніе войскъ.

—

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 21 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. генералъ-лейтенантъ, главнокомандующій, поручилъ мнѣ просить васъ сдѣлать распоряженія къ приведенію въ исполненіе инструкцій, означенныхъ въ циркулярѣ 3 іюля 1839 года, предоставляя выборъ средствъ вашему усмотрѣнію.

Примите, любезный полковникъ, увѣреніе въ моей преданности.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Завтра въ девять часовъ всѣ стратегическія линіи будутъ заняты гарнизонными войсками. Г. главнокомандующій уполномочиваетъ васъ бить сборъ съ семи часовъ, для того, чтобы два баталіона, которые вы должны доставить, могли явиться туда почти въ одно и тоже время.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

—

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Полученныя нами свѣдѣнія заставляютъ высшее начальство отмѣнить приказъ о занятіи стратегическихъ линій національной гвардіей и гарнизонными войсками. Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ предупредить васъ, что распоряженіе о созваніи національной гвардіи и объ исполненіи распоряженій, предписанныхъ циркуляромъ 3 іюля 1839 г., должны считаться недѣйствительными, и на васъ возлагается только

обязанность, впредь до новаго приказа, наряжать ежедневно на службу сто человѣкъ для пикета.

Примите, любезный полковникъ, увѣреніе въ моей совершенной преданности.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

—

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій получилъ приказъ немедленно занять стратегическія линіи; я спѣшу извѣстить васъ объ этомъ, приглашая съ своей стороны принять необходимыя мѣры для приведенія этого въ исполненіе.

Примите, любезный полковникъ, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

—

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ просить васъ созвать въ главный штабъ одинъ баталіонъ вашего легіона, предоставляя вамъ выборъ средствъ, какія вы сочтете наиболѣе вѣрными и быстрыми.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

*

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 22 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Завтра мы будемъ продолжать занятіе стратегическихъ линій значительными военными силами, къ которымъ должны присоединиться два баталіона изъ вашего легіона; они въ свою очередь приглашены къ принятію участія въ водвореніи общественнаго порядка.

Генералъ-лейтенантъ, главнокомандующій, поручилъ мнѣ просить васъ бить сборъ, если это покажется вамъ необходимымъ, чтобы ваши два баталіона во время явились на мѣсто назначенія.

Вамъ дозволяется распустить пикетъ изъ ста человѣкъ, какъ скоро вы сочтете это возможнымъ.

Что касается отрядовъ, занимающихъ стратегическіе пункты, то они вернутся домой, когда получатъ приказанія объ этомъ своихъ командировъ.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Секретаріатъ.

Національная гвардія сенскаго департамента.

Парижъ, 23 февраля 1848.

Любезный полковникъ,

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ замѣтить вамъ, что въ продолженіи двухъ послѣднихъ дней служба гарнизонныхъ войскъ была слишкомъ утомительна для того, чтобы они не нуждались въ отдыхѣ. Соображаясь съ причинами волненія, котораго повидимому ничто не должно болѣе узаконивать, нужно предвидѣть, что низшій классъ народонаселенія сдѣлаетъ опять какія нибудь покушенія къ нарушенію порядка и собственности, такъ какъ онъ никогда не имѣетъ въ виду другой цѣли.

Вслѣдствіе этого, г. главнокомандующій полагаетъ, что вы должны вмѣстѣ съ мэромъ вашего округа принять мѣры къ сохраненію безопасности и спокойствія, созвавъ завтра въ вашъ штабъ какими угодно

средствами, даже съ помощью тревоги, возможно большее количество національныхъ гвардейцевъ; вы употребите ихъ для упроченія спокойствія въ вашемъ округѣ, который съ этой минуты поручается вашимъ заботамъ и вашему усердію; если вамъ понадобятся резервныя войска, то я распоряжусь чтобы они были посланы вамъ.

Прошу васъ увѣдомлять меня о всѣхъ принимаемыхъ вами мѣрахъ и о ихъ послѣдствіяхъ.

Примите, и пр.

Маршалъ, начальникъ главнаго штаба.

Главный штабъ. Первая военная дивизія.

Объявленіе.

Король, пользуясь своими конституціонными правами, поручилъ гг. Тьеру и Одилону Барро составить новый кабинетъ.

Его величество поручилъ маршалу, герцогу д'Исли главное начальство надъ національной гвардіей и всѣми линейными войсками.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Я приказываю прекратить повсюду ружейный огонь и національной гвардіи взять на себя полицейскую службу.

Подписалъ: Маршалъ герцогъ д'Исли.

Скрѣпилъ:

Полковникъ Дабренъ.

Кабинетъ Министра В. Д.

Парижъ, 184

Во имя порядка.

....легіонъ національной гвардіи немедленно созывается.....

Полковникъ легіона

Одилонъ Барро.

Печать Кабинета М. В. Д.

Лемерсье, докторъ правъ, въ улицѣ Grenelle-Saint-Germain, 39.

Полковникъ легіона.

Главный штабъ. Организація и вооруженіе.

Національная гвардія Сенскаго департамента.

Парижъ, 25 февраля 1848.

3 часа утра.

Полковникъ легіона ударитъ сборъ въ семь часовъ утра и будетъ ждать, въ своемъ округѣ, распоряженій г. Гарнье-Паже, мэра города Парижа, или главнокомандующаго.

Г. де Куртэ.

Начальникъ временнаго штаба.

А. Гинаръ.

Письмо, найденное въ бюро герцога Монпансье.

Любезный Ш. А.!

Войска и баттареи, находящіяся подъ вашимъ начальствомъ, должны быть готовы выступить завтра, во вторникъ, такъ, чтобы быть въ состояніи до девяти часовъ занять указанные имъ стратегическіе пункты, а именно: двѣ пушки 12-го, и двѣ гаубицы 15-го полка, съ ящиками, должны быть отправлены на площадь Согласія; двѣ пушки 12 и двѣ гаубицы 15 съ ящиками на Карусельскую площадь; двѣ пушки 8 къ городской думѣ. Ящики пѣхоты съ порохомъ и кремнями и повозки съ зарядами и фитилями останутся въ военномъ училищѣ подъ надзоромъ офицера, котораго вы назначите для этой цѣли. Всѣ повозки вашихъ двухъ батарей будутъ запряжены четырьмя лошадьми; всѣ остальные лошади должны стоять готовыми, чтобы ихъ можно было во всякое время запречь и пустить въ дорогу; какъ только начнутся непріязненныя дѣйствія, начальникъ парка велитъ заложить ихъ, чтобы при первомъ приказаніи пустить въ дорогу въ слѣдующемъ порядкѣ: шесть ящиковъ съ порохомъ, четыре съ кремнями и двѣ повозки съ зарядами. Пушки должны быть запряжены не ранѣе четырехъ часовъ вечера, въ случаѣ если бы непріязненныя дѣйствія не прекратились. Повозки съ зарядами и пушки могутъ отправиться по приказу артиллерійскаго начальника, или инженернаго полковника Моро, директора парижскихъ укрѣпленій. Войска должны быть въ походной формѣ, они возьмутъ съ собой на два дня провизіи и по связкѣ зарядовъ. Вы сдѣлаете надлежащее распоряженіе, чтобы солдаты, выступившіе въ походъ, позавтракали по раньше. На счетъ провизіи на два дня совѣтую вамъ условиться съ начальниками войскъ, расположенныхъ въ военномъ училищѣ. Многіе изъ нихъ требовали, чтобы было напередъ из-

жарено мясо, которое понадобится для солдатъ. Вы лично поведете орудія, которыя должны находиться на площади Согласія, гдѣ вы можете встрѣтить большее стеченіе войска. Вы расположите пушки въ такомъ порядкѣ, чтобы колонны, которыя могутъ выйти изъ улицы Royale, направляясь къ Елисейскимъ полямъ, не стѣсняли ихъ движеній. Вы будете соображаться съ распоряженіями офицера, командующаго войсками на площади Согласія. Отчетъ въ вашихъ дѣйствіяхъ вы отдадите герцогу, въ Тюльери, гдѣ получите новыя инструкціи.

Другое письмо, найденное въ бюро герцога Монпансье.

(Конфиденціальное)

Парижъ, 10 февраля 1848.

Ваше высочество,

Я получилъ письмо вашего высочества, которымъ вы удостоили меня вчера, и въ которомъ вы пишите о распредѣленіи пушекъ, находящихся въ Венсенскомъ замкѣ и военномъ училищѣ, на случай бунта. Ваше высочество уже сами замѣтили, что тамъ всѣхъ пушекъ двадцать восемь, между тѣмъ какъ въ четырехъ баттареяхъ ихъ только двадцать четыре. Но во всякомъ случаѣ, я желалъ бы сохранить 28, потому что считаю это число необходимымъ. Вслѣдствіе этого, имѣю честь просить ваше высочество отдать приказъ, чтобы тѣ пушки, которыя должны быть посланы изъ Венсенскаго замка на площадь Бастиліи и бульваръ Сенъ-Дени были посланы сверхъ 12, долженствующихъ отправиться къ заставѣ Трона, и чтобы поэтому ихъ взяли изъ другой баттареи. Пользуюсь этимъ случаемъ также для того, чтобы просить ваше высочество отдать приказъ, чтобы пушки, расположенныя въ различныхъ округахъ, находились подъ командой офицеровъ. Пушки у заставы Трона должны быть подъ командой эскадроннаго командира, точно также какъ и тѣ, которыя отправятся изъ военнаго училища на Карусельскую площадь.

Четырьмя пушками на площади Согласія будетъ управлять капитанъ. Наконецъ одинъ офицеръ, капитанъ или поручикъ, долженъ находиться при мнѣ, въ префектурѣ полиціи, для того, чтобы приводить въ исполненіе всѣ мои распоряженія, касающіяся артиллеріи.

Въ то время, когда артиллерія заняла казармы въ Берси, ваше высочество предложили мнѣ занять площадь Бастиліи отрядомъ конной артиллеріи и замѣнить ими драгунъ, назначенныхъ инструкціями. Я вамъ очень благодаренъ за это предложеніе, но не воспользуюсь имъ,

потому что я успѣлъ, не вредя другимъ распоряженіямъ, сосредоточить на этомъ пунктѣ значительный кавалерійскій отрядъ.

Прошу в. в. принять увѣренія въ моемъ почтеніи,

Генералъ лейтенантъ, перъ Франціи,
Начальникъ первой дивизіи
Ф. Себастьяни.

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Жюньо.

Служащій при почтовомъ дворѣ Лафита и Каильяра въ улицѣ Saint-Honoré.

31 октября 1850.

Въ 50 минутъ десятаго выѣхалъ изъ почтоваго двора. Хотѣлъ проѣхать улицу Neuve-des-Capucines, но это было невозможно; отправился въ улицу Neuve-Saint-Augustin. Былъ остановленъ кавалерійскимъ офицеромъ, который спросилъ его, пріѣхалъ ли онъ съ тѣмъ, чтобы собирать мертвыхъ и раненыхъ.—Отвѣтилъ нѣтъ, но если это нужно, то я исполню. Тогда, по приглашенію, офицера, въѣхалъ на бульваръ. Въ экипажѣ его сидѣли три эмигранта съ своими вещами. Онъ передалъ чемоданы коммиссіонерамъ для переноски въ почтовый дворъ. Было десять часовъ; это вѣрно, потому что онъ возилъ эмигрантовъ къ желѣзной дорогѣ праваго берега. Граждане и національные гвардейцы складывали трупы въ повозку; Жюньо стоялъ при лошади; офицеръ, удержавшій его, находился тутъ же съ своимъ эскадрономъ. Всѣхъ труповъ было шестнадцать. Между ними были трупы одного офицера національной гвардіи и одного солдата 14 полка, убитаго во время залпа противъ рѣшетки улицы Basse. Пока укладывали, собралось много народу; повозку окружили; одни кричали: въ Б'астилію! другіе: въ «National». Повозка поѣхала чрезъ бульвары. На Итальянскомъ бульварѣ множество людей съ факелами окружили повозку. Два человѣка съ факелами сѣли на козлы. Жюньо постоянно находился при лошади. Въ улицѣ Lepeletier остановились возлѣ конторы «National» и сдѣлали полуоборотъ, чтобы опять выѣхать на бульвары. Стучатъ въ дверь конторы «National»; въ первомъ этажѣ отворяются окна и въ одномъ изъ нихъ показывается Гарнье-Паже, окруженный нѣсколькими лицами. Послѣ окончанія его рѣчи, толпа кричитъ: да здравствуетъ Гарнье-Паже! Мщéніе! къ оружію! Повозка возвращается на буль-

вары, доѣзжаетъ до воротъ Сенъ-Дени и останавливается предъ баррикадой, пересѣкающей бульваръ; не будь этой преграды, она доѣхала бы до Бастиліи. Она возвращается прежней дорогой чрезъ улицы Пуассоньеръ, Клери, Монмартръ, Жанъ-Жакъ-Руссо, на короткое время останавливается на углу улицы Кокильеръ; изъ пятисотъ человѣкъ, бывшихъ на бульварѣ, осталось только сто пятьдесятъ. Хотятъ перемѣнить лошадь, и взять другую у извощика; Жюньо сопротивляется этому. Повозка снова отправляется, и чрезъ улицу Кокильеръ хочетъ проѣхать къ рынку (la Halle); проходъ невозможенъ; слышны ружейные выстрѣлы. Было около половины перваго. Стучатъ въ дверь оружейника въ улицѣ Кокильеръ и безъ сопротивленія забираютъ оружіе. Толпа возвращается чрезъ улицы Жанъ-Жакъ-Руссо, Tiquetonne, Pavée-Saint-Sauveur, Française, Mauconseuil, Saint-Denis и aux Ours и останавливается предъ баррикадой въ улицѣ Сенъ-Мартенъ. Отправляется въ улицы Quincampoix, des Cinq-Diamants и des Lombards. Остановка на десять минутъ. Оттуда, по совѣту Жюньо, этотъ кортежъ, состоящій изъ ста человѣкъ, направляется чрезъ улицы Courtalon, des Lavandiéres и приходитъ въ четвертый округъ, на площадь Chevalier du-Guet. Было около половины втораго. Повозку ввозятъ во дворъ, снимаютъ и пересчитываютъ трупы. Послѣ этого Жюньо возвращается съ повозкой въ почтовый дворъ, куда пріѣзжаетъ къ двумъ часамъ, не встрѣтивъ въ улицѣ Saint-Honoré ни одной баррикады. Трупы приняты начальникомъ поста.

Жюньо (Пьеръ-Жанъ).

Телега, служившая 24 февраля 1848 года для перевозки труповъ съ Капуцинскаго бульвара въ четвертый округъ, была подъ № 6 и о четырехъ колесахъ.

Бине.
Смотритель почтоваго двора.

Эта телега перевозила эмигрантовъ съ ихъ вещами на станцію Гаврской желѣзной дороги.

Господину Гарнье-Паже.

Villers Saint-Paul, 4 ноября 1851 г.

Милостивый государь,

Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы требуете отъ меня сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній, касающихся одного событія Февральской революціи, въ которомъ играетъ роль и мое имя и о которомъ были даны невѣрныя свѣдѣнія.

Не желая опоздать отвѣтомъ, я, не смотря на мое разстроенное

здоровье, не дозволяющее мнѣ входить въ большія подробности, въ нѣсколькихъ, но за то самыхъ положительныхъ словахъ объясню вамъ, что въ то время, исторію котораго вы теперь пишете, я не получалъ отъ короля ни прямо, ни косвеннымъ путемъ, никакого военнаго начальства и не отдавалъ войскамъ никакаго приказа войти въ казармы. При этомъ я долженъ положительно заявить, что всѣ разсказы, противурѣчащіе настоящимъ моимъ словамъ, изъ какого бы источника они ни происходили совершенно ложны и неосновательны.

Примите, и пр.

Маршалъ Жераръ.

Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа генерала Ламорисьера.

(Дни 23 и 24 февраля).

23—генералъ Ламорисьеръ былъ въ палатѣ и нашелъ депутатовъ, столь веселыхъ наканунѣ, печальными. Вечеромъ, въ половинѣ девятаго, онъ встрѣтилъ на Капуцинскомъ бульварѣ, на углу улицы de la Paix, толпу и движеніе, не предвѣщавшія ничего добраго; на Вандомской площади стоялъ кавалерійскій пикетъ; слышны были ружейные выстрѣлы. Въ улицѣ du Bac толпы народа; имъ было уже извѣстно происшествіе на Капуцинскомъ бульварѣ. Генералъ прошелъ по многимъ улицамъ Парижа, ознакомился съ его состояніемъ и легъ спать не раздѣвшись.

24 — въ семь часовъ генералъ получилъ слѣдующее письмо отъ Тьера: «Король поручилъ мнѣ.... Я разсчитываю на васъ. Приходите какъ можно скорѣе». Онъ отправляется въ статскомъ платьѣ къ Тьеру и застаетъ тамъ Гюстава де Бомонъ, Ремюза, Барро, и др. Ему предлагаютъ военное министерство; онъ отвѣчаетъ, что теперь не въ томъ дѣло, а нужно заняться дѣлами болѣе безотлагательными. Ему настойчиво продолжаютъ предлагать военное министерство. «Если это необходимо, то я готовъ, но повторяю, займемся дѣлами безотлагательными.» Онъ вышелъ отъ Тьера въ четверть девятаго. На бульварѣ строятъ баррикады. Барро держитъ рѣчь къ толпѣ. Около него составился кружокъ. Его пропускаютъ и тотчасъ же предлагаютъ строить баррикады, какъ будто онъ ничего не говорилъ. Генералъ обращаетъ на этотъ случай вниманіе Барро и Тьера. Они отправляются въ улицу Sainte-Anne. Препятствія. Генералъ встрѣчаетъ однаго изъ своихъ старыхъ солдатъ, который идетъ предъ нимъ и очищаетъ ему дорогу.

Потомъ генералъ вмѣстѣ съ Тьеромъ, Барро, Ремюза, Дювержье де Гораннъ, Гюставомъ де Бомонъ и Гавеномъ входитъ въ Тюльери; Тьеръ отправляется съ королемъ для переговоровъ въ отдѣльную комнату. Получасовое ожиданіе. Король возвращается; на его лицѣ изображается сдержанная досада. Ламорисьеръ осмотрѣлъ только тѣ войска, которыя стояли въ Тюльери и нашелъ ихъ въ дурномъ положеніи. Онъ узнаетъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ночью и о назначеніи маршала Бюжо. Ему говорятъ, чтобы онъ принялъ начальство надъ національной гвардіей. Онъ спрашиваетъ, гдѣ она. Его заставляютъ рѣшиться, увѣряя, что его имя популярнѣе имени Бюжо.

Тьеръ и Ламорисьеръ отправляются въ главный штабъ, находятъ тамъ Бюжо и вступаютъ въ сношенія съ нимъ. Ламорисьеръ говоритъ ему, что надо забыть маленькія несогласія, существовавшія между ними, и что онъ готовъ стать подъ его начальство. Бюжо высказываетъ тѣ же чувства.

Тьеръ поручаетъ Ламорисьеру объявить повсюду о примиреніи. Послѣдній требуетъ мундира. Ему даютъ эполеты, сюртукъ и саблю. До этого на немъ были штатскіе панталоны и штиблеты. Бори де Ренодъ предлагаетъ ему свою лошадь. Онъ встрѣчаетъ Жюля Ластейри и Оскара Лафайэта, которые сопутствуютъ ему, и артиллерійскаго капитана Бенцмана, который добылъ гдѣ-то лошадь. Они встрѣчаютъ Гизо, который съ печальнымъ лицомъ направляется къ рѣшеткѣ. Герцогъ Монпансье притворяется веселымъ.

Въ улицѣ Риволи Ламорисьеръ встрѣчаетъ Бюжо; этотъ послѣдній, взволнованный слухами о своей непопулярности и полагая, что національная гвардія стоитъ за него, захотѣлъ узнать ея настроеніе. Они встрѣчаютъ баталіонъ національной гвардіи. Она повидимому враждебна генералу и не повинуется его приказанію. Ламорисьеръ видитъ, что Бюжо разговариваетъ съ однимъ изъ офицеровъ своей свиты; за тѣмъ маршалъ возвращается въ Тюльери.

Ламорисьеръ обходитъ улицу Saint-Honoré, Вандомскую площадь и другія улицы. Этотъ кварталъ довольно спокоенъ. Генерала встрѣчаютъ хорошо. Онъ объявляетъ, что національная гвардія замѣнитъ повсюду войска. На бульварѣ огромная толпа. Онъ встрѣчаетъ Барро, сильно утомленнаго. Бенцманъ отдаетъ свою лошадь Барро. Толпа кричитъ: въ Тюльери. Ламорисьеръ рысью убѣгаетъ отъ толпы и возвращается въ Тюльери. На углу улицы de la Paix онъ видитъ войска, которыя идутъ бульваромъ, съ поднятыми штыками.

Предъ выходомъ изъ главнаго штаба, Ламорисьеръ отдалъ офицерамъ главнаго штаба національной гвардіи приказъ, чтобы національная гвардія заняла посты, занимавшіеся до тѣхъ поръ линейными войсками и муниципальной гвардіей. По дорогѣ онъ зашелъ на площадь Пале-Рояля, противъ Château-d'Eau, чтобы посмотрѣть, точно ли ис-

полняются его приказы. Въ улицѣ Ришелье онъ встрѣчаетъ роту гренадеровъ національной гвардіи и приказываетъ имъ смѣнить караулъ.

Солдаты колеблются, но все таки направляются къ посту. Генералъ остается на лошади предъ постомъ и приказываетъ линейнымъ войскамъ уступить его гвардейцамъ. Въ это время его извѣщаютъ, что въ улицѣ Ришелье продолжаютъ строить баррикады, и что нѣсколькими выстрѣлами разбиты стекла въ окнахъ главнаго штаба. Онъ тотчасъ же поворачиваетъ лошадь и ѣдетъ въ улицу Ришелье. Возлѣ оружейнаго магазина Лепажа онъ видитъ нѣсколькихъ гражданъ, передающихъ инсургентамъ ружья. Онъ бросается къ баррикадѣ возлѣ фонтана Мольера. Въ него прицѣливаются, и кричатъ, чтобы онъ удалился. Онъ остается. Одинъ инсургентъ, какъ впослѣдствіи оказалось Лагранжъ, спрашиваетъ, что ему нужно. Ламорисьеръ объявляетъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о перемѣнѣ министерства. Лагранжъ требуетъ доказательствъ, и показываетъ ему ноперъ Монитера, въ которомъ объявлено о назначеніи Бюжо: «то, что вы говорите—неправда; возвратитесь и покажите намъ подписанный приказъ».

Ламорисьеръ, сильно озабоченный этими словами, возвращается шагомъ, и противъ французскаго театра встрѣчаетъ Этіена Араго. Араго говоритъ ему: «мы желаемъ инаго». Это были первыя республиканскія слова, услышанныя Ламорисьеромъ.

Ламорисьеръ, съ мыслью о необходимости инструкціи, подписанной королемъ, отправляется въ Тюльери и встрѣчаетъ тамъ на лѣстницѣ Жирардена, который горюетъ о медленности печати и о томъ, что ничего не приготовлено.

Ламорисьеръ входитъ къ королю. Король спрашиваетъ его, что новаго. Генералъ сообщаетъ ему, что національная гвардія не исполняетъ его приказаній, что онъ не можетъ ни найти ее, ни собрать, что онъ не можетъ даже показать имъ подписаннаго приказа, и теперь пришелъ за нимъ: «Никто не довольствуется тѣмъ, что я говорю отъ имени вашего величества; всѣ требуютъ инаго». «Инаго, — отвѣчаетъ король, — господинъ Ламорисьеръ, это иное—мое отреченіе! И такъ какъ я дамъ имъ его развѣ вмѣстѣ съ жизнью, то они и не получатъ его!»

Король сидѣлъ въ кабинетѣ возлѣ пріемной залы. Ламорисьеръ стоялъ предъ нимъ. Возлѣ короля былъ герцогъ Немурскій. Герцогъ сказалъ: «И такъ, впередъ!» «Впередъ», отвѣтилъ машинально Ламорисьеръ, и въ тоже время задалъ себѣ вопросъ, какъ и съ чѣмъ идти впередъ. Онъ вышелъ и возвратился въ главный штабъ. Такъ какъ онъ приходилъ въ Тюльери нѣсколько разъ, то не можетъ вспомнить, когда король дѣлалъ смотръ войску — до этого разговора, или послѣ него.

Онъ встрѣчаетъ Бюжо, уговаривающаго толпу, которая хочетъ вор-

ваться въ Тюльери. Онъ присоединяетъ свои усилія къ усиліямъ маршала. Толпа удаляется.

Его извѣщаютъ, что между постомъ Chateau d'Eau и баррикадами завязалась перестрѣлка. Онъ бросается туда чрезъ улицы l'Echelle и Ришелье, съ цѣлью заставить прекратить огонь. Въ улицѣ Saint-Honoré уличные мальчики, съ ружьями въ рукахъ, хотятъ преградить ему дорогу. Одинъ изъ нихъ прицѣливается и стрѣляетъ. Ружье осѣкается. Другой ранитъ его штыкомъ въ правую руку. Онъ обвязываетъ руку бѣлымъ платкомъ и подвигается впередъ; пріѣхавъ на площадь, онъ останавливается предъ постомъ и велитъ прекратить огонь. Солдаты не узнаютъ его и стрѣляютъ въ него. Народъ дѣлаетъ тоже. Генералъ очутился между двумя огнями.

Онъ поворачиваетъ лошадь и ѣдетъ черезъ улицу du Rohan. На Карусельной площади онъ встрѣчаетъ генерала Рюльера и проситъ его послать кого нибудь смѣнить караулъ и заставить прекратить огонь. Рюльеръ посылаетъ туда генерала Перро, котораго тамъ ранятъ и отводятъ въ магазинъ виноторговца.

Ламорисьеръ возвращается въ улицу Ришелье, и противъ французскаго театра встрѣчаетъ тоже Лагранжа; этотъ послѣдній опять требуетъ у него подписаннаго приказа. «Пойдемъ вмѣстѣ, постараемся прекратить огонь». Ламорисьеръ и Лагранжъ отправляются на площадь. Солдаты и народъ стрѣляютъ въ нихъ. Подъ градомъ пуль Ламорисьеръ смотритъ на Лагранжа; тотъ не трогается съ мѣста и сохраняетъ спокойный и рѣшительный видъ. «Чортъ возьми, вскричалъ Ламорисьеръ, если мы когда нибудь еще встрѣтимся, то пообѣдаемъ вмѣстѣ». Оба они уходятъ на минуту подъ одинъ портикъ и потомъ возвращаются къ посту. Усилія ихъ тщетны.

Генералъ возвращается на Карусельскую площадь, вторично встрѣчаетъ тамъ Эм. де-Жирардена, снова требуетъ во что бы то ни стало смѣнить караулъ и узнаетъ, что генералъ Перро раненъ. Онъ возвращается въ улицу С. Гоноре. Ему говорятъ, что маршалъ Жераръ ѣдетъ объявить объ отреченіи короля. Дѣйствительно, въ двадцати шагахъ отъ себя онъ видитъ въ толпѣ, маршала, котораго до тѣхъ поръ не зналъ. Тутъ кто то передаетъ ему бумагу. Онъ беретъ ее, читаетъ и говоритъ: «Вотъ отреченіе короля». Лагранжъ беретъ у него эту бумагу, чтобъ объявить народу объ отреченіи. Ламорисьеръ хорошо помнитъ всѣ эти подробности: этотъ документъ былъ клочекъ бумажки, исписанный крупными буквами.

Онъ идетъ вмѣстѣ съ маршаломъ, чтобы приказать прекратить огонь, и снова приходитъ къ посту, изъ котораго въ него стрѣляютъ. Онъ отправляется въ Карусель, встрѣчаетъ тамъ Бенцмана, Оскара Лафайэта, Тригана де-ла-Туръ, де Брайэ и капитана Риффо, и возвращается, чрезъ улицу Музея, на площадь. Онъ сильно взволнованъ

невозможностью прекратить перестрѣлку. Онъ приближается къ посту на десять шаговъ. Со всѣхъ сторонъ стрѣляютъ. Лошадь его ранена пулей. Ламорисьеръ падаетъ на тротуаръ, и потомъ подымается. Множество людей бросаются на него. Одинъ изъ толпы ранить его штыкомъ въ грудь. Случайно штыкъ проходитъ сквозь руку; генералъ чувствуетъ холодъ желѣза. Его узнаютъ и отводятъ въ магазинъ виноторговца. Суматоха; кровь и трупы;—пули долетаютъ въ заднюю часть лавки, гдѣ находится генералъ. Свиданіе Перро и Ламорисьера. Сощаніе толпы о томъ — не разстрѣлять ли ихъ обоихъ. Генерала хотятъ отвести въ погребъ; онъ рѣшительно отказывается отъ этого. Удивленные этою энергіею, присутствующіе предоставляютъ ему дѣйствовать, какъ ему угодно. Онъ видитъ окончаніе битвы и сожженіе каретъ. Ему даютъ штатское платье, и онъ удаляется.

Ламорисьеръ полагаетъ, что онъ былъ раненъ около половины перваго, сидѣлъ въ лавкѣ отъ часу до половины втораго, и вышелъ оттуда въ два или въ половинѣ третьяго.

Онъ направляется къ палатѣ депутатовъ и на дорогѣ встрѣчаетъ людей, идущихъ оттуда и объявляющихъ ему, что герцогиня уже вышла изъ палаты.

Онъ возвращается домой, переодѣвается, перевязываетъ раненую руку и снова выходитъ, думая, что можетъ еще принести какую нибудь пользу; отправляется въ десятый округъ, устраиваетъ постъ; идетъ въ одиннадцатый округъ, встрѣчаетъ Булэ (de la Meurthe), отдаетъ ему приказанія и узнаетъ отъ него о составленіи временнаго правительства.

Ламорисьеръ и Булэ отправляются въ городскую думу, стараются пробраться къ членамъ правительства, но не успѣваютъ въ этомъ. Ламорисьеръ удаляется. На площади его узнаютъ. Одни привѣтствуютъ его, другіе отталкиваютъ. «Вы не генералъ Ламорисьеръ». Его ведутъ въ кабакъ, въ которомъ, какъ ему сказали, былъ повѣшенъ Фулонъ во время первой революціи. Онъ входитъ въ первый этажъ. Начинаются совѣщанія—что съ нимъ сдѣлать. Наконецъ, его признаютъ Ламорисьеромъ и онъ отправляется на набережную; въ улицѣ du Bac, снова встрѣчаетъ Бенцмана. Ламорисьеръ передаетъ одному изъ своихъ друзей письмо къ Гарнье-Паже. Онъ получаетъ письмо отъ Андріана; идетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тамъ получаетъ письмо отъ Гарнье-Паже. Возвращается домой, куда Дюмуленъ приноситъ ему второе письмо отъ Паже; Ламорисьеръ отправляется чрезъ малый мостъ въ городскую думу. Ламорисьеръ видѣлъ Бедо въ семь часовъ, предъ приходомъ въ думу. Съ помощью одного національнаго гвардейца онъ проникаетъ туда.

Онъ входитъ въ малую залу перваго этажа, гдѣ были Араго, Ламартинъ, Дюпонъ и др., и видитъ, что Луи-Бланъ, въ формѣ націо-

нальнаго гвардейца, съ ружьемъ въ рукѣ, стоитъ на стулѣ и требуетъ провозглашенія республики.

Многіе изъ членовъ правительства просятъ Ламорисьера занять должность военнаго министра; ему объявляютъ, что Куртэ исслань въ главный штабъ, въ Тюльери. Онъ отказывается отъ министерства. «Мое имя не можетъ быть для васъ полезно. Положеніе, въ которомъ я былъ сегодня утромъ, не позволяетъ мнѣ принять это предложеніе. Возьмите Бедо, онъ больше меня смыслитъ въ администраціи; впрочемъ, вамъ предстоитъ война, и тогда вы можете разсчитывать на меня для пограничныхъ постовъ».

Ламорисьеръ вышелъ изъ городской думы, часъ спустя послѣ прихода туда и отправился домой.

Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа Лагранжа.

(Февральскіе дни 1848 года).

Вечеромъ 21 февраля, Лагранжъ присутствовалъ въ засѣданіи журнала «la Réforme», въ которомъ участвовало около шестидесяти человѣкъ; между ними былъ и Альтонъ Ше. Де-ла-Годдъ сказалъ: «Выйдемъ на площадь», и т. д. Рей поддерживаетъ его. Коссидіеръ: «Нужно бы затѣять исторію!» Лун Бланъ находитъ этотъ случай неудобнымъ. Онъ рѣшился не выходить изъ дому. Ледрю Ролленъ: «еще ничего не приготовлено!» Альтонъ-Ше началъ говорить, Лагранжъ прервалъ его: «я не имѣю надобности знать, что будутъ дѣлать такіе-то и такіе господа. Я не навлеку на себя отвѣтственности пролитія крови; но если у народа будетъ тронутъ хоть одинъ волосъ, я пойду умирать туда, гдѣ будетъ онъ». 22 и 23 свиданіе съ нѣсколькими политическими друзьями для обсужденія положенія дѣлъ. 22-свиданіе съ Люссіеномъ де-ла-Годдъ въ галлереѣ Валуа; 23-свиданіе въ Сенъ-Мартенскомъ переулкѣ; присутствующіе вооружены.

Въ половинѣ четвертаго онъ услыхалъ о назначеніи министерства Моле. Свиданіе назначено на 24, на площади Побѣдъ. Онъ отправляется съ Давила по ту сторону рѣки, въ редакцію «Journal des Ecoles». Между десятью и половиной одиннадцатаго, встрѣчается съ Ватрипономъ, Манженомъ и другими друзьями въ конторѣ журнала «Avant-Garde». Онъ объявляетъ имъ о назначеніи сходки на площади Побѣдъ. Воспитанники школъ находятъ это мѣсто неудобнымъ.

Лагранжъ, въ бѣломъ сюртукѣ, отправляется въ контору «la Réforme»,

видитъ предъ дверью ея повозку съ трупами и встрѣчаетъ тамъ Этьена Араго, Ледрю-Роллена, Коссидіера и др. «И такъ — говоритъ онъ—вотъ проигранное дѣло!» — «Оно еще не начиналось», отвѣчаютъ ему. Ледрю-Ролленъ печаленъ. Лагранжъ идетъ отдыхать къ Давила, живущему въ Альзасскомъ отелѣ, въ улицѣ Vieux-Augustins.

24, въ половинѣ седьмаго, онъ идетъ въ контору «la Réforme». Около половины восьмаго приходятъ туда Флоконъ, въ мундирѣ національнаго гвардейца, Этьенъ Араго, Луи-Бланъ въ мундирѣ, Бонъ, Фэйоль, и другіе въ штатскихъ платьяхъ. Манифестъ. Встрѣча въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо съ Кремье, который предлагаетъ министерство Тьера и Барро.

Лагранжъ отправляется съ Бономъ и Фэйолемъ къ одному другу, чтобы взять у него двуствольное ружье и пару пистолетовъ. Пистолеты еще до сихъ поръ заряжены, потому что 24 онъ не стрѣлялъ изъ нихъ.

Лагранжъ съ своими друзьями, Этьеномъ Араго, Коссанелемъ, Тиссерандо и др., въ числѣ осьми или десяти человѣкъ, сопровождаемые небольшою толпою народа, отправляются въ почтамтъ. Дружескія отношенія между ними и солдатами. При выходѣ изъ почтамта, они видятъ, что національная гвардія занимаетъ его.

Лагранжъ отправляется на площадь Пале-Рояля. Они входятъ на крыльцо Chateau-d'Eau, и говорятъ отряду, стоящему въ кордегардіи: «Вы должны отдать намъ свое оружіе». Три офицера, въ числѣ которыхъ одинъ капитанъ, отвѣчаютъ имъ: «Будь вы солдаты, рѣшились-ли бы вы отдать свое оружіе?» На лицахъ этихъ людей не замѣтно смущенія; они печальны, но не испуганы. Лагранжъ съ друзьями удаляется.

Утромъ Лагранжъ три раза видѣлъ генерала Ламорисьера. Первый разъ возлѣ одной баррикады. Онъ отдавалъ приказъ прекратить огонь. При второй встрѣчѣ, Ламорисьеръ передалъ ему отреченіе короля. Онъ громко прочелъ его и отправился въ улицу св. Ѳомы. Тамъ была жаркая перестрѣлка. Всѣ стрѣляли за разъ. Лагранжъ четыре раза шелъ на приступъ; возлѣ него убиты три человѣка. Его бѣлый сюртукъ покрытъ кровью. Онъ третій разъ видитъ Ламорисьера. Они вмѣстѣ идутъ на площадь, чтобы прекратить огонь. Со всѣхъ сторонъ стрѣляютъ въ нихъ. Ламорисьеръ спокоенъ.—«Ваше имя?»—Ламорисьеръ. А ваше.—«Лагранжъ».—Если васъ не убьютъ, мы пообѣдаемъ вмѣстѣ. Генералъ раненъ. Храбрость его удивительна.

Борьба не можетъ окончиться. Число убитыхъ безпрестанно увеличивается. Народъ рѣшается зажечь прежде одну карету, потомъ другую, чтобы дымомъ заставить солдатъ выйдти изъ поста. Они дѣйствительно сдаются и огонь прекращается. Между солдатами нѣтъ ни одного убитаго.

Лагранжъ идетъ въ Тюльери. Онъ въ тронной залѣ. Всходитъ на тронъ, оттуда читаетъ отреченіе и кричитъ да здравствуетъ республика! На площади des Petits-Pères онъ опять читаетъ отреченіе и отправляется домой.

Засѣданіе въ редакціи «la Réforme». Организація временнаго правительства. Между 6 и 7 часами Лагранжъ отправляется въ городскую думу, чтобы приготовить тамъ все для прихода временнаго правительства.

ПРОКЛАМАЦІИ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Во имя французскаго народа.

Прокламація временнаго правительства къ французскому народу.

Ретроградное и олигархическое правительство низвергнуто героизмомъ парижскаго народа. Это правительство бѣжало, оставивъ за собой слѣды крови, запрещающіе ему возвратиться когда бы то ни было.

Народная кровь лилась, какъ во время Іюльской революціи; но на этотъ разъ эта благородная кровь не будетъ обманута. Она произвела другое правительство, національное и популярное, согласное съ правами, успѣхами и волею этого великаго и великодушнаго народа.

Временное правительство, избранное единогласнымъ желаніемъ народа и департаментныхъ депутатовъ, въ засѣданіи 24 февраля облечено обязанностью утвердить и организовать плоды народной побѣды. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Дюпона (де л'Еръ), Ламартина, Кремье, Араго (члены института), Ледрю-Роллена, Гарнье-Паже и Мари.

Секретарями назначены:

Армандъ, Марра, Луи-Бланъ, Фердинандъ Флоконъ и Альбертъ.

Всѣ эти граждане ни на минуту не задумались принять патріотическую миссію, возложенную на нихъ настоятельною необходимостью. Когда столица Франціи объята пламенемъ, дѣятельность временнаго правительства должна состоять въ сохраненіи общественнаго спокойствія. Вся Франція пойметъ это и поддержитъ его своимъ патріотизмомъ. При національномъ правленіи, провозглашенномъ временнымъ правительствомъ, каждый гражданинъ есть въ то же время чиновникъ.

Французы, покажите міру такой примѣръ, какой Парижъ показалъ Франціи; приготовьтесь, посредствомъ спокойствія и довѣрія къ са-

мимъ себѣ, къ прочнымъ учрежденіямъ, создать которыя вы скоро будете призваны.

Временное правительство хочетъ Республики, утвержденной народомъ, который немедленно будетъ созванъ для этого;

Единство націи, которая съ этихъ поръ должна быть составлена изъ гражданъ всѣхъ классовъ; самоуправленіе націи;

Свобода, равенство и братство, какъ принципы, народъ какъ девизъ и пароль: таково то демократическое правленіе, которое Франція обязана дать себѣ и которое наши усилія утвердятъ за нею.

Дюпонъ (де л'Еръ), Ламартинъ, Кремье, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Паже, Мари, Араго, члены временнаго правительства.

Армандъ, Марра, Луи-Бланъ, секретари.

Во имя французскаго народа.

Къ національной гвардіи.

Граждане,

Вашъ образъ дѣйствій въ эти послѣдніе и великіе дни былъ такой, какого должно было ожидать отъ людей, издавна привыкшихъ къ борьбѣ за свободу.

Благодаря вашему братскому соединенію съ народомъ и со школами, революція совершилась!...

Отечество останется вамъ за это благодарнымъ.

Теперь всѣ граждане составляютъ національную гвардію; всѣ должны вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ дѣятельно содѣйствовать правильному торжеству общественной свободы.

Временное правительство разсчитываетъ на ваше усердіе, на вашу готовность помогать ему въ томъ трудномъ положеніи, которое возложено на него народомъ.

Члены временнаго правительства:
Дюпонъ (де л'Еръ), Араго, Мари, Ламартинъ, Кремье, Ледрю-Ролленъ, Гарнье-Паже.

Луи-Бланъ, Армандъ, Марра, Флоконъ, Альбертъ, секретари.

Во имя франдузскаго народа.

Временное правительство постановило:

Дюпонъ (де л'Еръ) назначенъ временнымъ президентомъ совѣта, безъ портфеля.

Ламартинъ—временнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ;

Креьме — временнымъ имнистромъ юстиціи;

Ледрю-Ролленъ — временнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ;

Мишель Гудшо — временнымъ министромъ финансовъ;

Франсуа Араго — временнымъ морскимъ министромъ;

Генералъ Бедо — временнымъ военнымъ министромъ;

Карно — временнымъ министромъ народнаго просвѣщенія (духовныя дѣла войдутъ въ составъ этого министерства);

Бетмонъ — временнымъ министромъ комерціи;

Мари — временнымъ министромъ публичныхъ работъ;

Генералъ Кавеньякъ — генералъ-губернаторомъ Алжира;

Муниципальная гвардія распускается.

Гарнье-Паже назначенъ парижскимъ меромъ.

Гинаръ и Рекюръ — помощниками парижскаго мера.

Флотаръ — генеральнымъ секретаремъ.

Всѣ прочіе парижскіе меры и ихъ помощники временно оставлены въ должностяхъ окружныхъ меровъ и помощниковъ.

Полицейская префектура находится въ зависимости отъ парижскаго мера.

Охраненіе спокойствія Парижа поручается патріотизму національной гвардіи, главнокомандующимъ которой будетъ полковникъ Куртэ.

Къ національной гвардіи будутъ присоединены войска, составляющія первую военную дивизію.

Кремье, Ламартинъ, Мари, Гарнье-Паже, Дюпонъ (де л'Еръ), Ледрю-Ролленъ, Араго, члены временнаго правительства.

Во имя французскаго народа.

Временное правительство постановило:

Палата депутатовъ распущено.

Народное собраніе будетъ созвано, какъ только временное прави-

*

тельство приведетъ въ порядокъ полицейскія мѣры, необходимыя для вотированія всѣхъ гражданъ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ.
Луи-Бланъ, секретарь.

Во имя французскаго народа.

Временное правительство постановило:

Членамъ бывшей палаты перовъ запрещается сходиться вмѣстѣ.

Парижъ, 24 февраля 1848.

Дюпонъ (де л'Еръ), Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Кремье, Мари, Араго.

Все, что касается управленія изящными искусствами и музеями, составитъ особое отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Жюри, занимающіеся принятіемъ картинъ на годичную выставку, будутъ избираться.

Для этой цѣли, особымъ постановленіемъ, будутъ созваны всѣ артисты.

Выставка 1848 года будетъ открыта 15 марта.

Ледрю-Ролленъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Неудача министерства Моле; набатъ; необходимость чистосердечнаго рѣшенія; нерѣшительность короля; его двусмысленная политика; онъ призываетъ Тьера, Бюжо, Гизо и Дюшателя.—Назначеніе маршала Бюжо главнокомандующимъ; немедленное вступленіе его въ эту должность; собраніе военнаго совѣта; рѣчь Бюжо. — Прибытіе Тьера въ Тюльери; его разговоръ съ Монталиве; свиданіе съ королемъ. — «Moniteur» объявляетъ о новомъ министерствѣ Тьера и Барро и о назначеніи въ тоже время маршала главнокомандующимъ. — Тьеръ отправляется въ главный штабъ; разговоръ его съ маршаломъ; по возвращеніи домой онъ находитъ у себя Ремюза, замѣчанія котораго заставляютъ его возвратиться въ Тюльери; онъ снова повторяетъ королю свои опасенія по поводу назначенія маршала главнокомандующимъ; король не измѣняетъ этого назначенія. — Стратегическій планъ Парижа. Послѣ враждебныхъ манифестацій національной гвардіи, войскамъ приказано стянуться; это приказаніе исполняется нерѣшительно. — Расположеніе войскъ. — Военныя силы, находящіяся въ распоряженіи маршала.—Недостатокъ военныхъ припасовъ. — Нравственное и матеріальное состояніе войскъ. — Увѣренность маршала въ успѣхѣ; письмо его къ Тьеру; его планъ сраженія; онъ воодушевляетъ войска своимъ личнымъ присутствіемъ и въ одно

Стран

и тоже время велитъ объявить о назначеніи министерства Тьера и Барро и отдаетъ приказъ о немедленномъ очищеніи улицъ отъ баррикадъ; его разговоръ съ генераломъ Бедо; письмо къ Тьеру; онъ приказываетъ Бургону силою сопротивляться попыткамъ народа; рѣзкій пріемъ, сдѣланный имъ Гизо; двусмысленная роль маршала . . . . . 1—19

ГЛАВА ВТОРАЯ. Приготовленіе народа къ битвѣ въ продолженіе ночи; значительное количество баррикадъ. — Возможность успокоить народъ до назначенія маршала Бюжо; скромныя требованія журналовъ «National» и «Réforme» и демократическаго избирательнаго комитета; безмолвіе правительства и назначеніе маршала главнокомандующимъ заставляютъ народъ взяться за оружіе.—Тьеръ и Ремюза убѣждаютъ Дювержье дѐ-Горанна вступить въ новое министерство. — Они просятъ содѣйствія Барро, который отказывается отъ участія въ министерствѣ по поводу назначенія маршала, но наконецъ уступаетъ ихъ просьбамъ.—Товарищи ихъ по министерству принадлежатъ къ лѣвой парламентской сторонѣ и къ лѣвому центру.—Воззваніе къ средней партіи; Тьеръ у Пасси; Барро у Бильо; отказъ Пасси, Дюфора и Бильо; согласіе генерала Ламорисьера; депутаты лѣвой стороны у Тьера; Берже сообщаетъ свѣдѣнія о возстаніи.— Реймсъ и Маррастъ. — Тьеръ и Барро вмѣстѣ съ своими друзьями отправляются въ Тюльери; видъ Парижа по пути ихъ; народъ кричитъ имъ: васъ обманываютъ!—Время, потерянное королемъ. — Затруднительное положеніе будущихъ министровъ; нерѣшительность Барро; онъ останавливается передъ входомъ въ Тюльери; Тьеръ и Ламорисьеръ увлекаютъ его.—Улица S.-Croix de la Bretonnerie; войска отступаютъ передъ національною гвардіей и соединяются съ ней въ ратушѣ девятаго округа; въ двѣнадцатомъ округѣ Делестръ вступаетъ въ управленіе ратушей и приказываетъ отбить караулъ въ Val-de-Grâce; воспитанники политехнической школы выходятъ изъ училища противъ воли своего генерала и присоединяются къ возстанію: успѣшная аттака народомъ казармъ; Saint-Victor, de Tournon, des Grés, de Reuilly, des Minimes.—Меръ восьмаго округа отправляется въ префектуру сенскаго департамента; префектъ уполномочиваетъ его объявить прокламацію; меръ отправляется на королевскую площадь и объявляетъ о министерствѣ Тьера и Барро; сопровождаемый колонной національной гвардіи и народа, меръ отправляется читать свою прокламацію и на Бастильскую площадь; кровавое приключеніе, подобное тому, которое было на Капуцинскомъ бульварѣ; войска оставляютъ Бастильскую площадь.—Побѣды, одержанныя народомъ къ девяти часамъ утра . . . . . 20—38

Стран.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Генералъ Бедо передъ театромъ Gymnase; онъ объявляетъ о составленіи министерства Тьера и Барро; народъ не вѣритъ этому; вмѣшательство національной гвардіи; прекращеніе военныхъ дѣйствій; генералъ Бедо требуетъ прокламацій и инструкцій отъ маршала Бюжо, который посылаетъ ему ихъ; дурное вліяніе ихъ на народъ; въ то время когда генералъ собирается двинуться впередъ, онъ получаетъ отъ маршала приказаніе отступать. — Обстоятельства, предшествующія этому распоряженію: Баррикады доходятъ до самаго Тюльерійскаго дворца; генералъ Сентъ-Арно уничтожаетъ баррикаду въ Ришельевской улицѣ; донесенія становятся все болѣе и болѣе тревожными; увѣренность въ успѣхѣ слабѣетъ въ главномъ штабѣ; герцоги Немурскій и Монпансье не могутъ снова возбудить ее; свиданіе Тьера съ маршаломъ, который жалуется на состояніе войскъ, боевыхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ; въ главный штабъ является Фовель-Дельбарръ; онъ добивается отъ маршала приказанія генералу Бедо отступить. — Приказаніе прекратить огонь было логическимъ слѣдствіемъ двойственнаго положенія, созданнаго королемъ.— Свиданіе депутатовъ съ королемъ должно имѣть тотъ же результатъ.—Сдѣлка между Тьеромъ и Барро: маршалъ Бюжо остается начальникомъ арміи; Ламорисьеръ — національной гвардіи. — Разговоръ короля съ Тьеромъ.—Тьеръ, Барро и другіе депутаты лѣвой стороны у короля.—Король одобряетъ сдѣлку между Тьеромъ и Барро; онъ не соглашается на распущеніе палатъ; король оборачивается спиною къ Барро; настоятельныя требованія депутатовъ.—Какъ надобно было поступать?—Тьеръ и Ремюза сообщаютъ маршалу о назначеніи Ламорисьера; маршалъ выражаетъ свое согласіе. — Свиданіе двухъ главныхъ начальниковъ. — Ламорисьеръ импровизируетъ себѣ костюмъ, садится на лошадь и спѣшитъ къ баррикадамъ, чтобы прекратить битву.—Барро и его друзья отправляются съ тою же цѣлью.— Тьеръ хочетъ слѣдовать за ними, маршалъ удерживаетъ его насильно. — Распоряженія и мѣры маршала къ примиренію; его ошибка въ томъ, что онъ не сосредоточилъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ войскъ. — Тьеръ, Ремюза и Дювержье де-Гораннъ возвращаются къ королю, который продолжаетъ сопротивляться; вмѣшательство герцога Немурскаго; приходъ Жирардена; герцогъ добивается распущенія палаты. — Прокламація. — Барро торжествуетъ на Итальянскомъ бульварѣ; у Сенъ-Денисскихъ воротъ его встрѣчаютъ криками: Долой Луи-Филиппа; Барро возвращается; онъ встрѣчаетъ Ламорисьера, который также возвращается послѣ безуспѣшнаго посредничества.— Барро идетъ домой, сопровождаемый наро-

Стран.

домъ; Гарнье-Паже обращается къ толпѣ изъ окна квартиры Барро; народъ расходится.—По возвращеніи въ Тюльери Ламорисьеръ встрѣчаетъ тамъ герцога Немурскаго и маршала Бюжо; онъ даетъ имъ отчетъ о результатѣ возложеннаго на него порученія и не скрываетъ непопулярности маршала. — Маршалъ встрѣчаетъ дурной пріемъ у національной гвардіи. 39—72

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Трудное отступленіе генерала Бедо на бульварахъ; безпрестанныя препятствія, встрѣчаемыя имъ; встрѣча съ Барро и его друзьями; пушки не могутъ двигаться впередъ; ихъ отводятъ въ ратушу втораго округа; ящики открываютъ и боевые припасы раздаются народу; предводительствуемая національной гвардіей и народомъ, колонна генерала Бедо вступаетъ на площадь Согласія; муниципальные гвардейцы, содержащіе караулъ въ постѣ Пейронне, стрѣляютъ въ народъ; кровавая стычка, взятіе поста. — Перестрѣлка линейныхъ войскъ у Pont-Tournant; убійство депутата Жоливе.—Сдача казармъ de Reuilly.—Капитуляція поста Baudoyer. — Стычка на баррикадахъ лѣваго берега Сены, у Политехнической школы.—Разрушеніе и сожженіе заставъ. — Разрушеніе пошлинныхъ и мостовыхъ заставъ. — Сдача остальныхъ казармъ. —Городская Дума; войска соединяются съ національной гвардіей и народомъ; караулъ муниципальныхъ гвардейцевъ хочетъ дѣйствовать противъ народа; онъ принужденъ запереться въ казарму; рабочіе завладѣваютъ Городскою Думою; присутствіе духа привратника Мартена передъ угрозою сжечь библіотеку; отчаяніе префекта; на предложеніе совѣтниковъ муниципалитета созвать совѣтъ, онъ имъ отвѣчаетъ: «Дѣлайте что хотите!»; на требованіе офицера національной гвардіи, Журдана, оставить свою должность, онъ оставляетъ Думу; генералы, начальники отрядовъ слѣдуютъ его примѣру, войска удаляются и отдаютъ свое оружіе; народъ торжествуетъ; муниципальные совѣтники, находящіеся на лицо въ Думѣ, отказываются признать импровизированную власть Журдана и созываютъ муниципальный совѣтъ. — Министерство внутреннихъ дѣлъ: Гизо и Броль у Дюшателя; приходъ Малевиля: онъ предупреждаетъ ихъ о событіяхъ и объ опасностяхъ, которыя имъ угрожаютъ; слова г-жи Дюшатель; оба министра спасаются бѣгствомъ; переодѣваніе Гизо; Малевиль приказываетъ нѣсколькимъ національнымъ гвардейцамъ отразить нападеніе, сдѣланное на министерство; онъ увѣдомляетъ Барро, что будетъ ожидать его.—Многочисленное собраніе членовъ оппозиціи у Барро. — Отреченіе короля и назначеніе регентства, провозглашенныя утромъ Ледрю-Ролленомъ и Марра, приня-

Стран.

ты радикалами всѣхъ партій, какъ неожиданная побѣда; Барро, Авенъ, Паньеръ, Гарнье-Паже и другіе отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ; народъ, національная гвардія и войска встрѣчаютъ ихъ съ восторгомъ; нерѣшительность Барро; онъ понялъ изъ положенія, принятаго народомъ, необходимость отреченія; онъ проситъ Дюпена и Жанвіе объяснить королю положеніе дѣлъ; нападки на поведеніе Барро и его оправданіе. — Главный штабъ; состояніе умовъ. 73—101

ГЛАВА ПЯТАЯ. Королевская фамилія въ послѣдній разъ завтракаетъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ; приходъ Дювержье де-Горанна и Ремюза.—Лобепенъ сообщаетъ свѣдѣнія о колоннѣ генерала Бедо и о кровавой сценѣ, бывшей на площади Согласія; пока Ластейри и Эльшинценъ отправляются узнать подробности этихъ происшествій, король вмѣстѣ съ принцами, Тьеромъ, Ремюза и Дювержье де-Горанномъ разсуждаютъ о томъ, какія мѣры надобно принять для успокоенія города; генералъ Бедо сообщаетъ успокоительныя новости; Тьеръ совѣтуетъ королю удалиться вмѣстѣ съ войсками въ Сенъ-Клу; король уходитъ изъ залы Совѣта, ни на что не рѣшившись.—Тьеръ идетъ къ Бюжо сообщить ему свой проэктъ, маршалъ соглашается съ Тьеромъ и, чтобы привести этотъ проектъ въ исполненіе, ставитъ батальонъ солдатъ въ Тюльерійскомъ саду.—Король выходитъ на Карусельскую площадь, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ и національной гвардіи; угрожающій крикъ батальона 4-го легіона; король, глубоко опечаленный, возвращается во дворецъ; слова его къ Тьеру: «Все кончено!»—Парижъ требуетъ отреченія короля; Реймсъ и Артигъ идутъ въ Тюльери сообщить эту новость Тьеру, который передаетъ ее принцамъ. —Тьеръ выставляетъ королю требованія обстоятельствъ; герцогъ Немурскій говоритъ объ отреченіи и въ то же время о своемъ отказѣ отъ регентства; король спрашиваетъ: спасетъ ли онъ своимъ отреченіемъ тронъ своего внука; онъ призываетъ къ себѣ все свое семейство.—Первое столкновеніе у Château d'Eau; озабоченность генерала Ламорисьера по этому поводу; принятыя предосторожности и приказанія, отданныя генераломъ, чтобы предупредить столкновеніе у Тюльери.—Ламорисьеръ у баррикады подлѣ Мольеровскаго фонтана. — Ламорисьеръ въ Тюльери. — Свиданіе генерала съ королемъ, который становится бодрѣе послѣ совѣщанія съ своимъ семействомъ; генералъ сообщаетъ королю о томъ, что народъ требуетъ отреченія; король отвѣчаетъ, что этого добьются только съ его смертью, и герцогъ Немурскій говоритъ, что надобно итти впередъ; генералъ отправляется въ главный штабъ.—Колон-

Стран.

на народа врывается на Карусельскую площадь; храбрость маршала Бюжо, который принуждаетъ колонну отступить. — Кремье входитъ въ кабинетъ короля; онъ говоритъ королю о необходимости назначить Барро президантомъ Совѣта министровъ и смѣнить маршала Бюжо; король соглашается; въ это время входитъ Эмиль-де-Жирарденъ. — Происшествіе на площади Пале-Рояль; развязка борьбы; стеченіе народа и національныхъ гвардейцевъ въ окрестностяхъ Château d'Eau и Тюльери; борьба становится безпощаднѣе; безполезныя усилія прекратить огонь; вмѣшательство генерала Ламорисьера; онъ раненъ и принужденъ удалиться; вмѣшательство генерала Перро; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ . . 102—127

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Эмиль-де-Жирарденъ требуетъ отъ короля отреченія и назначенія регентства герцогини Орлеанской; король соглашается на отреченіе. — Эмиль-де-Жирарденъ и герцогъ Немурскій выходятъ изъ дворца, чтобы объявить эту новость. — Королевская фамилія окружаетъ Люи-Филиппа; его печаль и сожалѣніе; твердость королевы; ея гнѣвныя слова къ герцогинѣ Орлеанской, которую королевское семейство подозрѣваетъ въ сообщничествѣ съ депутатами лѣвой парламентской стороны; слова одной изъ принцесъ къ Ластейри. — Совѣтъ Пискатори; желаніе короля взять назадъ свое отреченіе; его вопросъ: можно ли защищать Тюльери?—отрицательный отвѣтъ. — Приходъ маршала Жерара; король и королева умоляютъ его о спасеніи; маршалъ садится верхомъ и отправляется на Пале-Роялькую площадь; дорогой онъ поручаетъ Лакросу и Серсе принести актъ объ отреченіи, чтобы лично прочитать его передъ народомъ. — Лакросъ и Серсе объявляютъ о своемъ порученіи; король подписываетъ свое отреченіе въ пользу графа Парижскаго; сцена, сопровождавшая подпись; нетерпѣніе герцога Монпансье; порывъ энергіи и достоинства у короля; нѣжность и гнѣвъ королевы; трогательная скромность присутствующихъ; приходъ Кремье; онъ противится регентству герцога Немурскаго; жалобы герцогини Орлеанской на ея трудное положеніе; слова маршала Бюжо о положеніи дѣлъ; всеобщая безпомощность.— Герцогъ Немурскій принимаетъ верховное командованіе надъ войскомъ; его обращеніе къ маршалу Бюжо; онъ удаляетъ войска съ Карусельской площади. — Актъ отреченія Люи-Филиппа, отправленный къ маршалу Жерару, попадаетъ въ руки одного гражданина. — Маршалъ Жераръ пріѣзжаетъ на площадь Пале-Рояля; его вмѣшательство оказывается безсильнымъ; онъ удаляется. — Генералъ Ламорисьеръ и Лагранжъ употребляютъ геройскія, но безполезныя усилія, что-

Стран.

бы остановить битву у Château d'Eau. — Ламорисьеръ возвращается къ сражающимся; онъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; встрѣча его съ генераломъ Перро въ комнатѣ за лавкой виноторговца. — Безполезныя усилія Кремье и Гурго остановить битву.—Одиночество королевской фамиліи. — Убійство королевскаго рейткнехта при переходѣ черезъ Карусельскую площадь; придворныя кареты взяты народомъ и сожжены.— Кремье спѣшитъ увѣдомить короля объ аттакѣ, угрожающей Тюльери.— Картина отчаянія королевской фамиліи. — Отъѣздъ.—Приключеніе въ саду. — Прибытіе на площадь Согласія. — Бѣгство. — Тьеръ и Бюжо оставляютъ Тюльери . 128—151

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Герцогиня Орлеанская удаляется въ свои комнаты.—Барро отправляется въ Тюльери; не найдя герцогини Орлеанской, онъ возвращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Герцогъ Немурскій совѣтуетъ герцогинѣ Орлеанской оставить Тюльери и защищаетъ ея выходъ. — Наружная рѣшетка дворца открыта для народа. — Вторженіе народа въ садъ. — Герцогиня Орлеанская у Pont-Tournant; Бьеста и Авенъ передаютъ герцогинѣ совѣтъ Барро отправиться въ городскую Думу; герцогиня колеблется; Дюпенъ и его друзья увлекаютъ ее въ палату. — Герцогъ Немурскій идетъ вмѣстѣ съ герцогиней раздѣлять ея опасное положеніе; приготовленія къ отъѣзду. — Барро ничего не знаетъ обо всемъ что происходило; его нерѣшительность; Гюставъ де-Бомонъ, Гарнье-Паже и Леонъ де-Малевиль отправляются въ городскую Думу.—Засѣданіе муниципальнаго совѣта; присутствіе и помощь нѣсколькихъ гражданъ; приходъ трехъ депутатовъ; вопросъ Фанжа; отвѣтъ Гарнье-Паже, объявляющиго объ отреченіи; Фанжа требуетъ лишенія правъ на престолъ и осужденія на смерть; негодованіе и протестъ муниципальнаго совѣта; шумная сцена; прокламація муниципальнаго совѣта объ отреченіи; присутствующіе требуютъ лишенія правъ на престолъ; возраженіе Делестра; Гарнье-Паже и Малевиль садятся за бюро; записка Гарнье-Паже къ Барро; Гарнье-Паже провозглашенъ парижскимъ мэромъ; народъ хочетъ провозгласить Малевиля его товарищемъ; Малевиль отказывается; народъ провозглашаетъ Рекюра и Паньера; толпа требуетъ провозглашенія республики; отвѣтъ Гарнье-Паже; Гарнье-Паже сходитъ на площадь городской Думы, чтобы провозгласить низложеніе Орлеанской фамиліи и образованіе республики; восторгъ народа и крики: Да здравствуетъ республика! . . . . . 152—170

Стран.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Окончаніе битвы у Château d'Eau, упорство ея; сожженіе королевскихъ экипажей; взятіе поста; генералы Перро и Ламорисьеръ спасены самимъ народомъ. — Національные гвардейцы входятъ въ Тюльери; слѣды быстраго бѣгства изъ дворца; сцена съ тономъ; муниципальные гвардейцы; весь дворецъ занятъ народомъ; побѣдные выстрѣлы; фальшивая тревога; радикалы сходятся; тронъ снятъ съ мѣста, понесенъ по городу и сожженъ у подножія Іюльской колонны; опустошеніе дворца. — Собраніе въ конторѣ «National»; смятеніе, шумъ; совѣщаніе; Сарранъ, Эмануэль Арго, Шевалье, Дюмериль, Марра, Луи-Бланъ и другіе; рѣшеніе учредить временное правительство; назначеніе членовъ; неудовольствіе и выходъ Луи-Блана; депутаты отправлены въ палату депутатовъ, чтобы объявить списокъ членовъ временнаго правительства; они приходятъ въ одно время съ герцогиней Орлеанской. — Совѣщаніе Ламартина съ Бастидомъ и Марра въ одной изъ канцелярій палаты; Ламартинъ объявляетъ себя противъ регентства.—Поведеніе консервативныхъ депутатовъ. — Затруднительное положеніе президента палаты Созе; онъ открываетъ засѣданіе и извиняется; Шарль Лафитъ, Камбасересъ, Дютье; засѣданіе прервано; волненіе депутатовъ. — Силы, которыми могла располагать палата для своей защиты; недостаточность этихъ силъ; возраженія Корселя, Барро и другихъ; новое затрудненіе Созе; Корсель отправляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Барро — къ генералу Бедо; бездѣйствіе генерала Рульера; недоумѣніе генерала Бедо; невозможность защищать палату военною силою, такъ какъ герцогъ Немурскій отдалъ приказаніе прекратить огонь.—Нетерпѣливое ожиданіе прихода Барро. — Барро въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; онъ объявляетъ департаментамъ Франціи о регентствѣ герцогини Орлеанской; его увѣдомляютъ, что герцогиня въ палатѣ и ожидаетъ его; Барро отправляется въ палату. — Совѣщаніе Барро съ депутатами журнала «National»; онъ отказывается участвовать во временномъ правительствѣ.—Разсказъ Монитера о засѣданіи палаты; безполезныя усилія въ пользу регентства; вторженіе народа; провозглашеніе временнаго правительства. — Перечень разсказаннаго и общіе выводы . . . . . 171—221

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Благородное поведеніе герцогини Орлеанской и герцога Немурскаго въ палатѣ депутатовъ. — Выходъ ихъ оттуда послѣ провозглашенія временнаго правительства.— Поспѣшное бѣгство—единственное обстоятельство, подвергавшее серьезной опасности герцогиню и ея сыновей.—Паденіе герцогини.— Прибытіе ея въ отель президентства. — Графъ

Стран.

Парижскій возвращенъ ей. — Герцогъ Шартрскій укрытъ въ одной изъ комнатъ дворца Бурбоновъ. — Переодѣванье герцога Немурскаго. — Его безпокойство о невѣсткѣ.—Онъ находитъ ее въ замкѣ Инвалидовъ, гдѣ она нашла убѣжище. — Палата перовъ; закрытіе ея. — Послѣднія дѣйствія арміи. Войска уходятъ съ площади Согласія. — Генералъ Бедо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Войска оставляютъ площадь Пантеона и возвращаются въ казармы. — Войска въ префектурѣ полиціи.—Мирное удаленіе Делессера и генерала Сентъ-Арно. — Безполезность этого поступка и оборонительныя мѣры.—Колонна рабочихъ, подъ предводительствомъ Картере, идетъ на префектуру. — Войска входятъ во внутренность дворца.—10-й легіонъ, оставленный всѣми, удаляется; одинъ только офицеръ Жувансель остается и удерживаетъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, — Картере переговаривается съ префектомъ, который удаляется и оставляетъ префектуру на его попеченіи.—Встрѣча Делесера и Рибокура. — Капитуляція. — Драматическія сцены. Муниципальные гвардейцы отправляются черезъ мостъ de Change. — Нападеніе на нихъ на набережной Пелтье. — Они разбѣгаются во всѣ стороны. — Генералъ Сентъ-Арно укрывается у парижскаго мера.—Послѣдній кровавый эпизодъ февральской революціи.—Милосердіе народа послѣ битвы. — Итогъ убитыхъ и раненыхъ.—Возстановленіе порядка въ префектурѣ.—Картере временно принимаетъ префектуру въ свое вѣдѣніе.—Является Коссидьеръ.—Первыя дѣйствія его.—Собраніе въ редакціи журнала «la Réforme».—Составленіе списка членовъ временнаго правительства.—Назначеніе Этьена Араго директоромъ почтъ, Коссидьера—управляющимъ полиціей.—Этьенъ Араго вступаетъ въ свою должность. — Редакція журнала «National» признаетъ списокъ, составленный въ «la Réforme».—Мари и Карно отправляются въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Барро уже возвратился туда съ своими друзьями.—Онъ въ послѣдній разъ покушается устроить регентство.—Приказъ его отданный Берже.—Усилія Ламорисьера.—Отказъ Берже, признавшаго временное правительство.—Надежды Барро рушатся. — Барро предлагаетъ Курте, Паньеру, Біеста, Арагону и Люно позаботиться о безопасности герцогини Орлеанской. — Онъ отказываетъ Мари и Карно на ихъ предложеніе пристать къ временному правительству.— Узнавъ отъ Мальвиля о событіяхъ въ городской думѣ и опасаясь за герцогиню Орлеанскую, онъ самъ спѣшитъ въ замокъ Инвалидовъ.—Члены временнаго правительства отправляются изъ палаты въ городскую думу.—Импровизація Ламартина передъ казармами Орсейской набережной. — Прибытіе въ думу . . . . . 222—246

Стран.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Первыя распоряженія парижскаго мера для возстановленія мира и согласія. — Мари и Карно являются въ Hôtel de Ville. — Мальвиль уходитъ оттуда, чтобъ на время вступить въ завѣдываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Прокламація парижскаго мера.—Является Мартенъ (изъ Страсбурга), который предлагаетъ присоединить имена избранныхъ въ редакціи журнала la Réforme къ списку членовъ временнаго правительства, въ качествѣ секретарей. — Члены временнаго правительства въ Hôtel de Ville. — Примирительныя рѣчи Гарнье-Паже и Ледрю-Роллена. — Зала муниципальнаго совѣта; шумъ; два противоположныя мнѣнія; прибытіе членовъ временнаго правительства; крики одобренія. — Дюпонъ де л'Еръ.—Слова Ледрю-Роллена.—Требованіе немедленнаго провозглашенія республики. — Ледрю-Ролленъ отвѣчаетъ, что члены правительства приступятъ къ совѣщанію объ этомъ.—Они собираются.—Появленіе Кремье.—Распоряженія относительно безопасности, спокойствія, благоразумія.—Прокламація Ламартина. Возраженія противъ нея Ледрю-Роллена. — Народъ стекается въ залу совѣщанія. — Правительство удаляется въ кабинетъ префекта. — Оно совѣщается объ организаціи министерствъ. — Оно рѣшаетъ, что члены его могутъ въ то же время исполнять обязанности министровъ. — Назначеніе министровъ и алжирскаго губернатора. — Поведеніе Гарнье-Паже въ домѣ парижскаго мера. — Различныя назначенія. Курте назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи.—Мѣры къ сохраненію порядка.—Возраженія Паньера, Биксіо и другихъ противъ немедленнаго провозглашенія республики.—Имъ поручено пойти за прокламаціями въ національную типографію. — Новыя толпы народа въ залѣ совѣщанія. — Члены правительства опять уходятъ въ другую комнату. — Прибытіе Луи-Блана, Марра, Флокона, — Присоединеніе ихъ вмѣстѣ съ Альбертомъ къ временному правительству въ качествѣ секретарей. 247—267

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Прокламація подвергается новому обсужденію, послѣ измѣненій сдѣланныхъ Ламартиномъ. Появляются три мнѣнія. Доводы. Затруднительность соглашенія. — Прибытіе Ламорисьера. Опасное положеніе его на площади городской думы.—Правительство предлагаетъ ему военное министерство; онъ отказывается, но согласенъ принять мѣсто высшаго начальника на границѣ.—Онъ предлагаетъ въ министры генерала Бедо. Бедо также отказывается отъ военнаго министерства, но беретъ себѣ командованіе первою дивизіею.—Благородное поведеніе парижскаго народа. Толпа наполняющая городскую думу становится опасна.

Стран.

Правительство не можетъ совѣщаться спокойно и принуждено загородить себя баррикадой. Члены поочередно выходятъ успокоивать народъ. Благородная рѣчь Ламартина.—Послѣднія совѣщанія о провозглашеніи республики.—Подача голосовъ; мнѣніе Дюпонъ де л'Ера, Ледрю-Роллена, Флокона, Луи-Блана, Гарнье-Паже, Мари, Араго, Кромье, Ламартина, Марра и Карно.—Единодушное рѣшеніе провозгласить республику, съ предоставленіемъ права утвержденія ея всему народу. — Временное правительство объявляетъ распущеніе палаты депутатовъ, прекращеніе собранія перовъ, дѣлаетъ распоряженіе о созваніи національнаго собранія и причисленіи всѣхъ гражданъ къ національной гвардіи. — Общая радость.—Милосердіе побѣдителей.—Слова Ледрю-Роллена. — Банкетъ временнаго правительства; хлѣбъ и вода. — Перечень.—Заключеніе . . . . . 268—295

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо дѣвицы Агнесы Клиндортъ 297
Дѣло Пети 298
Реформистское движеніе: Прошеніе о реформѣ избирательной и парламентской 298
Списокъ членовъ центральнаго комита сенскихъ избирателей. 301
Банкетъ въ Маконѣ. 302
Письмо къ президенту и членамъ коммиссіи 12 округа . . 302
Письмо Гизо къ королю 304
Списокъ депутатовъ оппозиціи, подписавшихъ обвинительный актъ противъ министерства Гизо 304
Выписка изъ журнала la Réforme, отъ 24 февраля . . . 305
Суточный приказъ палаты депутатовъ, отъ четверга, 24 февраля 306
Рапорты префекта полиціи. 307
Движеніе войскъ: Объяснительная инструкція различныхъ распоряженій, касающихся защиты города 317
Приказы, посланные полковникамъ легіоновъ національной гвардіи 322
Письма, найденныя въ бюро герцога Монпансье 326
Свидѣтельства 328
Жюньо, служащій при почтовомъ дворѣ Лафита и Кайльяра. 328
Бине, смотритель почтоваго двора 329
Письмо маршала Жерара и Гарнье-Паже 329
Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа генерала Ламорисьера 330
Свѣдѣнія, собранныя авторомъ изъ устнаго разсказа Лагранжа 335
Временное правительство: Прокламаціи 337

Фундаментальная
Библиотека
Н. У. Т. В.